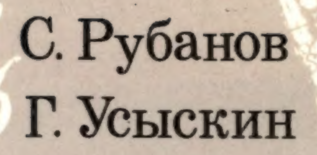

С. Рубанов
Г. Усыскин

ПОД ПСЕВДОНИМОМ ДЯДЕНЬКА

Документальная повесть о Лидии Книпович

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Весь свой талант, всю энергию отдала она партии. Без таких людей, как Лидия, наша партия никогда не могла бы победить, стать тем, чем она есть.

Н. К. КРУПСКАЯ

С. Рубанов,
Г. Усыскин

ПОД ПСЕВДОНИМОМ ДЯДЕНЬКА

Документальная повесть
о Лидии Книпович

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1981

66.61(2)8
P82

Рубанов С. А., Усыскин Г. С.

P82 Под псевдонимом Дяденька. Докум. повесть о Л. Книпович.— М.: Политиздат, 1981.— 351 с., ил.

Повесть журналистов С. А. Рубанова и Г. С. Усыскина посвящена профессиональной революционерке Л. М. Книпович. Дяденька — такой партийный псевдоним дал ей В. И. Ленин. Судьба ее была удивительной: в юные годы — народоволка, позже — член «Союза борьбы», агент «Искры» и делегат II съезда партии, секретарь Русского и Восточного Бюро ЦК РСДРП, секретарь Одесского и Петербургского комитетов партии в годы первой русской революции.

Многие страницы повести посвящены В. И. Ленину, Н. К. Крупской, Ульяновым, в семье которых Лидия Михайловна была близким человеком.

В книге использованы малоизвестные материалы. Она адресуется широкому кругу читателей.

Р $\frac{10203-192}{079(02)-81}$ 110—80 0902020000

66.61(2)8
ЗКП1(092)

«ЗАСЯДУ ЗА ЛИДИНУ БИОГРАФИЮ...» (Вместо предисловия)

Более четверти века связывала тесная дружба, совместная партийная работа, родство душ Надежду Константиновну Крупскую и Лидию Михайловну Книпович. Они встретились впервые на рабочей окраине старого Петербурга, за Невской заставой, в Смоленской воскресной школе.

Одна — молодая, застенчивая, с пепельно-русой косой, другая — на двенадцать лет старше, внешне аскетичная и суровая. Незаметно простое знакомство перерастало в дружбу между марксисткой Крупской и пока еще убежденной народоволкой Книпович, имевшей за плечами уже десятилетний опыт революционной работы.

Соединила их большая общая цель — освобождение рабочего класса. Борьба за достижение этой цели была смыслом жизни обеих.

Подполье, тюрьма, ссылки, эмиграция укрепляли чувство товарищества и настоящего родства. Да, именно родства, хотя не связывали их узы крови, но заблуждались на этот счет даже жандармы. «Имеются сведения,— написано в одном секретном документе за 1896 год,— что Книпович находилась в сношениях с Надеждой Крупской (ее двоюродной сестрой)».

Летом 1900 года В. И. Ленин был задержан полицией. При обыске у него нашли почтовую квитанцию. На допросе Владимир Ильич объяснил: «...квитанция в отправке письма в Астрахань на имя Книпович, родственницы моей жены». Начальник Петербургской охранки полковник Пирамидов поверил версии о родстве Крупской и Книпович.

Лидия Михайловна была близким человеком в семье Ульяновых. Об этом свидетельствует и переписка Л. М. Книпович с В. И. Лениным и Н. К. Крупской. Так, 10 марта 1908 года Владимир Ильич с тревогой пишет Анне Ильиничне: «Дорогая Анюта!.. Это

беда, что Маняша схватила тиф! Лидия Михайловна пишет каждый день и сообщает, что температура невысока».

Когда же по каким-либо причинам переписка с Л. М. Книпович прерывалась, В. И. Ленин и Н. К. Крупская неизменно просили М. И. Ульянову узнать о здоровье Лидии Михайловны.

«Без таких людей, как Лидия, наша партия никогда не могла бы победить, стать тем, чем она есть»,— писала Н. К. Крупская в 1920 году в некрологе о Л. М. Книпович. Позднее Надежда Константиновна продолжала собирать материалы о ней. «Надеюсь, что сумею, начиная с июня, разгрузиться немного,— сообщала Крупская в одном из писем 1926 года,— и тогда в первую голову засяду за Лидину биографию».

Хотелось Надежде Константиновне написать и книгу о Дяденьке (такой партийный псевдоним дал Лидии Михайловне В. И. Ленин). В 1930 году появился ее очерк «Лидия Михайловна Книпович».

«И вот сегодня,— говорила она,— когда я читала ее биографию, думала: вот бы описать молодежи жизнь Лидии...»

С той поры прошли десятилетия, но этот замысел так и не был осуществлен. Кроме очерка Крупской, о замечательной революционерке почти ничего не написано.

Предлагаемая читателю книга о Лидии Михайловне Книпович — документальная повесть, в основу которой положены материалы центральных и областных архивов, письма и документы, а также записанные авторами воспоминания ее родных и близких.

Часть первая СУРОВЫЙ КРАЙ — СТРАНА СУОМИ

700-летие введения христианства в Финляндии готовились отметить широко и празднично. Однако пышных торжеств не получилось. 1857 год, как будто в насмешку, черной полосой страшного голода прошел по Великому княжеству Финляндскому. В сельских приходах и городах с наступлением холодов умирали тысячи людей, в церквах не успевали отпевать покойников. Оставшиеся в живых рубили и ели солому, кору деревьев, запаривали олений мох. Повальные желудочные заболевания отнимали последние силы. Зима еще только начиналась, до рождественских праздников оставалось чуть больше недели, а морозы крепчали и крепчали с каждым днем.

В эти дни военный врач 23-й пехотной дивизии, квартировавшей возле маленькой деревушки Тюсьбю, Михаил Михайлович Книпович почти не вылезал из санного возка. С докторским саквояжем он объезжал части гарнизона. Военные поселения находились между Гельсингфорсом, Тавастгусом и Або, как бы в центре треугольника. Но каждый день, будь то поздно ночью или под утро, когда только мог, он гнал ездового в Тюсьбю.

Была тому серьезная причина. Жена его Анна Федоровна со дня на день ждала ребенка. Двое сыновей, Михаил и Федор, бегали под присмотром денщика по офицерскому флигелю. И теперь супруги мечтали о дочери.

В пятистах шагах от Тюсьбинского озера, на его восточном берегу, в один ряд выстроились шесть одноэтажных деревянных казарм на гранитных фундаментах. Чуть дальше стояли сараи для дивизионного обоза и двухэтажный офицерский флигель, который носил курьезное, но вполне заслуженное название «сумасшедшего дома». Почти все квартиры в нем отличались отменным холодом и сыростью. Сидеть в

комнатах приходилось в пальто и шинелях, хотя топили дважды в сутки. Михаилу Михайловичу было отчего беспокоиться за свою супругу и будущего ребенка.

Но все обошлось благополучно. Незадолго до рождественских праздников, 15 декабря, Анна Федоровна родила дочь. Еще раньше договорились назвать ее Лидией.

Вечером в пятнадцатом флигеле — его торжественно называли офицерским собранием — сдвинули бокалы за новорожденную «дочь полка», пожелали ей и родителям долгой и счастливой жизни. Второй бокал подняли за то, чтобы поскорей выбраться из этой богом проклятой дыры — Тюсьбю, не видеть больше «сумасшедшего дома», сидеть за чаем в сюртуках, а не в шинелях. Переменить место службы мечтал во сне и наяву каждый из пятидесяти шести офицеров дивизии, но говорить об этом считалось дурным тоном. Только в особых случаях, каким и был этот маленький семейный праздник, «крик души» вырывался наружу.

Судьбу всех проживающих на территории Финляндии вершил наместник царя, генерал-губернатор Великого княжества, генерал-адъютант Федор Федорович Берг. За два года его правления Михаил Михайлович только однажды видел Берга, попав в губернаторский дом на празднование тезоименитства ее императорского высочества. Подать прошение о переводе в Гельсингфорс Книпович не имел особых оснований. Семейное положение никого не интересовало. Просить же губернатора лично было не в характере доктора. Помог случай.

Однажды, возвращаясь после посещения далекой северо-западной провинции Эстерботнии, Берг оступился и повредил ногу. Обер-хирурга русских войск, расположенных в Финляндии, тайного советника Гейфельдера не было в Гельсингфорсе, и Бергу порекомендовали пригласить доктора Книповича, который «все может». Те, кто видели Берга на торжественных приемах, вспоминали не раз, как генерал-адъютант появлялся при свете люстр во всем своем блеске и великолепии: черный парик, накрашенные брови и усы, не без помощи ваты округлая грудь, ровный ряд блестящих зубов. Теперь, в губернаторских покоях, Михаил Михайлович увидел щуплого,

изрядно помятого пожилого человека, внешне весьма заурядного. Книпович сразу вспомнил крылатую фразу гельсингфорсских зубоскалов: «Берг в мундире и Берг в халате — два совершенно разных человека».

Книпович осторожно, но уверенно прощупал поврежденную ногу и после недолгого размышления сообщил, что ничего серьезного нет — легкий ушиб. Перечислив все необходимые процедуры денщику Ивану, верой и правдой служившему генералу за няньку и эконома более десяти лет, Михаил Михайлович собрался уходить, но Берг остановил его.

— Друг мой,— сказал любезно губернатор.— Вы разрешите вас так называть? Мне сказали, что вы родом из Остзейского края. Мы с вами просто близкие соседи. Я даже учился в Дерптском университете. Правда, это было сорок пять лет назад, но мне так и не удалось закончить полный курс. Если не ошибаюсь, ваша мать — урожденная Моллер? Не дочь ли она курляндского барона Моллера, моего старинного приятеля?

Осведомленность Берга была поразительной, и Книповичу оставалось только утвердительно кивать головой в ответ на этот поток вопросов. Распространяться о себе и своей семье Михаил Михайлович не любил и всегда старался уйти от подобных вопросов. И сейчас, рискуя навлечь на себя гнев губернатора, он поспешил откланяться, сославшись на срочный визит.

Очень немногие в гарнизоне знали о том, что отец доктора Книповича, литовский крестьянин Кнюпис, пахал землю у курляндского барона Моллера. Романтическая любовь, а потом и брак между сыном пахаря и единственной дочерью барона были для последнего подобны божьей каре.

Вскоре после посещения Книповичем губернаторского дома в Тюсьбю прибыло распоряжение о переводе доктора в Свеаборгскую крепость. Первоначально, как потом рассказывали друзья-врачи, его предполагали утвердить ординатором гельсингфорсского военного госпиталя, но в последний момент решение изменили.

После переезда в Свеаборг Книповичи поселились на центральном острове архипелага — Комендантском. По-шведски он назывался Стура Эстер Свартэ.

Над бастионами возвышалась громада православного собора. Зеленый купол опирался на оранжевые стены. По другую сторону соборной площади стоял их большой красный дом. Это четырехэтажное здание с массивными, грубо оштукатуренными стенами, щелеобразными окнами, забранными железными решетками, сохранилось от шведских времен и было прозвано офицерами «ноевым ковчегом». Правее собора в линию выстроились деревянные лавчонки крепостных маркитантов, а чуть дальше — небольшой сад с чахлой зеленью. Сад был любимым местом игр свеаборгских мальчишек. Становясь постарше, они искали приключений на других островах.

К тринадцати годам Лидия Книпович знала разбросанные укрепления крепости намного лучше коменданта Свеаборга.

Старшие братья Лидии, Михаил и Федор, учились в гимназии, и она командовала младшими детьми — восьмилетним Николаем и шестилетней Зинаидой: гоняла их по плацу парадным шагом, заставляла чистить жерла старых шведских пушек и требовала брать палки «на караул». Как только старшие братья возвращались из гимназии, Лидия убегала с ними.

«Фликка-скруув» — «девочка-винт» — называла Лидию гувернантка Тереза. Эта уже немолодая шведка хорошо знала немецкий и французский языки, значительно хуже — русский. Появилась она в доме Книповичей по настоянию бабушки, матери Михаила Михайловича, которая никак не могла смириться с мальчишескими наклонностями внучки, проявлявшей, по ее мнению, излишнюю самостоятельность.

Девочка каждый раз, когда пытались ограничить ее свободу, шумно протестовала.

В один из летних дней семья Книповичей была приглашена на обед в дом директора гимназии. Анна Федоровна заканчивала наряжать младших. В это время Лидия в праздничном белом платье убежала с мальчишками смотреть, как солдаты строят новый мост через канал. Торопились на пароход, отходящий в Гельсингфорс, а Лидия все не возвращалась. Отправили за ней Николая. Тот скоро вернулся и сказал, что Лидия прыгает с мальчишками по сваям. Тогда Михаил Михайлович попросил фрекен Терезу как можно скорее привести девочку домой. Каков же был ужас гувернантки, когда она увидела свою

«фликка-скруув» на бревне, перекинутом с берега на берег. Женщина закричала, замахала руками. Лидия спокойно развернулась, дошла до середины бревна и демонстративно села на черный, пропитанный дегтем брус.

Незадолго до этого Лидия совершила еще более тяжкий проступок. Вместе с мальчишками она носилась по крепостной стене, взбираясь туда по веткам старых деревьев. В это время возле одного из бастионов группа штрафников-артиллеристов кирками и ломами долбила каменистую землю. На них кричал прапорщик, подгоняя их. От грубых понуканий он перешел к мордобитию. А когда у старого солдата выпал из рук лом, прапорщик схватил его и опустил на спину артиллериста. Солдат упал, кровь пошла у него горлом. Штрафники, бросив работу, сгрудились вокруг товарища.

Все это произошло на глазах у Лидии. Она стояла в этот момент близко от прапорщика. Девочка отбежала к стене, подняла обломок гранита и, размахнувшись, изо всей силы бросила его в прапорщика. Удар был неожиданным, и офицер не успел увернуться. Камень рассек ему щеку. Через минуту Лида, размазывая по лицу слезы, бежала к дому в сопровождении восхищенных мальчишек. Доктору Книповичу пришлось не только приносить свои извинения прапорщику, не только лечить его, но и объясняться с комендантом крепости.

В конце концов гувернантка отказалась от Лидии. Ссылаясь на больное сердце, говорила, что от такой жизни с ней определенно будет удар. Она не отрицала, что девочка с удовольствием учила историю, хорошо запоминала стихи шведских поэтов. С трех лет Лидия занималась с матерью, и та не могла нарадоваться успехам дочери. Но ей ведь предначертано свыше быть хозяйкой дома, матерью. Серьезное образование даже в такой семье, как семья Книповичей, получали только сыновья. Сама Лидия сумела настоять на посещении частных уроков у друга их дома, преподавателя мужской гимназии Николая Ильича Богородицкого.

Это стало возможным потому, что Михаил Михайлович после более чем десятилетней службы в крепости получил место в Гельсингфорсе. В этом же, 1870 году, произошло еще одно немаловажное собы-

тие: Книповичи приобрели небольшое имение Финбю. Находилось это имение, а точнее, хутор с единственным домом и двумя сараями в тридцати верстах от города. Добирались туда на лошадях, но можно было ехать и поездом до станции Керво. Уже восемь лет между Гельсингфорсом и Тавастгусом ходил паровоз с громким именем одного из героев «Калевалы» — «Лемминкяйнен». Поезд состоял из одного вагона и трех платформ. Паровоз дрожал как в лихорадке и подпрыгивал на рельсах. Братья и в первую очередь Лидия упросили родителей разрешить им поехать непременно поездом. Как раз в сентябре 1870 года закончилось строительство железнодорожной линии до Петербурга, и составы стали ходить значительно быстрее и регулярней.

Прошло пять лет. Михаил закончил военное училище. Федор поступил на юридический факультет университета. Подросли и младшие: Николай учился в гимназии, Зинаида помогала матери по дому.

Лидия в свои восемнадцать лет была девушкой высокой, с яркими пятнами румянца на выступающих скулах. В последнюю зиму она часто болела. По ночам ее мучил резкий, надрывный кашель.

Михаил Михайлович, обеспокоенный здоровьем дочери, несколько раз сам осматривал ее, приглашал коллег. Запахло лекарствами. Приносили миндальное молоко, Глейхенбергскую воду. Все чаще в доме произносили непонятные слова: «перфокальное воспаление», «первичный легочный аффект» и, наконец, «хроническая пневмония».

— На воздух, только на чистый воздух,— сказал при последнем посещении друг дома, старый доктор Адам Адамович Марковский,— природа свое возьмет!

И Лидию, как заметил Николай, «отправили на поселение в Финбю». Вместе с ней поехала няня Айна, семидесятилетняя финка, кухарка и ключница в доме Книповичей.

— Режим, Лидия, покой и питание — это главное,— давал наставления Михаил Михайлович.— Ты уже взрослая и должна понимать: впереди еще вся жизнь.

Анна Федоровна шепталась перед отъездом с Айной, проверяла вместе с ней пакеты, кульки, банки. Айна отличалась сварливым характером, но хозяйку любила безмерно, с готовностью выполняя все ее

указания. Айна не могла забыть ее помощи в страшную пору, когда оспа косила целые семьи. Айна тогда тоже заболела. Она заклинала не подходить к ней, уверяла, что бог скоро приберет ее. Анна Федоровна долгие часы проводила у постели больной, поила, кормила и выхаживала ее, пока сама не свалилась. Похудевшая, с бритой головой, она едва оправилась от болезни. После этого произошло чудо: у Анны Федоровны вместо бывших ранее седых прядей начали отрастать черные, шелковистые волосы. Айна убеждала всех, что бог услышал ее молитвы и, конечно, отблагодарил спасительницу.

На хутор Лидия с Айной приехали весной, в конце апреля. Темный ноздреватый снег лежал островками под защитой старых мохнатых елей. Круглые проталины покрылись зеленой щеткой травы.

Первые недели Лидия ходила по комнатам, сидела на крыльце, жмурясь от солнечных лучей. Айна смотрела за ней. К случаю любила повторять народные пословицы: «Болезнь приходит бегом, а уходит ползком», «У болезни много привычек, да ни одной хорошей». Называла она Лидию на финский лад — Люлли и говорила с ней все больше по-фински, будто с дочкой.

В мае земля просохла. Лидия все дальше уходила от дома, пугая своим долгим отсутствием Айну.

Много лет назад, еще тринадцатилетней девочкой, познакомилась Лидия с крестьянской семьей одного из работников их небольшого имения. Звали его Микко Мерилайнен. На лесной поляне, обнесенной редкой изгородью, прислонился к обломку скалы его дом. Крыт он был дерном и сосновой корой, половина единственного окна заделана берестой.

И в этот раз Лидия первым делом навестила семью Мерилайнен. Все здесь осталось по-прежнему. Изменилась сама Лидия, стала старше и уже по-другому смотрела на крестьянский быт, тяжелый каждодневный труд. За детскими забавами, играми она раньше не замечала, что женщины пашут, роют канавы, режут телят наравне с мужчинами. И, кроме того, еще стирают, прядут, шьют и ведут все домашнее хозяйство. Пригляделась она и к хозяину дома, угрюмому и молчаливому Микко. Он редко и мало говорил. Всем своим видом Микко утверждал, что не боится труда и может добывать хлеб даже из камня.

Он никогда не жаловался на нужду в самые трудные дни жизни: «Да и откуда взяться нужде — знай только работай; откуда взяться невзгодам — умей только жить в ладу с людьми, держись только от греха подальше!»

Нехитрая философия.

Лидии не раз пришлось убедиться — и Мерилайнен был тому примером,— что финны верны своему слову, честны, гостеприимны, доброжелательны. Правильно держать косу, метать стога, запрягать лошадь и многим другим крестьянским премудростям научил Лидию Микко Мерилайнен.

Девушка, несмотря на протесты Айны, скоро занялась хозяйством. По краям картофельных грядок она высадила цветы и перед верандой вскопала большую клумбу.

Все лето Лидия помогала доить коров, косила сено, окапывала в саду кусты и деревья. В начале сентября на полях колосилась густая и высокая рожь. Зерно наливалось, но еще не созрело. Неожиданно наступили холода. Погибла рожь, поникла, будто придавленная непомерным грузом.

— Вместо хлеба придется есть отруби с сосновой корой,— тихо сказал Микко Мерилайнен.

— Полегший ячмень прокормит, полеглая рожь голодать заставит,— вспомнила Айна народную пословицу. Лидия близко к сердцу приняла обрушившееся на крестьян несчастье.

Дождливая и холодная осень заставила ее и Айну покинуть хутор, вернуться в город.

Сестра Зинаида всплеснула руками, когда Лидия появилась на пороге дома в Гельсингфорсе.

— Да ты у нас совсем чухной стала,— засмеялась она.— Не Лида, а Люлли, по-фински говоришь лучше Айны, и руки темные, жесткие, крестьянские!

1880 год начался несчастливо. В январе слегла Анна Федоровна. Она долго держалась, мужественно скрывала недомогание, потом болезнь разом скрутила ее. В один из февральских дней ее не стало. Дома на какое-то время все замерло.

Лидия, оказавшись вдруг хозяйкой дома, больше всего боялась за отца. Еще не старый, шестидесятипятилетний мужчина, всегда подтянутый и молодце-

ватый, весь сжался, замкнулся, ничего не замечая вокруг. Лидия ухаживала за отцом, как за малым ребенком. Она провожала его в госпиталь и приходила в крепость вечером, гуляла с ним в теплые дни по Эспланаде и вдоль набережной, поднималась на обсерваторскую горку. Отвлекала разговорами, расспрашивала о трудных больных, новых лекарствах, о коллегах. Внешне в доме все шло своим порядком. Лидия старалась сохранить привычный уклад жизни, заведенный матерью.

«У старательного разное счастье бывает, у ленивого — одно несчастье»,— любила приговаривать старая Айна. Лидия девочкой крепко запомнила эти слова, их простую народную мудрость. Она с малых лет старалась делать все только хорошо: помогать матери, работать в поле, учиться. Перед ней всегда был пример родителей, людей ей близких.

Еще в Свеаборге, командуя мальчишками, помогая воспитывать брата и сестру, Лидия твердо решила стать учительницей. Родители не считали это увлечение серьезным, хотя и не мешали дочери урывками получать образование. Большие способности, цепкая память, сообразительность, огромное желание и старательность помогли ей пройти — большей частью самостоятельно — весь гимназический курс.

За год до болезни матери Лидия начала посещать лекции в университете. Это было тем более удобно, что задний двор Alma mater выходил на Фабианскую улицу, ту самую, где жила семья Книповичей. Лекции читались публично, и их могли посещать все желающие. Из четырех факультетов: богословского, медицинского, юридического и философского — Лидия выбрала последний. Этот факультет имел два отделения — физико-математическое и историко-филологическое. История и литература были всегда ее любимыми предметами.

Почти два с половиной века, еще со времен основания «Абоской академии», лекции в университете непременно читались на шведском языке, официальном языке страны. И только в конце 70 — начале 80-х годов, порвав с традициями, наиболее либеральная и патриотически настроенная профессура решилась читать курсы на финском языке, живом языке народа. Лидия — одна из немногих слушательниц, воспитанных в состоятельных русских семьях, где

принято было говорить только на шведском или русском, свободно владела финским языком. Теперь она имела преимущество перед студентами, презиравшими «низкий» язык.

Наиболее интересными были курсы, читаемые профессорами Форсманом по истории Финляндии и северных стран, Даниельсоном — по всеобщей истории. Настоящим же любимцем студентов был молодой доцент Аспелин, читавший историю искусств. Работая в это время над книгой «Исследование о «Калевале», он все время приводил примеры из поэмы, глубоко и своеобразно комментируя народный эпос.

В одной из трех больших аудиторий на втором этаже главного корпуса, где обычно читал доцент Аспелин, Лидия сразу облюбовала место у окна. Однажды зимой, когда она, раскрасневшаяся, в последнюю минуту вбежала в аудиторию, на ее месте по-хозяйски устроился широкоплечий юноша. Раздумывать было некогда, и Лидия энергичным жестом заставила его подвинуться.

— Вы что, новенький? — спросила она.

— Я старенький новенький,— загадочно ответил сосед.

На кафедру взбежал Аспелин. В отличие от принятого большинством преподавателей строго академического стиля, доцент говорил быстро, эмоционально, пересыпая речь народными оборотами. Сосед явно не успевал схватывать этот поток мыслей, неожиданных сравнений, каламбуров.

— Как он сказал? Куда его несет? Что значит «мечется, как лягушка под бороной»?

Он мешал Лидии.

— Давайте договоримся,— твердо сказала девушка,— все вопросы будете задавать потом. А пока уберите локти и помолчите.

Как всегда после лекции, Лидия торопилась домой. Юноша догнал ее на лестнице, преградив путь.

— Вы что же свое слово не держите? — спросил он, запыхавшись.— Обещали все объяснить, помочь человеку, а теперь бегом. А что там с этой лягушкой, я так и не знаю?

— Вот вы сейчас как раз и находитесь в положении этой лягушки,— заметила Лидия.— Я вам советую заняться финским, а для практики заглядывай-

те по воскресеньям на рыночную площадь. Вот тогда и поговорим.

Через неделю Николай Вукотич — так звали юношу — и Лидия Книпович стали добрыми друзьями. У них нашлись общие знакомые — семья директора гимназии Павла Васильевича Аршаулова. Окончив год назад университет, Николай учительствовал под началом Аршаулова. Поэтому он так и ответил на вопрос девушки: «Старенький новенький». Просто решил послушать Аспелина и усовершенствоваться в финском языке. После лекций они теперь часто кружили по улицам Гельсингфорса.

— Вот бы никак не подумал, что действительный статский советник Книпович — ваш отец,— как будто вслух размышлял Вукотич.— Такой почтенный господин, известный доктор, а его дочь готовит себя к служению на ниве народного просвещения. Сеять разумное, доброе, вечное. Это в наш-то мрачный век? — Николай говорил серьезно и в то же время явно иронизировал.— Уж не думаете ли вы стать странствующим учителем? — продолжал он с той же интонацией.— Будете по два-три месяца сидеть в каком-нибудь захолустном приходе, да еще под надзором пастора, и с дюжиной испуганных хуторских детей вести устный счет на пальцах: «Юкси, какси, кольмэ...»

— Вы что из меня дурочку делаете,— взорвалась Лидия.— Развлекаетесь?

— Ради бога, не сердитесь,— перебил ее Вукотич.— Чужие слова говорю, спорили мы тут недавно как раз на эту тему. Я тоже ведь генеральский сын. Противно все...— Николай хотел продолжить разговор, но раздумал, махнул рукой, и они некоторое время шли молча.

— Вы знаете, Лидия,— прервал молчание Вукотич,— я тогда сразу решил, что мы обязательно станем друзьями. Мне нравятся люди, которые умеют за себя постоять, а внешняя резкость часто служит защитой для доброй души.

— В одном вы правы, Николай,— ответила девушка.— Я не люблю сантиментов и пустых разговоров. Что касается «доброй души» — красивые и лишние слова. А крестьянских детей я учить буду, непременно буду. На ваше место не пойду, не беспокойтесь, даже если Аршаулов составит протекцию.

— Ладно, ладно,— согласился Николай,— с вами говорить трудно, а спорить тем более, шуток не понимаете. Приглашаю вас для выяснения жизненных принципов сегодня вечером за чашкой кофе к моему доброму приятелю, Павлу Алексеевичу Сикорскому.

Лидия пыталась отказаться, ссылаясь на занятость.

— Вы ведь собираетесь стать учительницей,— уговаривал Вукотич.— Вот и познакомьтесь поближе со своими будущими коллегами. Присмотритесь внимательно, может, и раздумаете учительствовать. У Павла Алексеевича милейшая жена, а дочка Валечка — просто золотой ребенок. Мы вас будем ждать.

В квартире Сикорского Лидия сразу почувствовала налаженный семейный уют. Дверь открыла прислуга. Рядом с ней на пороге стоял толстый, пушистый кот. Он ткнулся Лидии в ноги и приветливо замурлыкал. На шум вбежала девочка лет двух с огромным синим бантом, который чудом держался на ее курчавой головке. Вслед за девочкой в переднюю вышел высокий мужчина с аккуратно подстриженной бородой и буйной курчавой шевелюрой, совсем как у девочки.

— Лидия Михайловна,— полувопросительно, полуутвердительно произнес он.— Просто замечательно, что выбрались. Лиза, встречай гостью,— позвал он жену.

Маленькая, изящная женщина появилась откуда-то сбоку несколько неожиданно.

— Давайте знакомиться,— непринужденно сказала она,— Сикорская Лиза, а вы — дочь доктора Книповича, Лидия... Лидия Михайловна?

— Лиза,— спохватился хозяин дома,— что это мы Лидию Михайловну в прихожей держим? Проходите в гостиную.

Вукотич стоял возле книжной полки и играл пальцами по корешкам томов, когда в сопровождении эскорта Сикорских появилась Лидия. Не скрывая радости, Николай подошел к ней и поцеловал руку.

— А это тоже наш брат учитель,— представил Вукотич грузного мужчину, примостившегося на маленьком пуфе с книгой в руках.

— Леонтьев, Павел Иванович,— представился он, неловко подымаясь с насиженного места.— Николай вам правду сказал, все мы одним миром мазаны. А вы не удивляетесь, милая мадемуазель,— неожиданно спросил Леонтьев,— чего это мы собираемся вместе, вроде за день в гимназии друг другу глаза намозолим?

— Ложа у вас масонская или спиритизмом занимаетесь,— пыталась отшутиться Лидия.

— Не угадали! — он как будто обрадовался.— В словесности совершенствуемся, книжки читаем. Прелюбопытнейшие издания есть, прочтешь и задумаешься.— Леонтьев встал в позу и с нарочитым пафосом произнес:

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

— Некрасов, «Современники»,— прокомментировала Лидия.

— Угадали! — удивился Леонтьев,— а эти строки помните:

Крамольники лукавы,
Рази — и не жалей!

— Что за дурная манера у вас, Павел Иванович, людей разыгрывать,— перебил его Вукотич.— Нашли место экзамен устраивать. Лидия Михайловна знает Некрасова, да и других поэтов не хуже тебя. А эти две строки,— предупредительно заметил Николай,— у нас как присказка к официальному документу — циркуляру нашего министра просвещения Толстого. Он разослал его всем попечителям учебных округов. Рекомендует строго-настрого искоренять всяческое вольномыслие и крамольную пропаганду, которая, как он считает, попадает в учебные заведения по вине учителей. Министр требует ввести в гимназиях систему взаимного шпионства и доноса.

— А вы по этому поводу шутки шутите и словесность совершенствуете? — с искренним сожалением спросила Лидия.— Что же, так будет и дальше, а лекарства от этой болезни не найти?

— Шпаги в ножны, господа,— шутливо скомандовал Сикорский.— А вы, уважаемая Лидия Михайловна, дочь врача и должны знать известный рецепт

Гиппократа. Помните, у Шиллера эпиграф к «Разбойникам»: «Где бесполезны лекарства, там помогает железо, где бесполезно железо, там помогает огонь»? А теперь прошу всех к столу, хозяйка обижается.

К этому времени относится знакомство Лидии Книпович с поручиком Николаем Рогачевым. В конце января 1881 года Главное артиллерийское управление командировало его на три месяца в Свеаборг и Гельсингфорс. Ему надлежало проверить состояние артиллерийского парка «на предмет необходимой замены отдельных стволов орудий».

Накануне отъезда Рогачев ходил по управлению из кабинета в кабинет, получая последние наставления. Начальник отдела крепостей задержал у себя поручика дольше всех. Он подробно втолковывал Рогачеву, что тот должен делать в Свеаборге, вспоминал молодые годы, давал Рогачеву добрые советы, где лучше остановиться, вкусней поесть, а вечером приятно провести время.

— Посетите обязательно трактир мадемуазель Балунд,— по-дружески советовал полковник,— это заведение лучшее в Гельсингфорсе, там всегда собиралась аристократическая военная молодежь. И еще, поручик,— полковник понизил голос и пригласил подойти поближе,— я вспомнил об одном хорошем финском обычае. Если молодой человек близко познакомился с дамой или девицей и его найдут вполне добропорядочным, то им предлагают так называемый «кузин-скоол»: дама и кавалер, скрещивая правые руки, держат по бокалу шампанского, который должны выпить залпом до дна. После этого они целуются и, обращаясь на «ты», называют друг друга кузеном и кузиной. Ну, что-то вроде немецкого брудершафта. Имейте в виду, поручик, это делается при всем обществе, и никто, даже родители, не осуждают обычая. Дерзайте!

Рогачеву изрядно надоело стоять и слушать болтовню старого ловеласа, он еле дождался той минуты, когда смог покинуть его кабинет.

Рогачев выбежал из управления, когда часы показывали без двадцати минут пять. Домой, на Кирочную, переодеться он уже не успевал — ведь ему предстояло попасть к пяти на Вознесенский проспект.

Лихача-извозчика поручик отпустил возле Сенного рынка. Распахнув шинель, он широко зашагал вдоль набережной Екатерининского канала к угловому трехэтажному дому. В балконном окне поручик успел заметить слабый свет двух стоящих рядом ламп. Через минуту он был на лестничной площадке, куда выходила единственная дверь. Рогачев постучал условленным стуком.

Дверь ему открыла блондинка маленького роста, с приятным, милым лицом и ласковыми голубыми глазами. Она была одета в темное с белым гладким воротником платье, большой пуховый платок закрывал ее почти целиком.

— Наконец-то вы явились,— сказала она с упреком,— Андрей Иванович заждался. Мы уж решили, что вы попариться зашли, у нас тут рядом баня.

— Опоздал только на восемь минут,— оправдывался Рогачев,— а еще две минуты вы меня отчитываете, точь-в-точь как полковник в артиллерийском управлении.

— Идите, идите,— улыбнувшись шутке, сказала она,— а шинель снимать и не думайте, холод в квартире ужасный.

В большой полупустой комнате из-за стола встал мужчина могучего роста. На высокий лоб у него спадала густая и слегка вьющаяся прядь, широкая, довольно длинная борода тщательно ухожена. Это был Андрей Иванович Желябов, член Исполкома «Народной воли». Он и Софья Перовская, которая встретила Рогачева, ждали гостя.

Несколько месяцев назад, поздней осенью 1880 года, группа офицеров по предложению Желябова и Перовской создали военно-революционную организацию «Народной воли». Кружки ее появились в Кронштадте и Петербурге, все они подчинялись Центральному военно-революционному комитету. По первому требованию Исполкома «Народной воли» военные организации должны будут выступить с оружием в руках и поддержать восстание. Николай Рогачев вместе с морскими офицерами Сухановым и Штомбергом стал членом военно-революционного комитета.

Используя командировку в Гельсингфорс и Свеаборг, Рогачев должен был создать там новую революционную группу.

— Не замыкайтесь только на Свеаборге, Николай,— советовал Желябов, расхаживая по комнате из угла в угол.— Нащупывайте связи в других частях, расширяйте военные организации. Но при этом,— Андрей Иванович подошел вплотную к Рогачеву,— строжайшая конспирация.

Желябов обнял Николая за плечи.

— Берегите себя,— продолжал он,— всеми силами сдерживайте шальные головы от рискованных предприятий. Армия в момент восстания, вставшая на сторону революции,— вот о чем мы должны с вами думать.

Желябов передал Рогачеву адрес Сикорского в Гельсингфорсе. Коротко рассказал о нем: сын священника, Павел Алексеевич закончил Киевский университет, там и вступил в революционную группу. Ныне читает физику и математику в гельсингфорсской гимназии.

Перовская добавила, что Сикорский по характеру неврастеник, но доверять ему можно вполне.

— Имейте в виду еще поручика Кашинского,— сказала она,— он ближе всех с Павлом Алексеевичем. Брал у него уроки математики, когда надумал в академию готовиться. Вместо изучения формул, заразился идеями народной свободы. Вы Кашинского по училищу, возможно, помните. Вот вам и карты в руки...

— Если будет возможность,— попросил Желябов,— приезжайте хотя бы раз в две недели на собрание комитета. Мы будем вас ждать.

По случайному совпадению Лидию, не сговариваясь, познакомили с поручиком Рогачевым почти одновременно два человека. Поручик Кашинский, частый гость в доме Книповичей, отрекомендовал ее как превосходного гида, а если надо, и переводчика. Сикорский же без обиняков сказал, что Лидия — «наш человек», ей можно доверять и, кроме того, она хорошо знает многих офицеров крепости. Так, вопреки намеченным планам и опыту военных кружков Петербурга и Кронштадта, в Гельсингфорсе сразу сложилась смешанная группа, куда вошли не только офицеры, но и преподаватели гимназии.

В солнечный и морозный январский день, когда воздух над ровной стеклянно-серебристой поверхностью залива особенно чист и прозрачен, легкая санная упряжка мчала двух седоков в сторону Свеаборга. Мерцающая сизая дымка смазывала очертания островов, разбросанных гигантской подковой по горизонту. Большие и маленькие, они казались одинаковыми и как будто сливались с материком. Такой видели крепость Николай и Лидия. Рогачев попросил девушку сопровождать его, и она, поручив на день все домашние дела Зинаиде, согласилась.

— Скажите, пожалуйста, Лидия Михайловна,— расспрашивал Рогачев,— не вызовет ли удивление у тамошних соглядатаев или язвительных полковых дам ваше появление в крепости, да еще с незнакомым офицером?

— Нет, Николай Михайлович, не вызовет. Все объяснимо и оправдано.— Лидия отвечала спокойно и медленно, будто непонятливому ученику.— Я время от времени бываю в Свеаборге у подруги, она недавно вышла замуж за капитана-артиллериста и живет там. Кроме того, еще с детских лет я знаю в крепости многих и многие знают меня. Ну, а что касается незнакомого офицера, то у нас принято любезно помогать слабому полу. Без вас я бы не могла добраться до крепости...

— Браво, Лидия! Вы разрешите мне вас так называть? Все очень логично и доказательно,— искренне восхищался Рогачев.— Я вас хочу еще спросить, правда, это уже совсем о другом. Перед самым отъездом один мой начальник из самых добрых побуждений попытался объяснить мне финский обычай, вроде немецкого брудершафта. Он называл его «кузин-скоол». Как вы лично относитесь к этому?

— «Плохие речи портят хорошие традиции» — так говорят старики,— не поворачивая головы, ответила Лидия.— Некоторые из русских офицеров превратили «кузин-скоол» в своего рода азартное состязание. Коллекционируют «кузин» и хвастают друг перед другом. Мне кажется, у вас несколько иные цели?

— Последний удар был сильным и точным — противник сражен,— шутливо продекламировал Николай.— Я прошу извинить меня...

— Не будем об этом,— перебила его Лидия,— смотрите лучше вперед. Уже виден остров Лагерный, он самый большой. Шведы его назвали Сандган — Песчаный. Вон, видите, в море выдается мыс Пастушка, если приглядеться и немножко пофантазировать, он напоминает девушку с ягненком.— Она говорила теперь быстро, энергично.— На этом мысу артиллерийский лагерь, там же раньше и шведские батареи были. Купаться возле мыса хорошо, особенно нырять. Вода всегда зеленая и прозрачная.

— А мне об этом плац-майор ничего не рассказывал,— с сожалением заметил Рогачев.

— Зачем ему, в его обязанности это не входит,— бросила Лидия. Интонация ее голоса стала резкой и даже вызывающей.— Вы лучше спросите плац-майора, как он прошлой зимой у этого самого мыса приказал штрафному артиллеристу переливать ведром воду из большой проруби в маленькую, пока тот не замерз. Или как он целыми днями до обмороков гоняет новобранцев, а потом еще во внеурочное время посылает их на казенные работы.

— Откуда это у вас, Лидия? — только и успел спросить Николай. Что «это», он не объяснил. Сани подкатили к пристани, огороженной высоким штакетником.

Как летом, так и зимой всех прибывших просили пройти через калитку, где дежурный жандарм проверял документы приезжих. Лидия провела Рогачева через гулкий мостик. По деревянной крутой лестнице они поднялись наверх, к серому зданию артиллерийского управления.

— Начальника артиллерии сейчас нет,— категорично заявила Лидия,— уехал в Петербург, а заведующего практической частью посетите обязательно, он самый знающий. Меня вы сможете найти через два часа в соборе. Желаю успеха, «кузен» Николай!..

Члены группы по просьбе Рогачева собрались в один из вечеров у Сикорских. Лидия задержалась: встречала отца, поэтому пришла с опозданием. Человек десять сидели в гостиной, устроились кто как мог вокруг стола. Хозяин дома горячо спорил, широко жестикулируя, обращаясь к сидевшим против

него братьям Левицким, Ивану и Гавриилу, новичкам группы.

— Вся система нашего дубоголового правительства кажется окаменелой даже людям, ослепленным разными фетишами. Вопреки здравому смыслу, они упорно пятятся назад, вероятно, думают прибыть задним ходом туда, куда их зовут прогрессисты: ведь «земля кругла», как утверждают ученые мужи.

— Господа, можно мне? — вопрос Рогачева был явно риторическим; не дожидаясь ответа, он встал и заговорил.

— Как любят повторять наши уважаемые собратья педагоги, мы несколько отклонились от темы. Нужно ли сейчас агитировать друг друга или доказывать истины, которые для всех собравшихся достаточно известны? Ближайшая цель группы — увеличить численность своих членов, пропагандировать идею истинной свободы, как политической, так и экономической, и условия, при которых она достижима. Наконец,— для вас это не секрет — в момент, указанный Исполнительным комитетом, мы должны стать с оружием в руках в ряды восставших. Хочу напомнить,— продолжал Рогачев,— что наша группа прежде всего военная, в этом заключается смысл ее существования. Учителя и студенты могут и должны способствовать ее росту. Нам не нужны восторженные мальчишки и экзальтированные девицы. Вы сами знаете, что не детское увлечение, не прочитанная случайно книжка, а вся жизнь роковым образом направила нас на революционный путь. Некоторым идеи кажутся заманчивыми, зато виселица, каторга и бессрочное заключение далеко не привлекательны и с успехом могут отрезвить и уничтожить легкомысленное увлечение.

Рогачев сначала говорил тихо, но постепенно повышал голос, а последнюю фразу произнес очень медленно и торжественно, чем вызвал у сидевших в гостиной неожиданную реакцию. Как по команде, все выпрямились и подтянулись, лица стали серьезными. Хозяйка дома, разливавшая чай, оставила гостей и подошла к мужу. Она обняла его, прижала голову к своей груди.

Эта немая сцена длилась несколько секунд, но казалось, прошла вечность. Сикорский шепнул на

ухо Лизе ласковое слово и не без труда расцепил ее тонкие, гибкие руки... Лидия смотрела на эту маленькую женщину, как будто ей было дано видеть будущее, угадывать судьбу. Молчание нарушил один из братьев Левицких.

— А это правда,— спросил он Рогачева,— что на Семеновском плацу, когда одного революционера казнили, офицеры из отчаянных и суеверных картежников бросились к палачу, чтобы получить отрезок веревки повешенного? Будто он счастье в игре приносит.

Лидия сидела оглушенная вдруг наступившей тишиной. Вопрос, заданный Левицким, был не просто бестактным, но диким, да еще в такой неподходящий момент. Выручил всех Кашинский. Поручик тяжело поднялся, шумно отодвинул стул и безапелляционно заявил:

— Хватит на сегодня, господа! Кажется, договорились, дальше некуда. Пора и честь знать, ждете, пока хозяева попросят.

По дороге домой Лидия обрушилась на Вукотича за то, что он привел Левицких.

— Так я и вас привел, непримиримая максималистка Лидия,— парировал он.— Вы еще убедитесь, что нельзя судить людей по случайным поступкам. Я верю в любовь с первого взгляда, а чтобы ненависть вот так сразу... Братья — люди вполне приличные, давно их семью знаю. Отец дослужился до титулярного. Маменька, уважаемая Анна Сергеевна, во сне видела сыновей в военной форме. А что вышло? Свою «карьеру» братья видят в служении народу и готовы с нами идти до конца.

Последним от Сикорских вышел Рогачев, и, когда он догнал Лидию, Вукотич поспешил попрощаться.

— Как же нам, неразумным, офицеров пропагандировать? — спросила Лидия.— Строить им глазки или рассказывать страшные сказки? Что вы лично предпочитаете? — Она держала себя явно вызывающе, находясь еще под впечатлением прерванного разговора с Вукотичем.

— Неужели это предмет для зубоскальства, или вы такая злая? — с обидой ответил Рогачев.— Виноват, конечно, я, занесло, сам не знаю как. Чего это вдруг про виселицу вспомнил? А на Семенов-

ском плацу был такой случай... с веревкой, старший брат рассказывал... Эх!.. Вы по-французски говорите? — спросил он неожиданно.

— Нет, не учили меня,— удивилась Лидия,— а к чему это вам?

— У нас в Павловском училище была мода на изящные французские выражения, запомнилось особенно одно... Вы все равно уши ладошками прикройте, а я выскажусь... Не очень это прилично.

Лидия засмеялась. Рогачев что-то действительно буркнул по-французски себе под нос.

Раз в две недели, а то и чаще Николай Рогачев под разными предлогами уезжал в Петербург. Долго он там не задерживался и возвращался поздно вечером, иногда на следующее утро. Лидия выходила к поезду, или они встречались с поручиком у круглой башни в сквере на Обсерваторской горке. Потом долго кружили по городу, выбирая тихие, безлюдные улицы, и Николай рассказывал столичные новости, передавал для группы последние решения Исполнительного комитета «Народной воли», сообщал о провалах, предупреждал о возможных арестах. Как-то само собой получилось, что Лидия стала связующим звеном между Рогачевым, одним из руководителей Военной организации центра, и гельсингфорсским кружком революционеров. Это было удобно, конспиративно и устраивало всех.

Довольно частые встречи молодых людей не смогли остаться незамеченными. Семейство Книповичей никогда не давало поводов для сплетен. Именно поэтому новость о свиданиях Рогачева с «этой неприступной гордячкой» мадемуазель Лидией распространилась быстро.

Скоро доктору Книповичу сугубо конфиденциально и, конечно, из самых добрых побуждений передали, что отец у поручика Рогачева — богатый орловский помещик, имеет 395 десятин земли. Но, к сожалению, много детей — три дочери и шесть сыновей. Самое же неприятное, что один из сыновей, Дмитрий, тоже бывший офицер-артиллерист, выступал против царя и осужден на каторгу. Михаила Михайловича как будто мало интересовали все эти разговоры. Внешне доктор никак не реагировал на сплетни, старался отмалчиваться и делал вид, что ничего знать не хочет. Когда же пытались пря-

мо задавать бестактные вопросы, он обещал любопытным и назойливым пригласить их на крестины.

Михаил Михайлович ни о чем не расспрашивал дочь, однако внимательно приглядывался к поручику, зачастившему к ним в дом. Доктору нравился этот солидный, образованный и привлекательный силач.

«Не так уж часто встречаются культурные, сдержанные в разговоре, с хорошими манерами, умеющие держать себя с достоинством офицеры»,— думал про себя Книпович.

Сказать же что-нибудь более определенное он не мог. Рогачев появился у них совсем недавно, всего два месяца назад.

Михаил Михайлович от всей души желал счастья дочери. Он не просто любил, но глубоко уважал дочь, верил искренне, что Лидия сама выберет достойного друга жизни. И все же отец взрослой, двадцатитрехлетней дочери беспокоился о ее будущем.

«Конечно,— говорил сам себе старый доктор,— была бы жива Анна Федоровна, она по-женски, по-матерински расспросила бы Лидию, а то и посоветовала... Рано ты ушла от нас, Аннушка...»

Михаил Михайлович все чаще позволял себе опрокидывать маленький серебряный стаканчик, чередуя анисовую водку с каплями настойки валерианы. Пошаливало сердце. Он все больше замыкался в себе, подчеркивая всем своим видом, что события вне обычного круга дел его мало интересуют.

Так все и шло до конца февраля 1881 года.

В конце Эспланады, недалеко от моста, ведущего на остров Скатудден, стояло небольшое каменное строение, серое и запущенное. Его будто нарочно построили в стороне от других, выдвинули на середину улицы, испортив линию остальных домов. По остаткам гипсовых фигур возле оконных проемов можно было судить о претензиях архитектора на сходство чуть ли не с дворцовыми постройками. Редкие прохожие спешили пройти мимо дома к мосту, где всегда было людно. На остров, во флотские казармы, группами и в одиночку шли матросы. У

белого одноэтажного здания гауптвахты, построенного в классическом стиле, служивые, как по команде, поворачивали голову и печатали шаг.

Недалеко от гауптвахты с недавнего времени поселились братья Левицкие. Сикорский долго приглядывался к разным квартирам, пока не остановился на этом доме. Вдоль его фасада располагались анфилады когда-то парадных комнат, спальня и бывшая детская выходили окнами во двор, окруженный служебными постройками. Из кухни крутые ступени лестницы вели в подвал, сухой и просторный.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, и определили выбор места для холостяцкой квартиры потомственных дворян — двадцатилетнего поручика Ивана Левицкого и его брата девятнадцатилетнего Гавриила. В подвале дома Сикорский предполагал печатать на гектографе листовки и держать разные нелегальные издания «Народной воли». Собираться у Левицких решили только в исключительных случаях.

Начали знакомиться с улицей, присматриваться к соседям, обживать квартиру. Сикорский дважды назначал Лидии свидание. Они шли вначале рядом, затем по предварительной договоренности расходились в разные стороны, выискивая наиболее безопасные маршруты к серому дому. Побывала Лидия и в самой квартире, посмотрела расположение комнат. Подвал не показался ей подходящим для тайных сокрытий, как первоначально решил Сикорский. Она попросила осмотреть дворовые постройки и нашла под одной крышей с сараем заброшенную выгребную яму, наполовину забитую прелыми осенними листьями. В случае необходимости туда можно было укрыть все состояние Северного акционерного банка, а уже гектограф и все принадлежности к нему — тем более. .

В заботах и хлопотах проходила последняя неделя февраля 1881 года.

1 марта 1881 года выпало на воскресенье. Эхо взрыва на Екатерининском канале в Петербурге достигло Гельсингфорса с опозданием на сутки. Оно обрушилось на город тяжелым колокольным зво-

ном, черно-белыми полотнищами на балконах, окнах, фонарях, траурными рамками в газетах, креповыми повязками на рукавах чиновников и военных.

Лидии казалось, что вот сейчас что-то должно начаться... Революция, баррикады. Надо действовать, спешить... К ее глубокому удивлению, люди, попадавшиеся навстречу, никак не выражали своего отношения к случившемуся. Ни скорби, ни радости — обыкновенное обывательское любопытство. Передавались самые невообразимые слухи. Вечером Гельсингфорс замер.

С наступившей темнотой, не сговариваясь, все члены кружка пришли к Левицким. Лидия, укрывшись в подворотне соседнего дома, видела, как, шумно переговариваясь, появились Кашинский и Леонтьев. За ними чуть ли не вприпрыжку проскочил Вукотич.

— Какая уж тут конспирация,— не на шутку рассердилась Лидия,— обо всем забыли, обрадовались, как дети... Голову потеряли.

Книпович вошла в квартиру последней, еще раз внимательно осмотревшись вокруг. На нее сначала не обратили внимания. Публика ликовала. Ей не приходилось раньше видеть такого буйного выражения чувств.

Вукотич первым заметил Лидию и бросился ей навстречу. Она осторожно отстранила его и прошла на середину комнаты. Странное поведение девушки, многозначительная пауза, руки, нервно стягивающие концы белого пухового платка, подействовали на всех отрезвляюще. Лидия удивилась такой резкой смене настроения, наступившей тишине.

— Разве это счастливый конец? — чуть слышно спросила она.— Мне кажется, только начало. Самое начало обновления нашей многострадальной России.

Через несколько дней приехал из Петербурга Рогачев. Он привез текст письма Александру III от Исполнительного комитета «Народной воли». Вечером снова собрались у Левицких. Сикорский торжественно, делая долгие паузы после каждой точки, читал обращение к новому самодержцу.

Лидия успела познакомиться с письмом еще днем, ей показал его Николай Рогачев. Сорок стро-

чек письма-листовки, напечатанные на следующий день после покушения, уложились в памяти, как стихи. Лидия могла продолжить чтение с любого слова. Эти сорок строк внутренне звучали в ней гимном, призывом:

«Сегодня, 1 марта 1881 года, согласно постановления Исполнительного Комитета от 26 августа 1879 года приведена в исполнение казнь Александра II...»

Лидия слушала чуть хрипловатый баритон Павла Сикорского, а вспоминала странное поведение Николая после возвращения из Петербурга в последнюю неделю февраля. Рогачев только сказал ей, что собрание, на которое он специально ехал, не состоялось. Не состоялось, и все, причины он не знал. Теперь же объяснялось все просто: в эти дни шли последние приготовления к 1 марта. Рогачев, да и другие члены военной организации не участвовали в покушении. Их берегли, надеялись сохранить до последнего, решающего выступления.

— «Два года усилий и тяжелых жертв увенчались успехом,— все так же медленно читал Сикорский.— Отныне вся Россия может убедиться, что настойчивое и упорное ведение борьбы способно сломить даже вековой деспотизм Романовых...»

«Как мало говорят слова,— с горечью и сожалением думала Лидия,— до обидного мало. Ведь надо все это представить, почувствовать сердцем, не головой... Что за усилия, какой ценой оплачен успех?! Шесть покушений на цареубийство за два года, теперь — седьмое. Двадцать одна смертная казнь! А сколько еще честных, добрых людей должны будут взойти на эшафот?»

— «...Россия не может жить так долее,— звучал голос Сикорского.— Она требует простора, она должна возродиться согласно своим потребностям, своим желаниям, своей воле. Напоминаем Александру III, что всякий насилователь Воли Народа есть народный враг... и тиран. Смерть Алексадра II показала, какого возмездия достойна такая роль».

«Россия не может жить так долее»,— Сикорский повторил предложение дважды. Одна эта фраза объясняет весь смысл их жизни, их борьбы, с радостями и горем. И если простых вещей не понимает помазанник божий, совершается возмездие. Казнен Александр II, народный враг и тиран.

Еще совсем недавно имя царя с эпитетами в превосходной степени было слушать для нее привычно. С раннего детства Лидии говорили, что он больше всех сделал для Гельсингфорса, да и вся Финляндия обязана ему своим быстрым прогрессом.

Ребенком Лидия гордилась перед сверстниками, что ей, пятилетней дочери доктора Книповича, посчастливилось преподносить цветы Александру II и царь даже погладил ее по щеке. Эти июльские торжества 1863 года остались в памяти яркой, нарядной картинкой безоблачного детства. Она запомнила его величество в генеральском сюртуке гвардейского финляндского стрелкового батальона, в высоких сапогах и при шарфе. Да, сапоги, именно сапоги больше всего поразили Лидию... С тех пор прошли почти два десятилетия. И вот теперь снова, в рассказе Рогачева о покушении, в газетных сообщениях, упоминают вспоротый взрывом царский сапог. Сколько же он успел их сменить за эти годы, топча землю, людей, попирая волю народа?..

Калейдоскоп событий и образов пронесся в какой-то миг, мелькнул яркой вспышкой, и снова наглухо задернуто окно ее памяти. Как будто ничего и не было. Опять голос Сикорского, он читает последние строки листовки, слова, обращенные прямо к ним:

— «Исполнительный Комитет обращается к мужеству и патриотизму русских граждан с просьбой о поддержке, если Александр III вынудит революционеров вести борьбу с ним. Только широкая энергичная самодеятельность народа, только активная борьба всех честных граждан против деспотизма может вывести Россию на путь свободного и самостоятельного развития».

Сикорский умолк. Осторожно, как нечто хрупкое, опустил листок на стол. Он явно не знал, сесть ему или продолжать стоять. Долгая, бесконечная пауза. Ни вопросов, ни споров. Лидия не понимает, что случилось, почему такое непонятное состояние.

Она первая прерывает молчание...

— Мне кажется,— подчеркнуто категорично начала Лидия,— настало время со всей силой стукнуть кулаком, теперь излишне делать реверансы. Мы имеем все основания говорить именно сегодня резче и требовательней. Как вы думаете об этом,

Николай, письмо могло быть написано в более решительном тоне?

— Мы должны быть еще и политиками, милая Лидия,— будто хорошо известную истину еще и еще раз объяснял Рогачев.— Спокойный тон, минимальные требования нам сейчас значительно выгодней. Это привлечет на нашу сторону большее количество сочувствующих. На баррикады звать рано. Будем реалистами. Давайте обождем... А кому что делать, ведь все хорошо знают. Я предлагаю обсудить лишь некоторые детали...

Через неделю с небольшим из Петербурга переслали несколько сотен листовок с текстом письма Александру III для распространения в гарнизоне. В большой бельевой корзине Лидия сама перевезла десять плотно перетянутых шнуром пачек. Проходил день, другой, но все оставалось по-прежнему. Только более ожесточился комендант гарнизона. Офицерам строжайше приказали не отлучаться из крепости. В Гельсингфорсе из уст в уста передавались шепотом таинственные слова, оказывая неотвратимое впечатление, и где горящие, а где испуганные взгляды устремлялись вслед рыскавшим по городу жандармам.

«Что общего между тысячами обитателей этих домов, улиц и маленькой группой людей, которые живут одной мыслью о будущем народа, о народной воле? — все чаще спрашивала себя Лидия.— Одни готовы погибнуть, другие боятся даже подумать об этом, одни способны жертвовать всем, другие боятся жертвовать хоть чем-нибудь, одни, наконец, верят, что пришел решительный час, другие даже слышать об этом не хотят».

Официальная Финляндия всячески подчеркивала свою глубокую скорбь о безвременно погибшем Александре II. Церковь призывала всех выразить вместе чувства печали. Отдельные частные лица, представители общин и собраний спешили с телеграммами, адресами, депутациями и возложением венков на гробницу в Петропавловском соборе.

Гельсингфорсские поэты успели довольно быстро зарифмовать свои переживания. Одно из стихотворений заканчивалось такими строчками:

Родной народ, склонись перед гробницей,
Где опочил от всех напастей тот,

Кто был твоею радостной денницей,
Чья память в сердце финна не умрет!

Эти верноподданнические вирши, напечатанные в газете, раздражали Лидию, злили ее, хотя выходить из себя было совсем не в ее характере. О каком народе толкуют, в сердце какого финна память не умрет? Уж не имеют ли они в виду таких тропарей, как знакомый ей с детства Микко Мерилайнен? Если спросить у Микко, как он относится к смерти царя или стихам о его гибели, будет он горевать? Большего абсурда трудно было себе представить.

Выйдя из дома без определенной цели, Лидия незаметно подошла к зданию мужской гимназии именно в тот момент, когда из-за угла показался Сикорский. Он явно старался избежать встречи с ней и решил ретироваться, но Лидия, опередив его, крепко ухватила за рукав.

— Так только немецкие студенты бегают от русских нигилисток, но их родители настраивают, а вам чего бояться? — Лидия произнесла слова таким тоном, что в ее устах они прозвучали тяжким обвинением.

— Выдумщица вы, Лидия, куда от вас убежишь, все равно догоните,— пытался свести все к шутке Сикорский.

— Тогда отвечайте на мои вопросы, господин учитель, если рассчитываете на снисхождение. Вы ежедневно читаете газеты?

— Это что, новый пароль или экзамен на политическую зрелость?

— Я совершенно серьезно спрашиваю. Вы внимательно просматриваете газеты?

— Нет, Лидия, если серьезно, то всю последнюю неделю едва успевал проверять контрольные по математике. Вот и сегодня,— он нарочно, как циркач, выступающий с силовым номером, неимоверным усилием поднял на грудь пачку тетрадей.— Вы лучше задавайте подобные вопросы Николаю: у офицеров всегда больше свободного времени, чем у нас, грешных. Рогачев с удовольствием поделится с вами газетными новостями.

— Право, это смешно, если не сказать, что глупо,— не на шутку обиделась Лидия,— вы хуже наших гарнизонных кумушек...

— Не сердитесь, Лидия, это просто добрый совет, без всякого злого умысла. Ну, так что же пишут в газетах?

— Я как раз хотела спросить вас не о том, что пишут, а о том, чего не пишут, о чем молчат. Вы меня, надеюсь, понимаете? Почему нет ни слова о Перовской, Желябове и других? Что ждет их? Им обязательно надо помочь!

— Вот об этом, я совершенно серьезно говорю, лучше спросить Николая, он сегодня вечером предполагал вернуться из Петербурга. Новости привезет самые свежие...

За разговором Лидия и Павел довольно быстро подошли к дому, где жили Сикорские.

— Вы зайдете к нам, Лидия? — не слишком уверенно спросил Сикорский.— Лиза будет рада.

— Спасибо за приглашение, но это не конспиративно, да и Лиза как будто не очень довольна моими визитами. Причины, правда, не знаю. С детства мне говорили: «Коли фальшивишь, то уж лучше не петь». Пойду по вашему совету к петербургскому поезду на вокзал. Авось повезет и Рогачева встречу...

Новостей ждать долго не пришлось. Суд Особого присутствия Сената был скорым. 26 марта в 11 часов утра открылось первое заседание по делу народовольцев, вечером 28 марта прокурор потребовал для всех подсудимых смертной казни, 29 марта был вынесен приговор. Потом прошло еще четверо суток.

Лидия осунулась, похудела. Говорить она ни с кем не хотела, не замечала как будто. Блеск глаз и пятна румянца выдавали внутреннее возбуждение, беспокойство, сдерживаемый порыв. Отец склонен был приписывать наступившие изменения резким переменам погоды и подозревал, что снова началось обострение болезни, рецидив процесса в легких.

2 апреля ночным поездом Лидия вместе с Николаем Рогачевым выехала в Петербург. Ни домашние, ни сам Николай до этого дня не знали о твердой решимости Лидии своими глазами увидеть в первый и в последний раз Желябова, Перовскую, Кибальчича — единомышленников, мучеников, товарищей. Это было как наваждение, как веление свыше, и никто и ничто не могли ее переубедить.

С Финляндского вокзала Николай и Лидия добирались до квартиры Рогачева пешком. Николаю необходимо было переодеться в штатское платье. Ясное небо в это раннее утро уже успело выдавить краешек солнца. Они шли молча по осклизлым мостовым, обходя светящиеся лужи.

На Литейном, угол Кирочной, почти у самого дома Рогачева, несмотря на ранний час, стояли возле тумбы несколько зевак, разглядывая большое объявление, еще влажное от клея. Не останавливаясь, только чуть замедлив шаг, Лидия и Николай по первым строчкам поняли, о чем это правительственное сообщение: «Сегодня, 3 апреля, в 9 часов будут подвергнуты смертной казни через повешение государственные преступники»,— дальше шли знакомые имена.

Они вошли в квартиру. Времени до назначенного часа оставалось совсем немного, а Николай как будто и не торопился. Объяснял он это тем, что знакомый лихач ждет их за углом и они обязательно успеют. Николай несколько раз подходил к окну, осторожно отодвигая занавеси.

— Скорее, Лидия, скорее,— увидев что-то, закричал Рогачев. Они прижались лицами к стеклу. С Литейного по Кирочной двигалась необычная процессия. Кареты занимали всю ширину улицы. Кавалерия лейб-гвардии казачьего полка оттесняла картузы, чепчики, котелки. Ряды пехоты подминали случайно оставшихся прохожих. В центре этого эскорта, запряженные каждая парой лошадей, тяжело катились две высокие повозки-платформы, выкрашенные в черный цвет.

Забыв о всякой осторожности, Николай рванул на себя окно, Лидия едва успела отстраниться. Рамы затрещали и подались. Апрельский ветер ворвался в комнату вместе с гулом улицы. Теперь хорошо были видны две массивные площадки на огромных деревянных колесах, задуманные специально для уличных зрелищ, балаганных представлений. Разыгрывалось последнее действие человеческой трагедии.

Приговоренные сидели спиной к лошадям. По мере приближения можно было рассмотреть, что руки у них стянуты ремнями, а на груди каждого — доска и крупными буквами одно слово: «Цареубийца».

— Там, где двое — Андрей Желябов и Рысаков,— упавшим голосом пояснил Николай,— ну, а те трое — Тимофей Михайлов, Николай Кибальчич и Соня.

Колесница, где сидела Перовская, поравнялась с их окном. Лидия прикованно следила за неподвижной фигурой девушки в тяжелой арестантской шинели, проплывавшей высоко над толпой. От мостовой ее отделяли две сажени, два с половиной человеческих роста, и... бесконечность.

В какой-то момент, словно почувствовав что-то и выйдя из оцепенения, Перовская повернула голову в их сторону. Нет, это не был случайный, ничего не значащий взгляд. Глаза, Лидия могла поклясться, устремленные к ним, будто говорили: «Прощайте, друзья!» Губы застыли в полуулыбке. Она была спокойна, но бледна. Софья явно узнала Рогачева. Взгляд Перовской, чуть задев ее, Лидию, задержался на Николае. Что творилось в эти секунды у него в душе?

Лошади тянули колесницу. Черные дроги и маленькая женщина на них удалялись безвозвратно...

Поспешно собравшись, Лидия и Николай выбежали на улицу. Толпа к этому времени схлынула. У самых ворот их ждал осанистый рыжий кучер, небрежно восседая на козлах легковых дрожек.

— Давай! — только успел крикнуть Рогачев, и буланый конь рванул с места, послушный воле хозяина.

На Загородном, совсем близко от Семеновского плаца, им преградил дорогу конный полицейский наряд. Просить было бесполезно, а спорить — небезопасно. Они кружили по улицам и переулкам, упираясь каждый раз то в казачьи, то в пехотные заслоны.

Со стороны Царскосельского вокзала выход к плацу прикрывали гвардейцы-артиллеристы. Рогачев разглядел среди них знакомого офицера. Это была последняя возможность проникнуть на площадь. Совсем рядом послышался сухой треск барабанной дроби. Оставив дрожки, Лидия и Николай кинулись к гвардейцам.

— Мишель, Мишель,— крикнул Николай, стараясь оттолкнуть плечом заслонившего им путь флегматичного дворника,— пропусти нас скорее.

— Мишель, это я, Николя Рогачев.— Они были уже совсем близко, в каких-нибудь пяти-семи шагах, офицер не мог их не слышать. Рогачев еще раз крикнул фразу по-французски.

Офицер смотрел сквозь них устало и безразлично, не имея никакого желания выделять кого-то из возбужденной массы пульсирующей толпы.

— Негодяй,— тихо произнес Рогачев.

И опять барабанная дробь — долгая, без пауз — над головами, вдалбливая всем стоящим, что их ждет, если они вздумают посягнуть на устои монархии.

Вернулись они на Кирочную быстро, на тех же дрожках, Николай торопил кучера, боялся за Лидию — она едва держалась на ногах. С большой осторожностью, как мать больного ребенка, усадил он девушку в кресло и укутал пледом. Сам сел напротив, не зная, чем еще может помочь.

— Помните, Николай,— чуть слышно попросила Лидия,— вы мне обещали, когда придет время, рассказать о Софье? Мне кажется, время это пришло.

— Конечно, конечно, только дайте собраться с мыслями...

Николай встал, поправил сползающий плед, подошел к окну, плотно прикрыл его и там остался стоять вполоборота к Лидии. Книпович видела его профиль — широкий лоб в чуть заметных морщинах, ровную линию прямого носа, припухшие по-детски губы, мягкий, почти женский подбородок. Кто-то из знакомых, встретив Лидию с Рогачевым, заметил ей потом, что в Николае удивительно сочетаются тонкость образованного и хорошо воспитанного человека с привлекательностью настоящей мужской силы, физического здоровья. Это было истинной правдой.

— В этой комнате, в этом самом кресле, меньше месяца назад сидела Соня.— Рогачев говорил медленно, будто затрудняясь в выборе слов.— Совсем больная, с пилюлями и порошками в карманах, она просила Суханова и меня что-то сделать для освобождения Желябова и Рысакова. Я видел, что у нее подергиваются губы и подбородок и она делает над собой усилие, чтобы скрыть слезы. Но она быстро овладела собой и начала торопясь сообщать свои планы. Соня серьезно надеялась их спа-

сти, организовать нападение отряда рабочих под командой смелых офицеров, вырвать их любой ценой. Она не давала себе ни секунды отдыха, все мысли у нее были сосредоточены только на одном... Мы хотели ей помочь, даже погибнуть ради нее, но вскоре узнали об ее аресте.

Вы видели сегодня Соню, вернее, то, что осталось от милой, обаятельной женщины. Внешне хрупкая и слабая, во всем, касающемся дела, она была требовательна и неумолима. Но, строгая к другим, она еще строже была к себе самой... Я не знаю, что еще говорить... В этой комнате, в этом кресле, как вы сейчас...

Николай замолчал. Прислонился плечом к переплету окна. Лидии показалось, что, как и утром, он чего-то ждет, надеется увидеть, боится упустить минуту. Но чудо не свершится, не загрохочут по мостовой черные дроги, не увидят они на них Софью. Совершенно необъяснимые токи вместе со словами Николая проникали внутрь, обволакивали сердце, собирались комом в горле.

— Вы давно знаете Соню? — спросила Лидия, чтобы как-то помочь Николаю продолжить прерванный рассказ.

— Впервые меня познакомил с ней мой родной брат Дмитрий. Осенью 1873 года он и Соня были в фиктивном браке. Они жили среди рабочих за Невской заставой, даже адрес помню: 33-й дом по Смоленской слободе. Дмитрий на заводе ворочал тяжелой кочергой у плавильной печи, Соня вела хозяйство, носила воду из Невы, ходила в мужских сапогах, голову повязывала ситцевым платочком. Вечерами они бывали в бараках, да и к ним приходили заниматься ткачи. Только жили они вместе недолго. Выследила их жандармерия, распался кружок. Соня угодила в Петропавловку. Скоро ее, правда, выпустили. Рассказывал мне Дмитрий, что Соня с досадой, хотя и в шутку, обижалась на свою судьбу: «Почему я не родилась мужчиной?» Вот и от вас я эту фразу слышал. Отчего бы это? Родство душ?

Рогачев выждал минуту, ожидая, очевидно, ответа на свою реплику.

— После долгого перерыва я встретился с Перовской в ноябре прошлого года,— продолжал он.— Было это в буфете московской гостиницы. Завтрака-

ли вместе с Сухановым и Желябовым, будущие дела военной организации обсуждали. Тогда узнал, какой она редкой способностью обладала — привлекать к себе симпатии и вызывать полное доверие с первых же минут знакомства. В ней все было просто, ничего показного, бьющего на эффект. Чувство долга развито в ней сильно, но не педантка. Поболтать любила и хохотала заразительно.

Последние месяцы, когда покушение готовилось, она с Желябовым все тяготы делила, да вы теперь об этом и сами хорошо знаете. Я больше не могу, честное слово... Говорю вам о Соне, знаю, нет ее, а ведь она здесь, с нами...

Рогачев прикрыл глаза ладонью. Потом, сделав от окна большой шаг, неожиданно опустился перед Лидией на колени, уткнулся головой в ее руки.

— Вы очень похожи на Софью, Лидия,— не меняя позы, скорее для себя, чем для нее, произнес Николай.— Я не льщу и не приукрашиваю, это святая правда...

Слова его звучали, как признание в любви.

В этот же день они вместе возвращались в Гельсингфорс. В поезде Николай объявил Лидии, что через две недели срок его служебной командировки в Финляндию заканчивается.

Весь апрель после возвращения из Петербурга Лидии нездоровилось. Врачи ничего серьезного не находили, но под лопатками кололо, сжимало железным обручем грудь, а головная боль не отпускала, переползая от висков к затылку.

В середине месяца Рогачев уехал из Гельсингфорса. Прощался Николай торопливо, спешил на вокзал. Тепло, по-родственному расстался с отцом и Зинаидой. В комнату к больной Лидии зашел осторожно, присел на краешек кровати. Рассказал, между прочим, как прошло его последнее свидание с комендантом крепости.

— Приглашал еще приезжать, как вам это нравится, считает меня хорошим специалистом по крепостной артиллерии. А по-вашему, Лидия, мне лучше здесь не появляться?

Николай требовал определенного ответа, а Лидию сковывала какая-то боязнь, даже страх. Может ли

она, имеет ли право отдаться чувству, переполнявшему ее через край? Что будет, если два потока сольются? Их уже невозможно будет контролировать, а тем более остановить. Этого пока нельзя делать, сейчас нельзя, уговаривала себя Лидия.

— Нам без вас будет во много раз труднее, чем злосчастному коменданту,— подведя итог своим размышлениям, ответила Лидия.— Он ведь не догадывается, какой вы замечательный человек. А я вам всегда буду искренне рада, вы же знаете, Николай. И не ждите от меня сантиментов, не научена, и характер к этому плохо приспособленный...— Потом добавила неуверенно: — Хотя от всего этого сама страдаю и мучаюсь. Сейчас не надо, я прошу вас... Лидия взяла руку Николая, долго вглядывалась в сложную, запутанную сетку линий, покрывающих узкую, сильную и холеную ладонь.

— Линия жизни у вас сильно законспирирована, то пропадает, то появляется,— заметила Лидия, переводя разговор в шутку.— А женаты будете трижды, здесь все обозначено. Торопитесь...

Николай встал, ему действительно нужно было торопиться. Рогачев неуклюже нагнулся и осторожно поцеловал Лидию в лоб. Она изо всей силы зажмурилась и так лежала, пока Николай не отошел от кровати. В дверях Рогачев повернулся и бросил в сердцах последнюю фразу:

— Нет, Лидия, я не верю, что вы из тех, кто ратует против любви и брака, боясь, что большие чувства могут быть препятствием в революционной деятельности. Поймите всю бессмысленность таких усилий. Подумайте об этом, чтобы не было слишком поздно... Я вернусь, только позовите меня. До свиданья, Митимарья, финская дева грусти, фея Иванова дня!

После отъезда Рогачева Лидия стала замечать за собой нечто странное, хотя, кажется, это случалось с ней и раньше. Вроде бы мелочь, на которую не следовало обращать внимания, а она овладевала ею целиком. Мысли начинали вертеться вокруг нее, не давали покоя.

В последнее время, например, ее раздражали дурные манеры штабс-капитана Тарасова, недавно появившегося у них в группе. Самое удивительное, что

это относилось именно к манерам, а не к нему самому. Так, в один из вечеров, когда поручик Кашинский привел Тарасова, а тот, с налету приступая к знакомству, встал перед Лидией на колено и доложил по всей форме, что он, штабс-капитан 10-го резервного пехотного батальона, чрезвычайно рад сражаться за народную волю вместе с такой необыкновенной воительницей, с такой... Лидия резко оборвала его. Тарасов опешил, заморгал испуганно, потеряв на минуту дар речи, но очень скоро оправился и поспешил переключиться на другие темы.

Кашинский, присутствовавший при сцене знакомства, шепнул Лидии, что штабс-капитан — «человек крайне простодушный и, главное, очень нужный для организации: он заведующий оружейными мастерскими».

— Все это прекрасно,— заметила Лидия,— но вместо определения «простодушный» я бы сказала — неразвитый и недалекий. Значит, и толку от него... У нас говорят: «Делай лучше один, чем с плохим помощником».

Кашинский покачал головой, явно не соглашаясь с ее доводами.

— Ладно,— уже в более мирном тоне закончила Лидия,— вам видней, я не обладаю сверхчувством офицерского братства. Если без Тарасова хоть пропади, пусть ходит. Но от его ухаживаний увольте, я ведь и ударить могу, объясните «простодушному»...

Павел Сикорский, как руководитель группы, первоначально тоже весьма скептически отнесся к штабс-капитану. Это предубеждение, чисто интуитивное, сложилось не без влияния Книпович. Вскоре, однако, общее мнение о нем переменилось. Тарасов добросовестно выполнял поручения, ровно, с искренней доброжелательностью держал себя с товарищами. Когда же Тарасов сумел привлечь мастера-оружейника Дмитрия Новоселова к изготовлению шрифтов, налаживанию гектографа и составлению симпатических чернил, даже Лидия сменила гнев на милость. Весь смысл существования группы они видели теперь в активной пропаганде идей, за которые отдали жизнь первомартовцы.

— Печатать, печатать, печатать,— повторял Сикорский.— Пока на гектографе, потом, если получится, и в типографии.

Именно так отвечал он на вопрос Книпович: «Что будем делать дальше?» С ним не соглашался Кашинский, требовавший незамедлительно приступить к террору.

В этих словесных дуэлях спокойный и уравновешенный учитель Леонтьев выступал на стороне Сикорского. Лидии же по душе был неуемный задор поручика Кашинского, его стремление к яркому, активному действию, когда видишь, ощущаешь сразу его результат.

Кашинский чуть ли не на глазах всего Свеаборгского военного собрания крупно начертал на доске объявлений: «Большие нам кажутся такими потому, что мы стоим на коленях. Так поднимемся же!» И подписал: «Друг народа». Переполох в крепости продолжался две недели. Комендант искал «Друга народа», подозревая всех и каждого. Поручик ходил все эти дни героем. Сикорский же пришел в бешенство, называя его поступок глупым и бессмысленным мальчишеством.

— Вы авантюрист, поручик, у вас чешутся руки и зудит честолюбие. Пожалуйста! Есть подходящий объект... пес опочившего монарха или его нынешний хозяин. Действуйте смелее, поручик, о вашем подвиге узнает весь просвещенный мир.

Это была злая, обидная шутка. Бывший министр и статс-секретарь, семидесятишестилетний придворный сановник Шернваль-Валлен после смерти Александра II подал в отставку, оставил Петербург и переселился в Гельсингфорс. Он увез с собой собаку обожаемого монарха. Трудно было найти более смешное и грустное зрелище, чем Шернваль-Валлен на прогулке с собакой.

Частые споры, выяснение точек зрения еще и еще раз наводили Лидию на размышления о судьбах России. Нравственное право и справедливость дела «Народной воли» не подлежали для нее никакому сомнению. Главное — освобождение страны, уничтожение абсолютистского образа правления. Но какими средствами? Может быть, прав Павел, утверждая, что достаточно актов возмездия и самопожертвования? Ее привлекала и идея «хождения в народ». В то же время крепко запомнились четыре строки, услышанные еще от Рогачева. Позже она узнала, что это стихи Петра Лаврова:

Не ты виной, когда в бою
Кровь неповинная прольется!
Без жертв, без крови, без борьбы
Народам счастье не дается.

Так или иначе — в этом Лидия никогда не сомневалась — каждый день, каждый час полезней действовать, нежели философствовать по поводу и без повода. В их кругу есть такие любители абстрактно-теоретических споров. Они ограничивают свое участие в работе рассуждениями о путях, видах, возможностях и, главным образом, о последствиях того или иного варианта деятельности. Встречала она и таких, что живут фантасмагориями, уносятся за облака, из бесплодной пены своих фантазий строят ладью и стремятся к Блаженным островам, забывая, что на обнаженных берегах действительности остается темный народ... Не хватало только попасть в их число.

Настойчивое требование Сикорского: печатать, печатать, печатать — Лидия относила прежде всего к себе. Используя связи и авторитет отца, она под разными предлогами выпрашивала глицерин в госпитальной аптеке. Желатин они получали в круглых шляпных коробках из Стокгольма. Еще сложнее приходилось добывать специальные чернила для гектографа. Их выписывали тоже из Швеции через москательные лавки.

Первую разборную коробку для желатиново-глицериновой массы и прижимной валик изготовили в оружейной мастерской. Вот тут Тарасов и показал себя с самой лучшей стороны. Печатная конструкция быстро и легко разбиралась. Через каких-нибудь десять минут все уже лежало в саквояже. Опробовали гектограф у Сикорского, потом перебрались печатать на квартиру к братьям Левицким.

Лидия не отходила от печатников. Ей самой хотелось осторожно расправлять чистый лист по форме, равномерно прижимая, прокатывая валик, потом снимать аккуратно за уголок приставшую к липкой массе фиолетовую бумагу. Первой они печатали прокламацию Исполнительного комитета «Народной воли» «К офицерам русской армии»:

«Офицеры русской армии! Ввиду военных событий грядущего перед вами только два пути. Вы можете быть или освободителями народа, или его па-

лачами. Иного выхода нет и не может быть. Пусть же всякий русский офицер вспомнит свой исконный девиз — «слава и честь», пусть спешит встать в ряды геройских освободителей народа и выполнит свой долг солдата-гражданина!

И те, кто медлит и колеблется, пусть вспомнят, какая грязная дорога предстоит им по службе, какие гнусные обязанности возложит на них царь, как возлагает уже теперь».

Сикорский категорически возражал против участия Лидии в работе на гектографе: «Не дамское это дело». У него на этот счет было свое твердое убеждение. «И Николай Рогачев сказал бы то же»,— заключил он как последний и самый веский аргумент.

После оттиска первой партии листовок, когда уже решили менять массу в ящике, Книпович спросила у Сикорского и братьев Левицких: «Что же такое гектограф и почему так называется?» Те не поняли вопроса и решили, что над ними просто хотят подшутить.

— Вы молчите? Забыли греческий, господа? Я позволю напомнить вам,— сказала Книпович.— Гекто — сто, сто раз. Графо — пишу, в данном случае — печатаю. Все вместе, как вы уже, очевидно, догадались, пишу или печатаю сто раз с одной формы. Именно сто, а вы изволили сделать 70 оттисков и уже выбрасываете массу. Так мы с вами скоро останемся без глицерина. Хочу дать совет. Краску ровней кладите, и на валик с такой силой давить не надо, не белье ведь раскатываете.

Лидия настояла еще и на том, чтобы каждый раз гектограф разбирали и прятали в ту самую яму с прелыми листьями, что обнаружили случайно возле сарая. И ни в коем случае не думали оставлять дома, даже в подвале. Ее послушались и не пожалели об этом.

В декабре, перед самым рождеством, в день неприсутственный, на квартиру к Левицким пожаловали гости. Переодетый жандармский ротмистр, приехавший из Петербурга, сам руководил обыском, не доверяя местным чинам полиции. Искали с усердием и высоко профессиональным навыком. Все в квартире перевернули вверх дном. Пух, перья, бумаги и книги смешались в живописном беспорядке. Хватило ума и времени добраться до подвала. Но

все напрасно. «Ничего предосудительного обнаружено не было»,— пришлось записать в протоколе.

Но Иван и Гавриил Левицкие по настоянию начальства подали в отставку, а по совету Сикорского уехали в Петербург. На рождество не собирались вместе и старались как можно реже встречаться. Всех, естественно, мучили вопросы: как и почему нагрянула полиция, кто дал повод и где оплошали? Как будто соблюдали полную конспирацию, узкий круг лиц знал о гектографе, и вдруг... Только позже узнали, что студент Петербургского университета Блэк, несколько дней гостивший у Левицких, притащил за собой из столицы хвост. По доносу филера и произвели обыск.

Сам по себе неприятный эпизод, оставшийся как будто без последствий, странным образом и тяжелее всего отразился на семействе Сикорских. После известия об обыске жена Павла Лиза буквально впала в истерику. Она требовала от мужа все бросить, не играть с огнем, пожалеть ее и маленькую дочь.

— Ей все равно, ей ничего и никого не жалко! — кричала истошным голосом Лиза, имея в виду Книпович.— У тебя семья, семья...

Тяжелый нервный припадок продолжался трое суток и перешел постепенно в полную депрессию. Павел и сам на какое-то время потерял контроль над своими поступками. Он хватался за револьвер, хотел застрелиться. Леонтьев и Кашинский по очереди дежурили у Сикорских.

Пришлось вызвать из Петербурга родного брата Павла, Ивана Сикорского, доктора медицины, доцента Военно-медицинской академии. Он лечил уговорами и лекарствами. Постепенно все внешне наладилось, казалось, успокоилась и семья Сикорских. Но следы катастрофы не могли исчезнуть бесследно.

Лидия с начала 1882 года решила учительствовать в русской народной школе. Зинаида управлялась по дому без нее. Да и одним человеком в семье стало меньше: еще осенью Николай уехал учиться в Петербургский университет.

От Николая Рогачева изредка приходили короткие весточки — открытки с видами тех городов, где приходилось ему бывать. Из Петербурга почти сразу

его отправили служить в Вилькомир, а потом он сам, взяв специально отпуск, по заданию организации объехал города Западного края, налаживая там связи: Вильно, Витебск, Рига, Митава, Ковно, Минск. В Динабурге притворился больным, чтобы продлить отпуск и завершить намеченное. Совсем недавно Лидия получила от Николая открытки с видами Орла, Смоленска и Москвы.

Ни разу он не писал, что пути его могут привести на север. Когда было настроение и время, рассказывал о смешных дорожных приключениях, описывал достопримечательности и красоты городов. В одном из последних писем сообщал, что собирается принять участие в любительских спектаклях. Уже научился ловко гримироваться, купил накладную бороду и усы. У него это так ловко получается, что даже Лидия не узнала бы его.

Прошло полгода после ночного обыска у братьев Левицких. К середине июня деятельность кружка не только наладилась, но и значительно расширилась. Сикорский сумел привлечь в группу новых членов. Так появились в кружке поручик 91-го пехотного Двинского полка Чеслав Мощинский и совсем молодой офицер, подпоручик Свеаборгской крепостной артиллерии Александр Вейгерт. К ним в руки попало обращение «К офицерам русской армии». Прокофий Кашинский близко сошелся с ними, и теперь они сами распространяли листовки в гарнизоне. И Тарасов хвалился, что у него на примете есть дельные офицеры, которые вот-вот созреют до осознания идей «Народной воли».

Лидия не знала, радоваться ей или огорчаться росту кружка. Полковые офицеры всегда на виду, они связаны своей профессиональной честью, которая основана на чувстве долга, верности присяге, на чистоте мундира. Именно поэтому конспирация в военной среде практически невозможна. Офицеры слишком тесно связаны друг с другом и другими узами. Совместная служба, ежедневные встречи, личная дружба — все это объединяет их. Святые узы товарищества выручают в девяноста девяти случаях из ста, но для провала довольно и одного.

И этот случай не заставил себя долго ждать. Правда, как это всегда бывает, беда пришла с самой неожиданной стороны. Сикорский, Книпович и

другие узнали о причине провала много месяцев спустя.

В начале августа 1882 года Ольга Новоселова, жена оружейного мастера, передала в жандармское управление письмо, где указывала на существование в Гельсингфорсе тайного преступного общества, состоящего из офицеров и учителей местной школы. Она назвала подозрительных лиц, а ее муж Дмитрий Новоселов представил в управление сверток бумаг, оставленных ему на хранение Тарасовым. В свертке находилось двенадцать экземпляров копий, снятых Новоселовым по поручению штабс-капитана, с семи оригинальных карточек государственных преступников: Суханова, Перовской, Желябова, Михайлова, Тригони, Лебедевой и французской коммунарки Луизы Мишель.

Хотя заявление было более чем серьезным, маховик полицейской машины не сразу начал давать полные обороты. Медленно, даже слишком медленно, он набирал инерцию и силу. Жандармское управление решилось действовать самостоятельно. В таком деле нельзя было ошибиться.

14 августа в департамент полиции ушла секретная депеша, которая заканчивалась просьбой командировать на помощь агентов. Петербург обещал.

26 августа из Гельсингфорса отправили телеграмму, где начальник Финляндского жандармского управления покорнейше просил «поспешить командированием чиновника». И только в первых числах сентября пожаловал в Гельсингфорс командированный офицер отдельного корпуса жандармов майор Страхов. Теперь полицейская машина завертелась в самом быстром темпе.

2 сентября арестовали Сикорского, Леонтьева, Кашинского, Вукотича, Мощинского и Вейгерта. Тарасова задержали в Оренбурге, куда он отправился в отпуск. В столице, на Петербургской стороне, разыскали братьев Левицких.

На рассвете 5 сентября в квартиру к доктору Книповичу постучали. Лидия, отогнув край шторы, выглянула на улицу. На блестящей от дождя мостовой маячили тени полицейских. Она ждала их третий день и приготовилась к встрече. Сейчас Лидия боялась только за отца. Обыск в доме действительного статского советника, известного в городе челове-

ка, уважаемого доктора обязательно вызовет нездоровый интерес.

Осматривали квартиру долго и тщательно. Выдвинули все ящики письменного стола, шкафов и тумбочек, их содержимое разбросали по полу в страшном беспорядке. Покрышку дивана и все подушки вспороли. У книжных полок, занимавших всю стену, трудились двое полицейских. Они без всякого милосердия швыряли на пол книги целыми охапками. Майор Страхов сидел за столом, окруженный со всех сторон книгами. Спокойно и с видимой привычкой к подобной работе он проводил пальцами по корешкам томов, пробегал глазами заголовки, перелистывал страницы. Потребовалось четыре часа, чтобы бегло пересмотреть книги в библиотеке.

Лидия, подобно безмолвному изваянию, простояла долгие часы в гостиной, опираясь спиной о камин. Ей казалось, что до сих пор изразцы хранят тепло от заблаговременно сожженных книг и бумаг. С раннего детства Лидия умела стойко переносить неприятности и огорчения, выпадавшие на ее долю. Еще совсем маленькую учил ее отец не плакать, сдерживать слезы, не показывать всем, как тебе больно. «Лучше лишний раз пожалеть другого, чем самого себя»,— любил повторять он. От отца же она переняла и его профессиональное, доведенное почти до фанатичности требование чистоты и порядка.

Конспирация в нашей деятельности — то же, что стерильность при операции, невольно сравнивала Лидия. И для того и для другого нельзя жалеть усилий, когда жизнь человека поставлена на карту.

Прежде чем покинуть квартиру, все, производившие обыск, собрались в гостиной. Майор Страхов не без сожаления объявил, что ничего особенного найдено не было.

— И все-таки,— майор поднял указующий перст к потолку,— есть все основания предполагать,— он обращался уже только к доктору Книповичу,— имеются основания думать, что ваша дочь связала себя с людьми, обвиняемыми в государственной измене! А за такие вещи, знаете, доктор, вешать надо. Крепость или тюрьма в данном случае почти помилование.

Генерал-губернатор Великого княжества Финляндского граф Гейден 6 сентября поспешил уве-

домить в подробном рапорте его императорскому величеству о ликвидации антиправительственного кружка.

Всю первую десятидневку в Гельсингфорсе продолжались обыски, аресты, допросы, а Лидия Книпович «до времени», как сказал Страхов, оставалась на свободе. Это казалось удивительным и необъяснимым. Она ждала и готовилась к неизбежному. Два, а то и три филера одновременно, не скрываясь, следили за ней. Из разных источников, сложными путями до нее доходили отрывочные сообщения о судьбе товарищей.

У Сикорского при обыске нашли восемь чугунных кастетов, два револьвера, типографский шрифт и две банки с кристаллическими соединениями калия. (Непростительное легкомыслие! Сколько раз твердили о конспирации.) Через день после ареста отправили Павла в сопровождении двух жандармов в Петербург. На полном ходу поезда он выпрыгнул возле станции Мустамяки. Ему удалось скрыться в лесу, и все-таки его быстро поймали. (Этот побег усугубил и без того плохое положение. Как он только справился с двумя здоровенными жандармами?)

Узнала Лидия, что при обыске у Леонтьева, Вукотича, Мощинского нашли листки «Народной воли», письмо «К Александру III», «Последнее слово народовольца Исаева» и другие нелегальные издания.

Никто из арестованных при допросе Книпович не назвал, хотя держались они по-разному. Вукотич и Кашинский упорствовали, отказываясь от показаний. Мощинский сослался на болезнь, по причине которой он не может отвечать на вопросы. И только учитель Леонтьев показал на допросе, что найденные у него преступного содержания газеты получены от коллеги по гимназии Вукотича... Леонтьева пообещали вскоре освободить, тем более что за него хлопотали перед губернатором вполне заслуживавшие доверия лица.

24 сентября Лидию Книпович вместе с другими учительницами русской народной школы пригласили в жандармское управление как свидетелей по делу... Но в качестве свидетеля она оставалась только шесть дней. Лидия не могла знать, что Тарасов, доставленный из далекого Оренбурга, признался во всем. Штабс-капитан рассказал, как учительница Книпо-

вич снабжала его преступными изданиями и что именно через нее он получил от Сикорского фотографические карточки государственных преступников.

30 сентября Лидии Книпович предъявили ордер на арест. После взрыва полицейской энергии, арестов, обысков и допросов наступила более чем двухмесячная пауза. Лишь в начале ноября вновь приступили к рассмотрению дела.

9 ноября Книпович пригласили к следователю. Держали недолго, разговаривали вежливо, вероятно составив о ней предварительное мнение. Чиновник попросил ознакомиться с протоколом и подписать его.

«Лидия Книпович,— записал чиновник,— в принадлежности к революционной партии виновной себя не признала, на вопрос о сочувствии дала ответ уклончивый, объяснив, что всякие насилия с революционной целью она не оправдывает, но не может не сожалеть о гибели стольких молодых людей за свои убеждения. В получении от Сикорского и передаче Тарасову некоторых революционных сочинений созналась и объяснила, что в Финляндии подобным фактам никакого значения не придают. Лидия Книпович впредь до особого распоряжения отдана на поруки своему брату с денежной ответственностью в 500 рублей».

Федор Книпович, молодой, но уже преуспевающий юрист, сумел, используя связи, взять до начала суда сестру на поруки. Во вторую половину ноября Лидия вернулась, как она сама мрачно шутила, «на побывку до дому».

С 18 ноября в Гельсингфорсе вдруг наступили сильные холода. Свеаборгский рейд замерз в одну ночь. Квартиру Лидия застала выстуженной и неуютной. Отец, завернувшись в старый плед, не вставал из кресла. Зинаида, привлекавшаяся к процессу в качестве свидетельницы, стала часто уходить из дому.

Лидия принялась за мытье полов, топку печей, наведение чистоты. Она ругательски ругала Зинаиду за беспорядок, совестила и приговаривала, что такого от нее никак не ожидала.

Отец рассказал Лидии, что после ее ареста некоторые бывшие знакомые по свойственной обывателям трусости стали за версту обходить их дом, чтобы не поклониться им при встрече. Совсем недавно прекратились разговоры о «злодеях цареубийцах», да и то потому, что с наступлением морозов город занимал «волчий вопрос». Голодные волчьи стаи все чаще стали появляться на улицах.

— Я давно заметил,— как будто подводя итог своим размышлениям, закончил Михаил Михайлович,— в России человек трусит тем больше, чем меньше у него к тому оснований.

Оставшись вдвоем с Зинаидой, Лидия с тяжелым чувством беспокойства расспросила ее об отце.

— Он, после того как тебя увезли, совсем перестал спать по ночам, ходит, ходит по кабинету. Твое будущее ему представлялось все мрачней и безотрадней. Хотя он и сохранял в решительные минуты обыска и ареста свой гордый вид и самообладание, им потом овладел упадок духа.

Лидия, как могла, ухаживала за отцом, старалась всячески отвлечь его от мрачных мыслей. Между тем в департаменте полиции продолжало созревать, пухнуть и расти дело «Об обнаружении тайного общества, существующего в г. Гельсингфорсе с преступной политической целью». «Дело» обрастало свидетельскими показаниями, протоколами допросов, справками и другими документами. Фамилия учительницы гельсингфорсской народной школы Лидии Книпович встречалась на страницах «Дела» довольно часто.

Вторично ее допрашивали в апреле, пытаясь выяснить степень участия в кружке и личные связи с Павлом Сикорским. На вопросы отвечала кратко и односложно: «Да, знакома с семьей Сикорских. Бывала у них довольно часто, но разговоров политического характера не было. Их убеждений не знаю. Не получала и не передавала никаких преступных сочинений. Что касается переправленных Тарасову брошюр и фотографий, не придала этому особого значения».

В дальнейшем ходе следствия судьбу Лидии решили показания Кашинского, Вейгерта и Мощинского. Они определенно заявили, что политических убеждений Книпович не знают и об участии ее в

кружке Сикорского им ничего не известно. Сикорский также отрицал причастность ее к сообществу.

Оставалось ждать приговора суда. Он должен был быть объявлен в мае 1883 года и совпадал по срокам с событием примечательным. Аристократический Петербург и, главным образом, московское дворянство готовились торжественно отпраздновать коронацию Александра III и Марии Федоровны. Священный акт коронации предписывал объявить всемилостивейший манифест, которым даруются «разные облегчения лицам, впавшим в преступления и ошибки». 15 мая такой манифест был подписан, а 19 мая по высочайшему повелению окончательно подписан приговор. Он гласил: «Лидию Книпович отдать на поручение ее родителям на 2 года, с воспрещением ей в течение всего срока всяких отлучек из местожительства без разрешения губернского начальства». Кроме того, за Лидией Книпович по особому указанию был установлен негласный надзор.

Павла Сикорского выслали на пять лет в Сибирь. Остальным дали возможность выбрать место пребывания под гласным надзором по своему желанию, исключая длинный список запрещенных местностей и городов. Только с Павлом Леонтьевым, как и обещали, обошлись более чем мягко — сделали строгое внушение.

Горе обрушилось на семью Сикорских. Получив известие о приговоре, Лиза потеряла рассудок. С тяжелой душевной болезнью ее отправили в больницу. Посоветовавшись с отцом, Лидия взяла дочь Сикорских, маленькую Валентину, к себе в дом.

— Теперь у нас три женщины,— приговаривала она,— большая, средняя и маленькая. И все три будут ухаживать за одним старым, добрым доктором.

Жизнь продолжалась. Шли дни, недели, месяцы: народная школа, домашние заботы, воспитание Валентины. Предельно осторожно Лидия пыталась нащупать связи с оставшимися на свободе народовольцами. И все это время, не сознаваясь себе, скорее подсознательно она ждала встречи с Николаем Рогачевым. Ждала, пока ей не передали, что Николай арестован в Москве. И снова ожидание... приговора.

Внешне держалась Лидия бодро, а с чинами полиции даже вызывающе. Она получила по почте из Петербурга книгу с интригующим названием: «Мама,

мама! Сделай меня хорошим человеком (Летние беседы для умственного развития)». Совершенно уникальное по своей примитивности произведение Веры Вахрушевой. Следивший за перепиской и почтой чиновник долго вертел книжку в руках.

— Я с большим удовольствием дам ее вам почитать,— сказала Лидия,— думаю, что и вам будет весьма полезно.

Чиновник бросил книжку на стол. Он, конечно, не мог догадаться, что в обложку были аккуратно вклеены два листка «Народной воли» и листовка «От мертвых к живым».

В начале 1884 года Лидия подготовилась и сдала экзамен на звание учительницы городских, приходских и начальных училищ. Не сразу ей удалось получить свидетельство о благонадежности. Только после настойчивой осады начальника жандармского управления она смогла убедить все инстанции, что, будучи отдана на два года на поручительство отца, она не лишена права быть допущенной к экзамену и получить звание учительницы.

В мелких заботах, повседневном труде и дневной круговерти одна мысль не покидала ее: что будет с Николаем Рогачевым? Его старшего брата, тридцатитрехлетнего Дмитрия, о котором она была столько наслышана, уже не было в живых. Тюрьмы и каторга сделали свое дело. Он скончался в январе от воспаления легких. Знает ли Николай об этом? А может, лучше ему и не знать?

Прошла зима, промелькнула весна, пролетело лето, и снова — осень, тяжелое и неприятное своими воспоминаниями время года. Николая Рогачева судили в сентябре, а 10 октября приговор привели в исполнение. Его повесили в Шлиссельбургской крепости.

Горе, боль обвалом обрушились на Лидию. Она старалась держать себя в руках, но тоска, неопределённая и вязкая, будто тина, опутала ее. Как правы те, кто назвал тоску зеленой. Она похожа на длинные нити тины, связывающие движение живого организма. Надо сдирать ее хотя бы вместе с кожей, надо что-то делать, сопротивляться этому зеленому чудовищу.

Вот тогда она в первый раз потянулась за папироской. Неумело втягивала дым до слез, до спазм

в горле. Мрачные мысли тонули в легком тумане. Наступало обманчивое облегчение.

Михаил Михайлович Книпович уговорил дочь переехать в деревню, поселиться в их маленьком имении на хуторе Финбю. Да и сам доктор после тридцатисемилетней службы нуждался в настоящем отдыхе. В свои семьдесят три года он казался еще достаточно бодрым, но накопившаяся усталость и перенесенные потрясения незаметно подточили его здоровье.

Жители хутора и всей округи приходили к доктору Книповичу за советами и лекарствами. Он всех лечил бесплатно. А когда какой-нибудь хуторянин пытался непременно оставить на столе пятьдесят пенни или несколько яиц, он просил не обижать его и отдавал обратно. С конца 1886 года у Михаила Михайловича стало сдавать сердце. И Лидия всецело посвятила себя уходу за отцом. Почти год оставалась она безвыездно возле него. Пример матери и отца оставил свой след в характере Лидии навсегда. Она умела ухаживать за больными, не теряя при этом спокойствия и присутствия духа.

Скончался Михаил Михайлович в 1887 году. Жители самых дальних хуторов пришли проводить его в последний путь. Лидия видела неподдельное горе на лицах знакомых и незнакомых людей.

Брат Николай после похорон отца предложил ей и Зинаиде переехать к нему в Петербург. Лидия раздумывала, сомневалась, взвешивала. Больше ничто ее не держало в Финбю, да и в Гельсингфорсе тоже. Толчком к окончательному решению послужил арест брата — по делу марксистской группы Димитра Благоева.

Лидия в неделю покончила со всеми делами в Гельсингфорсе и выехала в столицу. Начался новый, петербургский период ее жизни.

Часть вторая РОЖДЕНИЕ ДЯДЕНЬКИ

Глава первая УЧИТЕЛЬНИЦА СМОЛЕНСКОЙ ШКОЛЫ

Николай Александрович Варгунин встал навстречу посетительнице:

— Чем могу служить?

— Я хотела бы работать учительницей в вечерне-воскресной школе села Смоленского, а чтобы быть принятой, мне сказали, нужно обратиться к вам, председателю Фарфоровского попечительства.

— Кто вы, сударыня, есть ли у вас рекомендации?

— Нет, господин Варгунин, у меня нет рекомендаций. Зовут меня Лидия Михайловна Книпович,— и она коротко рассказала о себе.

Варгунину понравился уверенный, спокойный тон просительницы, ее независимая и несколько гордая манера держаться.

— Еще один вопрос. Знаете ли вы, что учителям у нас не платят, и все ли условия работы вам известны?

— Да, я это знаю и иду не из корыстных целей, а по убеждению. Ведь вы тоже создали школу исключительно для просвещения рабочих, и я слышала, что ее называют Варгунинской,— ответила Книпович.

Варгунин смущенно улыбнулся:

— Большинство учительниц нашей школы кончали Высшие женские курсы. Вам же необходимо будет ходатайствовать о выдаче свидетельства на звание сельской учительницы. Для этого потребуется подтверждение департамента полиции о вашей благонадежности. Все ли у вас благополучно с этой стороны?

Варгунин испытующе посмотрел на собеседницу. Книпович ответила не сразу:

— Лет десять тому назад арестовали по подозрению в связи с народниками знакомых моего отца. У кого-то из них нашли мою карточку. Улик больше не было. Вот за это меня и отдали на два года под надзор полиции.

Варгунин встал.

— Ну вот, Лидия Михайловна, мы все и выяснили,— прощаясь, сказал он,— подавайте прошение.

Несколько дней спустя, 15 декабря 1892 года, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа послал в департамент полиции запрос о политической благонадежности Л. М. Книпович. Дважды, 22 декабря 1892 года и 3 января 1893 года, Санкт-Петербургский градоначальник посылал отношения в попечительство, в которых подтверждал благонадежность Л. М. Книпович. После соответствующего экзамена ей выдали свидетельство на звание сельской учительницы. К Варгунину Лидия Михайловна, однако, пришла не сразу.

Не сразу отказалась она и от своих народовольческих взглядов. Долгими вечерами в кабинете брата происходили жаркие споры. Никак не удавалось Николаю Книповичу переубедить Лидию.

— Лида, пойми,— говорил он сестре,— народничество умерло дважды — 1 марта 1881 и 1887 годов. Будущее за марксизмом.

Ей нужны были не беседы, а конкретная работа. Не имея связей, она просила брата свести ее с народовольцами Петербурга. Николай вначале с сомнением покачал головой. Но вспомнил, что еще в 1884 году П. Ф. Якубович с помощью приехавшего из-за границы Г. А. Лопатина организовал в Петербурге «Молодую партию «Народной воли». Они связались тогда с марксистской группой Благоева, в которую входил и Николай. Николай хорошо знал их и обещал разыскать кого-нибудь. Но скоро ему стало известно, что «Молодая партия» полностью разгромлена полицией и никто из ее членов не уцелел.

Николай старался приобщить Лидию к чтению марксистской литературы.

— Прочитай вот это,— и он протянул ей брошюру, отпечатанную на гектографе.

— Я уже читала ее,— сказала Лидия, перелистывая «Манифест Коммунистической партии».

— Ну и как?

Лидия пожала плечами.

Другой раз он дал сестре произведения писателя Н. В. Шелгунова «Очерки русской жизни» и «Рабо-

чий пролетариат в Англии и во Франции». Они ей понравились.

Однажды как бы невзначай Николай сказал, что тяжело больного Шелгунова посетили рабочие и вручили ему адрес от пролетариев столицы. Николаю удалось даже достать копию текста адреса. С интересом прочитала его Лидия. Особенно запомнились слова: «Может быть, ни вы, ни мы не доживем до того, чтобы увидеть будущее, к которому стремимся, о котором мечтаем. Может быть, не один из нас падет жертвой борьбы. Но это не удержит нас от стараний достигнуть нашей цели».

Лидию взволновала весть о смерти писателя. Долго беседовали в тот апрельский вечер 1891 года брат и сестра.

— Я должна пойти на его похороны,— сказала она Николаю.

— Это опасно, Лида, полиция не допустит публичных похорон,— предостерег он Лидию.

— Ты — как знаешь, а я пойду обязательно,— отрезала она, Николай понял: отговаривать Лидию бесполезно.

15 апреля 1891 года Лидия отправилась на Воскресенский проспект. У дома Шелгунова и во дворе группами собирались люди. Толпа постепенно густела. Но вот что удивило Лидию — несмотря на будний день, пришло много рабочих. Они принесли венок, на котором выделялись ярко-красные цветы и такого же цвета лента. На ней Лидия прочла: «Николаю Васильевичу Шелгунову — указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих».

Когда процессия двинулась, рабочие оказались в голове ее, торжественно неся венок. Вслед за ними шли студенты, интеллигенция. Лидия присоединилась к процессии. Неколебимую силу горстки рабочих ощутимо почувствовала Книпович, когда полиция попыталась сорвать демонстрацию.

— Вперед, братцы,— раздался в наступившей тишине голос идущего впереди.

Лидия увидела, как могучий атлет с широкой окладистой бородой решительно зашагал, увлекая за собой остальных. Сквозь шпалеры зрителей, выстроившихся на тротуарах, рабочие повели шествие с Воскресенского на Литейный и далее по Невскому и Лиговскому проспектам на Волково кладбище. Лидия

видела, как изумленно слушала многотысячная толпа смелую речь рабочего, выступившего последним над свежей могилой Шелгунова. От него исходила какая-то незнакомая ей могучая и притягательная сила.

Николай заметил, что сестра с большим интересом стала участвовать в разговорах о положении рабочих. Ему удалось раздобыть тексты речей рабочих на маевке, которая была проведена вскоре после похорон Шелгунова. Лидия взяла их у Николая и сразу ушла в свою комнату. «Будем же учиться объединяться сами,— читала Лидия,— и, товарищи, будем же организовываться в сильную партию. Будем же, братья, сеять это великое семя с восхода и до захода солнца во всех уголках нашей Русской земли!» Ее особенно взволновали слова благодарности в адрес «небольшой кучки людей», которая старается «своими силами и знаниями помочь рабочим в борьбе с существующим хищническим строем».

Где эта «кучка людей», кто они? Не знал этого и брат Николай. Лидия ждала известий о новых выступлениях рабочих, но их не было. В конце августа по городу поползли слухи о волнениях на табачной фабрике Богданова. Да что толку — побили стекла на фабрике и выкинули табак из окон, на том все и кончилось. Как далеко это выступление от шелгуновской демонстрации! Неужели борется только горстка храбрецов? Она должна обязательно разобраться во всем, найти свое место в общем строю борцов.

По российским губерниям прокатился страшный голод, унося массу крестьянских жизней. Жаждавшая большого дела, Лидия бросила все и помчалась в Тамбовскую губернию «на голод». Работала со свойственным ей увлечением. Забыв про привычные удобства, сон и усталость, она организовывала столовые, сама ездила за мукой, получала и взвешивала продукты, пекла хлеб, регистрировала и кормила голодающих. Однажды Лидия встретила старика, ослепшего от голода, и решила попытаться вернуть ему зрение: кормила его, поила растопленным жиром, делала примочки на глаза. И когда больной, к великому изумлению самой Лидии, прозрел, ее в деревне причислили чуть ли не к лику святых. Старик

пришел к ней, упал на колени: «Вот теперь-то я тебя, ангела божьего, вижу».

Крестьяне уважали Лидию, некоторые при встрече с ней крестились и записывали в поминания.

Беспросветная нищета русского крестьянина, покорность судьбе поколебали народовольческие взгляды Лидии, ее веру в революционные возможности деревенской общины.

С «голода» она вернулась смертельно усталая и страшно разочарованная.

— Теперь я поняла бесплодность «хождения в народ»,— призналась она брату.

— Я рад, Лидия, ведь это и есть принципиальная ошибка народников.

— Не знаю, Коля, не знаю,— тихо произнесла Лидия,— но я что-то должна делать для народа, теперь хочу пойти работать в воскресную школу для рабочих.

— Понимаю твое решение и кое с кем переговорю.

— Нет, нет,— перебила его Лидия,— я сама, и если меня примут, то без всякой протекции.

— Ну, хорошо, хорошо,— согласился Николай.— Поступай сама. Там ты встретишь настоящих людей.

...В учительской, куда ввела Книпович заведующая школой Ольга Петровна Поморская, никого не было.

— Вот здесь и располагайтесь, занимайте этот столик, знакомьтесь с коллегами, а в группе я вас представлю.

— А можно я сама войду в класс?

— Ну, как знаете.

Лидия была благодарна Поморской, оставившей ее одну. Неторопливо разложила по ящикам стола книги, тетради. Обернулась на скрипнувшую дверь. С большой стопкой тетрадей и книг вошла девушка. Длинная русая коса, казалось, оттягивала ее голову назад. Она поздоровалась и в нерешительности остановилась. Лидия подошла к девушке.

— Я новая учительница. Зовут меня Лидия Михайловна Книпович,— представилась она, протягивая руку.

— Надежда Константиновна Крупская,— тихо ответила молодая учительница. Она застенчиво улыб-

нулась, прошла к своему столику и уткнулась в тетради.

Лидия была ей признательна. Как деликатно она оставила Лидию наедине со своими мыслями. Ей действительно сейчас очень нужна была тишина: хотелось подумать, настроиться на первую в своей жизни встречу с группой рабочих. Какие они? Лидия облокотилась на стол и, подперев голову пальцами, пыталась представить своих будущих учеников. Если бы они походили на тех, что хоронили Шелгунова, она была бы рада. Но память воскресила картины первого знакомства с Невской заставой. Грязные, продымленные корпуса заводов в окружении церквей, кабаков, пивных... Торопясь, входили в кабаки рабочие.

— Куда ему, рабочему, деваться — в кабак, церковь или в пьяном угаре калечить своего же товарища рабочего. А за что? — негодовала Лидия. Только теперь поняла она, чем для рабочих является школа. И стало страшно, сумеет ли оправдать их надежды. Как донести свои мысли до сердец учеников?

Думы ее прервал звонок на урок. Она вздрогнула, смяла недокуренную папиросу. Первой вышла из учительской. Минуту постояла перед дверью класса, вслушиваясь в неясный гул голосов. «А, была не была»,— и решительно толкнула дверь.

Готовясь к этой первой встрече, Лидия напросилась на уроки других учительниц школы. Непохожие были уроки, и учительницы разные. Но одно удивило и разочаровало. Обращались они с рабочими, как с учениками детской школы. А те сидели тихо, но както уж очень покорно слушали, ни разу не перебьют учительницу, и ни одного вопроса не зададут. Чудно. И еще, заметила Лидия, учительницы очень уж преувеличенно уважительно обращаются к ученикам. А рабочие смотрели на учительниц как на господ. Хороших, но господ. «Не знают они друг друга,— вот и стенка между ними,— огорчалась Лидия.— Нет, не так нужно!» А как — пока сама не знала.

Ее встретила настороженная тишина и десятки изучающих глаз. Лидия прошла к столу, неторопливо разложила на нем книги, зачем-то стала их перекладывать. А в голове билась одна мысль: «Только бы не провалиться!» Лидия ужаснулась, что не может вспомнить тщательно продуманного плана урока. Он был перед ней, подробно записанный в желтой клеен-

чатой тетради. Но открыть ее почему-то не было сил. Она оттолкнула толстую тетрадь на край стола и выпрямилась.

— Давайте познакомимся,— сказала она,— я вам о себе вначале расскажу, а потом вы.

Ученики озадаченно переглянулись. Исповедь свою Лидия начала издалека, от деда — бедного литовского крестьянина. Совсем по-иному представляла она этот свой первый урок. Получилось все внезапно, по какому-то вдохновенному наитию. Рассказывая, Лидия светлела лицом, чувствовала, как исчезает скованность первых минут.

— Знания свои я смогла получить потому, что все необходимое для жизни делаете вы своими руками. Пока вы работаете на фабриках и заводах, я и другие учительницы читаем книги. Теперь будем учиться вместе.

Лидия опустилась на стул, раскрыла сумку и потянулась к пачке папирос, но с улыбкой защелкнула замок. И тут ощутила крепкий табачный запах, наполнявший класс.

— Ну и курильщики мне достались, еще почище меня,— покачала она головой,— как в табачной лавке.

С передней скамьи поднялся высокий, сутулый парень.

— Это от меня несет,— улыбнулся он,— на табачной фабрике все мы насквозь пропитались этим духом. А в школе мы не курим.

— Как вас зовут?

— Алексеем.

— А по отчеству?

— Зачем же по отчеству? — удивился парень.— Просто Алексей Лобанов.

— Как звали отца?

— Его звали Степаном, да померли родители мои прошлым летом в деревне от голоду.

— Садитесь, Алексей Степанович,— сказала Лидия,— была я в то лето в Тамбовской губернии. Насмотрелась.

Лидия прошлась по классу. «Какие они все разные»,— подумала она, рассматривая своих учеников. Внимание учительницы привлекла группа рабочих средних лет, походивших друг на друга, как братья, внешностью и даже одеждой. Они напоминали Лидии больше крестьян, чем рабочих. Сидели особняком.

— А вас как зовут? — спросила самого степенного из них. Высокий, плечистый, он не спеша поднялся.

— Смоленские мы,— прогудел он, кивая на товарищей,— а кличут меня Никитиным. Кузьмой Федотовичем Никитиным. Я вот в рабочие вышел, а дед и отец мой под помещиком ходили.

— Спасибо, Кузьма Федотович!

Теперь уже Лидии не пришлось уговаривать — желающих рассказать о себе было вполне достаточно.

Звонок прозвенел неожиданно и совсем некстати. Неловко толкаясь, ученики окружили новую учительницу, и посыпались вопросы, которые во время урока не решились ей задать.

Лидия еле успевала отвечать. Шумной гурьбой проводили ее ученики до самой учительской. «Ну, как?» — собиралась спросить Крупская вошедшую Книпович. Но, взглянув на ее сияющие глаза, понимающе улыбнулась.

Вскоре Лидия познакомилась с большинством учителей. С первого взгляда понравилась ей заведующая школой Поморская. Она производила впечатление доброго, хорошего, искреннего человека. Ольга Петровна работала в дневной школе села Смоленского и там квартировала. Большинство же учителей воскресной школы проживало в городе. В дни занятий Лидия садилась в вагон паровой конки на Лиговке у Николаевского вокзала и ехала до села Михаила Архангела, а затем возвращалась несколько назад, шла до школы по плохо замощенному темному Шлиссельбургскому тракту. Хотя добираться приходилось довольно долго, время проходило незаметно. Конка была всегда переполнена, и Лидия с любопытством прислушивалась к разговорам, которые вели между собой рабочие, порой сама принимала в них участие.

Лидия присматривалась к учителям. Немного понадобилось ей времени, чтобы понять, что эти очень разные, часто талантливые педагоги, в большинстве своем чуждые политике, все без исключения беззаветно отдавали себя делу просвещения рабочих. Лидию радовало, что к ней тянутся молодые учительницы. Постепенно из общей массы она стала выделять небольшую группу учительниц. Прасковья Куделли,

Екатерина Дьяконова, Аполлинария Якубова, Зинаида Невзорова, Надежда Крупская пришли в школу не только ради занятий. Понемногу взаимное осторожное прощупывание сменилось задушевными разговорами, а порой яростными принципиальными спорами.

— Лидия Михайловна, пойдемте с учениками посмотрим картину художника Ге «Христос и разбойник»,— предложила ей однажды Крупская.

— Это еще зачем? — удивилась Лидия.

Между тем о картине «Христос и разбойник» шли толки по всему Петербургу. Началось с того, что царь, посетивший со всем августейшим семейством передвижную выставку 1893 года, страшно разгневался, увидев картину, и приказал убрать «эту бойню».

Картина была выставлена на частной квартире профессора Страннолюбского, жена которого, как и художник Ге, была народоволкой. В профессорскую квартиру валом валили посетители, пожелавшие увидеть то, что вызвало неудовольствие царя. Крупская дважды смотрела картину и вот теперь уговорила Лидию сходить туда с наиболее развитыми учениками. Посетителей встретил сам художник. Картина понравилась. Лидия шепнула Крупской:

— Пожалуй, не зря пришли. Повезло, что и художник здесь.

Между рабочими и художником завязалась живая беседа. Он был поражен и самим приходом простых рабочих, и тем, как верно они поняли содержание его картины. У одного из учеников, Фунтикова, картина вызвала интересные ассоциации — он стал говорить о капиталистах, рабочих и даже о социализме. Его поддержали товарищи. Взволнованный художник сказал, что рабочие заставили его по-новому взглянуть на свое творение. С благодарностью он дарил ученикам фотографии картины с надписью: «От любящего Н». Каково же было недоумение жандармов, когда они впоследствии при арестах рабочих находили у них снимки с памятными надписями.

Не торопясь, обгоняемые прохожими, возвращались Крупская и Книпович от художника. Так дошли до Николаевского вокзала.

— Ну, Надежда Константиновна, спасибо за «вернисаж». Для меня это было настоящее открытие ин-

Н. М. Книпович.
Фотография 1896 г.
из семейного архива.
Публикуется впервые.

Николай Рогачев,
один из руководителей
народовольческой группы
в Гельсингфорсе.
Репродукция.

тересного художника. Пожалуй, и учеников я увидела в иной, необычной обстановке.

Лидия вынула руку из муфты и протянула Крупской. Но она, Крупская, не спешила прощаться.

— Лидия Михайловна, зайдемте к нам, вы ведь ни разу у меня не были,— нерешительно предложила,— я вас познакомлю с мамой. И дом наш вот он, рядом.

Лидию уговаривать не пришлось.

— Мама, это Лидия Михайловна Книпович,— представила гостью Крупская.

— Очень рада познакомиться,— улыбалась Елизавета Васильевна.— Надя мне о вас рассказывала, проходите, раздевайтесь.

Все пришлось Лидии по душе у Крупских. Понравилась ласковая Елизавета Васильевна, на которую очень походила дочь. Даже полутемная небольшая квартирка, которую занимали мать и дочь, не показалась ей мрачной. В двух небольших комнатах не было ничего лишнего. И совсем уж спартанская обстановка царствовала в узкой, как пенал, комнате Надежды. Здесь едва уместились железная кровать, два стула и столик, застеленный лиловой промокательной бумагой. Лидия обратила внимание на фотографию мужчины в деревянной рамке, стоявшую на столе между стопами книг и тетрадей.

— Это мой папа, Константин Игнатьевич,— пояснила Надежда.— Вы поскучайте, я маме помогу.

За чаем Елизавета Васильевна поведала гостье родословную семьи Крупских. Тут узнала Лидия, почему у Константина Игнатьевича такие густые темные брови и красивые черные глаза.

— Один из предков мужа в армии Суворова отличился при штурме Измаила. В бою этот храбрый офицер потерял руку и долго лечился в крепостном госпитале. Там ему и приглянулась одна пленная турчанка. Вот к ней-то в полон на всю жизнь и попал бесстрашный офицер. С той поры и пошли густочерные Крупские,— улыбнулась Елизавета Васильевна.— А Надя в меня, в нашу, тистровскую, породу пошла.

Почаевничав, Крупская и Книпович долго разговаривали в комнате-пенале. Надежда сдержанно рассказала, как отец всю жизнь боролся с несправедливостью, как был изгнан с военной службы и лишен офицерского звания. Много всякого зла повидала

Надя в детстве, когда небольшая семья Крупских в поисках заработка исколесила почти всю Россию. На плечи девочки легли нелегкие заботы о больном отце и непосильное горе в четырнадцать лет после его смерти от чахотки. Лидия почувствовала в этой хрупкой и застенчивой на вид девушке сильную натуру, целеустремленную, волевую и убежденную.

— Надя, давайте перейдем на ты,— вдруг предложила она.

— Что вы, Лидия Михайловна,— отпрянула Крупская,— как можно!

— Да так уж и можно,— улыбнулась Лидия.— Да, я старше вас, вот и будете мне как младшая сестра.

— Хорошо, Лидия Михайловна,— согласилась Крупская,— но трудно будет.

Немало, однако, прошло дней, пока Крупская стала называть старшую подругу Лидей, как звали ее родные. Лидия же окрестила ее Кру́пой, но чаще всего именовала Надей или Наденькой.

Как-то Крупская и Невзорова попросились к Лидии на урок. Потом они долго вдвоем сидели в опустевшей учительской.

— Тебе, Зина, хочется знать мое главное впечатление. Изволь — у Лидии в классе я не первый раз, но всегда чувствуется какая-то особая атмосфера, тесно связывающая учеников и учительницу.

— Пожалуй, ты, Надя, права. Хотя она бывает порой очень резка с учениками, ворчит на них, горячится. Но для них она «своя».

— В чем же Лидии секрет?

Надежда задумалась.

— Секрета тут нет никакого,— задумчиво сказала она,— все дело в подходе Лидии к ученикам и индивидуальности ее натуры. Я часто думаю над этим, и если хочешь, и тебе могу сказать.

— Конечно, хочу.

— Лидия очень талантливая учительница, но не это главное. Она родилась и выросла в Финляндии, в окружении суровой природы и простых людей. Несколько лет жила в деревне и не боялась самой трудной крестьянской работы. Вот это наложило на нее печать какого-то внутреннего демократизма. Это по-

могает Лидии так просто подойти к ученикам, они сразу проникаются к ней доверием, чувствуют в ней близкого человека. И заметь,— подчеркнула она,— не вообще к ученикам, а к каждому в отдельности. Лидия видит в них не просто учеников, а товарищей, единомышленников. Поэтому и влияет на них.

— Пожалуй, Лидия воздействует не только на них,— откликнулась Невзорова,— но и на всех нас. Она старше и опытнее многих.

— Не только в этом дело, Зина. Лидия прошла хорошую народовольческую выучку. Она глубокий, вдумчивый человек, с твердыми суждениями и поступками.

— Ты права, Надя, либерального щебетания и пустого фразерства она не терпит. Мне от нее попадало не раз за ненужную болтовню,— призналась Невзорова,— но, знаешь, Лидия только внешне сурова, душа у нее нежная.

— Ты замечаешь, Зина, как Лида незаметно стремится наполнить культурническую работу революционным содержанием. Да, мается она без серьезного дела.

Крупская приблизилась к Невзоровой и шепотом спросила:

— Не пора ли свести ее с нашими, как думаешь?

— Нужно поговорить с Глебом и Степаном,— поддержала Невзорова.

Елизавета Васильевна все с большей радостью наблюдала за крепнущей дружбой между Надей и Лидией. Книпович была теперь частым гостем в маленькой квартире Крупских. Привязалась к ней и Елизавета Васильевна. Обе страстные курильщицы, они в отсутствие Нади настежь открывали все форточки и, попивая чай, в котором обе понимали толк, вели долгие разговоры, окутываясь облаком сизого дыма. На такие беседы Лидия приходила загодя, и в крошечной темной кухоньке начиналось соревнование. Елизавета Васильевна не без основания считала себя знатоком по части кулинарии. Но как беспристрастная ценительница, она не могла не признать, что Лидия у плиты истинная искусница. К приходу Нади испекался ее любимый пирог с яблоками, к которому она допускалась, лишь если определит, кто его испек.

— Мама в тебе души не чает, я даже ревновать начинаю,— с улыбкой говорила подруге Крупская.

— Она мне напоминает чем-то мою мать.

После пирогов подруги удалялись в Надину комнату, по выражению Елизаветы Васильевны, «шушукаться». Крупская рассказывала о своем трудном пути в поисках истины.

— Вот ты, Лидия, сразу стала народоволкой, а я чем только не увлекалась, пока не раскрыла «Капитал». До двадцати лет и имени Маркса не слыхала. В то лето мы с мамой поехали на дачу в деревню Шалово под Лугой. Взяла с собой «Капитал». Сняли избу у многодетного крестьянина Федора. Я, чем могла, помогала по хозяйству. Уставала за день, а к вечеру садилась на крылечке и открывала «Капитал». Очень тяжело было поначалу разобраться в этой книге. Но, когда поняла, нашла ответ на многие вопросы, что меня мучили.

Слушала Лидия неторопливый рассказ и завидовала. «Мне вот уже четвертый десяток, а все еще не могу найти ответ на свои вопросы»,— с сожалением подумала Книпович.

— Ты ведь знаешь, Надя, что в революционное движение я пришла как народоволка. А теперь вот не знаю, кто я. От одного берега оттолкнулась, а к другому еще не пристала,— призналась как-то Книпович.— Вот ты говоришь, что в рабочем движении сила.

— Это не я говорю, а Маркс,— улыбнулась Крупская.

— Ну, пусть Маркс, но где оно, это могучее рабочее движение?

— Оно станет могучим, когда рабочие будут объединены в организацию.

— Но где они, эти организованные рабочие?

— Ты разве не знаешь о похоронах Шелгунова? — удивилась Крупская.

— Я была на них. С той поры я и заинтересовалась рабочими.

— Много тогда новых друзей появилось у питерских рабочих,— добавила Крупская,— ведь еще не бывало, чтобы так открыто и организованно рабочие заявили о себе на улицах российской столицы.

— Что же больше не слышно их?

— Знаешь ли ты, что потом было арестовано и

выслано из Петербурга в несколько раз больше рабочих, чем шло за гробом Шелгунова? — с болью спросила Крупская.— И все же они не смирились. Вслед за первой демонстрацией рабочие впервые в России провели маевку.

— Я читала речи рабочих, которые там выступали,— кивнула Книпович.— Их произносили мужественные и самоотверженные революционеры. Но ведь таких рабочих капля в море, даже в океане российских мастеровых,— воскликнула Лидия,— к нам в школу идут, нужно думать, лучшие из лучших питерских рабочих. Они сами тянутся к свету и знанию. Но ведь большинство из них свято верит в господа бога и батюшку царя. Так ведь?

— Так-то оно так, но отсюда следует, что рабочие идут в школу «правду послушать», как они говорят, и наша цель — помочь им в этом. Нужно их еще и организовать как борцов. На похоронах Шелгунова были организованные рабочие. Несмотря на массовые аресты после первой маевки, питерские рабочие в прошлом году провели еще одну сходку.

— Почему же я о ней ничего не слыхала? — подняла брови Книпович.

— Ты ведь в это время была «на голоде», могла и не знать,— пояснила Крупская.

— Кто же организовал эти маевки и кто руководил рабочими? Читала я в речах на маевке «о кучке людей», кто они? — вырвалось у Лидии.

— Да, Лида, они были замечательными людьми.

— Почему были?

Крупская рассказала о группе студентов во главе с Михаилом Бруcневым, о бруcневской организации. Они изучали Маркса, руководили рабочими кружками. Даже газету выпускали, она писалась от руки, под копирку. Ее читали рабочие.

Книпович слушала молча, не перебивая.

— После маевки в прошлом, 1892 году жандармы арестовали многих, очень многих рабочих, социал-демократов и почти весь центральный кружок интеллигентов-марксистов. От бруcневской организации почти ничего и не осталось,— вздохнула Крупская.

Книпович закурила.

— Слушала я тебя и думала: вот сейчас Кру́па скажет: «Не хочешь ли, Лидия, познакомиться с ними?»

— Не хочешь ли ты, Лидия, познакомиться с группой интеллигентов-марксистов? К счастью, кое-кто уцелел после того страшного разгрома.

— А они обо мне знают?

— Да, Лидия, знают и ждут тебя.

Как ни старалась, Лидия не могла найти промахов в конспирации кружковцев. Появись нежданно во время собрания дворник или какой полицейский чин, все выглядело бы вполне пристойно. На столе, придвинутом к продавленному дивану, красовались бутылка шампанского, бутерброды, рюмки, чашки. Разве воспрещается отметить «помолвку» студента Глеба Кржижановского и учительницы Зинаиды Невзоровой? Шумно встретили «невесту», смешливую толстушку с длинной косой, когда она вкатила в комнату столик с пофыркивающим самоваром.

— Базиль, давай песню,— вскричал «жених».

Василий Старков снял со стены зарокотавшую гитару.

Звонко вступил Кржижановский. Ему ладно вторил Старков. «Хорошо поют»,— с удовольствием подумала Лидия. Но пели-то они отнюдь не свадебную песню. Плавно и трогательно лилась ее любимая — «Замучен тяжелой неволей». Конец песни незаметно для себя подтянула вместе со всеми:

Настанет блаженное время,
Когда уж из наших костей
Поднимется мститель суровый,
И будет он нас посильней.

— Ну, довольно,— положил руку на гитару Степан Радченко.— Давайте потолкуем о нашей работе.

Лидия слушала отчеты студентов о занятиях в рабочих кружках. И с каждым новым рассказом росло ее недоумение: «Чем они только забивают головы рабочих: и Фламмарионом и Рубакиным. Разве для этого после тяжелого труда приходят рабочие на занятия кружка?»

Когда же Петр Запорожец сообщил, что последнее занятие он целиком посвятил гуцулам, Лидия невольно рассмеялась.

— Зачем же о гуцулах? — с потухшей улыбкой спросила она.

— Говорил о происхождении Руси, вот и рассказал, что вычитал в книжках о гуцулах,— пожал плечами Запорожец.

— Сам ты гуцул! — обозлился Степан Радченко.— «Капитал» нужно изучать с рабочими.

— Трудно им понять труд Маркса,— вздохнул Запорожец,— и сам я не во всем там еще разобрался.

В разгоревшемся споре Лидия участия не принимала. Ей симпатичны были эти молодые люди. Наверно, за правое дело и на каторгу и в ссылку пойдут без сожаления. Но что может сделать эта кучка русских интеллигентов-мечтателей? Руководит-то ими кто? Будто Радченко, решила Лидия, хотя и не очень похоже.

Она села к нему поближе:

— Степан Иванович, а я могу получить кружок?

Разгоряченный спором, он откинулся на спинку дивана.

— Пока еще мало у нас связей с рабочими,— пояснил он,—у них тоже нет еще своих кружков.— Радченко кивнул в сторону увлеченных разговором Крупской и Невзоровой.— Со временем появится такая возможность.

Степан Радченко строго предупредил, чтобы расходились по одному. Лидию он выпустил через черный ход. «Опытный конспиратор»,— одобрила она действия хозяина квартиры.

Крупской очень хотелось узнать, какое впечатление произвели на Книпович ее товарищи. Но поговорить удалось лишь два дня спустя, когда они шли вдвоем по Шлиссельбургскому тракту.

— О кружке я еще скажу, но когда работаете в одной организации, довольно глупо вместе ходить в театр,— внезапно сурово выговорила Лидия.

Лицо Крупской покрылось красными пятнами.

— А вам какое дело? — вспылила она, круто повернулась, собираясь уйти в другую сторону.

— А вы подумайте на свободе, полезно будет,— донеслось ей вслед.

Весь следующий день подруги не разговаривали. После уроков Лидия дольше обычного задержалась в учительской, но во дворе школы ее ожидала Крупская.

— Извини меня, Лидия,— понурив голову, прошептала она,— я вчера была не права.

— Пойми, Надя, нужна строжайшая конспирация, а вы встречаетесь друг с другом без всякой нужды да в театры ходите. При такой «конспирации» могут как зайцев переловить.

Лидию волновали не столько нарушения правил конспирации, сколько сама работа кружка. Еще раз она побывала на его занятиях. Кому нужны эти тихие, спокойные беседы, когда кругом полно горя и несправедливости! Да и о чем идет речь? Разговоры ведутся все больше о рабочем и капиталисте вообще, о «товаре», «сюртуке», «холсте».

— Разве этот марксов «сюртук» приладишь к русскому работному люду? — не выдержала Лидия.

— Прежде чем решать русские революционные дела, нужно усвоить азы и буки учения Маркса,— ответил Радченко.

Как связать этот «Капитал» с нуждами русских рабочих, не знали ни Радченко, ни его товарищи. Не знала этого и Лидия. «Нет, уж лучше в школе с живыми людьми встречаться, нежели изучать по книге «холст» да «сюртук»,— решила она. Но занятия давались ей нелегко. За кажущейся импровизацией рассказа был скрыт тяжкий труд, порой бессонные ночи. К каждому уроку Лидия долго готовилась. Это был мучительный процесс раздумий, сомнений, споров с самой собой. Она много читала педагогической литературы, училась у других, а больше всего на своих ошибках. Не только методика занятий беспокоила Лидию. Еще больше она ломала голову над тем, как расшевелить сознание своих учеников, разбередить их душу.

Редкие вечера, когда не бывало занятий, Лидия проводила в семье брата. Это был ее любимый досуг. Нравилось приготовить каждому что-нибудь особенно вкусное, помочь жене Николая Аполлинарии убрать квартиру, перемыть посуду. Затем наступало время, которого особенно ждали дети. Поиграв с годовалой Юлей, Лидия шла в комнату мальчиков.

Десятилетний гимназист Сережа с жадным интересом слушал увлекательные Лидины сказки, которые она вдохновенно каждый раз сочиняла. Он терпеливо дожидался, когда его младший брат Боречка уснет на руках у Лидии. Тогда наступал его любимый час. Лидия гасила свет в детской и уводила Сережу к себе. Он прихватывал ранец, показывал Лидии тет-

ради и отчитывался перед ней обо всем, что произошло с ним со времени последней беседы. Уложив детей, Лидия обычно шла в домашнюю «курилку», в кабинет Николая, где брат и сестра засиживались до поздней ночи. Она привычно что-нибудь вязала, а Николай просматривал журналы, газеты, наиболее интересные места прочитывал вслух. Они любили эти «посиделки», ночные беседы и споры. Первым обычно уходил Николай. Лидия прибирала на столе, проветривала кабинет и возвращалась в свою комнату. Здесь ее ждали тетради и книги.

Но сегодня Лидия к ним не прикоснулась. Днем она навестила Крупскую.

— Напрасно ты перестала ходить на собрания. В нашей группе появился новый товарищ,— сообщила она.— В Питер он приехал издалека, с Волги, и наши окрестили его волжанином. Все от него без ума.

— Чем же пленил вас этот волжанин?

— На первом диспуте я не была, но потом он читал свой реферат о «Друзьях народа». Теперь он отпечатан на гектографе и ходит по рукам. Я подумала, что тебе интересно будет.

Крупская передала ей небольшой сверток.

— Спасибо, Крýпа, прочту обязательно.

Дождавшись, когда все улеглись, Лидия развернула сверток. На желтой обложке было напечатано: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Заголовок сам ничем особенно не привлек ее внимания, но приписка в скобках: «Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов» — живо заинтересовала. Этот ежемесячный журнал выписывал Николай, и Лидия его прочитывала. Вспомнилось, как брат возмущался Михайловским, который резко выступал против марксистов в «Русском богатстве»:

— Как может он так злобно писать, ведь недавно сам был революционером и чуть ли не марксистом. Это, извини меня, недозволенный прием,— негодовал Николай.— Знает Михайловский, что русские марксисты в печати ответить ему не смогут. Кто и где их напечатает?

Удобно усевшись в кресло, Лидия раскрыла книгу. И чем дальше читала, тем больше захватывали «желтенькие тетрадки». Несколько раз возвращалась

к началу, нетерпеливо перескакивала вперед. Затем перешла за свой маленький рабочий столик, потеснила на край стопки тетрадей. Приладив лампу, принялась читать все заново, но уже неторопливо. Часто и надолго задумывалась. «Каков, однако, эрудит, этот волжанин»,— поразилась она, насчитав с десяток работ Маркса и Энгельса, на которые ссылался автор «Друзей народа». Сама Лидия знала всего две: «Капитал» и «Манифест Коммунистической партии». Но, сказать по правде, и с ними она знакомилась больше для того, чтобы, подобно Михайловскому, найти какие-нибудь зацепки для критики. Маркса не принимала душа, все еще близки сердцу и уму были родные идеалы народовольчества. Сейчас она пожалела, что не может вот так, как волжанин, разобраться в Марксе, свободно использовать его труды.

Попыталась она и поспорить с автором, но из этого ничего не получилось. От страницы к странице книга отвечала на все ее, казалось, неразрешимые и трудные вопросы. Волжанин разрубил гордиев узел ее сомнений, метаний, поисков. Все это он делал неопровержимо, доказательно. Ни одного голословного утверждения. Один за другим рушились остатки былых идеалов. «Прав волжанин»,— и она почти вслух прочитала: «...русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России». Капитализм всюду: и в городе, и в деревне. Нет «единого крестьянства». Оно расслаивается. Растет классовая борьба. «Где же, где он, мужик — освободитель будущей России»,— горько усмехнулась Лидия.

Ей доставляло истинное удовольствие следить за развитием мысли автора. В самом деле, ведь борьба с самодержавием, крепостничеством, сословностью, бюрократией необходима рабочим лишь для облегчения борьбы против буржуазии. Но в этом заинтересован весь народ России, и в первую очередь крестьянин.

В волнении прошлась по комнате. Гулко пробили часы. Теперь, именно теперь пришло время для решительного выбора. Лидия быстро перелистала книгу. Вот: «...действительность требует борьбы, требует, чтобы всякий, кто не хочет быть **вольным** или **невольным** приспешником буржуазии», стал на сторону рабочих.

Нет, она совсем не собирается быть ни вольной, ни невольной пособницей буржуазии. Все ее симпатии, чувства и мысли давно уже на стороне рабочих. Теперь она в этом совершенно уверена.

Однако быть на стороне рабочих недостаточно. Михайловский и «друзья народа» тоже говорят, что они «на их стороне». «Поскребите «народного друга»...— пишет волжанин,— и вы найдете буржуа». Не принимая теории социал-демократов, такие «друзья» тянутся в рабочую среду, убедившись, что только в ней можно найти революционные элементы. «Это ведь и по моему адресу,— думает Лидия.— Я ведь тоже «эмпирически» потянулась к рабочим, почувствовав в них новую, непонятную, но могучую силу. Может, и меня поскрести, так найдешь немного от «друга народа»?» — взволновалась она.

Выступает автор, однако, не только против «друзей народа». Он пишет о неумении молодых революционеров, мнящих себя марксистами, связаться с массовым революционным движением, неумении применить книжные знания к конкретным условиям русской жизни.

Лидию увлекло живое, динамическое изложение, яркий, образный язык книги, веселый, искрящийся юмор автора. Но гораздо больше встретила она язвительного смеха. Перед ней был грозный полемист, нещадный сатирик. Всей душой Лидия приняла книгу, хотя разящие стрелы ее иной раз ненароком попадали и в нее, бывшую народоволку.

Нравилось, что автор не выбирает выражений: моськи, марионетки, тявканье... «Я бы, пожалуй, еще крепче сказала»,— подумала Лидия, однако, встретив слова: «Михайловский сел в лужу», она помимо своей воли вдруг захохотала. Неожиданный скрип двери оборвал смех. Лидия одним движением спрятала книгу. На пороге, поеживаясь, стоял Николай.

— Что ты делаешь так поздно, почему не спишь? Посмотри на часы!

Стрелки показывали четыре часа.

— Бог с ними с часами, Коля.

Лидию так и подмывало рассказать все брату. Колебалась она недолго. «А, была не была!»

— Послушай, Коля! — Лидия извлекла из-под пледа «Друзей народа»,— Михайловский «сел в лужу,— рассмеялась опять, но сдержалась.— И он пре-

красно, по-видимому, чувствует себя в этой, не особенно чистой, позиции: сидит себе, охорашивается и брызжет кругом грязью».

— Что это?

— Эта книга подарила мне такую ночь, какой еще никогда не бывало!

Лидия очень торжественно протянула брату тетрадки в желтой обложке. Николай вопросительно взглянул на сестру, перелистал напечатанную на машинке синими гектографическими чернилами книгу и устроился в кресле. Лидия оставила Николая одного. Только сейчас она почувствовала напряжение этой ночи. Умылась холодной водой. На кухне сварила себе крепкий кофе и долго мелкими глотками пила горький, но освежающий напиток.

Уже рассветало, когда она вернулась в комнату. Николай оторвал глаза от книги.

— Я не спрашиваю, кто тебе дал эту книгу. Но я точно могу сказать: еще никто на Руси так не писал. Ты только послушай,— и Николай торжественно прочитал последние строки, а Лидия почти наизусть повторила их:

— «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,— тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**».

— Надя,— сказала Лидия, возвращая сверток Крупской,— это настоящий манифест русских социал-демократов, я могу поставить под ним свою подпись.

Крупская порывисто обняла подругу.

— Я так рада, Лидя, что ты все до конца решила, ты не представляешь, как я рада!

— Ну, будет сантименты разводить,— улыбнулась Книпович,— теперь за дело. Будем, как пишет автор, «Studieren, Propagandieren, Organisieren» — «изучать, пропагандировать и организовать». Только к неведомому волжанину у меня есть и вопросы.

— Придет время, сама и задашь их ему,— пообещала Крупская и еще раз крепко обняла Лидию.

...Разговор начался по дороге из Смоленской школы на конку, шепотом продолжали его и в пути.

— Лидя, зайдем к нам,— предложила Надежда.

Елизавета Васильевна сердечно поцеловала гостью и ушла хлопотать на кухоньку. Скоро она заглянула к подругам.

Много времени затратили собеседницы, но так и не могли прийти к общей точке зрения по вопросу, волновавшему обеих,— как будет ликвидировано самодержавие. Лидия допускала и цареубийство.

В разгар спора зазвонил колокольчик. Елизавета Васильевна открыла дверь, и в прихожей кто-то произнес:

— Здравствуйте, Елизавета Васильевна, я не поздно? А что, Надежда Константиновна уже дома?

— Здравствуйте, Владимир Ильич. Надя уже пришла, проходите, пожалуйста.

Она заглянула в комнату:

— Наденька, принимай гостя.

Гость поправил галстук, вошел в комнату и сделал общий поклон. На его немой вопрос Надежда Константиновна ответила спокойной улыбкой.

— Лидия, познакомься, это Владимир Ильич, помощник присяжного поверенного.

— Лидия Михайловна Книпович, учительница Смоленских классов.

— Позвольте, позвольте,— прищурился Владимир Ильич,— уж не родственница ли вы того Книповича, который проходил по делу Благоева?

— Николай Книпович — мой младший брат. Он уже успел побывать в «Крестах» и под надзором полиции.

— Лидия Михайловна и сама привлекалась по делу народовольцев,— сказала Надежда Константиновна,— спорим мы с ней сегодня много и никак не можем доспорить. Помогите разобраться.

— С удовольствием, — оживился Владимир Ильич.— Так о чем вы спорили, сударыни?

Крупская объяснила. Владимир Ильич на миг задумался.

Он отодвинул стул и, заложив пальцы за борт пиджака, стал быстро ходить по комнате.

— Царей и цариц много сменилось на российском престоле. Некоторые из них умирали не своей смертью. Одного царя народники убили и второго убить пытались.— Владимир Ильич помрачнел.— Но гибнут в результате смелые люди, светлые головы, и гибнут зря. Дважды вешали «первомартовцев» — в восемьдесят первом и восемьдесят седьмом годах, а народникам все это не наука.

Он остановился напротив Лидии Михайловны, давая ей возможность возразить, но она не проронила ни слова.

— Нет, Лидия Михайловна, самодержавие будет уничтожено, и не одним человеком, даже не группой, а вооруженным народом во главе с рабочими.

Лидия с удивлением и все возрастающим интересом слушала этого невысокого, коренастого молодого человека. Он между тем подробно разбирал ошибки народников:

— Крестьяне веками воевали против помещиков за батюшку царя. Верят в него еще и массы рабочих, недавних крестьян. Поэтому нужно разоблачать самодержавие, сделать его политическим трупом в глазах народа. Крайне важно учить рабочих грамматике и арифметике классовой борьбы.

Он сел за стол.

— Владимир Ильич,— предложила Елизавета Васильевна,— разрешите я вам налью горячего чая, у вас ведь остыл.

— Спасибо, Елизавета Васильевна.— Владимир Ильич взглянул на часы и стал прощаться. Надежда Константиновна вышла в прихожую проводить гостя.

Вскоре собралась и Лидия. Прощаясь, спросила:

— А как фамилия Владимира Ильича?

— Ульянов.

— Какой Ульянов? — изумилась Лидия.

— Младший брат Александра Ульянова, казненного по делу 1 марта 1887 года,— сказала Крупская,— он же — волжанин.

Глава вторая ИЗДАТЕЛЬ «СОЮЗА БОРЬБЫ»

Книпович шла по вечерним улицам Питера, заново переживая разговор, состоявшийся только что на квартире Крупской. Владимир Ильич долго и дотошно выспрашивал мельчайшие подробности о Смоленской вечерне-воскресной школе. Его интересовали ученики, их настроения, высказывания. Многих из них, оказывается, он знал, и довольно хорошо.

Особенно запомнился Лидии конец разговора. Речь зашла о листовках.

— Есть у нас литературные силы, есть рабочие, жаждущие читать подпольные листки, но нет самого малого пустяка,— Владимир Ильич покрутил рукой в воздухе,— нет типографии.

Он горько усмехнулся и быстро зашагал по маленькой комнатке — три шага туда и три шага обратно.

— Подумать только, мы пишем листовку от руки, а народовольцы печатают, и, заметьте, прекрасно печатают.

Он остановился и извлек из внутреннего кармана небольшую книжку.

— Вот извольте полюбопытствовать,— сказал он, протягивая Лидии. Она с интересом перелистала все восемь страниц аккуратно отпечатанной брошюры «Братцы-товарищи» и передала ее Надежде.

— Владимир Ильич,— нерешительно произнесла Лидия,— а не могли бы мы использовать этих народовольцев для печатания наших листовок?

Владимир Ильич, прищурившись, пристально посмотрел на Лидию и с интересом спросил:

— А как это сделать?

— Я попытаюсь найти их, если, конечно, типография еще существует,— тихо ответила она.

— Это было бы превосходно,— сказал Владимир Ильич и пожал ей руку.

Лидия перешла Дворцовый мост, свернула по набережной Невы и только возле здания университета огляделась — вот куда завели ее раздумья. «Зачем я легкомысленно взялась за такой фантастический проект,— корила она себя,— ведь искала же я народовольцев перед «голодом» и не нашла».

Мимо, громко разговаривая, прошла группа студентов. Лидия посмотрела им вслед, и внезапно лицо ее озарила радостная улыбка. Она вспомнила. Весна 1892 года. Квартира брата. Николая ждет молодой человек. Лидия знает его. Это Браудо, студент университета. Стараясь занять гостя, Лидия вошла в гостиную.

— Здравствуйте, Василий Исаевич,— приветливо поздоровалась она и села в кресло с привычным вязанием в руках. Разговор бегло касался различных тем, пока Браудо не сказал:

— Ведь вы были «на голоде», расскажите, пожалуйста.

Она, волнуясь, стала рассказывать ему о поездке. Гость отвернулся к окну и долго молчал.

— Лидия Михайловна,— внезапно спросил Браудо,— до каких же это пор наш народ будет только одним воздухом вольным дышать?

Глаза Браудо блестели, в нем происходила какая-то внутренняя борьба, но он, вдруг приняв неожиданное решение, подошел к Лидии:

— Вы старше, опытнее меня, и я очень хотел знать ваше мнение вот об этом.

Он подал сложенный лист тонкой бумаги размером в две тетрадочные страницы. Она развернула и прочитала заголовок «Первое письмо к голодающим крестьянам» и текст листовки, как живой отклик на взволновавший обоих разговор. Спросить тогда, где напечатан листок, Лидия посчитала неконспиративным, а сам Браудо ничего не сообщил. Он только ждал, что скажет Лидия, но беседе помешал приход Николая.

Именно это вспомнила Лидия Михайловна и решила во что бы то ни стало найти студента, хотя после той встречи не видела его ни разу.

Через несколько дней при помощи Николая она встретилась с Браудо на богатой квартире Андрея Васильевича Каменского, близкого к народовольческим кругам.

Они долго рассматривали друг друга. Лидия почти не изменилась, зато Браудо короткая прическа сделала почти неузнаваемым.

— Лидия Михайловна, чем могу быть вам полезен? Николай Михайлович передал мне вашу просьбу о встрече.

— Я хочу спросить вас о том, о чем не решилась два года назад.— Она сделала паузу.— Скажите, Василий Исаевич, где печатали ту листовку, которую вы мне давали читать?

Браудо, глубоко задумавшись, хранил молчание. Он не ожидал подобного вопроса. Лидия протянула ему брошюру «Братцы-товарищи». Рука Браудо дрогнула, когда он взял ее неторопливо. Перелистывая хрустящие страницы, он поглаживал их. После недолгой борьбы он сказал очень просто:

— Эту брошюру, Лидия Михайловна, печатал я.

Браудо был, видимо, не менее Лидии ошеломлен собственным признанием. После минутного замешательства он махнул рукой и улыбнулся:

— Раз уж я нарушил конспирацию, буду откровенен до конца. Думаю, что раскаиваться мне не придется.

Лидия посуровела:

— Я ценю ваше доверие и откровенность, Василий Исаевич.

Браудо рассказал удивительную историю.

— Начало ее,— улыбнулся он,— относится к осени 1891 года. В тесной квартире Михаила Степановича Александрова собралась небольшая компания. Со стола убрали книги, статистические справочники, и хозяйка дома, Екатерина Михайловна, подала скромный ужин. Михаил Степанович разлил по рюмкам вино и внимательно оглядел гостей. Рядом с хозяином сел Лев Карлович Чермак — заведующий статистическим отделом Петербургской губернской земской управы. Это он год назад устроил М. С. Александрова к себе на работу. Дальше сидели Николай Леонидович Мещеряков — студент технологического института и Александр Александрович Федулов — в недавнем прошлом студент Петербургского университета, исключенный за активное участие в студенческих беспорядках. На другой стороне стола готовил себе закуску Андрей Юль-

евич Фейт — врач Академии наук и я, ваш покорный слуга,— поклонился он с улыбкой и продолжал:

— Собрались мы под видом дня рождения хозяйки, но конечно же не для этого мы пришли туда с такими предосторожностями. Михаил Степанович поднялся с рюмкой в руке.

— Дорогие друзья,— начал он,— дышать становится все труднее, в одиночку нам не избыть народной нужды. Предлагаю объединиться и назваться «Группой народовольцев».

Все с удивлением посмотрели на хозяина.

— Вы спросите, что нам делать, чем заниматься? Я отвечу — только не цареубийством. Всем становится ясно, что это ни к чему доброму не приводит. Хватит с нас жертв восемьдесят первого и восемьдесят седьмого годов.— Михаил Степанович обвел нас всех взглядом и сказал: — Я предлагаю организовать типографию. Уже несколько лет в России подпольная революционная литература не издавалась. Вы знаете, что она ввозится из-за границы. Правительство не разрешает газет для народа. Ну что ж, заведем свою печатную газету без разрешения на этот раз его императорского величества. Это поможет делу и ускорит развитие сознания народа,— закончил он, и мы выпили за родившуюся «Группу народовольцев».

Все были воодушевлены и в развернувшейся довольно сумбурной беседе стали обсуждать конкретные дела.

Чермак предложил организовать типографию в его усадьбе Крутик, которая расположена вблизи Чудова:

— Я ведь сын генерала, действительного статского советника, и мое захолустье не будет бросаться в глаза жандармам.

С ним согласились. Еще одну типографию задумали организовать в Петербурге. Уже когда пили чай, Фейт сказал, что он постарается переговорить с Аничковым об организации в его имении под Боровичами третьей типографии. Вы, Лидия Михайловна, не удивляйтесь моему подробному рассказу. Просто это запечатлелось на всю жизнь, да иногда душу излить хочется,— виновато улыбнулся Василий Браудо.

— Короче говоря, через несколько месяцев мы имели в своем распоряжении три хорошо оборудованные подпольные типографии. Все необходимое помог достать рабочий Арсений Колодонов. Чудесный и беззаветно преданный делу человек. Для работы в своей типографии Чермак привлек Александра Никитинского и его брата Андрея, студента Петербургского университета. В имении Аничкова под Боровичами, где была с согласия хозяина организована типография, работал я, Екатерина Михайловна Александрова, Александр Федулов и рабочий Александр Ергин.

По всей стране разлетелись «Летучие листки» № 1 и № 2. Впервые за последние годы появились подпольные революционные издания, отпечатанные в России.

— Да, я знакома с этими изданиями,— сказала Лидия,— только почему-то считала, что они издаются за границей.

— Ничего в этом удивительного нет,— пояснил Браудо,— мы подбирали шрифт и бумагу так, чтобы создать впечатление, что издания заграничные.

— Вы знаете, я запомнила почти дословно, как было сказано в «Летучем листке»: «На первых порах мы хотим добиться политической свободы».

— А для этого,— продолжал Браудо,— «надо всем нелицемерным друзьям народа сплотиться и добиться общей цели».

Оба рассмеялись, довольные своей памятью.

— В общем, чисто народническая программа,— сказала Лидия,— задача создания «Всесословной партии из интеллигенции и критика марксизма».

— Да, пожалуй,— согласился Браудо,— однако интересно отметить, что в напечатанной программе партии «Народная воля» мы уже выбросили слова: «Мы — народники» — и оставили только слова: «Мы — социалисты».

— Но от этого не перестали быть народниками, а социалистами не сделались,— улыбнулась Книпович.

— У нас была и рабочая подгруппа, которую возглавил Михаил Степанович Александров. И это, конечно, сказалось на литературе.

Он любовно взял в руки брошюру, принесенную Лидией.

— Автором этой брошюры «Братцы-товарищи» стал рабочий завода Сименс-Гальске Иван Кайзер. Это была последняя наша брошюра, отпечатанная в типографии под Боровичами,— вздохнул Браудо.— Мы с Александром Ергиным проработали там все лето и оттуда были призваны в армию. Ергин уехал служить в Севастополь, я — во Владимир.

Браудо помолчал.

— Недавно, после службы, мы с Ергиным встретились, но никого, кроме Фейта, не застали,— сказал он, помрачнев.— Андрей Юльевич случайно избежал ареста, остальных всех забрали в апреле этого года и осудили. Нам еще неизвестно, как удалось полиции раскрыть группу, но держались они замечательно стойко и ничего не выдали,— сказал он с гордостью.

— Ну, а типографии? — спросила Лидия.

— При всей своей проницательности жандармы до них добраться не смогли. Они надежно спрятаны,— удовлетворенно улыбнулся Браудо.

Лидия перевела дух.

— Ну и как теперь собираетесь поступить?

В глазах собеседника она прочла ответ на свой вопрос. Книпович встрепенулась:

— Кто знает, где спрятана типография?

— Андрей Юльевич Фейт,— тихо ответил Браудо.

— Слушайте меня внимательно, Василий Исаевич,— Лидия говорила настойчиво, убежденно.— Разве можно оставить так славно начатое дело. Давайте попытаемся возродить группу и типографию. Разве можно, чтобы погибло такое важное дело. Типографию нужно так устроить, чтобы никакие ищейки не смогли до нее добраться. Сейчас, как никогда, нужна хорошо поставленная типография. А литературные силы имеются, и очень хорошие.

— Пожалуй, вы правы,— отозвался Браудо,— переговорю с Ергиным и пойдем к Фейту. Кто сказал «а»...

— Должен сказать «б»,— закончила за него Лидия,— и, довольные беседой, они расстались, договорившись о следующей встрече.

Браудо пришел сам, но только через три месяца. Разделся в прихожей, аккуратно пригладил волосы и, сияя улыбкой, протянул Лидии небольшой листок.

— Еще тепленькая, с хрустящей корочкой,— пошутил он.— Вам первый листок, Лидия Михайловна, как его крестной.

Не выдавая радости, Лидия внимательно прочитала листовку под названием «От группы народовольцев». «Мусора много в голове у крестника,— усмехнулась она,— но замечательно, что он наконец родился».

Она усадила гостя в кресло.

— Ну, а теперь, Василий Исаевич, расскажите все, что мне можно знать.

— От вас у меня секретов нет.

Лидия внимательно слушала рассказ Василия об организации «Группы новых народовольцев» и подпольной типографии.

— Подобрались энергичные, преданные люди. Есть интеллигенты и рабочая группа,— закончил он свой рассказ.

— Вы должны меня познакомить с членами группы.

— Да, Лидия Михайловна, я вас сведу с ними.

Через неделю Браудо привел к Лидии небольшого роста черноволосую женщину и откланялся.

— Прейс, Екатерина Александровна,— представилась она Лидии и, энергично встряхнув ее руку, как-то уверенно, по-хозяйски уселась в кресло.

— Я знаю о вас многое,— сказала Прейс,— знаю все, что смогла узнать, и не только от Браудо. Личное впечатление только подтвердило хорошее мнение о вас. Будем говорить откровенно.

— Я думаю, что наша встреча — залог именно такого разговора,— пожала плечами Лидия.

— Вас, генеральскую дочь, конечно, не должно удивлять, почему я, дворянка, возглавила подпольную революционную группу.— Прейс, сломав несколько спичек, закурила.

— Я ненавижу царя, его министров, губернаторов и всех, кто угнетает Россию. Но я не теоретик, хотя вопросы теории для меня не безразличны. Я возглавила группу, чтобы от теории перейти к практике.

«Да ты, голубушка, чистейшей воды народница.— Лидия разглядывала собеседницу сквозь окутавший ее дым папиросы.— Сейчас ты мне попу-

лярно будешь излагать знакомые вещи». И все-таки, не удержавшись, спросила:

— Что же вы подразумеваете под практикой?

— Две вещи: агитация и террор,— отрубила Прейс и пояснила: — По-моему, террор — это единственное сильное средство всколыхнуть стоячее болото, кинуть туда такие вопросы, о которых никто не слышал в этой мертвой тишине.

— Да, террор — это единственное средство кинуть на плаху нужных революции людей,— тихо сказала Лидия.— Милая Екатерина Александровна, разве мало было жертв, а результат — один сплошной вред и реакция. Другое дело — агитация при помощи листовок и брошюр. И то, смотря о чем и как говорить теперь с народом.

Лидия встала, прошлась по комнате и прислонилась к стене.

— Я, Екатерина Александровна, считаю себя старой народоволкой, но когда начинала говорить с рабочими об общине, особых путях развития русского народа, и особенно о неприемлемости для него капиталистического развития, они попросту не хотели меня слушать. Но зато глаза их загораются, когда заговоришь о делах на фабрике Максвеля, заводе Торнтона, об их рабочих нуждах. Поймите, Екатерина Александровна, на растущего русского рабочего теперь уже не лезет узкая одежда народовольчества.

Лидия спорила не только с Екатериной Александровной, но и с собой, расставаясь с тем, что так долго было дорого и незыблемо. Лидия поймала себя, что слово в слово повторяет доводы Владимира Ильича. «Что же это я,— остановилась, подумала.— Нет, это теперь и мои мысли, а говорю его словами потому, что, пожалуй, лучше не скажешь».

— Лидия Михайловна, вы не войдете в нашу группу? — настороженно спросила Прейс.

— Нет, Екатерина Александровна, в группу я не войду, но мои товарищи, социал-демократы, предлагают сотрудничество. Есть литературные силы, связи и влияние среди рабочих, а у вас типография.

Прейс молча курила. Наконец сказала:

— Хорошо, в принципе я согласна, а об условиях договоримся.

В этот же вечер Лидия зашла к Крупской.

— Надя, ты помнишь, как я наобещала Владимиру Ильичу печатание листовок. Он не заводил об этом разговора с тобой?

— Нет, ни разу, но, видимо, ждет, когда ты сама напомнишь.— Надежда обняла подругу и шепотом спросила:

— Ты выполнила свое обещание, да? Ну, скажи,— тормошила она улыбающуюся Книпович.

— А он будет сегодня?

— Наверное, да,— шепнула Надежда.

Вскоре пришел Владимир Ильич.

— Вижу, вижу, заговорщики что-то утаивают от меня,— прищуриваясь, сказал он, бросив взгляд на подруг,— ну, выкладывайте.

— А вы угадайте,— рассмеялась Надежда Константиновна.

— Владимир Ильич, уже можно печатать брошюры и листовки,— откликнулась Лидия.

Владимир Ильич прошелся по комнате и остановился против Лидии Михайловны:

— Подробностей, Лидия Михайловна, подробностей.

— Меня только одно удивляет, почему такая заядлая народоволка, как Прейс, клюнула на предложение о сотрудничестве,— заключила Лидия свой обстоятельный рассказ.

— Тут все закономерно, Лидия Михайловна. Для Прейс, как и для народовольцев вообще, мы, социал-демократы, пока еще представляемся безобидными детишками в коротеньких штанишках, они не видят в нас опасности. Сам Петр Лавров считает, что социал-демократы пойдут за народовольцами, а раз так, рассуждает Прейс, стоит с ними сблизиться, и чем скорее, тем лучше. Вот она и клюнула,— рассмеялся Владимир Ильич.

— По-моему, сблизиться с ними и нам полезно,— сказала Лидия,— ведь мы используем их типографию.

— И не только,— добавил Владимир Ильич.— Не отойдут ли они, сотрудничая с нами, от обветшалых народовольческих догм к марксизму? Вот ведь вы прошли этот путь и довольно успешно, так ведь? — обратился он к Лидии. — А вообще, — продолжал Владимир Ильич, — чтобы иметь возмож-

ность донести марксистское слово до рабочих, я готов на любой союз. Вам, Лидия Михайловна, обязательно нужно постараться самой познакомиться с типографией и помочь исправить дело, если что не так, особенно в части конспирации.

Сообща обсудили, как впредь держаться с народовольцами.

Елизавета Васильевна внесла чай.

— А я все думаю, чего же это не хватает,— пошутил Владимир Ильич, вдыхая аромат свежезаваренного чая.

Скучая по матери и домашним, он удивительно хорошо чувствовал себя в маленькой, очень дружной семье Крупских. Его неудержимо тянуло к этим милым людям, и незаметно для самого себя он все свободные вечера проводил в их уютной квартире.

— Теперь, Лидия Михайловна, когда вы активно включились в нашу социал-демократическую работу, нужно придумать вам конспиративное имя,— сказал Владимир Ильич.

«Какую же ей придумать кличку,— раздумывал он.— Она ведь старше и опытнее многих, нетерпима к малейшим нарушениям конспирации. Как-то Надя рассказывала, как Лидия Михайловна журила ее за какой-то промах,— усмехнулся он про себя.— Да, для зеленой марксистской молодежи она порой кажется строгим дядькой. Дядька,— про себя повторял Владимир Ильич,— вот так, пожалуй, и назовем ее. Нет, не годится, грубо, для такой, как Лидия, это не подходит. Ведь все ее любят и глубоко уважают. А если добавить ласкательный суффикс? Получится Дяденька. Вот теперь подходит»,— решил Владимир Ильич.

— Меня прозвали товарищи Стариком, хотя я еще сравнительно молод. Видимо, вот за эту особенность,— и он со смехом погладил свою лысеющую голову.— Вас, Лидия Михайловна, за всеобщее уважение предлагаю назвать Дяденька.

Крупская обняла подругу.

— Дорогая Дяденька, я так рада, что ты наконец совсем с нами. Мы с Аполлинарией Якубовой знали, что этот день наступит.

Лидия чувствовала, что начинается новый этап в ее жизни. Посидев еще немного, Лидия стала прощаться. Ей захотелось побыть одной.

— Я пойду вас проводить,— поспешно поднялся Владимир Ильич.

— Это неконспиративно, товарищ Старик,— подавляя улыбку, сказала Лидия.

— Ну, раз меня начинают учить конспирации,— улыбнулся он,— то придется у Елизаветы Васильевны попросить еще чашечку чаю.

Надежда Константиновна за длинными ресницами спрятала сияющие глаза.

— Лидия Михайловна,— выходя в прихожую, сказал Владимир Ильич,— ровно через неделю, в 11 часов утра, мы с вами встретимся в книжном складе Калмыковой. Учтите, что вас встретит не Александра Михайловна Калмыкова, а Тетка,— добавил он тихо и многозначительно. Крепко пожимая руку, он сказал: — До скорого свидания, товарищ Дяденька!

На условный стук дверь квартиры открыл молодой, лет двадцати, парень.

— Здравствуйте,— начала условный разговор Книпович,— мне нужен портной. Я принесла в ремонт брюки.

Парень бросил на нее быстрый взгляд:

— Я только шью брюки.

— Но мне вас рекомендовали,— сказала Лидия, протягивая оторванную с изломом половинку визитной карточки.

Парень аккуратно приложил к ней вторую половинку, которая точно совпала, и протянул Лидии. На визитной карточке она прочла: «Портной М. Тулупов, Крюков канал, д. 23/4, кв. 13».

— Это я,— сказал он последнюю фразу пароля и пригласил гостью в комнату, предварительно проверив запор и накинув на крюк цепочку. В комнате ей поклонился коренастый, широкоплечий мужчина лет тридцати и представился:

— Василий Приютов, рабочий-портной.

«Вот никогда бы не подумала»,— было ее первым впечатлением. Работая среди рабочих, Лидия перевидала сотни различных типов внешностей и характеров, но Василий Приютов поразил ее не только крупной головой с высоким выпуклым лбом и умным взглядом изучающих серых глаз, но главное — ка-

кой-то особой манерой держаться: любезно-почтительной и одновременно уверенной, полной собственного достоинства. «Рабочий-вожак,— решила Лидия,— такой поведет за собой рабочих, они и не оглянутся».

Лидия удивительно легко умела располагать к себе людей самых различных. Скоро Приютов рассказал ей о своей жизни на юге, в Аккермане, где родился, и об Одессе, где учился портновскому ремеслу. Василия неудержимо влекло в Петербург. Приехав сюда, он работал то в той, то в другой мастерской, посещал воскресную школу. Когда бывал без работы, то пропадал в Публичной библиотеке. Ему хотелось передавать свои знания товарищам, и он у себя дома организовал кружок, стараясь помочь в развитии братьям Тулуповым и другим рабочим.

— Что же вы читали с рабочими? — поинтересовалась Лидия Михайловна.

— Всякое. И Надсона, и Некрасова, иногда перепадали и нелегальные издания: «Царь-голод», «Летучий листок № 2», «Сибирь и система ссылки» Кеннана и другие. Читали мы бессистемно, но обстоятельно обсуждали каждую книгу, часто спорили.

— Как же вы от Надсона дошли до подпольной типографии? — улыбнулась Книпович.

— А очень просто. Летом прошлого года я познакомился с одним студентом. Он дал мне связку нелегальных изданий и познакомил с Екатериной Александровной Прейс, а она — с Сашей большим, который и поручил мне заняться организацией типографии.

— Василий говорит нам,— вступил в разговор Михаил Тулупов:— «вот, братцы, я узнал человека, у которого есть хорошее знакомство — писатели, так не устроить ли нам типографию? Этот человек будет нам давать материал и деньгами поможет, а если нет, так мы и сами, я думаю, сможем содержать ее».

— У нас подобралась очень хорошая группа,— продолжил Приютов,— портной, слесарь и ученик наборщика. Первым долгом мы сняли для братьев Тулуповых эту квартиру, и ежемесячно за нее Михаил вносит старшему дворнику Игнатию Заботкину четырнадцать рублей.

Лидия с удовольствием слушала неторопливую окающую речь Михаила Тулупова:

— Наборщик начал шрифт таскать, а портной и слесарь — типографию обряжать. Портной шил, а слесарь делал кассы, угольники, новый металлический станок, и работа пошла.

Чтобы не обратить на себя внимание дворников и полиции, братья Михаил и Григорий Тулуповы днем занимались своим ремеслом, выполняли заказы, а вечером и ночью печатали.

— Мы с братом наконец-то принялись за настоящую работу,— с удовольствием сообщил Михаил Тулупов,— печатали по двенадцать, по тринадцать и четырнадцать часов и даже больше, если, конечно, бывала работа.

— А что, случаются перерывы? — полюбопытствовала Лидия.

— Да, бывают дни совсем без работы,— помрачнел Тулупов,— а еще у типографии не всегда бывают средства, приходится относить в заклад не только часы, пальто, но даже брюки.— В смущении он умолк.

Лидия передала им рукопись вопросника для сбора сведений о положении рабочих на фабриках и заводах, пояснила значение агитационных листков, которые будут выпускаться на основе этого вопросника.

Приютов отнесся к этому скептически.

— Рабочий класс,— сказал он убежденно,— достаточно организован и революционизирован самим капиталистическим строем, и стоит только поднести фитиль, как произойдет революция.

— А что же, по-вашему, должно стать фитилем для революции?

— Беспощадный террор — это лучшая пропаганда действием в рабочей среде,— отрубил Приютов. Он ушел первым, вежливо попрощавшись.

Калмыкова не удивилась приходу Книпович в ее книжный склад на Литейном. Они были уже давно знакомы по совместной работе в Смоленской вечерней школе. И у Александры Михайловны Лидия тоже была несколько раз, но просто как знакомая. Признаться, Лидия очень удивилась, когда Владимир Ильич назначил у нее деловую встречу: Александру Михайловну она знала как вдову сенатора, владелицу большого книжного склада, ворочавшую

капиталом в сотни тысяч рублей, вхожую в самые высокопоставленные аристократические дома столицы, вплоть до Зимнего дворца. Но и для Калмыковой Лидия Книпович была до сих пор лишь дочерью действительного статского советника, в филантропических целях работавшей в воскресной школе.

— Здравствуй, Дяденька!

— Здравствуй, Тетка,— ответила Лидия.

Калмыкова увела гостью внутрь склада.

Через несколько минут, точно в назначенное время, она ввела Владимира Ильича. Он поздоровался и испытующе посмотрел на обеих.

— Познакомились?

— Да, сегодня мы по-новому узнали друг друга,— сдержанно улыбнулась Лидия.

В это время в комнату вошел молодой человек. Поздоровавшись с Владимиром Ильичем и Александрой Михайловной, он остановился перед Книпович.

— Познакомьтесь,— сказал Владимир Ильич.— Дяденька, Минин,— коротко представил он их друг другу.

Лидия, подав руку Минину, невольно улыбнулась про себя. Уж очень не вязался образ Кузьмы Минина с хрупкой маленькой фигурой нового знакомого, его удлиненным, тонкого рисунка лицом, большими, выразительными темными глазами.

Александра Михайловна принесла три каталожных ящика, бумагу, карандаши и поставила перед каждым.

— Я пойду погляжу, чтобы сюда никто не вошел, но если вдруг кто-нибудь и появится, то вы подбираете книги для домашних библиотек. Она уже хотела выйти, но задержалась и с усмешкой добавила:

— Только теперь, пожалуй, не скоро придут.

— Что так? — осведомился Владимир Ильич.

— А после недавнего случая.

— Расскажите, любопытно.

— Действительно, получилось очень забавно. Повадились ко мне с обысками, и довольно часто. Вот недавно опять приходит на склад жандармский чин с дворником, понятыми, все честь по чести. Ну, думаю, сейчас я вам задам работу. Повела его в свой архив и предложила посмотреть то, что находится под синими обложками.

— Что вы, ужаснулся жандарм,— на это и недели мало будет!

— Ну, тогда, пожалуйста, в кабинет мой,— пригласила я его. В это время под окнами мелькнула придворная карета. В склад вошла фрейлина Озерова:

— Государыня Мария Федоровна хочет подарить библиотечку в детский приют. Она велела поручить это вам, госпожа Калмыкова.

— Передайте ее императорскому величеству, что ее повеление будет исполнено,— ответила я фрейлине,— и сейчас же примусь за работу.

Озерова откланялась и уехала. Жандармский чин слушал этот разговор, не показываясь из архива, и вместе с городовыми и понятыми исчез куда-то бесследно. С этой поры и не беспокоят,— закончила свой рассказ Александра Михайловна под общий хохот.

— Как она его ловко,— рассмеялся Владимир Ильич,— а что, неплохо быть в гостях у знакомой царского двора, хоть побеседовать можно спокойно.

Слушая Калмыкову, Лидия подумала о том, как умело Владимир Ильич подбирает самых различных людей: «За такой Теткой можно чувствовать себя спокойно».

Когда Калмыкова вышла, Владимир Ильич сказал Лидии:

— О вас, как о нашем посреднике в связях с народовольцами, я уже рассказал товарищу Минину. Ему поручено иметь непосредственную связь с вами. А сейчас я прошу вас, Дяденька, рассказать о последних встречах с народовольцами.

Лидия подробно рассказала о своем посещении типографии, беседах с рабочими. Владимир Ильич и Минин задавали ей много вопросов. Минин поинтересовался, безопасно ли устроена типография.

— Самым наилучшим образом,— заверила Книпович.— Двор извозчичий, с трактиром, который не закрывается всю ночь. Согласитесь, что трудно уследить за посетителями типографии в вечной толчее пьяных извозчиков, кормежке и пойке коней, непрерывной смене приезжающих и уезжающих.

— Да, двор хорош,— одобрил Владимир Ильич.— Ну, а квартира как расположена?

Лидия пояснила, что под типографией находится пивная, которая в одиннадцать часов запирается, так

как хозяин в ней не квартирует. От соседней квартиры типография отделяется просторным проходом, а другая стена примыкает к соседнему дому.

Владимир Ильич и Минин обменялись одобрительными взглядами. Когда же Лидия сообщила, что для конспирации в квартире, занятой под типографию, открыта портняжная мастерская, Владимир Ильич удовлетворенно откинулся на спинку стула.

— Теперь мы можем писать для рабочих,— сказал он, блестя глазами,— народовольцев, видимо, учить конспирации не приходится, да и нам у них поучиться не грех.

Владимир Ильич энергично прошелся по комнате и остановился возле стола.

— Мы это дело поручаем вам, Дяденька, и вам, Минин,— говорил он медленно, веско, подчеркивая каждое слово.— Вести его нужно архиконспиративно. Вам, Дяденька, нужно как можно меньше показываться в публику. Связь вы будете держать только с Мининым, иногда с Якубовой и в крайнем случае со мной.

Лидия подробно договорилась с Мининым о дальнейшей работе, явках, паролях, встречах. Владимир Ильич внимательно прислушивался к их разговору. Лидия Михайловна почувствовала, что Владимир Ильич с какой-то особой теплотой относится к ее собеседнику. Да и ей он очень понравился.

Так Лидия Книпович познакомилась с Анатолием Ванеевым,— это он имел партийный псевдоним Минин. Тогда Книпович еще не знала, что Ванеев, студент-технолог, был активным участником социал-демократической организации.

После этой памятной встречи Лидия зачастила на Литейный. Раз от разу Книпович и Калмыкова сходились все ближе, беседы их становились все откровеннее. Сближало их и то, что обе они были намного старше товарищей по работе.

Лидия никак не могла понять, что связывает Ульянова и Струве, уж очень разные они. Но спросить об этом Калмыкову не могла — Петр Струве был приемным сыном издательницы. Как-то разговор об этом завела сама Калмыкова:

— Часто собирается у меня молодежь — Ульянов, Старков, Радченко, Потресов, Классон. Но наблюдаю, что поначалу общая беседа переходит в дискуссию между Владимиром Ильичем и моим Петром.

— О чем же спорят?

— Темы все больше философские, пытаются добраться до самого дна вопроса. Вижу, Ульянов рад этой теоретической гимнастике. Петр хоть и бывает бит, но и сам задает задачи Ульянову. Порой приведет наизусть цитату из книги, которую Владимир Ильич не читал, смотришь, в следующем споре тот уже использует ее против Петра,— улыбнулась Калмыкова,— успел, оказывается, побывать в Публичной библиотеке. Ты знаешь, Петр поражается знаниям, уму и силе логики Ульянова. «Очень далеко пойдет этот молодой человек»,— говорит он.

Александра Михайловна взяла со стола книгу.

— Ты читала это? — спросила она, передавая томик гостье. Лидия отрицательно покачала головой. Нет, с книгой П. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» она не знакома.

— Ну тогда возьми.— Лицо Александры Михайловны стало озабоченным.— Поймешь, почему я боюсь, как бы мне не пришлось скоро выбирать между сыном и Ульяновым,— сказала она.

Два вечера Лидия штудировала труд П. Струве, оставив на полях многих страниц вопросительные и восклицательные знаки. При встрече показала книгу Владимиру Ильичу.

— Вижу, добросовестно поработали,— одобрительно кивнул он на испещренную пометками книгу,— ну и как?

— Народников-то он критикует,— ответила Книпович,— но что предлагает взамен,— она открыла 288-ю страницу и насмешливо прочитала: «...признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму».

— Вот, вот,— обрадовался Владимир Ильич,— самый корень и заметили — от народничества Струве и его единомышленники идут прямо к воспеванию капитализма.

— Так чего с ними возиться? — Ведь это в будущем друзья наших врагов! — воскликнула Книпович.

— Они и сейчас не наши друзья, а временные союзники в борьбе с народниками,— спокойно ответил Владимир Ильич.— Но народники — главный противник марксизма и рабочего движения.

Он легким движением руки остановил Книпович, пытавшуюся что-то возразить.

— Наши оппоненты могут легально печататься, а у нас нет такой возможности. И мы используем печать «легальных марксистов» как для разоблачения «друзей народа», так и для критики Струве и его друзей. Скоро выйдет наш совместный сборник, если, конечно, цензура не зарежет книгу.

В апреле 1895 года Крупская дала подруге только что отпечатанный сборник:

— Смотри, Лидя, чтобы он не попался кому-нибудь на глаза. Цензура приказала сжечь весь тираж, но удалось сохранить считанные экземпляры.

«Это, верно, тот самый, о котором говорил Владимир Ильич»,— подумала Книпович.

— Надя, смотри, название-то у сборника совсем безобидное, научное: «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Что же тут испугало цензуру? — удивилась Лидия.

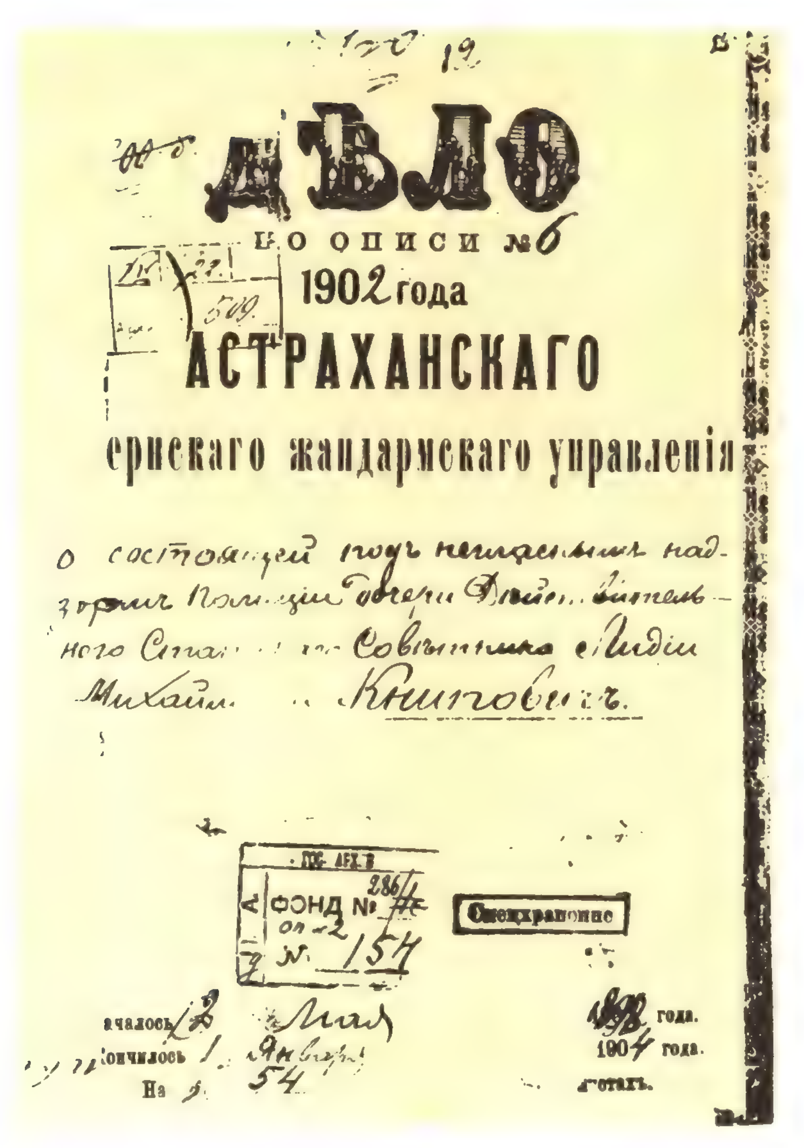
— А ты почитай, поймешь сама.

Разные были в сборнике статьи, и авторов за псевдонимами не узнать. Но статью К. Тулина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Лидия прочитала одной из первых,— в ней говорилось об уже знакомой ей книге Петра Струве. Когда одолела весь сборник, вернулась опять к статье Тулина. Она привлекала предельной ясностью, четкостью марксистской критики как народничества, так и Струве, представителя «легального марксизма». Все стало на свои места — Петр Струве пытается выхолостить из марксизма все революционное, опасное для буржуазии. Особенно Лидии запомнились слова автора, что «материализм включает в себя... партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».

«Партийность»,— думала Лидия. Автор будто угадал ее метания и в одном слове сумел выразить то, что она так долго и мучительно искала. «Именно

Л. М. Книпович
с племянниками Борисом,
Юлей и Таней.
Фотография 90-х гг.
Публикуется впервые.

ДѢЛО

ПО ОПИСИ № 6

1902 года

АСТРАХАНСКАГО

ернскаго жандармскаго управленія

о состоящей подъ негласнымъ надзоромъ Полиціи дочери Действительного Статского Советника Лидіи Михайловны Книповичъ.

ГОС. АРХ.

ФОНД № 286/4

оп. 2

№ 154

Спецхранение

ачалось 12 Мая 1902 года.

Кончилось 1 Января 1904 года.

На 54 листахъ.

Репродукция обложки «Дела 1902 года Астраханского ГЖУ» о Л. М. Книпович.

так,— уже вслух повторила она,— «прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы...»

«Пойду-ка я к Наде, о многом хочется поговорить»,— решила она. «А смогла бы я, как Тетка, усыновить Петра?» — удивилась Лидия вдруг невесть откуда появившейся мысли.

Она припомнила рассказ Калмыковой, как однажды ее родной сын привел товарища по гимназии. Петру Струве некуда было деваться. Лидия одобряла уход юноши от матери-сумасбродки. Отец Петра происходил из немцев. Был он губернатором и астраханским и пермским, но со всех постов уходил со скандалом. И все из-за жены, баронессы Розен, дамы страшно необузданной. Губернаторша, к примеру, обычно разъезжала по Астрахани с нагайкой. После смерти отца Петр ушел от матери. Александра Михайловна приютила бездомного юношу, но потом полюбила талантливого молодого человека и усыновила его. Лидия теперь, помимо своей воли, почувствовала глухое раздражение, когда представила сгорбленную фигуру Струве и его важный, недоступный во время беседы вид. Нет, не только сыном, но и товарищем его не назвала бы она.

Размышлять — теперь уже вслух — Книпович продолжала на квартире Крупской.

— Кто такой Струве? — наступала она на подругу.— Теоретик-аристократ. Он и его друзья даже пишут в немецкие журналы, их статьи больше годятся для немецких буржуа, чем для русского мастерового. Сегодня он марксист, потому что это модно — о марксизме пишут за границей, говорят в салонах. Да и берет Струве от марксизма только то, что мешает развитию капитализма,— критику феодализма, сословно-монархического строя.

Лидия зажгла папиросу и в несколько затяжек искурила ее. Успокоившись, она, как в детстве у отца, спросила у подруги:

— Надя, я правильно говорю?

Крупская молчаливо кивнула. Она внимательно слушала подругу.

— Раньше, Надя, все проще было, ясно, определенно. Есть революционеры, есть враг — царь и его прислужники. Цель — уничтожить врага. Настоящие революционеры отдают делу все — ум, честь, всего

себя и даже жизнь свою, если потребуется. Вот почему тогда народники были героями.— В голосе Лидии звучала гордость и грусть.— Или возьми рабочих народовольческой типографии. Они еще не все понимают, заблуждаются, но готовы жизнь отдать в борьбе. Их учить надо. А как относиться к Струве и ему подобным? — спросила Книпович Крупскую.

Та молчала — решила дать выговориться подруге до конца.

— Все дело-то в том, что Петр Бернгардович не заблуждается. Этот господин понимает, что делает. Такой не пойдет на Екатерининский канал метать бомбу в царя. Не каждый, конечно, может отдать своему делу все,— криво улыбнулась Книпович,— есть такие, что жертвуют деньги, благо их много, другие — часть своего времени, даже литературный талант. Но все эти околореволюционеры никогда не перейдут грань допустимого законами.

Никогда еще Крупская не видела Лидию такой. Она обычно помалкивала и была крайне немногословна. «Как ты, однако, выросла, Дяденька,— с нежностью, как о любимой ученице, подумала Надежда Константиновна.— Вот Володя порадовался бы, будь он здесь».

— Да, совсем забыла, зачем пришла,— сказала Книпович, возвращая Крупской сборник.— Будь я цензором, приказала бы сжечь книжку за одну статью Тулина,— пошутила она,— это, по-моему, лучшая статья в сборнике.

Надежда загадочно взглянула на подругу.

— Ты не знаешь, кто этот Тулин? С удовольствием пожала бы ему руку.

— Все тот же Старик,— ответила Крупская.

Были пасхальные дни апреля 1895 года. Зная, что брат собирается навестить родственников, Лидия накануне как бы невзначай сказала ему:

— Николай, я завтра хочу пригласить гостей.

— Ты разве не пойдешь с нами?

— Нет, не могу.

...Когда все ушли, она принялась наводить лоск в квартире, где и без того все блестело. Потом долго хлопотала у плиты. Лидия любила и умела принимать гостей. В самый разгар приготовлений пришла

Крупская. Вдвоем они быстро управились на кухне, накрыли в гостиной большой овальный стол и расставили вокруг него девять стульев.

Как-то Надежда сказала, что Владимир Ильич хотел бы побеседовать с учительницами Смоленской школы. Книпович предложила провести встречу на квартире брата. Место было очень удобным. Через парадный и черный ход большой квартиры Книповичей на Колпинской можно было выйти на три улицы.

Пригласили Прасковью Францевну Куделли, Аполлинарию Якубову, Анну Чечулину и Николая Мещерякова. Скоро все они пришли. Следом за ними явились Глеб Кржижановский и Василий Старков. В передней еще раз условно звякнул колокольчик. Владимир Ильич пришел точно: стенные часы гулко отбивали шесть раз. Снимая шляпу, он шагнул к открывшей ему дверь Книпович и пожал протянутую руку. Потом поздоровался со всеми присутствующими. С некоторыми из них ему пришлось знакомиться. Хозяйка пригласила гостей к столу. Часто отлучаясь на кухню, Лидия старалась не потерять нить беседы. И чем дальше шло время, она все с большим нетерпением ждала, когда в разговор включится Владимир Ильич. Слушая и как бы изучая сидевших за столом, он, видимо, не торопился вступать в беседу. Между тем чувство скованности, владевшее вначале учительницами, вскоре прошло и разговор стал общим и непринужденным.

— Вам, пожалуй, и слушать нас скучно,— обратилась к мужчинам Куделли,— мы все о школе да об учениках. Уж потерпите, раз попали на педсовет,— пошутила она.

— Напротив, Смоленская школа меня и товарищей очень интересует. Я не был в ней, но, признаться, много наслышан о всех ваших делах,— сказал Владимир Ильич.

Встретив искрящийся лукавый взгляд Глеба Кржижановского, Владимир Ильич внезапно запнулся и рассмеялся.

— Вспомнил я ученика Фунтикова,— пояснил он,— мне рассказали, что он как-то в короткой работе о рыбаке и рыбке умудрился представить рыбку рабочим, а рыбака капиталистом. Все рассмеялись.

— В каждой шутке, говорят, есть доля правды,— уже без улыбки продолжал Владимир Ильич.— Но

если вдуматься, ученик этот преподнес нам отличный урок. Совершенно очевидна огромная тяга рабочих к знанию. Они хотят понять механизм современного общества, стремятся найти выход из невыносимо тяжелой жизни.

Из рассказов Крупской Владимир Ильич уже многое знал об учителях Смоленской школы. Он вслушивался в беседу и обдумывал, как лучше объяснить учительницам свою позицию, сделать их своими единомышленниками.

— Недавно министр внутренних дел, небезызвестный Дурново, написал письмо обер-прокурору святейшего Синода Победоносцеву. Депеша эта была совершенно доверительная. Но вряд ли главный страж престола даже предполагал, что его секретное послание станет известно не только святейшему обер-прокурору. К счастью, есть люди, которые считают, что русские граждане должны быть осведомлены о тайных намерениях правительства.

Владимир Ильич из внутреннего кармана достал листок бумаги.

— Теперь письмо Дурново пойдет гулять по белу свету,— рассмеялся он, слегка вскинув голову.

— Что же пишет министр? — нетерпеливо спросил Мещеряков.

— А вот послушайте.— И Владимир Ильич развернул захрустевший узкий листок.— «Сведения, получаемые в течение последних лет, свидетельствуют, что лица, неблагонадежные в политическом отношении... стремятся к поступлению в воскресные школы в качестве преподавателей, лекторов, библиотекарей и т. д. Такое систематическое стремление, не оправдываемое даже изысканием средств для существования, так как обязанности в подобных школах исполняются безвозмездно, доказывает, что вышеозначенное явление представляет собою одно из средств борьбы на легальной (законной) почве с существующим в России государственным порядком и общественным строем противоправительственных элементов».

Владимир Ильич сунул листок в карман и, встав из-за стола, прошел к окну.

— Вот как судит его высокопревосходительство! Господина министра, видите ли, смущает, что учителя воскресных школ не получают жалованья, трудят-

ся бесплатно,— усмехнулся Владимир Ильич.— Ему спокойнее, когда его чиновники и шпионы служат только из-за денег. Того не ведает Дурново, что когда-нибудь для будущих граждан Российской республики ваш бескорыстный труд будет достойным примером.

— В воскресных школах только батюшки, ведущие закон божий, получают плату,— вставила Аполлинария Якубова.

— И к тем на уроки закона божьего учеников палкой не загонишь,— добавила Крупская.— Поп скандалит. Еле уговорила своих учеников ходить по очереди, по два человека.

— Не только попы деньги получают в воскресных школах,— произнесла Лидия.— Есть и платные шпионы господина Дурново. Но нас охраняют от них сами ученики. Помню, как подошел ко мне пожилой рабочий. Он кивнул вслед ученику, выходящему из класса, сказал шепотом: «Вы, Лидия Михайловна, остерегитесь этого черного. Он все в охранку шляется».

Владимир Ильич очень хорошо знал, как заботливо оберегали рабочие своих любимых учительниц.

— Вот и получается,— сказал он,— что союз попа и шпиона, по мысли Дурново, должен стать панацеей от всех зол революции. Не случайно он обращается именно к обер-прокурору святейшего Синода. Но послушайте, что еще пишет Дурново. Вот: «Из следующих сведений», которые, конечно, получены от платных шпионов,— прокомментировал Владимир Ильич,— «устанавливается, что не только в составе преподавателей попадаются лица вредного направления, но что нередко самые школы находятся под негласным руководством целого кружка неблагонадежных лиц».

Лидия заметила, как Надя и Владимир Ильич переглянулись между собой.

— Господин министр смотрит на рабочих, как на порох, а на знание и образование, как на искру,— неторопливо резюмировал Ульянов.— Дурново уверен, что стоит искре попасть в порох, как взрыв направится прежде всего на правительство.

Возле смеющихся глаз говорившего вдруг собрались лучики тонких морщин:

— Мы не можем отказать себе в удовольствии заметить, что в этом редком случае мы вполне и безусловно согласны с его высокопревосходительством,— сказал Владимир Ильич и уже без улыбки добавил: — Министры наши, как видим, думают прежде всего о том, чтобы как можно подальше держать школы от простого мастерового люда, мы же с вами должны стремиться к тому, чтобы как можно ближе быть к рабочим.

— Уж куда ближе, почитай, каждый день встречаемся,— вставила Куделли.

— Встречаться мало.

Владимир Ильич обвел всех взглядом и, понизив голос, почти шепотом добавил:— Мы, социал-демократы, считаем, что все воскресные школы нужно превратить в место политического просвещения рабочих.

— Что же сейчас главное? — спросила Чечулина.

— Вначале учить рабочих грамоте в прямом и переносном смысле. Пора нам перестать работать в одиночку. Нужно объединить усилия, изучать конкретную обстановку на отдельных предприятиях и требования рабочих. Вот мы и должны все эти факты сделать широко известными.

— Пожалуй, вы правы,— согласно кивнула Чечулина.— Вспомнился мне один недавний разговор с пожилым рабочим Семянниковского завода.

— Ведь какие времена пошли,— восхищался он,— раньше, бывало, видели, как нас надувают, и терпели. Теперь не то! Теперь, как приедет инспектор да начнет везде нюхать, мастер на цыпочках и заходит. А все от листков от этих.

— Кто же распространяет листки? — спрашиваю.

— Студенты, надо полагать,— не очень уверенно отвечает рабочий.— Сохрани их господь,— и он истово перекрестился.

— Вот видите,— подхватил Владимир Ильич,— старик даже бога просит помочь нам,— и, улыбнувшись, добавил: — Как раз на том самом Семянниковском заводе первую листовку и писал один из рабочих.

Крупская и Книпович переглянулись.

А дело было так. В одном из классов Смоленской воскресной школы шел обычный урок русского языка.

— Прошу придумать простое, распространенное предложение,— дала задание Книпович.

Руки дружно взметнулись над партами. Лидия обратила внимание, что Бабушкин как-то весь подался вперед и рука его нетерпеливо вздрагивала.

— К доске пойдет Иван Васильевич.

Бабушкин в два шага очутился у доски и, оглядываясь на класс, быстро написал: «У нас на заводе скоро будет стачка». Прочитав предложение, все уставились на учительницу.

— Ну что ж, разбирайте,— обычным голосом сказала она.

Растерявшийся Бабушкин топтался у доски. В это время прозвучал спасительный звонок.

— Всех прошу выйти на перемену, а вы, Бабушкин, сотрите с доски,— сказала Лидия.

Класс опустел. Бабушкин быстро стер написанное и направился к выходу.

— Стойте, Бабушкин,— остановил его гневный голос Книпович.— Вот что, Иван Васильевич,— чеканя слова, вполголоса говорила она.— Борьба с царизмом — это не игра в бирюльки. Если хотите стать революционером, то нечего рисоваться — и себя подведете, и дело провалите.

— Понятно, Лидия Михайловна, спасибо за науку,— тихо сказал Бабушкин и вышел из класса.

Еще одно замечание за нарушение правил конспирации Бабушкин получил уже от Владимира Ильича в кружке, в котором занимался. Иван Васильевич удивился, откуда Владимир Ильич мог узнать о происшествии на уроке. Оказывается, Книпович об этом случае рассказала Крупской, а та поделилась с Владимиром Ильичем.

Но Бабушкин оказался прав — 23 декабря 1894 года на Семянниковском заводе стачка действительно состоялась. Прямо на занятии кружка Владимир Ильич написал листовку, Бабушкин переписал ее печатными буквами и на следующий день разбросал на заводе. Это была первая листовка петербургских социал-демократов, обращенная к рабочим.

...Долго длилась в тот вечер беседа. Горячо ввязывался в спор Глеб Кржижановский, умное узкое лицо которого живо отражало все его чувства. Напротив, медлительный и казавшийся замкнутым Василий Старков говорил мало. В знак согласия он лишь ки-

вал головой, украшенной густой шевелюрой, и поглаживал свою округлую бородку.

Главной темой разговора стал вопрос о массовой агитации.

— Агитация,— убеждал Владимир Ильич,— основывается на понятных рабочим фактах, но всегда должна носить политический характер.

— Но разве можно заводить разговоры на политические темы с совершенно неразвитыми рабочими,— возразила Куделли,— ведь для них вера в бога и царя на первом месте.

Владимир Ильич стал разъяснять свою мысль:

— Конечно, мы только оттолкнем от себя рабочих, если сразу начнем говорить против царя и существующего строя. Но ведь «политикой» переплетена вся повседневная жизнь рабочих. Ведь на их глазах власть имущие всегда выступают на стороне хозяина и обязательно против рабочих. Грубость и самодурство мастера, хозяина, жандарма сопровождают всю жизнь рабочего. Надо только всякий раз указывать на роль жандармов, урядников при конфликтах рабочих с хозяевами. А там, смотришь, мысль рабочего, постепенно направляемая в эту сторону, пойдет дальше в своем политическом развитии.

Владимир Ильич прошелся по комнате.

— Очень важно с самого начала массовой агитации не давать развиваться иллюзии, что одной только борьбой с фабрикантами можно добиться чего-нибудь.

— Но ведь массовая и тем более политическая агитация вызовет неизбежные многочисленные аресты рабочих, интеллигенции,— не унималась Куделли.

Владимир Ильич резко повернулся к ней:

— Войны бескровной история не знает. Особенно это, Прасковья Францевна, относится к классовой борьбе. Очень обидно, когда жертвы бывают бесцельными и бессмысленными. Но когда арестуют одного сознательного борца, на его место встают десятки новых. Такова логика борьбы.

Слушая Владимира Ильича, Лидия вспомнила одного своего ученика.

Мятущаяся душа была у рабочего Точилова с фабрики Максвеля. Упорно искал он своего «бога»: разочаровался в православной церкви и переходил из одной секты в другую. Не раз пробовал учиться в ве-

черней школе, но неизменно бросал занятия. Оказался он в группе Лидии. Исподволь, но упорно беседовала она с ним и наконец добилась своего. Весной в одном из сочинений он написал ей:

«Всю жизнь искал я бога и наконец понял, что бога вовсе нет, и так легко стало: потому нет хуже, как быть рабом божьим, на людей-то управу можно найти».

Точилов не сразу нашел правильный путь и после своего отступничества от бога. Не зная, как выразить свой протест против мастера, изуверски издевавшегося над рабочими, Точилов ранил его ножом в бок. Долго сидел в тюрьме. Там завершилось его революционное образование — Точилов стал социал-демократом. Книпович вместе с Крупской пошла на суд над Точиловым, услышала смелую, яркую речь своего ученика, недавно бессознательного рабочего, а теперь социал-демократа.

Увлеченная воспоминаниями, Лидия вдруг спохватилась:

— Надобно, чтобы и рабочие знали об этом письме Дурново,— сказала она,— листок бы пустить по заводам.

Владимир Ильич повернулся к ней.

— Так и сделаем — рабочий люд должен видеть, что наши министры боятся роста его сознания. Но еще важнее, чтобы рабочие показали всем этим Дурново, Победоносцевым и иже с ними, что со знанием они — сила.

Владимир Ильич ходил по комнате, привычно заложив руку за спину. На этой новой квартире, на углу Таирова переулка и Садовой, он поселился после возвращения из-за границы 29 сентября 1895 года. Угловая комната на четвертом этаже показалась удобной. Здесь хорошо работалось, особенно в поздние часы, когда все угомонятся.

Сегодня он обдумывал конец брошюры. Наконец он нашел нужные слова, четкие, убедительные. Еще раз перечитал работу, остался доволен и надписал заголовок: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

Получив от Ванеева рукопись, Лидия принесла ее домой и углубилась в чтение.

«До любого рабочего дойдет, что царский закон составлен в интересах фабрикантов»,— читала она.

— Как Владимир Ильич умело подводит рабочих к мысли о необходимости совместной политической борьбы против фабрикантов и существующих порядков! — восхищалась Лидия, прочитав конец брошюры.— Вот образец политической агитации, вот как нужно разговаривать с рабочими.

Перечитав еще раз рукопись, она решила перепечатать ее, боясь, что наборщик может не разобрать почерк Владимира Ильича. Но в середине работы испортилась пишущая машинка. Наладить ее Лидия Михайловна не смогла и так частью перепечатанной на машинке, частью написанной от руки передала рукопись Александру Ергину.

Екатерина Прейс — единственный раз за все время существования группы народовольцев — собрала 11 ноября 1895 года вместе и рабочую подгруппу, и интеллигентов. Брошюра была зачитана, и все одобрили ее к печати. Но Прейс все же внесла в нее некоторые исправления. Лидия сообщила об этом Владимиру Ильичу, и он в тот же вечер в письме в Цюрих писал П. Б. Аксельроду:

«У нас завязаны сношения с народовольческой типографией, выпустившей уже 3 вещи (не наши) и берущей одну нашу». Владимир Ильич поставил точку и, облокотившись на стол, задумался. Типография народовольцев открывала новые возможности деятельности. «Предполагаем издавать газету...— поделился планами Владимир Ильич.— Окончательно выяснится это примерно через $1^1/_2$—2 месяца».

А в конце письма сделал приписку:

«Присылайте нам, если есть, материал для рабочих брошюрок. Они напечатают с радостью».

Об этом письме Лидия не знала, но по просьбе Владимира Ильича она заранее договорилась с народовольцами о печатании газеты в их типографии.

Весь ноябрь и начало декабря Владимир Ильич и его товарищи были заняты подготовкой материалов для газеты. Крупская рассказывала Лидии о собраниях, на которых обсуждались рукописи статей и за-

меток. Самой Книпович, как непосредственно связанной с нелегальной типографией, по условиям конспирации на этих редакционных совещаниях присутствовать не полагалось. Лидия на это не сетовала. Она знала свою роль и ждала своего времени. Наконец-то оно наступило. Однажды в школе Крупская шепнула, что завтра перед работой зайдет.

Эту ночь Лидия плохо спала, беспокойно ворочалась. Утром 9 декабря она проснулась с головной болью и непонятным тревожным чувством. Оно нарастало с каждым гулким ударом часов. Надя все не приходила.

«Раз... два... три...» — насчитала Книпович двенадцать неторопливых раскатистых ударов. Теперь уже не было сомнений: что-то случилось. Надя всегда аккуратна. Мысленно окинула квартиру — здесь все в порядке, ничего нелегального не найдут.

— Леля,— крикнула она,— я пошла. Если Крýпа придет, пусть непременно ждет меня. Скоро вернусь.

Первым делом Лидия отправилась в Главное управление железных дорог, где служила Крупская. Это было рискованно, но здесь толкалось много посетителей и визит ее мог не броситься в глаза.

— Госпожи Крупской нет,— ответил ей чиновник в приемной,— была с утра на службе, но отпросилась по нездоровью,— добавил он учтиво.

В смятении вернулась Книпович домой.

— Нет, Крýпа не приходила,— встретила ее немой вопрос невестка.

— Лидия, с Надей что-нибудь случилось? — забеспокоилась Леля.

— Нет, нет,— успокоила ее Лидия. Не раздеваясь, она направилась на Гродненский к Крупским. И в обычное время она старалась как можно реже навещать квартиру подруги, где довольно часто собирались конспиративные совещания. Последнее такое собрание должно было пройти у Крупской вчера вечером. Надя сказала, что там окончательно утвердят материалы газеты «Рабочее дело» (так решили ее назвать). Отправиться теперь к Крупским было не совсем конспиративно, но другого выхода Лидия не видела. Успокаивало, что Надя с утра была на службе. «Иду проведать подругу, которая ушла со службы по нездоровью»,— приготовила она объяснение на всякий случай.

В дом Дурдина на Гродненском переулке, где снимали квартиру Крупские, Лидия прошла с Саперного через сеть проходных дворов. Не заметив ничего подозрительного, дернула ручку звонка. Открыла Елизавета Васильевна.

— Батюшки, вот молодчина,— всплеснула она руками,— Лидия Михайловна, голубушка, в кои-то веки вижу вас,— поцеловала она гостью.— А Надя ни свет ни заря нынче на службу отправилась. Годовой отчет, говорит, готовить надо. Да вы раздевайтесь.

— Мне вроде и не Надя нужна. Вас навестить захотелось.— Лидия прошла в гостиную.— Чайку вашего захотелось, Елизавета Васильевна,— сказала она, выкладывая сладости на стол.

Елизавета Васильевна возмущенно замахала руками, хотя знала, что от Лидиных гостинцев отказаться никак нельзя. Отправилась на кухню хлопотать.

Лидии только того и нужно было. Она решила у подруги произвести «обыск». Ей это было сделать легче, чем жандармам, так как тайник они с Надей сооружали вместе. К счастью, там ничего не оказалось. Но это не успокоило Лидию. «Успела почиститься»,— с тревогой подумала она.

— Что-то у вас табачищем так пахнет, уж до чего я заядлая курильщица и то почувствовала,— обратилась она к Елизавете Васильевне, вкатившей самоварный столик.

— Вчера дымогарили тут безобразники допоздна. Даже Владимира Ильича не слушали — все курили да спорили. Немного и я добавила,— улыбнулась хозяйка,— вот и не успело выветриться.

«Значит, совещание было,— успокоилась Лидия,— и разошлись, видно, благополучно. Что же произошло?» Она сидела как на иголках, но не спеша пила чай и, улыбаясь, столь же неторопливо беседовала с Елизаветой Васильевной.

Вдруг в прихожей щелкнул замок и скрипнула входная дверь. Елизавета Васильевна метнулась к дверям, но еще раньше в комнату вошла Надежда.

— А я, мамочка, пришла домой пообедать, сегодня поздно работать придется. Здравствуй, Лидя,— обняла она подругу.

Лидия испытующе посмотрела на Крупскую. Тупую боль в сердце вызвало у нее бледное, осунувше-

еся лицо Нади. Слезы брызнули из глаз Крупской, когда остались они вдвоем.

— Лидя, Володя арестован,— услышала Книпович глухой, незнакомый голос Крупской,— взяли Ванеева и еще не знаю кого.

Книпович окаменела. Она совсем не обратила внимания на то, что Надя впервые Ульянова в разговоре с ней назвала Володей. Случилось страшное. О возможности и даже неизбежности ареста говорили много раз, даже готовились к этому. Но не укладывалось в голове, что первым забрали Ульянова, такого опытного конспиратора. Видно, знали жандармы, кто возглавляет питерских марксистов.

— Расскажи, как узнала об аресте,— попросила Книпович.

— Вчера здесь обсудили и утвердили окончательно номер газеты,— начала Крупская.— Все статьи были в двух экземплярах. Один остался у меня, а второй взял Ванеев. Хотел еще раз просмотреть. Рано утром я пошла за ним на 1-ю роту Измайловского полка. Подхожу к двадцать второму дому, и как-то не по себе стало. Выругала себя за мнительность и поднялась на третий этаж. На звонок вышла молодая горничная.

— Дома ли Ванеев? — спрашиваю.

— Ночью съехал, уходите барышня,— скороговоркой ответила она и рывком закрыла дверь. К тебе я уж и не пошла. С Володей мы еще раньше договорились в случае чего узнать все у Чеботарева, у которого он ежедневно обедал. Пошла к нему на Верейскую. Оказалось, что обедать Володя не приходил. Надо надежно спрятать второй экземпляр газеты.

«Права Надя, печатать сейчас «Рабочее дело» не время, можно еще больше повредить арестованным. Ведь у Ванеева наверняка взяли рукописи»,— подумала Лидия и предложила:

— Дай мне свой экземпляр, я его надежно схороню.

Крупская долгим взглядом посмотрела на подругу и покачала головой.

— Негоже это, Лидя. Поеду я к Нине Герд. У нее безопаснее.

Книпович видела, что Надя все успела обдумать. Чем же может помочь арестованным она сама? Решение пришло сразу.

— Мы не должны прекращать работу,— сказала она Крупской. Потороплю я выход работы Владимира Ильича «О штрафах».

3 декабря 1895 года в типографии на Крюковом канале Григорий Тулупов начал печатать брошюру. Сделав набор, он по обыкновению сжег рукопись. Наборщик взял в руки первый оттиск. «Издание книжного магазина А. Е. Васильева. Херсон. Типография К. Н. Субботина, Екатерин[инская] ул., д. Калинина. Продается во всех книжных магазинах Москвы и С.-Петербурга»,— прочел он и ухмыльнулся, взглянув на надпись на титульном листе: «Дозволено цензурою. Херсон, 14 ноября 1895 г.»

Весь этот маскарад придумала Книпович, чтобы сбить с толку жандармов. Владимир Ильич уже почти месяц томился в «предварилке» на Шпалерной. Не довелось ему полистать свою брошюру. А она в короткий срок была отпечатана небывало большим тиражом в три тысячи экземпляров. В январе 1896 г. Лидии Михайловне сообщили, что весь тираж готов и нужно подготовиться к его приему. Она помчалась к Крупской.

— Кру́па,— радостно сообщила она,— все пироги готовы. Публика уже проголодалась. Теперь, поди, рады будут.

Надежда задумалась.

— Лидя, нужно, пожалуй, подождать брать брошюрки,— тихо произнесла она.

— Это еще почему?

— Не повредим ли мы Володе, пустив их в ход,— делилась Надежда с подругой своими сомнениями,— вдруг при аресте у него были найдены какие-нибудь черновики.

«Как она заботится о Владимире Ильиче»,— подумала Лидия.

— Пожалуй, ты, Надя, права, а я-то, старый конспиратор, и не подумала об этом,— усмехнулась она.— Нужно запросить автора.

Постоянная связь с Владимиром Ильичем шла через Анну Ильиничну Ульянову. Вскоре она передала благоприятный ответ Владимира Ильича.

Василий Приютов передал брошюры «Союзу борьбы». И стали находить их жандармы при арестах у революционеров по всей России — от Красноярска до Петербурга.

Владимир Ильич мерил камеру шагами. Хотя пять месяцев прошло со дня ареста, он до сих пор не мог спокойно подумать, что любовно подготовленная газета «Рабочее дело» вместо Лахтинской типографии угодила в руки жандармов. Чертовски было обидно. Утешало, что типография жива и вовсю действует. Дяденька, Надя и другие товарищи теребят, требуют рукописей. Ну что ж, он давно уже обдумал популярную брошюру для рабочих о стачках. Опять тревожное поглядывание на «глазок» двери. Давясь очередной «чернильницей», Владимир Ильич, улыбаясь, вспомнил, как в детстве мать, Мария Александровна, однажды показала детям чистый лист бумаги и предложила прочесть написанное. Никто, конечно, не смог этого сделать. Но стоило подержать лист над керосиновой лампой, как ярко выступили коричневые буквы. С любовью и благодарностью подумал он о матери. Как она там?

Первой читательницей новой работы «О стачках» по обыкновению была и на этот раз Крупская. Она тщательно и осторожно проявила рукопись, аккуратно переписала ее, перенумеровала. Получилась стопка бумаги из 98 четвертушек. Сожгла листы, исписанные молоком, и отвезла рукопись Якубовой, державшей связь с Книпович после ареста Ванеева.

10 мая 1896 года Лидия пришла на квартиру Александры Катанской. Эта двадцатичетырехлетняя слушательница Высших женских курсов была активным членом группы народовольцев. Здесь она встретилась с Екатериной Прейс.

— Екатерина Александровна,— обратилась к ней Лидия Михайловна,— я могу предложить вам рукопись.

— Как называется работа?

— «О стачках».

— А кто автор брошюры? — любопытствовала Прейс.

— Тот же, кто написал «О штрафах».

— О, тогда другое дело,— оживилась та,— это должно быть интересно. У вас рукопись с собой?

— Нет, я не захватила. Вам ее принесут не далее, как завтра,— сказала Лидия. Договорились, как и где будет передана рукопись Прейс. А об условиях печатания решили договориться позднее.

На прощание Книпович пригласила присутствующих к себе взять социал-демократические издания, полученные накануне из-за границы.

11 мая Якубова принесла рукопись «О стачках» Катанской, та передала ее Прейс. «Крупное литературное дарование» — так сказала Прейс об авторе рукописи. Но в середине мая к Книпович пришел Григорий Тулупов, назвавшийся ради конспирации Михаилом Ивановичем Салтыковым. Он принес обратно рукопись «О стачках» и письмо Прейс и спросил, когда прийти за ответом. Екатерина Александровна возвращала рукопись со своими замечаниями.

Владимир Ильич сделал два добавления к брошюре. Вскоре Григорий Тулупов пришел к Книпович за ответом. Ему было передано только письмо. Так как к тому времени Катанская уехала из Петербурга, связь Лидия держала теперь через Павла Ильича Попова, который был вскоре арестован. У него при обыске нашли письмо от «Союза борьбы», отданное Книпович Григорию Тулупову. «Что касается «Стачек»,— сообщалось в нем,— то к ним будет два прибавления. Прислать их можно лишь в конце недели. Прибавления эти безусловно необходимы. Интересно знать, сколько нам придется заплатить за «Стачки», в количестве скольких экземпляров они будут напечатаны и т. п. Отдать все деньги вперед мы вряд ли сможем, так как теперь в денежном отношении трудные времена. Отдать половину, вероятно, сможем...»

Народовольцы согласились на все эти условия, приняли рукопись с двумя добавлениями Владимира Ильича, и она пошла в набор.

Но самой типографии на Крюковом канале уже не было. С некоторых пор Василий Приютов почувствовал за собой слежку. От шпиков невозможно было отвязаться. Решено было типографию перенести. После долгих поисков Прейс сняла по чужому паспорту уединенную дачу в поселке Лахта, куда и перевели типографию.

Наборщики Тулупов и Белов принялись за работу Владимира Ильича, когда случилось то, чего боялись больше всего: 24 июня 1896 года жандармы так внезапно ворвались в Лахтинскую типографию, что растерявшиеся наборщики ничего не успели уничтожить. Так в гранках в руки жандармов попала работа Владимира Ильича «О стачках».

Глава третья «ПРИВЛЕЧЕНА К ДОЗНАНИЮ...»

Нижегородская выставка утомила Лидию, она зашла в ресторан. За одним столиком с ней обедал щегольски одетый господин. Он обменивался с Лидией впечатлениями о выставке, предложил тост за процветание российской промышленности, а расплатившись, перегнулся через стол и шепотом сказал ей:

— Вы арестованы,— и предупредительно пропустил ее вперед.

Лидия спокойно села в экипаж и в сопровождении нового «знакомого» поехала на вокзал. Она давно подготовила себя к возможности ареста, но никогда не думала, что это произойдет именно так просто и необычно. Вдвоем, в окружении шпиков, доехали они до Петербурга.

Страж был неназойлив. Он даже в меру своей жандармской галантности беспокоился о возможных в пути удобствах. За все это Лидия была ему искренне благодарна. Но ее потешала его чрезмерная бдительность — он не разрешал ей даже прикасаться к большой черной сумке. За верную свою спутницу — «сокровищницу», как она ее называла, всегда полную крайне необходимых вещей, Лидия была спокойна. Там жандармы ничего интересного для себя не найдут. И еще раз порадовалась, что всегда твердо придерживалась одного из основных правил конспирации — «все в памяти и ничего на бумаге».

Почти всю дорогу она пролежала на вагонном диване, отвернувшись лицом к стене, и под мерный стук колес думала, думала. До боли в голове мучали вопросы: кто еще взят, провалилась ли типография? Ее бросило в жар, когда представила, что брошюра Владимира Ильича «О стачках» могла попасть в руки жандармов. «Не может быть этого,— успокаивала она себя,— ведь перед ее отъездом в Нижний Новгород она уже почти была набрана».

В Петербурге в закрытой карете арестованную доставили в «предварилку» на Шпалерной. По гулким металлическим лестницам ее провели в камеру. Лязгнула дверь, проскрипел ключ, и она осталась одна. Кто знает, сколько времени придется провести за этими сырыми толстыми стенами в клетке размером шесть шагов на три. Лидия подошла к окну и сквозь двойные рамы и толстую решетку заглянула в тюремный двор, находящийся на дне шестиэтажного здания-колодца. Посидела на привинченной к стене железной доске, заменявшей табурет, за другой железной доской, представлявшей из себя стол. Недалеко от дверей на небольших полочках — кружка, железная миска, тарелка и деревянная ложка. Ни ножа, ни вилки она не нашла. Лидия села на железную кровать, которая также была привинчена к стене. Тонкий жесткий тюфячок и тощая комковатая подушка, серое в пятнах одеяло вызвали грустную улыбку. От постельного белья, похожего на мешковину, исходил стойкий «аромат» карболки.

Потянулись однообразные тюремные будни. Долго Лидию никуда не вызывали. Лишь однажды надзирательница в неурочный час открыла дверь и нарушила тишину долгожданными словами:

— На свидание к сестре.

«Неужели Зинаида пришла?» — успела подумать Лидия, поспешно выходя из камеры. Но в мрачной комнате, перегороженной решеткой, ее ждала Крупская. Спокойно подошла к решетке и, стараясь не выдать огромную радость, тихо спросила:

— Здравствуй, дорогая Крýпа, как здоровье всех наших?

— Здравствуй, Лидя, здравствуй, дорогая.— Глаза Надежды сияли радостью и тревогой.— На даче в Валдайке чуть не приключился пожар, да вовремя удалось потушить, а вот дедушка Лахтин внезапно умер.— И она платочком вытерла сухие глаза.— Привет тебе от нашего Старичка,— смущенно улыбнулась она,— сам он здоров, письмо только его пропало, видно.

Незадолго до этого по поручению Владимира Ильича Крупская ездила в Полтаву вести переговоры о созыве I съезда партии. Получив в Полтаве пол-

ное тревожных намеков письмо от Аполлинарии Якубовой, Надежда срочно вернулась в Петербург.

С вокзала она поехала в меблированные комнаты на углу Невского и Литейного. Сняв номер и едва умывшись с дороги, побежала на книжный склад Калмыковой. Находился он совсем рядом, на Литейном. Здесь Крупская и узнала тяжелую весть о провале Лахтинской типографии 24 июня 1896 года.

— Думаю, что департамент полиции остался доволен своей операцией, перечень захваченного на Лахте, говорят, довольно велик. Верно, здесь не обошлось без провокатора. Знать бы, кто он, своими руками задушила бы подлеца,— со злостью сказала Калмыкова. Она подошла к Крупской, обняла ее поматерински за плечи.

— Не хочу от тебя, Надя, ничего скрывать — в руках жандармов и список с адресами, по которым Лидия развозила корзины с нелегальщиной,— сказала она и увидела, как вдруг побледнела Крупская.

— Так ведь там и дача на Валдайке должна быть,— выдохнула она.— Александра Михайловна, голубушка, где Лидия, что вы слышали о ней? — волнуясь спросила она.

— Право, не знаю,— не смогла рассеять тревогу гостьи хозяйка дома.— Знаю, что в городе ее нет.

— Я поеду немедленно на Валдайку,— решительно встала Надежда Константиновна.

— Будь осторожна, Надя,— напутствовала Александра Михайловна Крупскую.

На даче Книповичей на Валдайке ей удалось незаметно сжечь две корзины, наполненные продукцией Лахтинской типографии, и в лесу спрятать ящичек со шрифтом, куда вложила найденную среди бумаг рукопись Владимира Ильича. После возвращения в Петербург Надежда узнала, что арестованы Лидия, ее сестра Зинаида и брат Николай.

Крупская и сама не смогла бы ответить, как она очутилась у этой двери. Жгучее желание увидеть Лидию, успокоить ее, поддержать привело в приемную губернского жандармского управления. Рискуя, она написала прошение о свидании «со своей двоюродной сестрой, дочерью действительного статского советника Лидией Михайловной Книпович».

Вскоре ее вызвал прокурор. Он с интересом посмотрел на просительницу, но она не смутилась под его пристальным взглядом и спокойным тоном повторила свою просьбу. К ее величайшему изумлению, прокурор, не задав никаких вопросов, написал на уголке прошения: «Разрешаю» — и молча отпустил ее.

Длинными вечерами и бессонными ночами Лидия безуспешно пыталась решить загадку провала типографии. Она не сомневалась, что тут замешан провокатор, а возможно, и предатель. Но кто? Нужно предупредить товарищей, чтобы не было новых жертв.

Правда, о провокаторе, зубном враче Михайлове, нащупавшем подходы к типографии, Лидия знала уже задолго до ареста. Михайлову ловко удалось проникнуть в марксистский кружок Чернышова. На квартире на редкость хлебосольного зубного врача вечно толпилась учащаяся молодежь. Нередко на уютный семейный огонек к Михайлову заходили и рабочие. По революционным делам бывал здесь и Иван Кейзер. Этот петербургский рабочий в 1894 году по делу о группе народовольцев был выслан в Колпино, где ему разрешалось жить под надзором полиции. Устроившись на Ижорский завод, Кейзер организует рабочие кружки, пишет листовки. Через Ергина он связался с нелегальной типографией народовольцев.

Шпики досаждали Кейзеру. Они даже не считали нужным маскироваться. Кейзер не выдержал и пошел прямо к прокурору.

— Вы хорошо знаете,— сказал смело Кейзер,— что я теперь никакими революционными делами не занимаюсь, а шпики за мной ходят по пятам.

Прокурор сквозь пенсне долго с любопытством разглядывал нахального посетителя.

— Так ли это, господин Кейзер,— усмехнулся прокурор,— а предложение Ергину напечатать нелегальную брошюру?

Иван еле на ногах устоял от неожиданного удара. Брел домой, не разбирая дороги. Как об этом мог узнать прокурор? Кейзер перебрал в памяти все разговоры и встречи последних дней. Вспомнил, как он встретил Ергина в глухом переулке и спросил:

— А нельзя ли, Саша, отпечатать брошюрку в вашей типографии?

— Подумаем,— бросил на ходу Ергин и свернул в проходной двор.

В тот же вечер Кейзер рассказал Михайлову о встрече с Ергиным.

Скоро узнал, что Ергина арестовали.

Да, он провокатор! Нужно немедленно сообщить товарищам. Но как? Понимал Иван, что оставлен на воле «на приманку». Рисковать он не имел права. Не скрываясь от шпиков, неотступно следовавших за ним, Кейзер заметил, что только глубокой ночью, с двух до шести часов, сыщики оставляют свой пост у дома, где он снимал комнату. Именно в эти часы он послал конспиративную записку, просил кого-нибудь из народовольцев навестить его. Решила пойти к нему Александра Катанская. Она уже не первый год знала Ивана как честнейшего революционера. Александра переоделась в мужскую одежду и долго кружила по темным улицам, а в три часа ночи условно постучалась к Кейзеру.

— Он передал мне все подробности этого дела,— рассказывала потом Катанская Лидии,— и мы установили совершенно точно, что Михайлов — провокатор.

Книпович похвалила девушку и сказала, что обязательно сообщит об этом всем, а также в «предварилку» арестованным товарищам.

Вскоре Александр Ергин на стенах тюремного прогулочного «дворика» написал известкой, что Михайлов — провокатор.

В своем «рабочем кабинете», в 193-й камере предварилки, Владимир Ильич из груды книг выбрал одну, уже прочитанную, Н. Тезякова «Сельскохозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губернии». Перелистав, открыл книгу на 240-й странице и простым карандашом мелким почерком с большими сокращениями написал несколько почти незаметных строк. Это было «Сообщение от имени «стариков» членам петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Владимир Ильич предупреждал оставшихся на свободе товарищей о провокаторе Михайлове. «...Ему удалось проникнуть в кружки, руководимые народовольцами,— писал Владимир Ильич.— Летом

1894 года последние были взяты... На нашем следствии стариков предъявлено было обвинение в знакомстве с несколькими из этих народовольцев...»

Видимо, плохой приманкой для жандармов оказался Кейзер, а возможно, прокурор понял свой промах, и в том же декабре 1895 года Ивана арестовали.

Но Михайлов только навел на след типографии народовольцев, провалил же ее окончательно другой провокатор, Гурович, проникший в революционные интеллигентские круги Петербурга. От него народовольцы получили рукопись газеты «Борьба» для печатания в подпольной типографии. Сведения, полученные департаментом полиции, показались настолько серьезными, что в помощь Петербургскому охранному отделению было командировано из Москвы пятнадцать опытнейших московских филеров. 6 февраля 1896 года был заведен специальный дневник наблюдений. Отмечался каждый шаг подпольщиков. Шпики наперебой доносили, что 10 и 11 февраля Тулупов закупил много бумаги, а 21-го носил лудить ковш, что 1 и 2 марта опять приобрел два пуда бумаги и цинковый лист, затем он купил два револьвера с патронами. Одного агента удалось поселить даже в комнату рядом с Екатериной Прейс. Он слышал и видел всех, кто навещал главу группы народовольцев. Уже двести лиц попали под наблюдение, хотя активных участников было не более двух десятков. И наконец, начальнику департамента полиции Зубатову доложили, что 30 апреля Тулупов перевез вещи из квартиры на Крюковом канале на мебельный склад, а через день забрал их и переправил на Лахту к Прейс, которая поселилась там на уединенной даче номер 10 по паспорту дворянки Анны Чимиревой, который ей дал услужливый Гурович.

— Вот теперь пора,— удовлетворенно сказал Зубатов и приказал провести «ликвидацию».

Ничего этого, конечно, Лидия не знала, как неизвестно ей было и то, что ухажер прислуги Книповичей, двадцатитрехлетней Лизы, также был филером. Простодушная, доверчивая Лиза выбалтывала своему «дружку» ценные для охранки сведения.

Начались допросы, и Лидия вначале была огорошена осведомленностью следователей. Она недоумевала: откуда им стали известны даже мельчайшие подробности про самые конспиративные дела, связанные с типографией? Неужели были агенты охранки среди группы народовольцев?

— Напрасно вы, госпожа Книпович, столь упорствуете, вот извольте полюбопытствовать.— И жандармский полковник Шмаков протянул ей протоколы допросов обвиняемых. Откровенно говоря, крепкий орешек, эта Книпович. Немало ему и товарищу прокурора Пояркову пришлось с ней повозиться, но факты наружного наблюдения на нее не действовали. «Посмотрим, что ты теперь, пташечка, запоешь»,— в предчувствии долгожданного удовольствия подумал Шмаков. Он пристально наблюдал за обвиняемой, которая бегло просматривала бумаги, но решительно ничего не мог прочитать на ее лице.

С первого же допроса Лидия держалась настороженно. Еще до ареста она наслышалась про следователя, жандармского полковника Шмакова, жестокого зверя, который загубил многих самоотверженных революционеров. Читала протоколы допросов под его неотрывным тяжелым взглядом. Лидии стоило величайшего напряжения не выдать бушевавшего в ней возмущения. «Как это ужасно, и эти люди называли себя революционерами,— думала она,— а теперь наперегонки выдают все дела с головой».

Пример в этом подала сама Екатерина Прейс. Брезгливо брала в руки Лидия протоколы ее допросов. «Ее, видите ли, обуяло вдруг этакое революционное величие,— кипела Лидия,— захотелось, видимо, в глазах жандармов предстать вождем чуть ли не всероссийского масштаба».

В показаниях Прейс фантазии было больше, чем действительных фактов. Но и их хватило, чтобы раскрыть все. Многие из обвиняемых, видя, что их бывший руководитель все выбалтывает, последовали ее примеру.

Лидия была поставлена в очень трудное положение, но она продолжала стойко и осторожно вести себя на допросах. Она подтверждала лишь то, что отрицать уже было бессмысленно. Но нового чего-нибудь от нее Шмаков и Поярков так и не добились.

В итоге следствия на свет родился полицейский документ, который пополнил дело Книпович, заведенное еще в прошлом веке.

Первое в жизни Лидии тюремное заключение, переживания, связанные с провалом типографии, тревога за арестованных товарищей, за брата Николая и особенно за сестру Зинаиду, которую нежно любила, вызвали нервное потрясение. Она уже не могла выходить на свидание, и родным разрешили прийти проведать ее в камеру. Аполлинария Ивановна пришла с сыном — гимназистом Сережей и трехлетней Юлей.

— Леля,— справилась Лидия,— как себя чувствуют Коля и Зина?

— Зина заболела дизентерией,— ответила она.

Лидия сидела на койке и на колено посадила Юлю, ласково гладя ее по голове. Девочка молча прижалась к своей любимой Лиде. Сережа, подвигаясь бочком, пытался сесть по привычке на другое колено. Надзирательница, видимо, боялась какой-нибудь недозволенной передачи, оттащила его и крикнула, что прекратит свидание.

Известие о неожиданной болезни сестры и грубость надзирательницы вызвали у Лидии нервную вспышку. Ей стало совсем плохо. Свидание пришлось прекратить, а вскоре власти вынуждены были выпустить Лидию по состоянию здоровья под особый надзор полиции «впредь до разрешения дела».

Как ни уговаривали родные подлечиться после «предварилки», долго отлеживаться Лидия не могла. Едва встала на ноги, как начала разыскивать товарищей. Но почти никого не смогла найти. На свободе остались только Шулятикова и Ергина. «От них толку мало,— решила Книпович,— это жандармская наживка на крючке, авось клюнет еще кто-нибудь». И верно, убедившись, что никто «не клюет», жандармы забрали и их.

О себе Лидия не думала — гвоздем в голове сидела одна мысль: восстановить типографию. Знала, что за ней следят денно и нощно, и с великими предосторожностями встретилась с Катей Дьяконовой и Аполлинарией Якубовой.

— Катя, Поля, нужно опять поставить типографию,— убеждала она подруг,— очень важно, чтобы не прекращалась агитационная работа среди рабочих.

Смотрите, какая борьба идет за сокращение рабочего дня после летней стачки текстильщиков. Даже правительство обещало издать закон. Но если не нажать, то вряд ли что и будет.

Но следили, оказывается, и за Дьяконовой. В сводке филерских «Наблюдений за членами «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» появились такие строки:

«Из наблюдения за Екатериной Дьяконовой усматривается, что 26 января 1897 года она провела вечер в семействе Книповичей. 4 февраля она вновь посетила квартиру Книповичей, откуда выход ее не был замечен.

7 февраля Дьяконова отправилась в библиотеку Рубакиных, откуда вынесла ящик и вернулась домой, в 3-м часу она с упомянутым ящиком посетила дом № 10 по Адмиралтейской набережной, через полтора часа вторично прошла в библиотеку, пробыла здесь 3 часа и затем поехала к Книповичам».

27 марта полиция нагрянула на квартиру Дьяконовой, и в печке были найдены две обгорелые рукописи: «О группе народовольцев» и «Наши задачи и наша тактика». На квартире отставного надворного советника Рябкова, сочувствовавшего «Союзу борьбы», обнаружили железную разборную типографскую раму. Арестовали всех причастных к этому делу, кроме Книпович. Лидия знала, что и ее, возможно, оставили «на приманку», и ждала ареста со дня на день. Родные настояли, чтобы она уехала в Валдайку, на дачу.

Глава четвертая ВАЛДАЙКА — КОНСПИРАТИВНАЯ ДАЧА

«12 апреля 1897 г. № 397 Секретно

Господину Боровичскому, уездному исправнику

Привлеченным к дознанию в С.-Петербурге по обвинению в государственном преступлении Надворному советнику Николаю Книповичу и сестре его дочери действительного статского советника Лидии Книпович разрешено согласно их ходатайству выехать на ст. Валдайку Николаевской жел. дороги первому на пасхальную неделю, а второй для проживания там на даче... Покорнейше прошу учредить за Лидией Книпович по прибытии ее на ст. Валдайку особый надзор полиции и уведомить меня, когда она прибыла, где, у кого и с кем проживает, чем занимается, с кем и какое имеет знакомство, а равно и о выбытии куда-либо, также сообщить мне своевременно с результатами учрежденного за ней надзора...

Начальник Новгор. губ. жандарм. Упр.
генерал-майор Кононов».

«19 апреля 1897 г. № 32 Секретно

Его Превосходительству
господину Нач. Новгородского Губ. жанд. Упр.

На отношение от 12 сего апреля за № 397 имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что надворный советник Николай Книпович и сестра его, дочь действительного статского советника Лидия Книпович, 17 сего апреля по Николаевской жел. дороге из С.-Петербурга прибыли на ст. Валдайку, в 7 ч. утра с пассажирским поездом № 11 и остановились на даче боровичской мещанки Ирины Ивановой Беньковской. С Книповичами прибыли также на ст. Валдайку жена первого Аполлинария Ивановна Книпович и прислуги.

Николай Книпович намерен 20 сего апреля обратно уехать в С.-Петербург, а Лидия Книпович с женою брата и прислугами остается на ст. Валдайке и будет проживать на даче Беньковской... Особый надзор полиции за Лидией Книпович учрежден с 17 сего апреля.

Боровичский уездный исправник».

Когда весной 1889 года Николай Книпович разговорился о предстоящем летнем отдыхе с Адольфом Христиановичем Гольмстеном, тот посоветовал ему с семьей ехать непременно в Валдайку.

— Жалеть не будете,— уверял бывший ректор Петербургского университета,— я уже много лет отдыхаю там и даже построил собственную дачу.

Николай послушал доброго совета, поехал в Валдайку и не только не пожалел об этом, но потом десять лет подряд Книповичи жили летом только там.

Валдайка в ту пору была маленькой станцией между Петербургом и Москвой. Железная дорога рассекала поселок на две части: торговую, состоявшую из одной широкой улицы, застроенной лавками и домами купцов, и дачную. На дачной составилась своеобразная колония состоятельных петербуржцев, снимавших почти ежегодно дачи в тех двух десятках домиков, которые тогда там имелись. Крупной домовладелицей в этой части поселка была купчиха Ирина Ивановна Беньковская, вдова помещика крепостных времен, который дома в Валдайке когда-то выиграл в карты. Ей принадлежали четыре дома. Большой дом на горке, два домика на склоне и четвертый дом на берегу речки.

Она согласилась сдать Книповичам две комнаты в этом доме. При домике был небольшой тенистый сад из высоких тополей, за которыми зеленел луг, омываемый речкой Валдайкой.

Первые два года Книповичи жили в этом домике, а с 1891 года переселились в большой дом на горке. Лидии нравился этот незатейливый, одноэтажный, на высоком фундаменте, старинной постройки дом. Она любила сквозь разноцветные стекла дверей, выходивших на высокое крыльцо, смотреть на близкую опушку леса и причудливо изгибавшиеся берега речки.

Как-то весной 1894 года у Крупских зашел разго-

вор о летнем отдыхе, и Лидия так расхвалила Валдайку, что Елизавета Васильевна вскоре стала понемногу настраиваться на поездку туда. В конце мая и Крупские поселились в комнатах дома Беньковской, того, где два года прожили Книповичи. Елизавета Васильевна сразу домовито устроилась на новом месте, Надя во всем ей помогала и была очень ласкова с матерью. Позавтракав, Надежда поднималась на горку к Книповичам. Лидию она обычно заставала на просторной кухне чаще всего хлопотавшей у большой русской печи. Лидия не могла ни минуты быть без дела. Она проворачивала, по выражению Надежды, огромную работу по дому. У нее все спорилось в руках: очень быстро и чисто она стирала, убирала в доме, ухаживала за детьми брата. Между ней и женой Николая Аполлинарией шло нешуточное кулинарное соревнование. Долго Аполлинария пыталась угнаться за Лидией, но в конце концов громогласно заявила: «Сдаюсь!», и Лидия очень гордилась этой победой, ибо соперница также готовила незаурядно.

Обычно Крупская садилась в кухне у окна и наблюдала, как Лидия пекла хлебы, заготовляла на зиму овощи. Порой приходили крестьяне окрестных деревень, у которых Лидия покупала масло и другие продукты. Многие приходили сюда не столько продукты продавать, сколько ради беседы с Лидией. Она умела расспросить их, разговаривала очень просто, с большим уважением к крестьянскому труду, с таким знанием деревни, что приходившие видели в ней не барыню, а своего человека и сами начинали говорить с ней о своей жизни, советовались, раскрывали сокровенное. Надежда восторгалась ее умением подойти к простым людям. Иногда в самый разгар беседы на кухню бочком незаметно пробиралась Екатерина Дьяконова и садилась рядом с Крупской, глядя влюбленными глазами на подруг.

По виду шла обычная беззаботная дачная жизнь. Гулять ходили обычно вдоль речки в Хмелевский лес, где располагались в укромном уголке, или прямо на какой-нибудь подстилке, или в гамаках и вели нескончаемые беседы. Часто за взрослыми увязывался десятилетний Сережа. Он очень любил Лидию. «Как ее слушают и Крупа, и Катя,— думал он.— Она, наверное, умнее всех, моя Лидя».

Частенько ходили в Михайловское, что в трех верстах от Валдайки. Неторопливо беседуя, они шли около километра по крутому берегу реки и обязательно поворачивали влево, к польскому кладбищу. Никто за ним не ухаживал, ведь здесь были похоронены участники разгромленного царизмом польского восстания, не вынесшие каторжного труда при строительстве Николаевской железной дороги. Бурю чувств будили у подруг следы могильных холмиков и остатки огромного католического креста.

Иногда, насажав в лодку детей, катались по Валдайке. На веслах непременно сидела Лидия, хотя ее безуспешно пытались заменить подруги. Пристав к пологому берегу, устраивали шумные купания. Веселый детский визг и звонкий смех взрослых разносились далеко по реке.

Нередко большой компанией отправлялись по грибы. Это было любимым занятием Лидии. По старой деревенской привычке повязав голову, она по обыкновению отдалялась от остальных, уходя в глубину леса. В незнакомом месте среди высоких елей, где бывает сумрачно, а порой и темновато, она чувствовала себя как дома. Уверенно шла по пружинному ковру зеленого мха. Грибы она находила везде и раньше всех наполняла ими свою корзину.

Домой возвращались с завидным аппетитом и быстро уплетали вместительную сковороду жареных грибов, которые по общему требованию с большим искусством готовила Лидия. Детей брата Лидия очень любила и много возилась с ними. По ее настоянию дети сами ели и убирали за собой, она приучала их к домашним хозяйственным делам; хотя в доме была прислуга, себя они должны были обслуживать сами. Лидия и Надежда ежегодно при даче Книповичей устраивали своеобразную летнюю школу, занимались с местными ребятишками.

Иногда выходили к петербургскому поезду — на станции была традиция встречать поезда и смотреть, как пассажиры устремлялись по перрону к киоску, где сын местного купца Бельшихина торговал знаменитыми валдайскими колокольчиками. Сотни людей увозили с собой этот «дар Валдая».

Замкнутая, тихая дачная жизнь, казалось не имевшая соглядатаев, была благоприятна для конспиративной работы. Удобство Валдайки заключа-

лось также в близости к Петербургу, что давало возможность держать связь с товарищами. Прекрасный отдых и внешне праздный образ жизни прикрывал интенсивную шифрованную переписку, которую вели подруги. Однажды они долго сидели вдвоем, что-то писали на листках бумаги, рвали их в клочья и кидали в топящуюся русскую печь. Наконец Лида сказала:

— Надя, кажется, получилось. Смотри сюда.— И она написала на листке крупными буквами: «ШТЕРАМИ», это будет шифр получше Некрасова.

— Но это же бессмыслица какая-то! — недоумевала Надежда.

— Как по-французски «милый друг»? — улыбнулась Лидия.

— Шер ами,— машинально ответила Крупская.

— А я вставила одну букву и получилась тарабарщина «штерами»,— пояснила Лидия,— ведь если меньше смысла, труднее догадаться.

Она выписала на бумаге семь рядов букв:

1. ШЩЪЫЬЭЮЯ	АБВГД	МНОП
2. ТУФХЦЧ	МНОП	ИІЙКЛ
3. ЕѢЁЖЗ	ИІЙКЛ	ШЩЪЫЬЭЮЯ
4. РС	ШЩЪЫЬЭЮЯ	ТУФХЦЧ
5. АБВГД	ТУФХЦЧ	ЕѢЁЖЗ
6. МНОП	ЕѢЕЖЗ	РС
7. ИІЙКЛ	РС	АБВГД

— Надя, давай три минуты посмотрим и попробуем по памяти зашифровать.

Надежда молча кивнула, и они впились глазами в ряды букв. Лидия перевернула бумагу, а Надежда уверенно написала: 5/3 1/9 7/5 5/5 7/8 3/8 2/14 5/1:

— «Валдайка»,— медленно и незаметно для себя вслух прочитал Сережа под изумленными взглядами взрослых.

Лидия взяла затрепанный томик Некрасова, которым они пользовались, шифруя переписку, бросила в пылающую печь.

— Лида, что ты делаешь? — крикнул Сережа.— Некрасов ведь!

— Так нужно, Сергей,— назвала она его, как взрослого,— а о том, что видел,— ни слова!

На Валдайку привозились на хранение корзины с нелегальной литературой, и Лидия надежно прятала ценный груз, сортировала его и рассылала по условным адресам.

24 июня 1897 года папка о поднадзорных Книповичах лежала на столе начальника Новгородского губернского жандармского управления.

Генералу Кононову уже примелькалась эта папка с десятками донесений Боровичского уездного исправника о каждом шаге членов семьи Книповичей. Но на этот раз в дело было подшито отношение начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления. Отложив все другие бумаги, генерал первым прочел его.

«К производившемуся при заведуемом мною управлении дознанию о преступном сообществе, именующем себя «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», надлежит привлечению в качестве обвиняемой дочь действительного статского советника Лидия Михайловна Книпович, по имеющимся в Управлении сведениям проживающая ныне на ст. Валдайка. Вследствие чего, на основании состоявшегося о том постановления, имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего превосходительства о произведении у названной Книпович обыска, арестования и препровождения в С.-Петербург вместе со всем, что может оказаться в ее вещах преступного или могущего иметь значение для производимого дознания».

— Ротмистра Семигановского ко мне,— нетерпеливо приказал генерал и убористым почерком написал на полученной бумаге:

«Лидия Книпович состоит под особым надзором полиции, как привлеченная уже к другому дознанию».

В кабинет вошел щеголеватый жандармский ротмистр. Он остановился у дверей и вопросительно посмотрел на начальника.

— Садитесь,— жестом пригласил генерал и придвинул дело Книповичей,— прошу ознакомиться.

Семигановский протер стекла золотого пенсне и внимательно перечитал переписку.

Генерал оторвался от бумаг.

— Прошу вас, господин ротмистр, подготовить отношение за моей подписью на имя Новгородского окружного суда о командировании завтра в Валдайку лица прокурорского надзора для присутствия при аресте Лидии Книпович. Далее, письмо начальнику Бологовского отделения С.-Петербургского жандармского управления железных дорог о содействии в перевозке арестованной в Петербург в отдельном купе третьего класса. И телеграмму исправнику Пузыреву следующего содержания: «Завтра вечером необходимо присутствие на Валдайке местного станового и урядника. Прошу дать распоряжение».

Через час генерал Кононов подписал подготовленные бумаги.

— Вам, господин ротмистр,— поднял генерал холодный взгляд на Семигановского,— предлагаю завтра утром выехать вместе с вахмистром Некрасовым и унтер-офицером Егоровым в Валдайку. Там необходимо произвести обыск на даче Книповичей и арестовать Лидию Книпович. Ее в сопровождении вахмистра Некрасова, унтер-офицера Егорова надлежит доставить в С.-Петербургское губернское жандармское управление. Пусть не забудет Некрасов привезти квитанцию о сдаче Книпович и протоколы тоже,— добавил генерал и спросил: — Вам ясно, господин ротмистр?

— Будет исполнено, ваше превосходительство,— щелкнул каблуками Семигановский.

— Да смотрите, чтобы все было в лучшем виде. Накрыть нужно внезапно, чтобы при обыске ничто не ускользнуло. Я не помню случая, чтобы кто-нибудь проходил сразу по таким двум делам,— напутствовал генерал.— Да, вот что, познакомьтесь с делом поднадзорной Надежды Крупской, может пригодиться. Об исполнении доложить немедленно.

Генерал кивком отпустил ротмистра и углубился в бумаги.

В один из февральских вечеров 1897 года в Петропавловской крепости заключенная Мария Ветрова, не выдержав надругательств, облила себя керосином из лампы и сгорела. Это вызвало по всей России та-

кую бурю протеста, что дольше держать в тюрьме политических заключенных женщин не решились даже царские власти.

Так Крупская летом 1897 года оказалась на «свободе» в Валдайке.

Лидия и Надежда сидели на поваленном дереве и молча прислушивались к тихому нашептыванию речки.

— Вчера мне было как-то особенно тревожно,— нарушила молчание Лидия,— ведь ровно год назад провалилась Лахта и меня арестовали в Нижнем. А ты знаешь, как арестовали Николая? — спросила она Крупскую.— Нет? Ну так слушай.

Городовой, одетый для приличия студентом, прослушал в университете всю лекцию Николая, а потом очень вежливо вез его, всю дорогу сочувственно вздыхал, а у самых ворот тюрьмы попросил «на чай»,— закончила свой рассказ Лидия, и подруги расхохотались.

— Лида-а-а! — донесся вдруг из-за густого кустарника звонкий захлебывающийся крик.

Они встали и тревожно прислушались. С трудом продираясь сквозь царапавшие его кусты и не замечая проходившей рядом тропинки, на берег выбежал Сережа.

— Лида,— прерывающимся шепотом произнес он,— у нас на даче жандармы. И у вас они тоже были,— повернулся он к Надежде.

Подруги посмотрели друг другу в глаза, будто подбадривая одна другую.

— Что ж, Надя, это должно было случиться, но ничем не поживятся ни у тебя, ни у меня. Ты, Надя, иди домой, успокой Елизавету Васильевну, а Сережа отправится к Жукам.

— А я, Лида, свой дневник вынес и спрятал в тайнике от жандармов,— похвастался Сережа.

Они крепко обнялись и разошлись в разные стороны.

Ротмистра Семигановского поразило ледяное спокойствие, с каким Лидия Книпович осмотрела перевернутую вверх дном дачу, полную жандармских чинов. Она очистила место на столе и поставила корзинку с грибами.

— Что это значит, господа? — сверкнула она глазами. Волевые, гневно-повелительные нотки голоса Книпович заставили Семигановского подняться с места и представиться:

— Садитесь, сударыня,— растерялся он.

Но тут же, напустив на себя важность, торжественно прочитал:

«1897 года, июня 25 дня, на станции Валдайка, Николаевской железной дороги, я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Семигановский, на основании требования С.-Петербургского жандармского управления от 21 июня сего года за № 7848, руководствуясь статьей 416, установленной уголовным судопроизводством, по соглашению с исполняющим обязанности товарища прокурора Новгородского окружного суда Боголюбовым упомянутую в вышеуказанном требовании дочь действительного статского советника, Лидию Михайловну Книпович, постановил...— Семигановский сделал паузу, обвел всех глазами и громко закончил: —...взять под стражу и препроводить в Петербург».

— Вахмистр Некрасов,— приказал он,— арестованную взять под стражу.

И любезно обратился к Книпович:

— А вам, сударыня, на сборы дается час.

Он быстро собрал бумаги и, ни с кем не прощаясь, вышел.

Глубокой ночью этого так хорошо начавшегося июньского дня Лидия опять шагала по гулким железным лестницам петербургской «предварилки». Но это было временное прибежище: ей уготовили новый постоянный адрес...

Часть третья В КОГОРТЕ ТВЕРДОКАМЕННЫХ...

Глава первая
НА ГРАНИЦЕ С АЗИЕЙ

Глава вторая
РАДИ «НИНЫ»

Глава третья
«НА ЖИТЕЛЬСТВЕ
НЕ ОБНАРУЖЕНА...»

Глава четвертая
ТАРАС ВЫБИРАЕТ ДЯДЕНЬКУ

Глава первая НА ГРАНИЦЕ С АЗИЕЙ

Лидия долго не могла заснуть. То ли на новом месте не спалось, то ли по давней привычке, ложась в постель, она обычно подводила итоги прошедшего дня. Но виной всему, пожалуй, была душная ночь. В комнате дышать было нечем, и Лидия вышла на воздух. Задевая за ветки деревьев, она прошла в глубь сада и села на скамейку. Но и здесь не было спасения. Густо-черное южное небо с яркими блестками незнакомых созвездий, казалось, окутало ее своим горячим дыханием. Земля щедро отдавала накопленное за день тепло.

А день был действительно жарок. В Астрахань Книпович приехала в самый разгар июня. Пока добиралась до дома Буткова на окраине города в так называемых Криушах, где ей рекомендовали остановиться, полной мерой вкусила щедрость южного солнца. Если бы только зной! Грязные, лишенные растительности улицы города были насквозь пропитаны тошнотворным запахом протухшей рыбы и свалок.

Лидия еле сдержала смех, когда услышала, как астраханский губернатор стал серьезно уверять ее:

— Астрахань, сударыня, не Сибирь. Учитывая наш мягкий климат, правительство направляет сюда больных и слабых здоровьем ссыльных.

Еще в Петербурге ее предупредили, что заслуженный профессор Николаевской академии генерального штаба генерал-лейтенант Михаил Александрович Газенкампф — довольно своеобразный человек, и самое главное, он не в ладах с начальником губернского жандармского управления. Это нужно было иметь в виду. К встрече Лидия подготовилась, как к трудному уроку в школе. Нужно было произвести на Газенкампфа должное впечатление, что ей, кажется, удалось. Держалась с достоинством и вела бе-

седу совсем не как ссыльная с начальником губернии, а как человек одного с генералом круга во время обычного визита. Кроме всего прочего, на Газенкампфа, видимо, подействовали и магические слова «дочь действительного статского советника», как именовали Книпович во всей официальной переписке. И то, что она генеральская дочь, порой очень помогало. Видимо, поэтому департамент полиции разрешил ей ехать в ссылку, а не по этапу под стражей. Беседа с губернатором текла непринужденно. Нашли даже общих петербургских знакомых. Как бы между прочим Лидия упомянула о грубости и невоспитанности жандармов. Сказала, что после приема, который ей оказал «господин губернатор», ей совсем не хочется идти в жандармское управление. Довольная улыбка тронула лицо генерала:

— Мы, военные, непричастны к делам голубых мундиров. Я лично отношусь с неодобрением к их методике.

Проводил Газенкампф Лидию до дверей кабинета. Прощаясь, сказал:

— Живите смирно, работайте, и я никого из политических не трону и в уездные города рассылать не буду.

У Лидии о губернаторе осталось благоприятное впечатление: «Царский служака, до мозга костей военный, не терпит полковника Маркова, начальника губернского жандармского управления». Этим нужно воспользоваться. Он пообещал Лидии, что разрешит ссыльным состоять на государственной службе, готовить группы молодежи экстерном. Все это делалось вопреки жандармскому полковнику.

В дальнейшем губернатор после явки к нему присылал новых ссыльных к Книпович для помощи в устройстве. В случае каких-либо недоразумений, возникавших между полицией и ссыльными, объясняться к Газенкампфу шла всегда Лидия.

Итак, началась первая ссылка Книпович. «В совокупности» по делам «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», «Лахтинской типографии» и «Группы новых народовольцев» повелением царя от 29 апреля 1898 года она была выслана в Астрахань на четыре года.

Лидия встала со скамейки и прошлась по обширному винограднику. Квартирой своей осталась довольна. Домик из двух комнаток находился в глубине сада. Несколько позднее она переехала на другую квартиру, состоявшую из большой комнаты, спаленки и прихожей.

«Лучше бы все-таки в Сибирь, поближе к Старику, к Наде,— подумала она,— там и друзей питерских много. Правда, и здесь есть товарищи по борьбе,— убеждала она себя,— завтра же начнем знакомиться».

Уснула Лидия, когда на востоке засветлело небо. Однако выспаться ей так и не удалось. Рано утром вместе с яркими солнечными лучами в комнату, как вихрь, ворвалась женщина.

— Лидия Михайловна, где вы? — крикнула она, вглядываясь в полумрак.

Это была Александра Катанская. Еще совсем недавно в Петербурге Лидия и Саша встречались друг с другом по конспиративным делам: в Лахтинской типографии Александра играла далеко не последнюю роль. Лидия знала, что Александра Катанская «исповедалась» на следствии уж слишком обстоятельно. Но она не очень винила ее за это: Катанская брала пример со своей наставницы, Прейс.

Лидия хотела угостить гостью завтраком, но у нее не оказалось никаких продуктов.

— Вот и хорошо,— обрадовалась Катанская,— пойдемте на базар. Такого, как здесь, вы никогда не видели.

Исад, как назывался местный рынок, поразил Лидию. Яркие краски, несмолкаемый шум, запахи рыбы и фруктов. Такого в Питере не увидишь, как в восточной сказке. Она накупила полную корзину провизии. За завтраком о многом переговорили. Как могла, Катанская отвечала на многочисленные вопросы Книпович об условиях жизни, о ссыльных. Их было сравнительно немного, да и живут они как-то врозь, мало общаются.

— А вообще, Лидия Михайловна, тут порядочное болото,— уныло заключила она свой рассказ.

«Да, голубушка, сникла ты совсем,— неодобрительно подумала Лидия.— Здесь, конечно, не Петербург. Жалко, что не с кем посоветоваться. Придется самим налаживать дело»,— про себя решила она, а вслух сказала:

— Что ж, Сашенька, работать будем и здесь.

— Будем, Лидия Михайловна, только как? — не совсем уверенно согласилась Катанская.

— Подумаем сообща: ведь у нас за плечами опыт работы в Питере. А там, смотришь, еще нашего брата добавится.

И действительно, ссыльные стали прибывать партиями и в одиночку. К 1900 году их было уже больше четырех десятков человек. Не сдержал свое обещание Газенкампф — половина ссыльных была разослана в Енотаевку, Ханскую Ставку и другие места губернии. Книпович радовалась каждому новому лицу и внимательно присматривалась к товарищам по ссылке.

— Это, Сашенька, настоящий революционный музей,— шутила она.— Кого только судьба не забросила в нашу милую Астрахань! Всех — с бору по сосенке. И народоправец Кривенок, и старые народовольцы Падеревский и Данилевич — они, правда, отбыли ссылку,— и даже толстовцы Змеиченко и Кульдин.

— А социал-демократы? — спросила Катанская.

— Мало их еще,—вздохнула Книпович.

— Я себя считаю в их рядах,— сказала Катанская.

— Не совсем еще, Сашенька. Чуши народнической еще много в твоей голове, ну да с божьей помощью вычистим ее,— засмеялась Лидия.— Делами, а не словами нужно доказать свою принадлежность к социал-демократии,— серьезно прибавила она.

— Какими же, Лидия Михайловна?

— Пока не могу сказать определенно, но вспомни, Сашенька, Лахту, может, и пригодится.

Вскоре социал-демократического полку прибыло. Появилась Анна Михайловна Рунина. Она участвовала в работе «Союза борьбы» в Петербурге и в июле 1896 года была арестована. После вторичного ареста в 1900 году ее выслали в Астрахань.

О Лидии Книпович Рунина слышала еще в Петербурге. По приезде в Астрахань, придя в дом Буткова, куда ее направили товарищи, Анна Михайловна, к своему радостному удивлению, встретила там петербургскую знакомую Елизавету Широких, которая также жила в ссылке в Астрахани с двухлетней дочкой Верочкой.

— Скоро придет наша Лидия,— сказала Руниной Широких.

Действительно, через некоторое время в комнату вошла высокая женщина. Познакомившись с Анной Михайловной, она стала распаковывать объемистую корзину, принесенную с рынка.

— Возьмите, Елизавета Ивановна,— сказала она, передавая ей какие-то банки.— А это тебе, маленькая,— ласково погладила она по головке Верочку.

Девочка, обняв за шею тетю Лидусю, стала с аппетитом уплетать ореховую халву. С Верочкой на руках Лидия Михайловна ушла на кухню готовить завтрак на всю компанию. Анне Михайловне она показалась очень строгой. Во время еды Лидия с новой знакомой перемолвилась всего несколькими словами. Но сразу же после завтрака она уговорила хозяина дома пустить прибывшую в небольшую комнатку. Случилось так, что на следующий же день после приезда Анна Михайловна заболела дизентерией. Она решила лечь в больницу, чтобы не подвергать опасности окружающих. Однако Книпович решительно воспротивилась намерению Анны Михайловны.

— Я уже знакома с местной больницей,— сердилась она.— Одну ссыльную мне уже пришлось однажды взять оттуда полуживую и выхаживать дома. Останетесь здесь,— решительно сказала она и принялась хозяйничать у больной, как у себя дома.

Анна Михайловна очень стеснялась: ведь совершенно незнакомая, такая внешне суровая, Лидия ухаживала за ней с настойчивой предупредительностью, с исключительной заботливостью и сердечностью.

Лидию трогала молчаливая скромность и нетребовательность больной. Они сближались все больше и больше. Вскоре Лидия и Анна поселились в одной квартире и завели общее хозяйство. Их дружба не нарушилась и когда Анна Михайловна в 1901 году вышла замуж за ссыльного Сергея Карловича Вржосека, который был выслан из Петербурга. Состоя защитником при Петербургском военно-окружном суде, Вржосек вел рабочие дела против фабрикантов. Выступал как защитник, по политическим делам. Многим запомнились его речи на нашумевших процессах о сопротивлении полиции на фабрике Максвеля.

Вржосек принимал участие в деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», был арестован и выслан на три года в Астрахань.

Ссыльные устраивались на работу с большим трудом. Но когда наконец Вржосек начал работать юрисконсультом в речном пароходстве и первая получка Анны Михайловны тоже была внесена в общую кассу, Лидия заявила:

— Ну, теперь нам троим за глаза хватит.

Лидия познакомилась и с другими ссыльными, и очень скоро сад Буткова стал притягательным местом для всей колонии, а квартира Книпович — ее центром. Обычно с наступлением сумерек в большой комнате за чашкой чаю завязывались длинные беседы. Больше всего волновали собравшихся вопросы революционной работы.

На одной из таких бесед разгорелся спор о возможностях организации среди рабочих Астрахани социал-демократической пропаганды.

— О какой работе можно здесь говорить? — горячился Василий Хрусталев, рабочий из Петербурга.— Посмотрел я вокруг, и тоска зеленая меня взяла. Ведь большинство-то рабочих заняты здесь в кустарных заведениях и никак не связаны между собой. Как их объединить?

Страсти разгорались. Хрусталева поддержал Вржосек.

— Рабочие рыбных промыслов,— сказал он,— разбросаны по отдельным углам края и собираются вместе лишь к сезону. Есть, правда, и постоянные рабочие...

— Да что толку, что постоянные,— перебил его Владимир Вячеславович Евреинов,— я вот служу у Нобеля. Там постоянные рабочие, но это же рабочая аристократия. Попробуйте подойти к ним с революционной пропагандой, когда они так привыкли к своим уютным домикам.— Он безнадежно махнул рукой.

— А как, например, можно вести работу в мастерских «Восточного общества»? — уныло говорил Цветков.— Они хотя и расположены всего в семи верстах вниз по Волге, но попробуйте проникнуть туда. Ходят туда только пароходы «Восточного общества» и берут на борт лишь своих рабочих. К тому же заведующий мастерской Пешков завел свой

частный сыск, следит не только за своими рабочими, но и за всеми приезжающими к ним.

Книпович внимательно следила за дискуссией. Обычно она не вмешивалась и лишь двумя-тремя словами старалась направить разговор в нужное русло. Но она горячо ввязывалась в дебаты, когда видела, что ошибочное мнение не встречает должного отпора. Так случилось и сейчас.

— Что тут говорить, всем известно, что в Питере больше сознательных рабочих, чем в Астрахани,— с горячностью возразила она.— Большинство питерских пролетариев работают на крупных предприятиях. Или вот иваново-вознесенские ткачи — сразу поднялись на стачку тридцать шесть тысяч человек. Но ведь есть не только центры, есть и окраины. Есть Питер, Москва, Баку, а есть такое захолустье, как Астрахань. И таких мест в России большинство. Работать в Петербурге легче и интереснее — и рабочий организованнее, и лучше воспринимает революционную теорию. А куда прикажете деть астраханского рабочего, ведь у него те же враги, что и у питерского и любого другого русского рабочего? — Она замолчала. Продолжала уже более спокойно:

— Да, в Астрахани трудные условия для революционной работы вообще, а для нас, поднадзорных, в особенности. Рабочий класс разобщен, много сезонных, приезжих рабочих. Есть и другие сложности. Но есть костяк кадровых рабочих, есть ссыльные рабочие, есть, наконец, мы.

Лидия прикурила от керосиновой лампы, села в угол.

— А насчет того, что и в условиях Астрахани вполне можно работать, и хорошо работать с рабочими, у нас уже есть пример. Ювеналий Дмитриевич,— обратилась она к своему соседу,— расскажите товарищам о своем кружке.

Товарищ Владимир — Мельников Ювеналий Дмитриевич обвел взглядом сидевших за столом. Он рассказал, как ему удалось создать кружок из рабочих-металлистов завода Митрофанова. И занимаются кружковцы успешно.

Мельникова Лидия выделяла из всех ссыльных не только потому, что он создал первый в Астрахани подпольный социал-демократический кружок. Она видела, что вся его жизнь — сплошное револю-

ционное горение. Простой слесарь, он в свои тридцать лет прошел замечательную школу нелегальной работы, царских тюрем, стал образованным марксистом и талантливым руководителем. Но два года в одиночке киевской тюрьмы дали себя знать. Ссылки он не вынес. 24 апреля 1900 года Ювеналий Мельников умер от чахотки. Безвременная смерть молодого революционера потрясла Лидию и всех ссыльных. Товарищи похоронили его, вопреки существовавшему тогда порядку, по гражданскому обряду. Разгневанные церковники не разрешили погребения на православном кладбище, и Мельников был предан земле за оградой.

Лидия взяла осиротевшую семью Ювеналия Мельникова на свое попечение. Ей и самой было нелегко, но она не могла поступить иначе. Да разве только об одной семье Мельникова она заботилась! Никто так просто и незаметно не мог подойти к товарищу, чтобы оказать ему необходимую помощь. Одному она принесет с рынка провизию, другому затопит печь, третьему поставит чайник на примус, четвертому вымоет полы.

— Я ведь генеральская дочь,— шутливо говорила она про себя,— и потому сама мою полы, стираю белье, стряпаю и убираю. А вы почему не успеваете это делать? — дружески журила она ссыльных интеллигентов, которые поражались ее работоспособности. Все удавалось Лидии, но, как и в прежние времена, она удивляла всех своей стряпней. Часто придумывая какие-нибудь особенные блюда, подкармливала ссыльных сытными обедами. Постоянно оказывая другим услуги, не любила, когда пытались отблагодарить ее за это. Но когда она видела, что товарищи что-либо делали для нее от души, ее глаза теплели и лучились.

Самую большую радость приносила почта. Из Петербурга от Николая и Лели шли обычные письма. Иногда по просьбе Лидии родные присылали книги. Они нужны были не только для чтения — прикрывали другие издания, которые приходили из Сибири. Некоторые были с секретом.

Вот и сегодня, в самый канун нового, 1900 года, Лидия торопится домой с довольно тяжелой банде-

ролью. Так и есть — книга, самая что ни на есть обыкновенная, разрешенная цензурой.

Лидия накинула крючок на дверь, поставила чайник на керосинку и, закрыв окно, в дальнем углу наполнила таз горячей водой. Осторожно опустила в него переплет. Скоро вода помутнела. Это растворился клейстер, и Лидия аккуратно вскрыла двойную крышку, в которую Надежда вклеивала написанные тушью письма. Тушь сохранялась — ей ничего не делалось ни от клейстера, ни от воды.

На этот раз листки были убористо исписаны с двух сторон. Забыв обо всем, стала читать.

Крупская сообщала, что шлет два документа: «Кредо» мадам Кусковой — взгляды «экономистов», другой — «Антикредо», «Протест российских социал-демократов». Хотя Надя и не пишет об авторе второй вещи, но когда Лидия прочитала ее, то поняла, что написать ее мог только Владимир Ильич. Тем более что принято «Антикредо» на собрании товарищей, где, как пишет Надя, Старику пришлось несколько раз выступать, чтобы убедить колеблющихся в необходимости самой ожесточенной борьбы со сторонниками Кусковой. Лидия узнала, что собирались ссыльные у Ванеева. Старик просит распространить «Антикредо» по другим городам. Не спрашивает он, как Дяденька это сделает. «Уверен, видно, что придумаю выход»,— улыбнулась Лидия.

А выход действительно был. Она аккуратно заклеила переплет книги, поставила ее на полку. Спрятала листки в тайник под полом и пошла к Катанской.

— Молодец, Сашенька,— мысленно хвалила ее Лидия. И было за что.

Все началось с памятного обеим первого разговора. Встряхнулась после него Александра, развернулась, да еще как. Вместе со своим мужем, ссыльным студентом Гертопаном, организовали они социал-демократический кружок. Вошло в него двенадцать рабочих, в большинстве своем только что порвавших с деревней. Александра предпринимала усилия, чтобы организовать печатание революционной литературы.

— Мы познакомились со служащими типографии

газеты «Астраханский листок» Михаилом Лутохиным и Натальей Александровой,— сообщила Катанская Лидии.— Их удалось уговорить натаскать шрифта из типографии.

Дело с типографией, однако, подвигалось медленно. Нужно было что-то придумать новое. Однажды Александра пришла к Лидии Михайловне очень взволнованная.

— Миша Лутохин предложил выписать шрифт из петербургской словолитни как бы для типографии «Листка», как быть? Может быть, попробовать этот способ?

— А как же мы его получим?

— Очень просто. Миша разбирает почту и перехватит квитанцию, как только она придет, ну а получить труда уж не составит.

Катанская выжидающе посмотрела на Книпович.

— Ну что ж, думаю, хорошо, хотя и рискованно,— сказала она наконец,— но без разумного риска разве что-нибудь сделаешь?

Две недели томительного ожидания. Операция прошла благополучно. Были получены десять пудов шрифта, два вала для прокатки.

— А станок по моим указаниям сделал столяр; не ведал, что творит,— смеясь, докладывала Лидии Катанская.

Гертопан на окраине города нашел отдельный домик с проходным двором. Его обставили, и получилась чистенькая мещанская квартира, которая не вызывала ни у кого подозрений. Все оборудование типографии было скрыто под полом и могло быть убрано в несколько минут. Но место оказалось неудачным: проходным двором пользовались жулики, и, преследуя одного из них, полиция однажды ворвалась в дом. Пришлось искать другое место. Гертопан, чтобы быть вне подозрений, поступил работать в акциз. Однажды ему сообщили, что переводят по службе из Астрахани в Николаевскую Слободу. Лидия переезд одобрила.

— Типография будет вне подозрений,— сказала она,— ведь к чиновнику акциза часто приходят посетители, а это очень удобно.

— Да, никто и не подумает, что под самым носом у полиции живет нелегальная типография,— добавила Катанская.

В типографии они уже отпечатали «О писателе, который зазнался» М. Горького.

Катанская прочитала листки, присланные Крупской.

— Как здорово написано «Антикредо»! — сказала она, аккуратно складывая рукопись.— Это будем печатать?

— Для того и позвала,—улыбнулась Книпович,— а написано действительно хорошо. Нужно всыпать перца сторонникам «Кредо». Как у вас с бумагой и краской?

— Гертопан совсем недавно проехался по Волге и понемногу накупил всего необходимого. Печатать можно.

— Ну, с богом,— сказала Лидия, передавая Катанской рукопись «Протеста российских социал-демократов».

Готовый тираж запаковали в большой тюк, который Гертопан отвез в Самару. Далеко разлетелись листки из этого тюка, и спрос на них был велик...

Когда Лидия познакомила ссыльных с «Кредо» мадам Кусковой и «Протестом российских социал-демократов», в их среде разыгралась настоящая буря. Внешне единая до сих пор колония разделилась. Подавляющее большинство ссыльных присоединилось к «Протесту российских социал-демократов».

— Ну, а те, кто откололся,— сказала Книпович,— это не настоящие революционеры. Невелика потеря, а выигрыш велик — лучше иметь хороших врагов, чем плохих друзей. С такими «друзьями» нельзя решить задачу, которая очень хорошо формулируется в «Протесте».— И Лидия, делая ударение на каждом слове, прочла: — «...Главной целью... должен быть захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества».

Откуда она взяла «Протест», Книпович, конечно, никому не сказала. О ее переписке, как и о подпольной типографии, знали только те, кого это прямо касалось.

Осенью 1900 года Лидия Книпович неожиданно приехала в Уфу, где в это время жила Надежда с матерью.

— Лидушка, миленькая, ты ли это,— всплеснула руками Елизавета Васильевна,— неужто перевели к нам, в Уфу? Вот у Наденьки радости будет.

— К сожалению, не разрешили, хоть и просилась я дважды.

— Так как же так, без спросу?

Лидия улыбнулась.

— Могут ведь сроку добавить!

— Никто и не узнает,— махнула рукой Лидия.

— Отчаянная ты, голубушка, бедовая голова,— любуясь гостьей, захлопотала возле нее Елизавета Васильевна.

Лидия любила Елизавету Васильевну. Она обняла и поцеловала ее. Так в детстве она ласкалась к матери. Хлопнула входная дверь, и на пороге комнаты застыла Крупская.

— Ты здесь?! — только и могла вымолвить она, очутившись в крепких объятиях подруги.

Отстранившись, они изучающе оглядели друг друга и нашли, что обе мало изменились, хотя после тюрьмы одна успела побывать в суровой Сибири, а другая — в знойной Астрахани.

— Мамочка, никого сегодня не было?

— Бог миловал,— улыбаясь, ответила Елизавета Васильевна.— Поверите,— сказала она Лидии,— нет того дня, чтобы не было гостей. Скучать не дают. Квартира удобная — две комнаты и кухня, сад, да и хозяева хорошие. Вот и фортепиано есть. Одна знакомая Нади приходит, поет недурно, но аккомпанемент — упаси боже.— Она ткнула клавишу, и та отозвалась каким-то хриплым, простуженным звуком.— До чего я люблю музыку, но эту не выношу.

Подруги рассмеялись.

— На самом деле мама любит, когда в доме люди,— сказала Надежда, когда Елизавета Васильевна вышла из комнаты.— В нашем захолустье можно было бы с тоски умереть, если бы не люди. У нас всегда в доме кто-то есть. Придешь с уроков вечером, часов в девять, а тут — гости. Сама не пойму, как это получается. Вроде я не очень общительная. А вот сегодня никого нет,— рассмеялась она.— А у тебя как?

— У меня тоже почти каждый день гости,— ответила Лидия,— да все свои, ссыльные. За чаем да за шахматами ведем нужные разговоры. Нет, прав-

да, у меня музыки, но когда страсти разойдутся, шума больше, чем от твоего фортепиано.

За чаем она рассказала про свое житье-бытье в Астрахани. Угостила полученным ею из Петербурга шоколадом. Порадовала хозяев астраханской рыбой и икрой.

— За это спасибо, жалко, Володя не отведает,— поблагодарила Надежда,— а я так почти уфимской патриоткой стала. Одно здесь плохо — грязь непролазная, ну, да ты с этим уже сама познакомилась.

Да, Лидия такой грязи, как в Уфе, нигде не встречала. Приехала поздно вечером. Время осеннее, по темным улицам еле добралась до дома Куликовой, где жили Крупские.

— Два раза чуть в канаву не влетела,— со смехом рассказывала она о своем путешествии,— куда-то и луна за тучи запропастилась.

Долго в тот осенний вечер 1900 года длилась беседа. Говорили больше о житейских делах, много вспоминали. О деле решили поговорить завтра. На другой день после завтрака, когда Крупская и Книпович остались одни, Лидия подробно рассказала о положении дел в Астрахани, об окончательном расколе среди ссыльных после обсуждения «Антикредо».

— Это главное, на что рассчитывал Володя, когда писал его,— сказала Крупская.— Ты бы посмотрела на него, когда он читал писанину Кусковой.

— А как он получил «Кредо»? — поинтересовалась Лидия.

— Еще весной 1899 года Анна Ильинична в Петербурге зашла на книжный склад к Калмыковой. Александра Михайловна снабжала Володю литературой. Вот она и дала Анне Ильиничне скопировать «Кредо» Кусковой, говоря, что с этим нужно бороться, потому что некоторые молодые петербургские социал-демократы начинают клевать на эту приманку. Анна Ильинична тут же переписала «Кредо» химией и прислала нам. Ну, а дальше ты сама знаешь.

— Молодец Тетка! Ай да Александра Михайловна! — похвалила Лидия.

— У нее теперь новая кличка — Ведро, Володя придумал,— понизила голос Крупская.

— Это почему так, Ведро? — удивилась Книпович.

— Видишь ли, хотя сын Александры Михайловны, Струве, окончательно перешел к либералам, она

по-прежнему твердо с нами. Когда в феврале этого года Володя ехал на жительство в Псков, он нелегально заехал в Петербург и остановился у Калмыковой, на Литейном. Там ему Александра Михайловна устроила встречу с Верой Ивановной Засулич. А потом лихач отвез Володю прямо на Варшавский вокзал. Ты ведь знаешь, Александру Михайловну конспирации не нужно учить,— улыбнулась Крупская.— Вот она устроила так, что Володя благополучно добрался до Пскова. Затем и она приезжала в Псков и дала две тысячи рублей на партийные дела. Вот потому она и стала Ведро, что щедро льет воду на нашу социал-демократическую мельницу.

— Да похоже, что Ведро бездонное,— пошутила Книпович.

— С этими двумя тысячами Володя чуть было не влетел,— сказала Крупская.

— Каким образом? — встревожилась Лидия.

— Дело было в мае этого года. Володя по дороге из Пскова в Подольск опять нелегально приехал в Петербург. Тут он переконспирировал: решил пробраться через Царское Село. А там, сама знаешь, за каждым кустом шпики. Ну и зацепил Володя их за собой парочку. Переночевал он в доме на Казачьем переулке у Екатерины Васильевны Малченко, а когда утром вышел, его тут же за локти схватили два дюжих переодетых жандарма. Да так крепко взяли, что не дали ему почиститься. Вот и пришлось ему объяснять происхождение всех бумажек и денег, зашитых под подкладкой.

Надежда замолчала и прислушалась — ей показалось, что кто-то вошел в квартиру. Вышла посмотреть. Лидия в волнении закурила.

— Ну и чем это все кончилось? — нетерпеливо спросила вернувшуюся Крупскую.

— Кончилось-то благополучно,— успокоила она подругу,— подержали Володю десять дней на Гороховой и отправили в Подольск. Только хорошо — не догадались они нагреть его бумажки, там химией были написаны конспиративные адреса. Во время допроса Володе пришлось и тебя вспомнить.

Лидия хотела что-то спросить, но промолчала, вопросительно взглянув на подругу.

— Не волнуйся, ничего страшного не случилось,— рассмеялась Крупская,— среди прочих бума-

жек у него нашли квитанцию на отправленное письмо к тебе в Астрахань.

— Да, действительно, я тогда получила письмо, отправленное из Пскова,— как-то очень серьезно сказала Лидия,— из-за этого письма я сюда и приехала. Как получила я его, поняла, что нужно нам обязательно повидаться. Вначале я подала прошение о переводе сюда, ты знаешь об этом. Вижу, не выходит, решила ехать так. Только почему Старик не уничтожил квитанции, это непростительно,— с сожалением произнесла она.

— Может быть, и на ней что-нибудь было записано химией,— пыталась найти оправдание Крупская,— я его, правда, об этом не спрашивала. Только, знаешь, какое объяснение он дал на допросе?

Лидия с интересом ждала продолжения рассказа.

— Он сказал, что ты моя близкая родственница, постоянно живешь в Астрахани и что с этим письмом он послал тебе карточку. Но жандармы тоже не лыком шиты,— улыбнулась Крупская.— Они ему и говорят: «Родственница-то как раз под стать вашей жене, все вы одного поля ягоды. Только,— говорят,— не постоянно она проживает в Астрахани, а это мы ее туда определили на четыре года».

Лидия хохотала до слез.

— Да, Надя, а для чего Старику такие деньги, две тысячи? — спросила она.

Крупская хитровато прищурилась:

— Наконец-то поинтересовалась. Да это для того же дела, из-за которого тебе Володя велел приехать ко мне.

— А что за дело?

Лидия долго внимательно слушала Надежду. Крупская подробно рассказывала о жизни в Шушенском, о том, как бесконечно длинными зимними вечерами Владимир Ильич вынашивал план создания партии социал-демократов в России. Как у него родилась идея организации общерусской нелегальной политической газеты. Газета, как цемент, должна соединить в прочный монолит множество кружков и группок социал-демократов по всей России. Как он выверял каждую деталь плана, советовался с Надей, с самыми близкими товарищами по ссылке.

— Когда Володя отсидел в предварилке четырнадцать месяцев,— продолжала Крупская,— он шутил, что рановато, мол, выпустили, что не завершил еще всей работы. А в Шушенском в последние месяцы было просто невыносимо. Он рвался в Россию. Наконец наступил этот долгожданный день, да еще из-за меня чуть задержка не вышла.

— Как же так? — спросила Книпович.

— У Володи ссылка кончилась, а у меня еще нет,— объяснила Крупская,— и я должна была до конца срока отбыть ссылку здесь, в Уфе. А свидетельство об этом мне не пришло. Дали мы тогда телеграмму в департамент полиции и Николаю Михайловичу.

— Да, брат писал мне об этом,— вспомнила Лидия.

— Только напрасно мы его беспокоили. Почти сразу получили необходимую бумагу. По дороге из Шушенского Володя два дня пробыл здесь, в Уфе, побеседовал с местной публикой: Свидерским, Крохмалем, Цюрупой, препоручил меня с мамой товарищам, отправился в Псков.

Крупская рассказала подруге, как он все эти месяцы находился в постоянной напряженной работе — объехал много городов, встречался с товарищами и везде уславливался об адресах, шифрах, корреспонденциях в газету.

— Перед отъездом за границу неделю пробыл Володя опять в Уфе. Провел собрания, обо всем столковался с товарищами и, конечно, со мной,— улыбнулась Крупская.— С теми, с кем он не успел повидаться, поручил договориться мне. Была у меня уже Зайчик, помнишь Глафиру Окулову? Она возвращалась из ссылки.

Книпович кивнула.

— А с тобой, Лида, Володя просил переговорить особо,— сказала Крупская серьезно,— рассказать тебе все, постараться убедить, сделать сторонницей «Искры», так решили назвать газету.

— Не нужно меня убеждать,— сказала Книпович,— я все поняла и целиком поддерживаю этот план.

Крупская улыбнулась:

— А я и не знала, что окажусь таким хорошим агитатором.

— Это не ты сагитировала меня, а умный план Старика,— парировала Лидия.

— Перед поездкой за границу Володя читал мне «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари»,— сказала Крупская.— Его должны напечатать и пустить в публику.

— О чем говорится в «Заявлении»?

— Там он изложил план создания партии, который разработал в Сибири. В нем две основные задачи. Во-первых, прочное идейное объединение и, во-вторых, «русская социалистическая почта».

— Что он имел в виду?

— Организацию надежных связей между всеми центрами движения, систематическое снабжение «Искрой» и вообще нелегальной прессой всех концов России,— пояснила Крупская.— Но не только это. Нужна постоянная связь с редакцией, доставление ей материалов и корреспонденций. А в результате должна сложиться общерусская организация.

Задумалась Лидия. Русская социалистическая почта... Владимир Ильич, как всегда, нашел точные и емкие слова. Он не только написал об этой почте, но уже и начал создавать ее. Чем я могу помочь Владимиру Ильичу?

— Я готова стать почтарем в социалистической почте,— произнесла Лидия,— но ведь связей почти никаких, даже с соседними городами. По Волге, например, до чего бы удобно развозить литературу.

— Связи налаживаются,— успокоила Надежда,— Ольга Чачина недавно уехала в Казань, из Самары приезжал Румянцев, помнишь его?

Лидия кивнула.

— А в Баку у нас есть кто-нибудь из товарищей? — спросила Книпович.

— Старков живет в Баку... И, кажется, Роберт Эдуардович Классон,— медленно произнесла Крупская и замолчала.

Лидия внимательно посмотрела на подругу, и та очнулась от раздумий.

— Знаешь, Лида,— сказала она как-то особенно задушевно,— воспоминания о прошлом надо мной имеют какую-то особую власть. Назвала я Классона, и так ворохнулись воспоминания, что даже сказать сразу трудно. Была я у него в кружке. Это он, Роберт Эдуардович, первый, мне, совсем неразумной

тогда, назвал имя Маркса. Я ведь до того не знала, что жил на свете такой человек. За это я ему очень благодарна. И еще...— Она сделала паузу.— Мы потом часто собирались на Охте на квартире Классона. Там на блинах я и познакомилась с Володей.

Подруги никогда ничего друг от друга не скрывали и, рассказывая о прошлом, как бы взвешивали и проверяли прожитое. Но о знакомстве на квартире Классона Надя рассказала впервые.

— Я в своей жизни, пожалуй, ничего не хотела бы изменить,— очень тихо призналась Крупская подруге,— только бы быть с Володей всегда вместе.

Лидия улыбнулась, вспомнив, как Елизавета Васильевна с гордостью сказала ей: «А зять-то у меня хороший. С Наденькой они, как мы с покойным Константином Игнатьевичем, душа в душу живут. Знала Надя, что жениху в подарок привезти. Всю дорогу от Петербурга до Шушенского на коленях держала зеленую лампу».

Посмотрела Лидия на счастливую свою подругу. Она радовалась, когда у товарищей создавалась хорошая семья единомышленников.

— Я, Надя,— очнулась она от раздумий,— в своей жизни, пожалуй, тоже ничего не хотела бы зачеркнуть. Разве только то, что как-то Владимир Ильич назвал «народнической корью моей революционной юности»,— грустно улыбнулась она,— но и тут своя польза есть — у народников я конспирации обучилась и дисциплине.

— Володя очень ценит народников за это и сам говорит, что брал у них уроки конспирации. Он мне письма химией пишет на книгах. Так ему удобнее. А я все больше посылаю письма в переплетах.

Книпович очень хорошо освоила уже эту технологию подруги, хотя сама не умела так аккуратно заделывать переплеты книг и отвечала, как и Старик, химическими письмами, написанными между строк обычного письма или книги. Лидия похвалила Надежду за умение склеивать переплеты.

— Недавно посылала Володе письмо в переплете романа Толстого «Воскресение»,— улыбнулась Крупская.— Осталась у меня рукопись Володи, а он просит прислать. Да велика она. Есть тут один хороший человек. Очень уж ловко он делает переплеты. Но боюсь, что и он ничем не сможет помочь.

Крупская вышла в другую комнату и скоро вернулась.

— Вот, погляди,— вручила она Лидии пачку бумаги.— Рукопись эту перебелили, поди узнай теперь, кто писал.

Книпович перебрала небольшие листки, исписанные с обеих сторон печатными буквами, взглянула на заголовок: «Попятное направление в русской социал-демократии» — и углубилась в чтение.

Старик разделывал единомышленников Кусковой, которые на страницах газеты «Рабочая мысль» проповедовали стихийную, только экономическую борьбу рабочего класса. Камня на камне не оставил он от этих русских последователей лидера немецких ревизионистов Бернштейна. Старик убедительно доказал, что «наша» бернштейниада является решительным шагом назад против взглядов русской социал-демократии.

— Когда он написал это? — спросила Книпович.

— С год тому назад в Шушенском. Володю очень беспокоят эти русские бернштейнианцы,— ответила Крупская.— Мы с Володей сделали перевод книги Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика». Все дела оставили, пока не закончили работу. Зато многие уже прочитали наш рукописный перевод.

— Где же он?

— Сейчас тетрадка ходит по рукам. Очередь на нее среди ссыльных.— Крупская заметила огорчение подруги и пообещала прислать в скором времени перевод.

И слово свое сдержала. «Перевод Каутского сейчас не тут, он был отослан на время в Астрахань...— писала Крупская позднее, 22 декабря 1900 года в Москву,— но Володя просил переслать ему, не знаю только, он принял такой трепаный вид, что неудобно и пересылать-то».

— Переводили мы с Володей Каутского, а перед глазами у меня все стояла Аполлинария Якубова. Как ей хотелось, Лида, чтобы ты скорее стала на нашу сторону. Мы с ней всегда сходились во взглядах. Но скажи мне, что стало с ней теперь, почему это она теперь хвалит Бернштейна? — с горечью воскликнула Крупская.

— Нужно бить всяких бернштейнианцев, будь

то мадам Кускова или такой перевертыш, как та самая Лирочка,— сердито бросила Лидия и уже спокойнее добавила: — Первым делом бы отпечатать рукописи Старика и пустить их в публику. Ох как нужна эта самая «Искра» и «социалистическая почта»!

Два дня Лидия гостила в Уфе. Обо всем договорились: и о характере работы, и о переписке, и о шифрах, и об адресах, и о корреспонденциях, и о многом другом. Очень не хотелось расставаться.

— Я, Лида, перед тем как поехать к Володе, обязательно заеду к тебе,— пообещала Крупская.

Для постороннего, даже жандармского глаза, Книпович вела обычную, ничем внешне не примечательную жизнь. Рано вставала, шла на Исад, готовила завтрак, прогуливалась, навещала кого-нибудь из знакомых, затем — опять хозяйственные дела, обед, на котором неизменно кто-нибудь присутствовал. В 11 часов вечера Лидия уже спала. И так проходил день за днем. Правда, систематические встречи со ссыльными заставляют жандармов усомниться в политической благонадежности Книпович. Но неизменно в донесениях отмечается, что образ жизни она ведет «открытый». Блестящий конспиратор, Лидия смогла создать такую видимость в глазах зорко следивших за ней жандармов. Они не могли знать, что она активно участвовала в социал-демократической работе, которая разворачивалась среди ссыльных и рабочих Астрахани.

Создавались все новые рабочие кружки. Действовали так конспиративно, что жандармам не удалось раскрыть их. Книпович организует у себя что-то вроде семинара для руководителей кружков, которыми были в основном ссыльные рабочие. Много лет спустя Катанская писала, что «велись углубленные занятия со ссыльными рабочими. Помню, как у Л. М. Книпович собирались рабочие, читали только что вышедшую книгу Ленина «Развитие капитализма в России» и спорили о судьбах деревни. Мне эти споры давали прекрасный материал для работы со своим кружком, да и другим товарищам эти занятия служили хорошим подспорьем».

Особенно рада была Лидия за Замараева, который очень умно вел кружок. Но без риска он не мог обойтись: кружковцев на занятия он собирал на

своей квартире в Кузнечных рядах. Правда, и ссыльный рабочий социал-демократ Янулевич тоже проводил занятия кружка на своей квартире.

Сама Книпович вела конспиративную работу среди рабочих пристани, судоремонтных мастерских, складов Нобеля, рыбных промыслов. Вот где пригодился опыт ее работы в Смоленской воскресной школе. И здесь у нее очень быстро установился контакт с рабочими. Лидия испытывала огромное счастье, замечая, как растет классовое сознание ее кружковцев.

Ребятишки всей округи уважали «тетю Лиду» за то, что она вечно возилась с ними, обучала грамоте, читала и дарила им книжки.

Придя однажды с занятий кружка, Лидия Михайловна села на диван и, устало откинувшись на спинку, с наслаждением закурила. Когда она захотела стряхнуть пепел, то не нашла пепельницы. Она дорожила ею — это был подарок брата Николая. Поиски ни к чему не привели. В это время в окно комнаты с улицы заглянул мальчишка — один из ее многочисленных юных знакомцев. Лидия поманила его пальцем. Она спокойно сообщила мальчику о пропаже пепельницы.

— Сейчас, тетя Лида! — крикнул он, выбегая на улицу.

Скоро шумная ватага заполнила квартиру. Белобрысый уличный атаман успокаивал своих возмущенных товарищей.

— Мы знаем, кто это сделал. Тетя Лида, обещаем, что через час пепельница будет на месте,— сказал он и с достоинством удалился.

Каково же было ее удивление, когда через некоторое время в комнату втолкнули незнакомого ей мальчишку. Видимо, его порядочно поколотили, он даже ничего не мог сказать, только, вздрагивая всем телом, молча протянул злополучную пепельницу.

— Тетя Лида, он новенький и еще не знал вас,— заступились ребята за виновного.

— Воровать ни у кого нельзя,— строго сказала Лидия. Она усадила ватагу пить чай.

Она умела найти подход к простым людям, которые ей отвечали взаимностью. У Бутковых жила

кухарка Иваниха. Эта пожилая женщина, нелюдимая, сварливая, привязалась к Лидии, поверяла ей тяготы своей жизни.

Лидия никогда не спрашивала о том, что кому нужно сделать. Она сама определяла, какая сейчас нужна помощь человеку.

Когда Иван Матвеевич Бутков уезжал врачевать в уезды губернии, жена и дочь боялись оставаться одни в квартире. Лидия в темные осенние ночи, скользя и утопая в вязкой глине немощеных улиц, шла к ним ночевать. И не было случая, чтобы она хоть раз не пришла или опоздала.

Ей нравилось доставлять радость людям. Жила у Бутковых старенькая бабушка. Среди других хлопот Лидия успевала забежать к ней, поговорить, оказать какую-нибудь маленькую услугу. Даже угрюмый сын Бутковых, Андрюша, сторонившийся всех, с ней подолгу разговаривал. С кучером Бутковых Лидия здоровалась за руку.

Она пользовалась безграничным доверием окружающих. Полнота жизни радовала Лидию.

Глава вторая РАДИ «НИНЫ»

С нетерпением ожидала Лидия Крупскую в Астрахани. Да и той казалось, что срок окончания ссылки приближается очень медленно. 12 февраля 1901 года Крупская писала Марии Ильиничне Ульяновой: «Остался один месяц. Не правда ли чудесно? А когда-нибудь будет и один день!.. Мне надо съездить будет еще в Астрахань».

Но свидание так и не состоялось.

«Еле дождалась я конца ссылки,— вспоминала Н. К. Крупская много лет спустя,— а тут и писем что-то от Владимира Ильича долго не было. Хотела ехать в Астрахань к Дяденьке, да заторопилась».

Вскоре Книпович стала получать письма и бандероли от Крупской уже из-за границы. В один из конвертов был вложен тоненький листок. Руки задрожали, когда развернула и прочитала: «Искра», а рядом — «Российская социал-демократическая рабочая партия».

В тот же день она позвала к себе самых близких товарищей. Лидия Михайловна не терпела высокопарных, торжественных слов, однако сейчас ей хотелось сказать что-то необычное. Но от волнения все слова куда-то растерялись.

— Я вам просто почитаю, а потом поговорим,— сказала она и взволнованным голосом произнесла: — «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного».

Когда она дочитала до конца передовую статью «Насущные задачи нашего движения», Гальперин крикнул: «Ура!»

И снова раздался голос Лидии:

— Этот тоненький листок крепче цемента скрепит разрозненные и разбросанные кружки и группки в единую боевую партию!

И пошел деловой разговор о сборе денег для «Искры», завязывании связей с другими группами, о посылке в газету материалов о местных делах.

Вскоре кончился срок ссылки у Гальперина. Он пришел к Лидии Михайловне посоветоваться, куда ему лучше поехать. Долго гуляли они по саду Буткова. Беседа велась об «Искре», русской социалистической почте. Обоих волновало одно и то же. Можно договориться об адресах, шифрах, ну наладить конспиративную переписку, но как обеспечить газетой всех желающих ее читать? А ведь таких читателей, нужно думать, от номера к номеру будет все больше и больше.

— Пересылка газеты в переплетах, конвертах — это ведь слезы горькие,— сокрушалась Книпович,— надобно придумать что-то другое.

— Хорошо бы попытаться наладить ее перепечатку,— после долгого молчания предложил Гальперин.

— Я уже тоже думала над этим,— откликнулась Лидия,— но где?

— А если в Астрахани?

Лидия покачала головой.

— Не сладить здесь.

Она вспомнила о типографии Гертопана и Катанской, которая меняет вот уже третий адрес и неизвестно, долго ли еще просуществует.

— Нет, здесь не годится,— повторила Лидия,— слишком все на виду. Но перепечатывать обязательно нужно.

— Конечно, в большом городе легче поставить дело,— как бы размышлял вслух Гальперин.

Для Лидии не новыми были все эти мысли. После поездки в Уфу она продумывала, как лучше помочь Владимиру Ильичу наладить социалистическую почту. Вынашивала планы исподволь, взвешивая и рассчитывая. Часто возвращалась к замыслу о печатании «Искры» где-нибудь в России. Ее радовало, что и Гальперин думал об этом же.

— Знаете что, Лев Ефимович, поезжайте в Баку.

Гальперин с интересом повернулся к Книпович:

— Мне, Лидия Михайловна, все равно куда ехать, лишь бы для дела была польза. Но почему именно в Баку?

— Ну хорошо, коли так. Баку — большой многоязычный город, а самое главное, там есть социал-демократы, своя публика,— объяснила Лидия.— Я думаю, там должно получиться!

Гальперин получил от нее явку к бакинцам, сговорились они и о переписке и шифрах.

Лидия не ожидала, что так скоро от него придет письмо. Гальперин писал, что связи с бакинцами есть, идея типографии им нравится, они и сами думали о подобном, только много неясных практических вопросов. И самое пока главное — можно получать транспорт через Персию. Переправляться в Баку он будет на лошадях в больших переметных сумах, по-местному, в хурджумах. Этот путь потом так и стал именоваться: «путь лошадей», а сам Гальперин получил партийный псевдоним Главная лошадь или просто Лошадь. Иногда его ласково называли Конягой. Писал Гальперин еще о возможности получать транспорт через Черное море.

Радость была безгранична.

Теперь можно и в «Искру» написать. Но прежде чем взяться за перо, еще и еще раз все обдумала. Ей самой многое было неясно, поэтому сообщила лишь суть дела. Потом считала дни, ожидая ответа.

3 апреля 1901 года Крупская стала секретарем редакции газеты «Искра». На ее плечи легла титаническая работа по конспиративной переписке с нелегальной Россией. Все письма просматривал Владимир Ильич, редактировал их, часто делал большие приписки. Скрупулезно вела Надежда Константиновна учет шифрованным посланиям, аккуратно переписывала их в специальные тетради. Однако не вся корреспонденция уцелела. Не дошли до наших дней, к сожалению, первые письма, которыми обменялись Крупская и Книпович. Между тем мы находим их следы в тех, которые сохранила для нас история.

«Обязательно достаньте адрес, по которому можно посылать постоянно литературу посылками или багажом с [Кавказа]»,— указывает Крупская полтавским искровцам 22 апреля 1901 года.

Первое из уцелевших писем Крупской к Книпович датировано 23 апреля. Оно свидетельствует уже

о хорошо налаженной переписке между Мюнхеном и Астраханью.

«Если дело устроится с [Черным морем], будет великолепно. Мы хотели послать сейчас же, но явилось недоразумение. Что значит «простые» посылки?» — так начала Крупская письмо. Есть в нем и прямое указание на предыдущую переписку. «Посылаю адреса для корреспонденций, т. к. не помню, какие посылала тебе... эти проверены и испытаны». Из Шушенского или из Уфы, раньше бывало, приходили от Крупской письма, где перемежалось и личное, и деловое. Теперь это были сплошь деловые письма.

Порой советовалась Крупская, как поступить. Например, при отправлении посылок в Россию на них всегда полагалось надписывать, что лежит внутри, а если положить другое, то таможня конфискует содержимое.

Пришлось Лидии идти на почту, отправить условную телеграмму из одного слова: «Можно». Это означало согласие на отправку посылок с надписью «Книги».

Надя спрашивает: «Есть ли у вас люди, которые могли бы вступить в создаваемую теперь Русскую организацию «Искры»?»

«Да, есть,— отвечала Лидия,— уже организована такая группа». И еще просит Надежда сообщить адреса для присылки Лидии книг («На твое имя совсем уж неудобно»,— упрекала она) и для отправления всех нелегальных новинок в конвертах и переплетах.

«Досадно, что выходит задержка,— сокрушается Надя о промедлении с высылкой литературы.— Мы думаем послать сначала [пуд] и потом ждать известия. Пусть уведомят телеграммой... «Поздравляю».

О многом еще писала Крупская. И о сборах «на пособие Нине», как она окрестила будущую типографию, и о другом. Лишь в самом конце была фраза: «Личное письмо напишу на днях, сегодня уже поздно, а надо отослать письмо немедля».

Но и последующая корреспонденция была сугубо деловой. 9 мая она спрашивает Книпович: «Какой адрес давать для денег и требований на литературу?.. По какому адресу посылать деньги?» Извещая Лидию, что «Искре» требуется много денег на организацию транспортов, Крупская рекомендует:

«По городам устроить комитеты для ежемесячных сборов на перевозку, а в тех местах, где этого не будет, брать при доставке плату». Очень просит Надя «выбрать место и лицо, куда направлять сборы на перевозку и откуда это бы лицо и отправляло по адресу. Не скажешь ли, но поскорее?» — торопит она Книпович. Лидия старается выполнить, что требует редакция «Искры».

О том, что в это время «путь лошадей» готов был уже действовать, говорит письмо редакции «Искры» в Берлин Вечеслову, отправленное позднее 10 мая.

«...Для Персии 4 кило пришлем еще на днях с оказией,— писала Крупская.— Итак, в Персию вам придется послать 1) «Искру» 2) «Зарю» 3) «Записку Витте» 4) сборную посылку, для которой литературу вам привезут».

С нетерпением извлекала Лидия из переплета очередное письмо Крупской. Бегло расшифровывала, искала ответ на вопросы об организации типографии в Баку. И хотя Крупская уже нарекла ее «Ниной», но подробных разговоров о ней еще не велось. Вот и в письме от 28 мая вначале все, как и раньше, о транспорте, явках. Но, прочитав фразу: *«Каким образом думаете Вы поставить «Искру» в России?»* — Лидия вдруг запнулась. «С каких это пор Надя вдруг перешла со мной на «вы»?» — недоумевала она, но, вникнув в последующий текст, радостно улыбнулась — это писал Старик. Он всегда к Дяденьке обращался только на «вы», да и стиль же его. Наконец-то откликнулся!

Лидия улыбнулась. Старик доволен Дяденькой. Но вопросов тьма, да такие, что сразу не ответишь, еще голову поломать нужно. Ну вот хотя бы: *«...сладит ли с этим тайная типография?? Не убъет ли она с чрезмерно большим риском тьму денег и людей??»* Долгое раздумье вызвал и другой вопрос: *«Не лучше ли направить эти деньги и силы на транспорт, без коего все равно России не обойтись»*. Владимир Ильич советовался, прикидывал, хотел, чтобы на месте решили, как лучше для дела будет.

Долго думала Лидия над ответом. Вопросы были поставлены не простые.

«Да, без транспорта никак не обойтись,— согласилась она,— но велик ли этот транспорт? Что значит несколько пудов, даже десятки пудов? На одно толь-

ко Поволжье мало будет. Нужна типография. Но какая?» Опять вернулась к началу письма: *«Каким образом думаете Вы поставить «Искру» в России?* — настойчиво интересовался Старик.— *В тайной типографии или в легальной?»*

«Нет, в легальной не выйдет. Листовочку, другую оттиснуть, пожалуй, еще можно, но чтобы наладить печатание «Искры», да еще большим тиражом, это мало реально. Нужна хорошо оборудованная и архиконспиративная типография». Так и ответит Старику.

В письме Надя сообщает приятную весть: наконец-то посланы посылки с литературой в Персию. Ближний свет, из Берлина! Недаром она беспокоится и просит сообщить, как дошла литература до Баку и годится ли этот путь.

«Из [Баку] полученную литературу лучше всего будет отправлять в Полтаву,— рекомендует Надя.— Туда или посылать по почте или человека». И тут же дает адрес для явки и пароль.

Еще только разворачивается «Искра», но с каким размахом! — радовалась Лидия. Уже успели устроить склады в Пскове, Смоленске, Полтаве, налаживают в Самаре. Имеются явки в Харьков и в Воронеж, а через Уфу — на Урал. Только теперь она ясно представила значение «пути лошадей» и будущей типографии в Баку.

В самом конце приписка: «Прилагаю письмо к Классону». Вспомнила недавние разговоры о нем в Уфе. Видимо, не случайно именно к нему обращался Старик с просьбой оказать денежную поддержку.

С деньгами для типографии, действительно, дело обстояло худо. Просто их не было. Порядочно нужно денег. Лидия чувствовала, с каким нетерпением ждет Старик ответа на свои вопросы. Хотя по письмам Гальперина она неплохо знала положение дел, сразу сесть за письмо в Мюнхен не смогла. Решила: нужно на месте посмотреть и сообща решить все вопросы.

Без долгих сборов отправилась в Баку.

Даже после многоязычной пестрой Астрахани Баку ошеломил Книпович. Пока добралась на Баилов, где строилась электростанция, казалось, сама пропиталась запахом нефти.

Гальперин подробно описал ей, как ехать, и она, никого не спрашивая, пришла в контору строительства в часы приема главного инженера Красина. В кабинете посетители у него долго не задерживались, и скоро очередь дошла до Лидии. Уехала она из Астрахани, конечно, без разрешения полиции и так изменила внешность, что узнать ее было просто невозможно. А с Красиным они вообще ни разу не виделись. Одним взглядом Дяденька окинула кабинет и его хозяина. Все здесь выглядело прочно и основательно. Сквозь зеркальные стекла массивного резного дубового шкафа поблескивали золотые корешки толстых томов. За огромным письменным столом, заваленным чертежами, сидел сам главный инженер в светлом костюме, накрахмаленной рубашке, сверкающей белизной воротничка.

— Чего изволите, сударыня? — усталым голосом спросил Красин, окидывая взглядом скромно одетую посетительницу.

— Не нужна ли вам письмоводительница? У меня есть рекомендации моего дяденьки, действительного статского советника.

— К сожалению, у нас нет места, но я вам дам письмо на химический завод Зейналову, там, я слышал, нуждаются.

Глаза Красина лукаво улыбались, когда он протянул Лидии листок бумаги. Она поблагодарила и откланялась.

«В 6 часов вечера подниметесь на второй этаж в мою квартиру»,— прочла она.

Двери квартиры открыл, однако, не Красин.

— Здравствуйте, Коняга! — весело приветствовала она старого знакомого.— Как скачки рысаков?

— Все еще пока трусцой,— здороваясь, в тон ей ответил Гальперин.

— А как бы хорошо нам уже и на галоп перейти,— не то в шутку, не то всерьез сказала Лидия. проходя в гостиную, откуда, приветствуя гостью, выходил хозяин квартиры.

— Вы уже знакомы? — вопросительно посмотрел Гальперин на обоих.

— Если бы департамент полиции знал о Лидии Михайловне частицу того, что о ней знаю я, быть бы ей сейчас где-нибудь далеко, на востоке от Астрахани,— приветливо пожимая руку, пошутил Красин.

— Наверное, мы там бы с вами встретились, если бы тот же департамент располагал моими сведениями о вас,— рассмеялась Книпович.

«А она совсем не такая уж суровая, как кажется»,— подумал Красин. Он много был наслышан о Дяденьке из рассказов Гальперина. Не меньше знала о Красине и Книпович из рассказов товарищей, и в первую очередь Крупской. И когда Дяденька и Никитич встретились, беседа пошла сразу о деле, без прощупываний и намеков.

— Откровенно говоря, я собиралась к вам приехать немного попозже, уж очень бдительным стало астраханское недремлющее око. Вырваться было трудно, но вот что привело меня к вам,— Лидия протянула Красину расшифрованное письмо из редакции «Искры».

— Я, как вы знаете, сообщила о плане организации типографии и транспорта,— сказала Книпович,— дала им и адрес к вам.

— Да, письмо мы получили,— кивнул Гальперин.

— Помню прошлогодний разговор с Потресовым в Художественном театре в Москве,— медленно сказал Красин.— Обещал я ему помочь деньгами через Классона.

Он прошелся по комнате, поправил складку на шторе окна.

— Понимаете, Лидия Михайловна, не тот теперь Классон, каким помню я его во времена брусневской организации. Тогда это был хороший пропагандист. Сейчас же Классон — прекрасный инженер и организатор строительства. Но не более того,— вздохнул он.— Письмо я, конечно, передам, только что из этого получится, не знаю.

Гальперин тоже прочитал письмо и, услышав, что сказал Красин, аккуратно сложил листок.

— Я, признаться, довольно решительно потребовал от редакции «Искры» денег,— сказал он сконфуженно.

— Да откуда у них?! — воскликнула Книпович.— Видите, у кого им просить приходится, здесь же у вас, у Классона.

Рассердилась она на Гальперина не на шутку. Вспомнилось, как месяц назад Надя спрашивала: «Нельзя ли устроить, где только можно, сборы на пособие Нине?» А когда узнала, что какие-то деньги

не смогли отправить в Сибирь, то тут же написала: «...нельзя ли их отдать Нине»? Разве растолкуешь ему все, если сам не понимает, не удержалась и рассказала, как наборщики Лахтинской типографии сюртуки свои закладывали, чтобы дело не стало.

— Я вам не предлагаю снимать костюмы,— без улыбки говорила она,— но деньги нужно добыть на месте, и, чем скорее, тем лучше.

— Мне кажется, что сейчас финансовый вопрос не разрешить,— сказал Красин,— нужно крепко подумать. Но ясно, что без денег не будет ни типографии, ни транспорта.

Лидия закурила, постаралась успокоиться. Разговор зашел о «пути лошадей». Оказывается, транспорт еще не прибыл. Но вместо того чтобы терпеливо ждать, забили тревогу.

— Я написал в «Искру», что первый опыт окончился неудачей, что виноват во всем легкомысленный армянин, взялся за дело, а у самого связей нет,— объяснял Гальперин.

— Это вы легкомысленны, а не армянин! — вскипела Книпович.— Как можно в таком деле доверяться непроверенным людям? Да еще выставили свое легкомыслие напоказ,— корила она Гальперина.— Вы знаете, стыдно было, когда в письме из «Искры» мне написали, что теперь самое важное — устройство транспортов, а то все больше везде ограничиваются проектами да обещаниями.

«И что я его одного ругаю, когда в первую голову сама виновата,— остывая, корила себя Книпович,— насчет армян ведь моя затея».

— Времени прошло не так много, придет, возможно, еще транспорт,— успокаивала она расстроенного Гальперина.— Ничего, лошадь на четырех ногах и то спотыкается,— рассмеялись они с Красиным. Повеселел и Коняга.

Договорились еще раз проверить все связи и людей на «персидском пути» и подготовиться для приема груза в Батуме с французских пароходов.

— Тут еще дела много,— сказала Лидия,— а пока давайте укреплять «путь лошадей». Главное, чтобы люди там были свои вполне.

Красин объяснил ей, что когда Классон пригласил его на должность главного инженера, то полностью доверил прием людей на строительство.

— Ну я и постарался пристроить всех наших по-родственному,— улыбнулся он,— Лев Ефимович — статистик, вы знаете и нашего монтера Василия Шелгунова.

Лидия кивнула.

— Техником работает молодой грузин Авель Енукидзе. Он у нас как раз на транспортировке. Так и рвется в дело. Есть и другие вполне проверенные люди,— продолжал Красин,— но в дело мы их привлекаем по мере надобности. Стараемся соблюдать сугубую конспирацию.

Опытным взглядом Книпович успела заметить, какие исключительные удобства для конспирации представляет строительство электростанции. Постоянная толчея разноязычной массы людей, вереница телег, арб и при всем этом — невозможность без разрешения Красина попасть постороннему на территорию стройки. Но Лидия, оказывается, знала еще не все.

— У нас оборудованы такие тайники, что к ним постороннему просто невозможно добраться,— не без гордости пояснил Красин.— Там мы в полной безопасности накапливаем шрифт для будущей типографии. Впрочем, по типографским делам я только помогаю товарищу Ладо.

Книпович хотелось самой познакомиться с Ладо Кецховели.

— Завтра я вас сведу, потолкуете,— сказал Красин и, взглянув на часы, удивленно поднял брови.— Однако, заговорились, а вы с дороги, еще и не отдыхали. Вам, Лидия Михайловна, приготовлена комната. В случае чего, вы — моя тетушка по линии отца,— рассмеялся он.— Спокойной ночи.

Если бы кто-нибудь ненароком попал на квартиру Красина следующим вечером, то, верно, решил бы, что там ожидали гостей. Большой стол был уставлен разнообразными бутылками и щедрыми дарами Каспийского моря. У самоварного столика возилась Книпович, Кецховели колдовал над шашлыком. Красин с треском распечатал новую колоду карт и раскинул их на ломберном столике так, что в любой момент можно было сесть, как бы продолжить игру.

— А теперь не худо бы и закусить,— пригласил он всех к столу.

— Если в редакции «Искры» будущую типографию нарекли «Ниной», то Ладо, пожалуй, можно назвать Отцом «Нины»,— сказал Красин.

— Итак, есть Отец, есть Дяденька, нет только самой «Нины»,— улыбнулся Гальперин.

— Вот нам и нужно подумать, как ускорить ее рождение,— подхватила Лидия.

Кецховели сообщил, что место для «Нины» он уже присмотрел.

— Остается два маленьких пустяка — машина и деньги,— улыбнулся он.

Книпович рассказала о Лахтинской типографии, где был хороший самодельный станок, как на нем умудрились отпечатать брошюру «О штрафах», да еще тиражом в 3 тысячи экземпляров.

— Прекрасное издание,— оживился Кецховели,— но, позвольте, на этой брошюре, насколько мне помнится, местом выпуска был указан город Херсон.

— Вот вам пример конспирации. Впрочем, для «Нины» ручной станок, конечно, не годится. Не те масштабы, нужна машина, а ее не изготовить и не украсть,— сказала Лидия.

За столом воцарилось молчание.

— У меня есть план,— нарушил его Кецховели,— чтобы купить машину, нужно разрешение на открытие типографии.

— А его дает его высокопревосходительство господин губернатор,— усмехнулся Красин, безнадежно махнув рукой.

— Постойте, Леонид Борисович,— остановила его Лидия,— что же вы предлагаете? — нетерпеливо спросила она Кецховели.

— Да у нас будет такое разрешение,— спокойно ответил он.— У меня есть бланк елизаветпольского губернатора. Я его заполню на свое легальное имя и сам подпишу. Потом через владельца какой-нибудь типографии выпишу самую лучшую скоропечатную машину. А остальное уже пустяки.

Дяденька с интересом присматривалась к молодому человеку. Кецховели в его двадцать пять лет очень шла густая черная борода. Ей нравились его находчивость, смелость.

— План, по-моему, годится,— одобрила Лидия,— но дело, товарищ Ладо, слишком серьезное, поэтому фальшивки не годятся.

— А я и не собираюсь пускать фальшивку в ход, я и по-губернаторски расписаться не смогу,— простодушно улыбнулся Кецховели,— я пойду к нотариусу и заверю копию губернаторского разрешения.

— Браво, Ладо! — воскликнул Красин.

— Вот это уже совсем другое дело,— Книпович крепко пожала руку Ладо.

Теперь, когда, кажется, все налаживается, вернулись к самому трудному вопросу — о деньгах.

— Может быть, экспроприацию провести,— предложил Гальперин.

— Не годится,— отвергла Лидия,— много риска и шума, а главное, привлечем ненужное внимание.

— Помогут тифлисские товарищи, я уже с ними вел переговоры,— сообщил Ладо,— а кое-что здесь наберем.

— Я думаю, денежный вопрос мы разрешим и без лишнего риска,— сказал Красин,— об этом, Лидия Михайловна, можете сообщить «Искре». У меня есть кое-какие планы, но о них говорить пока преждевременно.

— Ну а там,— добавила Книпович,— все будет зависеть уже от хода дела. Чем больше продукции, тем больше капитал фирмы.

Договорились в тот вечер, кажется, обо всем, что касалось рождения и успешной работы «Нины».

И самое главное, с чем сразу согласились все: «Нина» должна стать типографией «Искры» и служить общероссийским делам — борьбе за партийность, против кустарщины и кружковщины. Дяденька передала бакинцам явки в Полтаву и Харьков.

Поездкой своей она осталась довольна, а в Астрахани ее рискованная отлучка осталась незамеченной. Теперь связь с бакинцами стала надежной. Лидия была в курсе всех дел «лошадей», содержания их переписки с редакцией «Искры».

Однажды в ненастный осенний день к Лидии заявился неожиданный гость. Она не сразу узнала его. Только когда, улыбаясь, незнакомец сказал: Дяденьке кланяется «Нина», Лидия развела руками:

— Здравствуйте, Лев Ефимович, голубчик, какими судьбами? — Но потом вдруг озабоченно спросила: — Что-нибудь случилось?

— Да нет, все в порядке,— поспешил успокоить ее Гальперин,— жива крестница, я вам даже гостинец от нее привез.

Он подал ей альбом и стал раздеваться. Книпович ушла в другую комнату. Безразличным взглядом скользнув по видам Баку, она привычно вскрыла обложку и извлекла оттуда сложенный вчетверо листок «Искры». Гальперин, стоя в дверях, наблюдал, как Лидия Михайловна читала подряд все статьи и заметки одиннадцатого номера «Искры».

— Превосходно,— восхищалась она, пряча газету в свой тайник.

— Вы что, сговорились? — удивленно улыбнулся Гальперин.— Из редакции тоже писали, что рукоделие «Нины» прямо великолепно.

Другие важные вести приносили письма Крупской. «Сейчас уже «Искра» начинает приобретать влияние,— писала она 27 сентября 1901 года.— К ней обращаются со всякого рода вопросами, просьбами, советами и пр. Все новые и новые люди отдают себя в распоряжение «Искры».

Но трудно, ох как трудно было Крупской быть вдали от родины. «Ох уж эта заграница! — сокрушается она.— Грязи тут и интриганства сколько!»

Одни оппортунисты из «Рабочего дела» столько там крови перепортили. Да, жив еще курилка экономический, никак в гроб не хочет ложиться. И в родном отечестве у «Искры» врагов немало. «Приходится встречать вражду со стороны комитетов,— пишет Кру́па,— которые, например, подобно Питерскому, ставят условием принятия в свои члены выход из организации «Искры», не хотят получать нашу литературу, не дают ее рабочим...»

Возмущается Лидия: «Эти ненавистники известны, но что говорить, когда дурят совсем уж сторонники «Искры», обуял их, видите, местный патриотизм».

«Публика, даже своя,— пишет Кру́па,— вместо того, чтобы вести местную работу и заботиться о получении литературы и т. д., заводит типогр[афии] и прочее, хочет непременно вести с в о ю газету, толковать о местных нуждах, которые невольно будут заслонять общие нужды и суживать движение...»

«За Астрахань «Искра» может быть спокойна, пока бог миловал»,— думает Лидия. Она перебирает

мысленно своих товарищей и улыбается. Крепко за «Искру» стоят и хорошо работают. Из Руниной, без сомнения, выйдет толковый конспиратор. Аня, теперь Педагог, так и рвется в дело».

Книпович, конечно, и знать не могла, что Крупская в одном из писем в Брюссель в августе 1901 года, говоря о связях с волжскими городами, дала ей такую характеристику: «Что же касается Астрахани, то у нас там есть свой человек, очень преданный делу и энергичный, так что Астрахань и трогать не стоит». А в начале октября писала В. П. Ногину в Петербург: «Теперь относительно Вашего переселения. Волжский район нам сейчас не очень важен, в большинстве из указанных Вами городов у нас хорошие связи, у нас есть всегда возможность списаться; Уфа, Самара, Саратов, Астрахань присылают много денег, там есть люди, отстаивающие нашу точку зрения. Литература в эти места доставляется».

При помощи редакции «Искры» Книпович установила связи с волжскими городами, центральным промышленным и юго-западным районами России. Много лет спустя Крупская напишет: «Когда стала выходить «Искра», Лидия стала агентом «Искры», вела с нами конспиративную переписку, налаживала заграничный транспорт, который шел на Батум, где принимался Енукидзе и переправлялся по Кавказу через бакинского представителя «Искры» Никитича (Л. Б. Красина) и дальше с Лидией и Анной Михайловной Руниной рассылался по Волге в Саратов — Н. И. Соловьеву, в Самару — Кржижановским и пр. Делала Лидия все это так конспиративно, что никто и не подозревал этой ее деятельности».

Радовали Лидию и местные астраханские дела. К концу 1901 года действовало уже двенадцать кружков. Новый, 1902 год представители кружков собрались встретить сообща. Хотя и ворчала Лидия Михайловна — неконспиративно, ну что как всех разом накроют,— но была довольна: первый раз увидели люди, что много их, потолковать есть о чем. Выпускаются свои листовки, читают в Астрахани и заграничные издания. Пропагандисты, руководители шевелят народ, смотришь, и рабочие подниматься начали. Прошли одна за другой многолюдные сходки. Совместные требования сообща вырабатывают, а бондари

даже добились уступок. И «Искра» довольна Астраханью. Идут в газету деньги, корреспонденции о местных делах.

Вдали от городских построек, в переплетении железнодорожных путей, затаился двухэтажный красного кирпича дом. Внизу контора самарского паровозного депо, а на втором этаже — квартира ее начальника инженера Кржижановского. Глеб Максимилианович избрал Самару местом своей службы не случайно. Со своей женой и помощницей в революционной работе Зинаидой Павловной он поселился здесь по заданию Владимира Ильича. Удобно расположенная на пересечении водных и сухопутных дорог Самара должна была стать притягательным центром для социал-демократов России.

Часто к Кржижановскому приезжали агенты «Искры». Темной январской ночью 1902 года, скрываясь за вьюжной снежной пеленой, по одному с разных сторон к красному дому пробирались люди. О том, что там произошло, сообщила редакции «Искры» Зинаида Павловна Кржижановская.

«Довожу до Вашего сведения следующий шаг в нашей деятельности,— писала она.— Состоялось собрание, на котором... выбрано 16 членов Центрального Комитета».

«Ваш почин нас страшно обрадовал,— ответил Владимир Ильич.— Ура! Именно так! шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее — вы первые начали так широко, значит и продолжение будет успешно!».

Членом Центрального Комитета, или Бюро Русской организации «Искры» была избрана и Лидия Михайловна Книпович. Дяденьке с общего согласия поручили один из важнейших участков — ведать бакинской типографией и транспортными путями через Кавказ.

Лидия уже знала, что в предновогоднюю ночь в бакинской таможне случилось непредвиденное. При досмотре заграничных посылок неожиданно в одной из них нашли матрицы «Искры». Давно уже полиция догадывалась о существовании в Баку подпольной типографии. Лихорадочные обыски, беспорядочные аресты не сумели навести даже на след типографии. И вдруг такая удача.

Гальперин в это время был далеко от Баку. В канун 1902 года он удачно развез тюки с продукцией «Нины» в Полтаву, Киев, Москву. В Киеве участвовал в демонстрации в феврале 1902 года, после которой был арестован и заключен в Лукьяновскую тюрьму.

Это был не случайный арест. Полиция кропотливо собирала данные, тщательно готовилась к разгрому искровских организаций в России. В феврале — марте и в конце апреля им было нанесено несколько сокрушительных ударов.

«Разгром страшный,— писала 5 июня 1902 года Крупская Лидии в Астрахань,— у нас взята масса людей... провалились все трансп[ортные пути], с деньгами плохо...»

Затаилась «Нина», но продолжала действовать и в это тяжелое время. 30 марта 1902 года был получен заказ на 30 тысяч первомайских листовок. Но все отпечатать уже не смогли. Угроза разгрома нависла над типографией. С 1 апреля она прекратила работу. Машину упаковали и сдали на хранение на склад бакинской морской пристани для последующей отправки в порт Петровск. Шрифт надежно спрятали в Аджикабуле.

Лидии сообщили, что Ладо Кецховели отправился подыскивать новое место для типографии. Но особенно встревожилась она, когда узнала, что Отец «Нины» намерен сосватать ее за Юрия. Юрием или Юрием Ивановичем конспиративно именовали группу «Южный рабочий» и газету под таким же названием, которая нелегально печаталась с начала 1900 года. Неприязненно относилась Лидия как к группе, так и к ее газете и называла их не иначе как сепаратистами. Не поддерживает Юрий «Искру», видит в ней конкурента, писала ей Крупская. А все потому, что в противовес плану Владимира Ильича — плану создания партии Юрий отстаивал местничество, самостоятельность социал-демократических кружков и групп. Не допустит Дяденька свадьбы Юрия с «Ниной»! Нужно было спасать типографию, в которую было столько вложено труда. Нельзя, чтобы «Нина» попала в руки сепаратистов.

В заботах о делах бакинской типографии проходили все дни Лидии. Совершенно неожиданным для нее был вызов к начальнику губернского жандармского управления.

— Госпожа Книпович, 29 апреля кончился срок гласного надзора полиции,— сказал полковник Марков. Он был строго официален и сообщил, что ей отныне в течение года запрещается проживать в столичных, университетских и всех фабрично-заводских городах.

Лидия молча кивнула.

— Надеюсь, сударыня, теперь вы оставите былые увлечения,— со скрытой усмешкой сказал жандарм.

— Да уж постараюсь вас,— Книпович сделала на этом слове ударение,— впредь не беспокоить.

— Ну и слава богу, коли так,— буркнул Марков,— а дело ваше, госпожа Книпович, пока пойдет в архив,— потряс он пухлой папкой,— и если оно продолжится, то это уж не по нашей вине.

Книпович молча откланялась. Марков еще раз пробежал глазами лежащую перед ним бумагу. Астраханский полицмейстер сообщал ему, что «за дочерью действительного статского советника Лидией Михайловной Книпович гласный надзор полиции, за окончанием срока, прекращен с 29 апреля».

Внизу начальник губернских жандармов начертал: «Уведомить по принадлежности об учреждении негласного надзора полиции. 1 мая. Полковник Марков».

В тот же день она покинула Астрахань. Скорее в Баку! Чтобы не привлечь внимания, на этот раз билет не покупала. Помог Вржосек. Как юрисконсульт Восточного общества, он оформил два бесплатных места. На пароходе Лидии Михайловне и Анне Михайловне Руниной, которая поехала с ней, отвели капитанскую каюту. Уютный салон и спаленка с двумя кроватями, предупредительность капитана, угощавшего в кают-компании важных пассажирок,— все это забавляло Книпович. Часами сидели они у борта. Глядя на безграничный то темно-синий, то темно-зеленый морской простор, вдыхая свежий, напоенный влагой воздух, Лидия вспоминала свинцовые воды Балтийского моря. Вечерами играли в шахматы и, нежась в мягких постелях, вполголоса говорили о предстоящих делах в Баку.

Поколесив по городу, в сумерки поехали на Баилов. Никитич встретил радушно.

— Прошлый раз мы сидели за карточным столом, а теперь ради конспирации придется куличей отведать,— сказал он, пропуская гостей в квартиру.

Обильный пасхальный стол немного смутил их, но обеду они отдали должное — очень уж проголодались с дороги. Потом перешли в кабинет. Никитич подробно рассказал о последних событиях.

— Чуть ли не повальные обыски проводила полиция по всему городу, разыскивая «Нину»,— со злостью сказал Леонид Борисович.— Но вы помните, Лидия Михайловна, мы год назад договорились работать без провалов?

Она кивнула.

— Так вот, типографию им не найти.

Как ни конспирировала Дяденька, ее поездка стала известна жандармам. Уже на следующий день после отъезда из Астрахани в жандармском деле, изъятом из архива, появилась новая страничка: унтер-офицер Котков доносил полковнику Маркову, что «состоящая под негласным надзором полиции дочь действительного статского советника Лидия Михайловна Книпович 1-го сего мая выехала в г. Баку».

И полетели письма в Бакинское жандармское управление. Но там Лидию жандармы не обнаружили, и она благополучно вернулась 8 мая в Астрахань. И это не замедлили отметить жандармы. Сколько их еще, этих бумаг с грифом «Совершенно секретно», появится в «архивном деле» дочери действительного статского советника!

Сразу по приезде из Баку Лидия написала в редакцию «Искры»:

«Пока сватовство Нины не опасно. Одним из опекунов ее состою я. Возможно, да и по всему видно, что ее хотели бы просватать за Юрия, но мои друзья стоят за право моего голоса. Не знаю, что скажет отец, когда возвратится, но думаю, что дело наладится по-моему. Еду в Самару».

Вахмистр Петерсон был доволен. Еще бы. Ведь ему удалось разузнать самые точные сведения про свою беспокойную поднадзорную. Он с торжеством доносил полковнику Маркову: «Состоящая под не-

гласным надзором полиции дочь действительного статского советника Лидия Михайловна Книпович 8-го сего июня выехала в Самару, а оттуда поедет на родину в Финляндию».

Но рано радовались жандармы. Вскоре им пришлось сообщить в департамент полиции, что «Книпович 8 июня выбыла из Астрахани в Самару, но там не разыскана».

Еще месяц назад Ленин и Крупская приглашали Книпович приехать к ним за границу договориться о дальнейшей работе Дяденьки. И хотелось Лидии повидаться с дорогими людьми, но из-за «Нины» не могла уехать. В предыдущем письме осторожно намекнула про это. Теперь вот и Надя не советует, «ехать теперь нелегально страшно опасно»,— прочитала с улыбкой Книпович. Ей пока, слава богу, удается уходить от любой слежки и обводить полицию вокруг пальца. Но надолго ли?! Ни в коем случае нельзя сейчас провалиться. Такое дело ей теперь поручено!

«Нину теперь особенно важно прибрать к рукам,— настоятельно пишет Надя,— и пристроить ее к делу, а то такой хороший человек зря пропадает. Употреби все усилия, чтобы отклонить сватовство Юрия... Ради Нины останься в Астрахани на время»,— просит она. «Вот чудачка, да я никуда и не рвусь, пока «Нину» не пристрою»,— мысленно отвечает Лидия подруге.

На Книпович Ленин и Крупская возлагали главные надежды.

«Лошади провалились, но конюшня цела,— писали они в эти дни И. Радченко в Петербург.— Вполне справедливо, что есть опасность, что лошади (их наследники) отдадут все «Южному Рабочему». Но в числе влиятельных наследников предприятия имеется вполне свой человек [Л. М. Книпович], который сумеет, вероятно, устроить так, чтобы «Южный Рабочий» был отстранен. Этот человек должен был поехать к Соне [в Самару] и сговориться с ней. К Соне же должен был поехать и собственник наследства».

С нетерпением ожидали известий о результатах этой встречи в редакции «Искры» Ленин и Крупская.

«Были ли у Вас отец Нины и Лид[ия] Мих[айловна]?» — с беспокойством пишут они в Самару.

И вот наконец долгожданное письмо Дяденьки.

«Теперь можно уже с уверенностью сказать,— пишет с облегчением Книпович,— что Нину не сватают ни за кого, а отдадут нам».

И Отец «Нины» согласен. Дяденька полна энергии и планов. Она хочет использовать и армянских социал-демократов, которые собираются присоединиться к «Искре». Будут помогать во всем, что нужно, без всяких затрат со стороны «Искры». Обещали они Дяденьке и с транспортом помочь.

«Теперь я поеду в Баку,— пишет Книпович,— и потороплю их с устройством этого дела. Ведь сейчас в Батуме лежит пудов 10, в Баку нужно посадить людей, а это, вероятно, удастся...»

Через несколько дней она опять в Самаре.

«Все сложилось ладно,— пишет она с радостью,— и пройдет еще с месяц — думают начать работу. Просят собрать и вообще собирать матрицы «Что делать?» и вообще подобрать их побольше».

Немало, видимо, потрудилась Дяденька в Баку, и ей очень приятно было читать письмо Нади.

«Оба твои письма получила. Очень рада была особенно последнему,— писала Крупская,— и потому, что все наладилось, и потому, что ты повидалась с Соней, и потому, что настроение у тебя стало лучше. О матрицах позаботимся».

В руки жандармов попал Отец «Нины», Кецховели, и был предательски убит в одиночке Метехского замка.

Но «Нина» осталась жива. Как феникс, она вновь возродилась.

Глава третья «НА ЖИТЕЛЬСТВЕ НЕ ОБНАРУЖЕНА...»

Настал срок отъезда. Четыре долгих года ждала Лидия этого момента, и вот он наступил. Жаркий июльский день 1902 года. Не по своей воле она сюда приехала, но, по правде говоря, не думала, что будет покидать Астрахань с сожалением. Впереди новая работа, но до чего жаль расставаться с товарищами! Как они выросли духовно, обрели опыт, стали настоящими революционными борцами! Она переводит взгляд с Ани на Иосифа Дубровинского, на Авилова, Хрусталева, Замараева и других друзей-единомышленников, которые пришли на пристань проводить ее. Они остаются здесь ее преемниками, представителями «Искры». Можно не сомневаться, дело в надежных руках.

Лидия переговорила со всеми обо всем подробно и обстоятельно: и о планах, и переписке, и о шифрах и других важных делах. Ну вот и прощальный гудок! Лидия сорвала с головы платок. Она отвернулась, скрыв повлажневшие глаза. Прощай, Астрахань, прощай, граница Азии!

Старый пароход дребезжал на разные лады, с трудом преодолевая течение Волги. Словно нехотя наплывали берега и уходили за корму, медленно теряясь за далекой дымкой.

«Кто знает, может, больше и не придется увидеть все это»,— с грустью подумала Лидия.

Оставив в каюте вещи, она несколько часов почти недвижно сидит на палубе, уютно устроившись в плетеном кресле. Накануне отъезда попросила выписать проходное свидетельство в Самару и на родину, в Финляндию. Сказала, что поживет в Самаре.

Она предполагала, что на пароходе за ней увяжется «хвост». «Пусть себе наблюдает и доносит, что я выполняю маршрут,— усмехнулась она.— Дальше видно будет». Откровенно говоря, сама еще

не решила твердо, где осядет, и Владимир Ильич и Надя не знали, где лучше использовать Дяденьку. «...Что думаешь делать потом? — спрашивала Надя.— С одной стороны, чрезвычайно важно бы поселиться где-либо (например, Ростове-на-Дону, Екатеринославе) и завоевать всецело комитет, надо, чтобы хоть один комитет был всецело свой, но, с другой — надо добывать людей, денег, устраивать всюду адреса, тесные сношения и т. д. и т. д. Я думаю, поговорив с самарцами, [Соней], ты лучше всего сможешь ориентироваться».

А в последнем письме Крупская вдруг написала: «Тебе надо непременно связаться с Аркадием (И. И. Радченко), еще лучше повидаться. Человек он чрезвычайно энергичный, толковый, целиком отдавшийся делу».

Видимо, больше всего нужна была Книпович в Петербурге. Но ведь жить ей там запрещено. «Ну что ж, посмотрю, какие там дела, а исчезнуть с глаз полиции недолго»,— решила она.

В Самаре, переждав суматоху, Книпович в числе последних сошла на пристань. Неторопливо прогуливаясь по набережной, она незаметно осматривалась — нет ли слежки. Заметив филера, остановила медленно проезжавшего мимо лихача и, пообещав на чай, сказала, что опаздывает на поезд. Извозчик лихо гикнул — и лошади понесли. Оглядываясь, Лидия не увидела за собой погони. Переждав немного в зале ожидания, она зашла в туалет, где сняла с себя все вещи и плотно уложила в свою «сокровищницу»,— большую легкую сумку, которую до этого везла в свернутом виде. Переодеться в юбку и блузку было делом одной минуты. Проходя мимо зеркала, Лидия довольно улыбнулась. На привокзальную площадь вышла совсем другая женщина. Даже на ноги она обула Анин подарок — яркие персидские туфли.

— Куда изволите, госпожа? — подъехал к ней извозчик.

— Покажи-ка мне, братец, Самару, я здесь первый раз, хочу перед отъездом город посмотреть,— сказала она громко и спокойно уселась, неторопливо расправив складки на длинной юбке.

Добрый час колесила она по городу, пока наконец решилась ехать к Кржижановским. В сумерках

она подошла к знакомому красному дому и через минуту обнимала Булочку,— Зиночку Кржижановскую. Дяденька уважала ее за преданность делу, за умение вести работу конспиративно. Скоро поднялся из своей конторы и Глеб Максимилианович. Кржижановские искренне были рады гостье. Пробыла она у них неделю. Получив явку в Петербург к Радченко, Лидия стала собираться в путь. Кржижановский купил ей билет в Самаре, но села в поезд Лидия на ближайшей станции, куда на служебной дрезине ее довез Глеб Максимилианович.

Все вроде сошло благополучно. Она дважды пересаживалась: вначале доехала до Твери, а затем сошла в Окуловке. Поблизости от станции жила на даче семья брата Николая. Ее не ждали. Тем радостнее была встреча. Боже мой, как выросли Юля, Таня, как вытянулся Борис!

Думала погостить немного у родных, даже адрес в Окуловку загодя сообщила Крупской. Но, получив от нее письмо с просьбой немедленно выехать в Петербург, Лидия заторопилась.

На другой день после приезда Лидия взяла у родственников Книповичей, Митропольских, дача которых была рядом, ключ от петербургской квартиры: за домом Николая могла быть слежка.

— Береги себя,— обняв сестру, прошептал Николай.

Из Окуловки Лидия доехала до станции Бологое, а уже оттуда скорым поездом в Петербург.

Иван Иванович Радченко ожидал свидания с Дяденькой. Срочно требовался человек «на пиво», как конспиративно назывался транспортный путь «Искры» через Стокгольм и Финляндию. Лидия родилась и жила в Финляндии, прекрасно владела финским и шведским языками. Этого более чем достаточно. Крупская сообщала: «Вам необходимо с Дяденькой повидаться, это человек вполне свой, очень энергичный и влиятельный. Дяденька был у Сони (Самаре) и у лошадей. С лошадьми дело облажено как нельзя быть лучше». «Ну если в Баку все устроила, то здесь и подавно справится»,— надеялся Радченко.

Наконец они встретились. Разговор был недолгим, всего полчаса пробыли на явочной квартире.

Через несколько дней в письме в редакцию «Искры» Радченко сообщал:

«На днях Вам писал, что Дяденька едет в пивоварню, но после оказалось, что это неудобно для него...»

Лидия без особой охоты ехала в Петербург, только потому, что уж очень Надя настаивала. На месте увидела, что прав Кржижановский — нужно было сразу поехать по комитетам, а не к Аркадию. Там от нее больше пользы будет.

Больше она ни с кем в Петербурге не встречалась.

Радченко на неоднократные вопросы Крупской о Дяденьке отвечал, что не знает, где она находится.

И полиция потеряла следы Дяденьки. Вскоре после ее исчезновения из-под наблюдения в Самаре в департамент полиции полетела срочная депеша о том, что Л. М. Книпович «8 июля 1902 года выбыла в г. Самару, там обнаружена не была и, где ныне находится, неизвестно».

Попутчиков в купе было немного.

«Нет, на филера вроде никто не похож»,— решила Лидия.

Она положила свою сумку-«сокровищницу» под бок, уютно устроилась в уголке и закрыла глаза. Отчетливо услышала вой ветра за окном, тяжелые вздохи паровоза, звяканье вагонных цепей.

Думать о Петербурге не хотелось. Чтобы как-нибудь заглушить досадное чувство неудовлетворенности от неудавшихся там встреч, Лидия вспомнила дни, проведенные в Самаре. Сами собой всплыли приятные картины, и среди них особенно яркая — встреча с Медвежонком — Марией Ильиничной Ульяновой. Встретились в условленном месте, на остановке конки. Не подходя друг к другу, проехали две остановки до Постникова оврага. Лидия Михайловна вслед за Марией Ильиничной прошла мимо кумысного заведения и свернула в лес. Только здесь, на лесной полянке, куда долетали лишь гудки волжских пароходов, они горячо обнялись.

— Вдруг кто увидит, пусть подумает, что отдохнуть пришли,— улыбнулась Мария Ильинична и, расстелив скатерть на траве, стала раскладывать еду.

Если бы Книпович спросили, как она относится к Ульяновым, она, может, и не смогла бы сразу от-

ветить. Глядя, как Мария хлопочет, она думала: «Ну кто они мне, Ульяновы? Кто? Конечно, очень близкие люди. Как хорошо, что они существуют и что она дружна со всей семьей!» Но Лидия должна была признаться себе, что к каждому из Ульяновых у нее какое-то особое отношение. Марию Александровну она просто боготворила и, сколько ни искала, не могла найти ей подобных. Владимир Ильич был образцом человека и революционера. Хотя она была много старше годами, однако чувствовала себя его прилежной ученицей. О Наде и говорить не стоило, роднее и ближе человека не было на всем свете. Анну Ильиничну очень уважала за преданность делу, твердость характера и беззаветную любовь к брату Владимиру. Размышления Лидии прервала Мария Ильинична.

— Прошу вас, сударыня, кушать подано,— позвала она и со смехом села рядом.

Самая младшая в семье, Мария, или, как ласково ее называли, Маняша, была дорога всем Ульяновым, особенно после трагической гибели Александра и неожиданной смерти Ольги. Лидия испытывала к ней нежное, почти материнское чувство. И кличка у нее подходящая, добрая — Медвежонок. Ей нравилась цельность натуры Марии Ульяновой. Она была детски непосредственна и очень застенчива, но в то же время опытная, до самозабвения преданная делу революционерка.

— Я сюда привела вас не случайно,— сказала Мария Ильинична,— недавно мы были здесь с мамочкой. Собирали цветы, слушали птиц, потом гуляли по берегу, сидели на скамейке. Мамочка мечтала о встрече с Володей, теперь она у него, а я об этом только могу мечтать,— вздохнула Мария Ильинична.— Почему это так бывает, Лидия Михайловна, что хочется того, чего нет? — с удивлением спросила она.— Володя вот писал недавно, что хотел бы сюда, на Волгу. Я написала ему, как на лодке каталась, вот и раздразнила его.

Вспомнилось Лидии, как хорошо было тогда в лесу, даже не ощущалась палящая июльская жара. О многом переговорили. Крепко обнялись на прощание. Кто знает, когда и где еще придется свидеться. Возвращались порознь.

Страницы воспоминаний сменялись, как туманные картины волшебного фонаря.

Самара, красный кирпичный дом. В большой квартире Кржижановского они вдвоем. Зинаида уехала по партийным делам к Аркадию в Петербург, и давно ничего от нее нет. Не случилось ли чего?

— Слежка ведется чуть ли не в открытую,— жалуется он Лидии,— переезжать бы отсюда надо или исчезнуть совсем,— как бы рассуждает он вслух,— но нельзя, уж больно место насиженное.

— И все-таки провала ни в коем случае допустить нельзя,— твердит Книпович.

— Вот и Старик то же самое пишет,— кивает Кржижановский.

Во имя главной цели — проникновения во все комитеты, завоевания и сплочения их вокруг «Искры» для подготовки II съезда РСДРП — Лидии Книпович предстояло устроиться вполне легально в Екатеринославе, войти в местный комитет и завоевать его на сторону «Искры».

«И явки порядочной нет,— с тревогой подумала она.— Та, что ей дали в Одессе, не совсем надежна. Но другой не было, придется идти на риск».

Первая встреча с членами Екатеринославского комитета убедила Дяденьку в том, что борьба предстоит тут нешуточная. Она оставила им для проработки и обсуждения книгу Владимира Ильича «Что делать?». Оказывается, в Екатеринославе об этой книге только слыхали, но никто не читал ее.

Договорились о новой встрече после того, как члены комитета определят свое отношение к идеям, заключенным в «Что делать?».

Но остаться в Екатеринославе не удалось. Спустя неделю после появления Книпович в полицейском управлении ей предложили взять проходное свидетельство в любой город... за исключением столичных, фабрично-заводских и многих других.

— Так куда вы решили, госпожа Книпович?— нетерпеливо спросил полицейский чиновник Лидию Михайловну, которая изучала длинный список запрещенных городов.

— Пишите: в Астрахань,— махнула она рукой,— там я получу паспорт.

Перо чиновника усердно заскрипело по плотной глянцевитой бумаге.

— Господин полковник,— вошел в кабинет адъютант начальника астраханских жандармов,— объявилась госпожа Книпович.

— Ну слава богу, подготовьте справку в департамент полиции и вызовите вахмистра Петерсона.

Вахмистру он приказал не спускать глаз с Книпович.

Трудно сказать, кто был больше рад приезду Лидии в Астрахань: Рунина, Дубровинский, Вржосек и другие ее товарищи или астраханские жандармы. Их замучили постоянными запросами «о дочери действительного статского советника», которая надолго исчезла из-под бдительного наблюдения. Начальник губернского жандармского управления выслал в департамент полиции справку № 1192 о приезде Л. М. Книпович в Астрахань 6 сентября 1902 года.

Как и прежде, уютно шумел старый знакомый примус, пеленой плавал табачный дым. Почти все ссыльные пришли в гости. Книпович скупо рассказала о своей поездке: побывала у родных на даче, хотела поселиться в Екатеринославе, нельзя, оказывается.

— А к нам надолго? — спросил Замараев.

— Вот паспорт получу,— неопределенно ответила Книпович.

Книпович казалась очень уставшей. Гости начали расходиться.

Позже других засиделись Анна Михайловна Рунина и Дубровинский. Лидия была рада этому.

— Аня, я вовсе не устала. Мне очень нужно поговорить с вами обоими, сказать о многом,— обратилась она к Руниной.

Лидия подробно стала рассказывать о своей поездке.

— И в Самаре, и в Петербурге мне говорили об одном и том же. Старик пишет, что главная задача — подготовка к созыву общепартийного съезда. А для этого нужно все комитеты завоевать на сторону «Искры». Вы тут вполне справитесь, а я двину по новым дорогам,— улыбнулась Лидия,— только бы с паспортом заминки не вышло.

Однако Книпович в Астрахани задержалась совсем по другой причине.

Обычно осенью в Астрахани Лидия хворала. На этот раз особенно обострилась базедова болезнь, которая мучила ее уже давно. Как всегда, пришел Иван Матвеевич Бутков.

— Н-да,— только и сказал он, осмотрев больную,— вам, голубушка Лидия Михайловна, всенепременно нужно бросить курить.— Он взглянул на больную и добавил: — Попробуйте хоть три дня не курить.

— Человек все может,— усмехнулась она.

Через два дня он зашел проведать свою пациентку.

— Лидия Михайловна, голубушка, что это с вами? — встревожился он,— на вас лица нет!

— Не курю два дня,— болезненно улыбнулась Книпович,— вот уже и позеленела.

Бутков почесал затылок.

— А что, Иван Матвеевич, человеку лучше будет, если он снова закурит? — прикрыв глаза, спросила больная.

— Лучше, Лидия Михайловна, лучше, закурите уж,— вздохнул врач.

Вскоре Иван Матвеевич открыл окно в сад.

— Ну чисто паровозная труба,— ворчал он.

Как только Лидия почувствовала себя немного лучше, она принялась за письмо-отчет в редакцию «Искры». А тут еще и весточка от Нади подоспела. «Получила письмо твое через Прагу, не знала, как ответить на него,— писала она 26 сентября,— ибо насчет адреса у меня возникли большие сомнения, вчера получила коротенькую записочку об отъезде. Что сей сон означает? С нетерпением жду разъяснительного письма...

Напиши, что делается с Екатеринославом, завязала ли связи? Связана ли с Соней?»

Почти весь этот осенний день Лидия сочиняла письмо. Так пространно писать в редакцию «Искры» ей еще не приходилось. Но накопилось вестей изрядно.

«Из Екатеринослава дали проходное, в какой город пожелаю. Поехала в Астрахань, чтобы получить паспорт. Теперь не знаю, что делать, изъяты фабрично-заводские местности и многие города сроком

на 1 год. Соне (Бюро Русской организации «Искры» в Самаре) я писала о моем исчезновении». Книпович подробно сообщала редакции «Искры», что Екатеринославский комитет весь на виду у полиции, уж очень много в нем поднадзорных лиц. «Умудрились в него даже террористов пустить,— возмущалась Лидия.— Однако есть там энергичный народ, стоит повозиться. При единственной встрече с комитетчиками разбила все их доводы в пользу «модного теченья».

Лидия была еще больна, когда Анна Михайловна Рунина принесла бандероль. Глянув на присланную книгу, Книпович сказала:

— Аня, поставь самовар.

Лидия уже оторвала переплет книги, чтобы опустить его в тазик с теплой водой. Расслаивать переплеты, которые состояли из спрессованных листов «Искры», для Лидии стало уже делом привычным. Был прислан 27-й номер «Искры». Одну, еще сырую газету Лидия разгладила на столе и бегло просмотрела. Вдруг глаза ее расширились.

— Аня, иди сюда! — И Лидия со стуком сдернула дверной крючок.

— Что с тобой? — воскликнула, врываясь в комнату, Анна Михайловна.— На тебе лица нет!

— На, прочитай вот это.— Ткнула пальцем в заметку об Астрахани.

Рунина просмотрела ее и побледнела.

— Кто это мог написать? — почти шепотом спросила она.

— Ну, если ты не знаешь,— пожала плечами Лидия,— значит, кто-то еще знает конспиративный адрес редакции «Искры». Ясно одно: заметка написана отсюда,— сказала она, складывая газету,— и написал ее хитрый враг.

— Может быть, это господа социалисты-революционеры сочинили эту пакость? — повернулась Лидия к Руниной. Та ничего не могла сказать.

Совсем недавно Книпович, Рунина и Дубровинский беседовали об эсерах.

— Их теории — страшная чушь,— горячилась Лидия,— но она опасна. Если лет этак семь-восемь назад шла борьба между кружками молодежи, то теперь уже идет борьба политических партий. Посмотрите на бывших народников. На наших глазах

их осколки, группки образовали партию социалистов-революционеров,— она сделала упор на последних словах.

— Они не только отрицают ведущую роль пролетариата, не только обманывают крестьян,— коротким жестом руки подчеркивала она каждое слово,— но и проповедуют тактику индивидуального террора. А к чему это приводит, вы прекрасно знаете. Эсеров нужно разоблачать как революционных авантюристов.

— У нас тоже эсеры имеют влияние,— тихо сообщил Дубровинский,— они даже среди рабочих завели кружки.

— Как же вы могли пустить их к рабочим? — сверкнула глазами Книпович.— Мы должны знать каждого эсера, нужно разъяснить рабочим их вред, и немедленно.

Очень скоро Книпович знала всех астраханских эсеров в лицо. Эсерами были сосланные сюда зубной врач Голландский, присяжный поверенный Сережников и двадцатилетний студент Редкозубов.

Рабочие начали понимать разницу между их идеями и тем, что писала «Искра». Эсеры, чувствуя, что теряют всякое влияние на рабочих, стали проповедовать свои взгляды, лживо утверждая, что «они то же, что и «Искра».

В декабре пришло письмо от Крупской. Она спрашивала: кто такой «1900»? Под этим псевдонимом, оказывается, кто-то добивается, чтобы его признали представителем «Искры» в Астрахани.

Как быть?

Хотя и отговаривали ее Рунина и Дубровинский, Книпович решила одним махом разрубить гордиев узел: она встретится с врачом Голландским. Письмо в «Искру», наверно, его рук дело.

— Можно нарваться на провокацию,— предостерегал Дубровинский.

— Вполне вероятно,— спокойно согласилась с ним Книпович,— но я приму меры. Притом я скоро исчезну, пусть ищут ветра в поле,— улыбнулась она.

На домашний прием к зубному врачу Голландскому постаралась прийти последней.

— Что беспокоит, сударыня? — спросил любезно врач, усаживая «больную» в кресло.

— Вы беспокоите и меня, и других, господин «1900»,— удобнее устраиваясь в кресле, очень тихо произнесла Книпович.

Голландский повернул к ней побледневшее лицо. От неожиданности он выронил полотенце.

— Вам нужны доказательства? — прищурившись, спросила Книпович.— Извольте, цитирую: «...Здесь организовался комитет Российской социал-демократической рабочей партии. Скоро будет объявлено».

— Откуда вам известно, что это я? — чуть шевеля губами, прошептал Голландский.

— Это моя маленькая тайна,— улыбнулась Книпович,— но ведь я цитирую ваше письмо? — спросила она в упор.

Голландский машинально кивнул головой.

— А кто вы такая, сударыня?

— Называйте меня Питер,— ответила Книпович,— мне поручили те, кому вы писали, задать вам несколько вопросов. Итак, кто вам дал адрес для переписки?

— А это моя тайна,— приходя в себя, ответил Голландский.— Впрочем, потом я вам, возможно, и скажу.

— О каком это комитете вы пишете? — строго спросила Книпович.— Уж не о вашей ли эсеровской группке?

Голландский побагровел, но ничего не ответил. Он признался, что был автором корреспонденции в «Искру», так возмутившей Лидию.

— Разве вам мало вашей эсеровской газеты? — гневно спросила она Голландского.— Зачем же вы лезете в чужую, да еще навязываетесь в ее представители здесь? Ведь вы даже не сочувствуете ее программе?

— По-моему, этого и не требуется.— Голландский поднял полотенце и вытер руки.— Я могу быть одновременно представителем многих групп.

«Кажется, такого я еще не встречала»,— изумилась Лидия.

— Но ведь представитель должен отстаивать интересы организации?

— Вовсе не обязательно,— отпарировал Голландский,— он должен только посылать мзду за получение газет.

Чем больше Книпович беседовала с зубным врачом, тем больше убеждалась в невероятной мешанине взглядов в голове этого человека.

— Ну, сударыня Питер,— улыбнулся Голландский,— давайте уж я посмотрю ваши зубы, раз вы ко мне пришли. Не ровен час, кто-нибудь заглянет.

Нашлась ему, оказывается, работа — запломбировал зуб.

— Ответ вы получите через газету, а пока настоятельно советую не мешать сторонникам газеты в их работе,— твердо сказала Книпович.

— Не забудьте, два часа вам нельзя принимать пищу,— напомнил Голландский на прощание.

— Нет, друзья, это не провокатор,— убежденно сказала Лидия Руниной и Дубровинскому, заканчивая рассказ о своем визите к Голландскому,— эту группу нужно изолировать от рабочих до конца. И мне почему-то кажется, что Голландский не потерянный для нас человек. Нужно обязательно к нему приглядеться.

Получив подробное письмо Книпович, редакция «Искры» 1 января 1903 года в 31-м номере газеты напечатала ответ Голландскому:

«1 9 0 0. Мы не можем считать Вас своим представителем, так как для этого требуется полная солидарность и работа исключительно для одной организации».

Лидия хотя и далеко была в это время от Астрахани, но не забыла о Голландском и постаралась, чтобы эта газета была им получена. И особенно была довольна, когда узнала, что в этом же, 1903 году Голландский вступил в ряды РСДРП.

Иван Матвеевич Бутков был доволен своей пациенткой.

— Вы, Лидия Михайловна, молодец, скоро я вам разрешу совсем подняться. Только прошу вас, курите поменьше.

Книпович благодарила своего исцелителя. Бутков собрался уходить.

— Да, чуть было не забыл,— спохватился он.— Я вашу просьбу выполнил, помните?

Конечно, Лидия не забыла.

Иван Матвеевич, помимо всего прочего, был членом губернского статистического комитета, который помещался в губернаторском доме. Бутков имел хороших приятелей и в канцелярии генерал-губернатора. Бывало, разговорившись, он не раз сообщал Книпович немаловажные служебные сведения, которые касались как ссыльных, так и ее лично.

Недавно она попросила Буткова разузнать точно, где ей нельзя проживать.

— Оказывается, вам запрещены только столицы и университетские города,— сообщил Бутков.

— Какое безобразие! — возмутилась Лидия.— Вы подумайте, как они обманули меня, сообщив, что нельзя проживать во всех фабрично-заводских городах!

Бутков сочувственно вздыхал и пытался успокоить больную.

Новость, сообщенная Бутковым, не на шутку расстроила Лидию Михайловну. «Как я не догадалась раньше все узнать, а дождалась прекращения навигации»,— казнила она себя. «Впрочем, это меня не остановит,— писала она 4 ноября в редакцию «Искры»,— я сумею выбраться сух[опутным] путем в Полтаву... С удовольствием поеду туда или еще куда...»

Вопрос, где ей работать дальше, волновал многих. Бюро Русской организации «Искры» предлагало ей поехать в Пермь или Ростов. Из Питера запрашивали, где Дяденька. Но в редакции «Искры» решили иначе.

Владимира Ильича очень тревожило положение с Организационным комитетом, созданным для подготовки II съезда РСДРП. В ноябре 1902 года были арестованы члены ОК, и Бюро ОК перенесли из Петербурга в Харьков. Там в него вошли только представители «Южного рабочего». Вот почему Ленин и Крупская стремятся усилить Организационный комитет твердыми искровцами. Вот почему Крупская настойчиво советует Лидии перебраться в Полтаву, поближе к Организационному комитету. 7 декабря она сообщила Лидии адрес в Полтаву, советуя «перед этим заехать непременно в Киев к Курцу и перетолковать с ним». Далее в письме Крупская дала ей адрес члена Организационного комитета Курца (Ленгника), сообщила о недавних провалах членов

ОК и посоветовала, какой держаться тактики при поездке на Украину.

Спустя неделю Крупская послала в Киев письмо Ленгнику и сообщила о Дяденьке, «который скоро у Вас будет. С Дяденькой поговорите обстоятельно, он вполне свой человек, очень хорошо умеющий разбираться в людях и влиять на них. Его мы направляем в Полтаву к Юрию».

Уведомляя Бюро ОК о возможном приезде Дяденьки, Крупская просит отнестись к Книпович «с полным доверием».

28 декабря 1902 года Ленин и Крупская послали в Самару письмо.

«Посылать Дяденьку в Ростов не стоит, очень много из руководителей ростовской стачки теперь за границей, все они искряки и будут влиять на комитет и так,— писала Крупская Кржижановскому.— ...В Пермь засылать Дяденьку тоже не стоит, мы его прочили в Полтаву, в соседство к Юрию».

Владимир Ильич настаивал на скорейшем переезде Кржижановского из Самары в места более близкие к Бюро Организационного комитета. *«Главная задача теперь,*— приписал он в конце пространного письма,— *укрепить ОК, дать сражение всем несогласным на почве признания этого ОК и затем готовить съезд возможно скорее. Пожалуйста, сделайте все возможное для правильного усвоения этой задачи всеми и энергичного осуществления ее. Пора бы Бруту двинуться на сцену!»* — упрекал он Кржижановского.

Между тем Книпович готовилась к отъезду, но нервничала, не получая долго писем из редакции «Искры».

«Почему не отвечаешь? — спрашивала она настойчиво.— Писала... что охотно поеду в Полтаву, просила только дать указания всякие... Напиши скорее, получено ли письмо. 27-й [номер «Искры»] прибыл благополучно и производит фурор — спасибо. Напишу больше, когда узнаю, получено ли письмо».

Но Крупская молчала, а Лидия продолжала аккуратно писать.

«...Прибыл 28-й [номер «Искры»] благополучно,— сообщает она Крупской,— публика рада и благодарит. Думаю быть в П[олтаве] в самом скором вре-

мени... Ответы на вопросы пиши сюда, жди моих писем и пиши, а мне всюду перешлют»,— закончила Лидия свое последнее письмо из Астрахани.

Пока же она подготавливала почву для своего исчезновения. 24 декабря в полицейском управлении взяла паспорт и проходное свидетельство в Курск. Все-таки часть пути можно ехать легально. Как и много раз прежде, через месяц департамент полиции разошлет очередной розыскной формуляр с указанием, что Л. М. Книпович 24 декабря 1902 года выехала из Астрахани в город Курск, но там на жительстве не обнаружена.

С чувством выполненного долга уезжала Книпович и на этот раз из Астрахани. Еще совсем недавно Астраханская губерния считалась у властей относительно благонадежной в политическом отношении. Но перед самым отъездом Иван Матвеевич Бутков шепнул ей, что шеф губернских жандармов вынужден был донести своему начальству, что в Астрахани имеется антиправительственный кружок, присылается нелегальная литература из-за границы и из других местностей России. Это, пожалуй, было и все, что могли сообщить жандармы.

— Видит око, да зуб неймет,— смеялась Лидия.

Если бы знали жандармы, что вот-вот будет объявлен комитет, что это ее рук дело, что оставляет она здесь замечательных наследников! Еще совсем недавно в голове Иосифа Дубровинского была полная путаница. Но как быстро он вырос в твердого сторонника «Искры»! Он и брошюры может писать. А Аня тоже набралась опыта за эти годы. Трудно решить, кто из них лучше. Оба хорошие и как-то дополняют друг друга. Так и написала о них Владимиру Ильичу и Наде: «Дубровинский — этот очень умелый и энергичный, и тут я во всех случаях его рекомендую. То же самое могу сказать и по отношению к Руниной. Хотя люди это совсем разные, но оба отличаются серьезным отношением к любимой женщине («Искре»)».

Не дождавшись явки (письмо Крупской от 7 декабря пришло уже после ее отъезда), Книпович 24 декабря 1902 года выехала из Астрахани, чтобы сюда уже никогда не возвращаться.

«Пишет Старик...»— читал Кржижановский очередное письмо из Лондона, датированное Лениным

27 января 1903 года.— *Корень бед, что Брут не был у ОК... Если Брут передвинется в близкое, живое место, тогда мы ему поможем вернуть себе бюро, и все наладится... Иначе все пойдет (если пойдет) по воле аллаха...*

Дяденька тоже еще в стороне (как и Брут) и даже никуда не доехал; если бы он с Брутом поселился хоть в Полтаве, они бы взяли себе бюро».

Однако Владимир Ильич напрасно ругал Дяденьку. Письма из России в Лондон и обратно шли очень медленно, часто терялись, перехватывались полицией. Письмо Книпович пришло в Лондон только 14 февраля 1903 года. Выполняя задания Ленина и Крупской, Лидия за январь успела побывать не только в Полтаве. Объехала она искровские организации Харькова, Киева, Екатеринослава, Петербурга, Тулы и Москвы. И всюду вела борьбу за комитеты, за объединение их вокруг «Искры».

«Гарин («Южный рабочий»)..,— писала Книпович,— держится все же политики кустарничества. Решили, что ОК необходимо добиваться издания п[артийных] л[истков]... помимо Гарина».

Объехав комитеты, Лидия договорилась об издании листков Организационного комитета помимо группы «Южный рабочий». Эта группа не выполнила условий соглашения с ней и продолжала издавать свою газету, мешавшую подготовке созыва II съезда РСДРП.

В Петербурге Книпович предложила, по указанию Ленина, послать Богдана (Бабушкина) на совещание ОК в качестве его члена. Но оказалось, что Богдан в то время был арестован.

«Устроив свои дела,— писала Лидия Михайловна в редакцию «Искры»,— попробовала поселиться в Питере. Но департамент взвыл: ни под каким видом, ни на один день, ни в одной из столиц... подняли на ноги полицию, которая предложила или уехать тотчас же, или быть арестованной. Пришлось указать куда. Здесь паспорт держат в полиции. Очевидно, чтобы наверное знать, куда поеду».

И Лидия указала полиции, что поедет в Тверь, куда ей дал направление и Организационный комитет, и редакция «Искры». Она поехала к Тарасу, как конспиративно назывался Тверской комитет.

В конце января 1903 года Книпович была очень далеко от Баку. Но Бюро Русской организации «Искры» решило поручить «Нину» ей. Не забывала Дяденька свою крестницу. Когда сама не могла, держала связь с типографией через Анну Михайловну Рунину, которая жила в Астрахани.

«Педагог [Рунина] по поручению Дяденьки был у Нины,— писала она в апреле 1903 года в редакцию «Искры»,— она жива, здорова, живет на широкую ногу».

В истории подпольной типографии «Нины» начался новый период, связанный с деятельной подготовкой социал-демократических организаций ко II съезду РСДРП.

Все свои средства, транспорты и типографию «Нина» передала редакции «Искры», Организационному комитету. Крупская в конспиративной переписке называла его «Ольгой Константиновной». Так было удобно, даже приятно, напоминало далекие времена. Ведь «Нину» она назвала по имени своей крестницы, дочери Ольги Константиновны Витмер, гимназической подруги. Она писала Руниной через Книпович, которая находилась в это время в Твери:

«Пусть Педагог напишет и с своей стороны. Лучшая подруга для Нины — Ольга Константиновна, она человек опытный... Нину всецело поручаем ей».

Но и сама Книпович извещала редакцию «Искры» о делах типографии и просила прислать человека. Сведения, которые она сообщала, были важными, и две недели спустя из Твери она запрашивала Крупскую: «Напиши, получено ли письмо... Если оно не дошло, то повторять придется много. Там и адрес Нины... Баку, Старо-Кладбищенская ул., дом № 19, Тиграну Арутюнову». Крупская письмо получила. «Посылаем человека»,— ответила она Книпович.

«Нина» стала крупнейшей подпольной типографией России. В этом, конечно, была немалая заслуга и Лидии Михайловны Книпович.

Глава четвертая ТАРАС ВЫБИРАЕТ ДЯДЕНЬКУ

Женева Книпович понравилась. Широкими набережными, садами и парками город как бы ласково обнял оба берега голубого озера. Но где же хваленая женевская тишина? Медленно идущую путницу несла по улицам разноязычная пестрая толпа. Все куда-то спешили и говорили громко и вразнобой.

«Чисто Исад,— улыбнулась Лидия, вспомнив шумный астраханский рынок,— не хватает только арбузов и воблы».

Тишина наступила лишь в Сешероне, куда привела ее дорога вдоль озера. Здесь, в рабочем предместье Женевы, маленькие домики с небольшими двориками стояли вплотную друг к другу. Ну вот наконец и улица Шмен приве дю Фуайэ. Дом № 10, к которому подошла Книпович, ничем не отличался от других. По привычке оглянувшись, она открыла калитку. Навстречу выбежала Крупская. Подруги обнялись. Когда вошли в дом, по крутой лестнице быстро спускался Владимир Ильич.

— Я смотрю, кто-то к нам идет, а узнать не могу,— крепко пожимал он руку Лидии.— Вы знаете, как я догадался? — Глаза его искрились.— Вот по этой дорожной сумке, все еще жива старушенция,— рассмеялся Владимир Ильич,— смотрите, приметят вас по ней жандармы.

— Не приметят,— погладила Лидия свою «сокровищницу»,— жандармам там нечем поживиться, а вот вам из России я в ней привезла гостинцев.

Раскрыв сумку, она извлекла тщательно упакованный астраханский балык и купленный в магазине Елисеева любимый Надин шоколад. А для Елизаветы Васильевны Лидия привезла табак.

Не успела она умыться и переодеться с дороги, как опять в палисаднике раздались приветственные

возгласы. Оказывается, одним поездом с ней приехал и Дмитрий Ульянов, младший брат Владимира Ильича. Их познакомили. Чай пили в большой кухне, которая одновременно служила и гостиной, и столовой. Только было собрались встать из-за стола, как в проеме дверей кухни выросла стройная мужская фигура. Разгладив усы, гость громко сказал:

— Привет «контрабандистам»!

— А, товарищ Павлович, здравствуйте! — приветствовал гостя хозяин дома.— Милости прошу к столу, да вот, познакомьтесь.

— Дедов,— представилась Книпович.

— Андреевский,— пожимая руку вновь прибывшему, назвался Дмитрий Ульянов.

Под кличкой «Павлович» в Женеву приехал член Организационного комитета II съезда РСДРП Петр Красиков.

Скоро подошли и другие делегаты. Сидели на ящиках из-под книг и посуды. Разговорам о предстоящем съезде казалось не будет конца. Лишь поздно вечером Книпович и Крупская остались вдвоем.

— Мамочка,— выпроваживала из кухни Елизавету Васильевну дочь,— ты иди наверх,— мы с Лидой управимся.

— Вот так каждый день,— устало опускаясь на ящик, сказала Надежда.— Толчея все время несусветная,— вздохнула она.— Но разве может быть иначе? Ведь событие какое, Лидя,— съезд! Все хотят поговорить с Володей. Да и сам он рад увидеть каждого нового человека, устает только сильно, ведь совсем недавно болел и две недели пролежал. Но эти беседы ему лучше всякого лекарства.

— Я даже на хитрость пустилась,— рассмеялась Крупская,— чтобы спровадить его на воздух, посылаю беседовать то в парк Мон-репо, то на берег озера или поблизости в сквер.

Лидия подошла к подруге и заглянула в глаза.

— Надя, ведь я первый раз в гостях у вас обоих, у моих дорогих Ильичей, понимаешь?

— Понимаю! — счастливо улыбнулась Крупская и, обняв гостью, повела наверх, отдыхать. Постелились на полу и шептались до утра. Елизавета Васильевна вначале поваркивала добродушно, а потом махнула рукой, уснула, наверно. Подруги же забылись в коротком сне только под утро.

— Володя, ты показал бы Лидии Женеву,— сказала за завтраком Крупская,— она ведь и за границей-то впервые.

— Я готов,— подхватил Владимир Ильич,— а как Лидия Михайловна?

Отправились сразу после завтрака. Домой вернулись только к обеду.

— А ты знаешь, Надя, я ведь так и не показал Лидии Михайловне Женеву,— смущенно улыбнулся Владимир Ильич.— Да бог с ней, с Женевой. Еще посмотрим. Зато мы хорошо поговорили. По дороге в город присели отдохнуть, да так и остались рядом с домом, на берегу озера.

Из Женевы делегаты перебрались в Брюссель, где должен был открыться съезд.

Наконец он наступил, этот долгожданный день, 17 июля 1903 года. Взволнованные собирались делегаты в неуютное помещение мучного склада, наскоро приспособленного для проведения съезда. Впрочем, никто не обращал никакого внимания на неподходящую обстановку. Все были подтянуты, торжественны и говорили вполголоса. То ли специально, то ли другого материала не нашлось — окно склада затянули красной материей. Мягкий, рассеянный пурпурный свет подчеркивал торжественность момента. Но и он не мог скрыть бледность, которая покрывала лицо Плеханова, когда в наступившей тишине он появился за импровизированной трибуной. Старейшина русских марксистов был взволнован.

— Товарищи! — торжественно произнес он.— Организационный комитет поручил мне открыть Второй очередной съезд РСДРП...

Книпович заняла место как можно ближе к трибуне, старалась не пропустить ни слова из речи Плеханова.

— Мы были сильны, съезд в огромной степени увеличит нашу силу. Объявляю его открытым...

Со всеми вместе бурно аплодировала.

Съезд приступил к работе.

Все, все впитывала в себя Лидия, но особенно запомнилось ей восьмое заседание. Председатель встал и как-то просто и буднично объявил:

— Съезд переходит к обсуждению третьего пункта порядка дня: программа Российской Социал-демократической Рабочей Партии.

Программа социальной революции, диктатуры пролетариата! Теперь уже это не мечта, а конкретная цель борьбы. Вот ради чего она живет, ради чего можно вынести еще не один арест, тюрьму и ссылку.

Лидия оглянулась на соседей. Неужели не все так же радостно взволнованы, как она? Что-то не похоже. Потом поняла. Не всех устраивал проект программы, подготовленный «Искрой».

Лидия с неприязнью слушала «господина экономиста», как она окрестила Акимова в разговоре с Крупской. Ему, видите ли, не нравится, что ленинский проект программы отличается от программ всех европейских социал-демократических партий. Она согласна с доводами Владимира Ильича, ведь русскому рабочему предстоит решать такие задачи, какие не по плечу европейскому и американскому пролетариату.

Прекрасно это понимают господа Акимов, Мартынов, но это их и не устраивает. Не по европейской, видите ли, мерке программа, не по европейской мерке русский рабочий класс. Да, они хотят жить по европейской мерке, эти господа оппортунисты. Негодовала Лидия на эту компанию, с которой Ленину приходилось драться за каждый пункт, формулировку и даже отдельное слово. Очень нападали они и на его брошюру «Что делать?», в которой излагались идеологические основы партии.

Ильичу Лидия ничего не говорила, видела, сколько сил отнимает у него борьба за марксистскую линию на съезде, но Наде изливала душу:

— До каких же это пор терпеть можно, подумай, ведь один Акимов внес двадцать одну поправку к проекту. Ведь это просто обструкция,— кипела она,— они хотят сорвать съезд!

Крупская пыталась успокоить подругу.

Порой дело доходило до анекдотов.

— В предложениях проекта имя партии везде фигурирует как подлежащее, а имя пролетариата — как определение,— заявил Акимов, вызвав взрыв смеха делегатов.

И это было не единственное грамматическое «упражнение» оппортуниста. Оно не осталось без ответа.

— Товарищ Акимов,— заявил Ленин,— в защите старых базисов экономизма выступил даже с таким невероятно оригинальным доводом, что у нас в программе слово «пролетариат» не стоит ни разу в именительном падеже. Самое большее,— восклицал Акимов,— что пролетариат стоит у них в родительном падеже. Итак, оказывается, что именительный падеж самый почетный, а родительный стоит на втором месте,— с сарказмом продолжал Владимир Ильич.

Ленин едко высмеял Акимова, Мартынова и их единомышленников — оппортунистов, показав, что их цель — изменить сам революционный дух программы, что докатились они до отрицания диктатуры пролетариата.

— Я уверен, что русская социал-демократия всегда будет с энергией выпрямлять палку, изгибаемую всяческим оппортунизмом, и что наша палка будет всегда поэтому наиболее прямой и наиболее годной к действию,— чеканя слова, закончил Ленин под шумные аплодисменты.

Лидия свободное от заседаний время посвящала знакомству с Брюсселем. Она осмотрела город с террасы Дворца правосудия. С высоты птичьего полета он ей понравился. Да и сам дворец поражал своими размерами. Бродя по улицам, Лидия и здесь не забывала о возможности слежки. Она всегда помнила о конспирации и очень злилась на беспечность товарищей. Переезд делегатов из Женевы в Брюссель проходил конспиративно и небольшими группами, но теперь многие, забыв о всякой осторожности, разговаривали громко и свободно. В гостинице, к примеру, делегат из Ростова по вечерам так громко распевал оперные арии, что жители толпами собирались под окнами. Но очень скоро делегаты съезда поняли, что и здесь за ними следит недремлющее око заграничной агентуры русской полиции.

В полицию вызвали нескольких делегатов, предложили им уехать из Бельгии. Было решено продолжить съезд в Лондоне.

— Знаешь, Надя, если бы не полиция, то вряд ли я когда-нибудь увидела твердыню капитализма,— пошутила Книпович, когда подъезжали к Лондону.

«Твердыня капитализма» встретила россиян небывалой в августе жарой, копотью, грохотом и звоном. Пока ехали по улицам-ущельям, преодолевали тоннели, Лидия не один раз вспомнила прелесть Женевы, и даже знойная Астрахань теперь казалась ей раем.

В Лондоне, по крайней мере в первое время, старались соблюдать конспирацию, часто меняли места проведения заседаний съезда. Лидия очень беспокоилась, что и здесь им не удастся закончить работу.

— Не волнуйся, Лидя,— успокаивала подругу Крупская,— мы с Володей долго жили здесь. Документов у нас никто не спрашивал. Назвались Рихтерами, вот и считали нас немцами. Для англичан все иностранцы на одно лицо.

Однажды после особенно бурного заседания Книпович увидела, что у входа в помещение дежурит полисмен. Вначале она испугалась, но, когда узнала, что это сделано по просьбе английского профсоюза для охраны съезда, удивленно хмыкнула.

Книпович внимательно приглядывалась к организатору группы «Освобождение труда». Избранный председателем, Плеханов до конца съезда выступал заодно с Лениным. А на попытку рабочедельца Акимова вбить между ними клин он под аплодисменты и смех делегатов сказал:

— У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Товарищ Акимов в этом отношении похож на Наполеона, он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, что и он не намерен разводиться со мной.

Владимир Ильич со смехом покачал головой.

Ленин и Плеханов вместе отстаивали проект программы. Особенно понравилось Лидии, когда Плеханов сказал:

— Для революционера успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому как

высшие классы ограничивали его политические права.

Первым захлопал Ленин, за ним — большинство делегатов. Но тут раздалось шиканье акимовской компании.

— Вы не должны шикать! — не выдержала Книпович.

— Почему же нет? — перекрыв шум, громко сказал Плеханов.— Я очень прошу товарищей не стесняться! — и с легким поклоном сел на свое председательское место.

Видно, он задел за живое. Вскочил Егоров.

— Раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать! — вскричал он.— Товарищ Плеханов не принял во внимание, что законы войны одни, а законы конституции — другие. Мы пишем свою программу на случай конституции.

Книпович уловила искрящийся смехом взгляд Владимира Ильича.

Девять долгих заседаний шла упорная борьба за проект программы. И столь убедительна была ее защита сторонниками Ленина, столь четко сформулированы ее положения, что голосовали за проект программы все делегаты. Лишь Акимов не отдал за нее свой голос, но и он не решился голосовать против, лишь воздержался. Более того, делегаты единодушно выразили благодарность редакции «Искры» за разработку проекта программы. Закрывая двадцать первое заседание, Плеханов торжественно произнес:

— Товарищи, партия сознательного пролетариата, Российская социал-демократическая партия, отныне имеет свою программу. Вопрос, так долго нас занимавший, окончен, и мы можем с законной гордостью сказать, что принятая нами программа дает нашему пролетариату прочное и надежное оружие в борьбе с врагами.

Лидия стиснула руку Крупской, сидящей рядом с ней. «Умница, эрудит!» — восхищалась Книпович Плехановым.

Чем дальше шел съезд, тем больше накалялась обстановка, обсуждение вопросов проходило в жарких спорах, часто напоминавших битвы.

С удивлением вспоминала Лидия Женеву, предварительные совещания делегатов и первые дни в

Брюсселе. Небольшую группу делегатов она воспринимала как одну дружную семью товарищей-единомышленников. Они вместе думали, спорили, даже веселились вместе.

Ей странным показалось заявление бундовца Гофмана на шестом заседании:

— С первых же дней на съезде образовалось компактное большинство, которое выступило по отношению к нам как сторона.

И она увидела, как поднялся Ленин, услышала:

— Я коснусь прежде всего речи Гофмана и его выражения «компактное большинство». Товарищ Гофман употребляет эти слова с упреком. По-моему, не стыдиться, а гордиться должны мы тем, что на съезде есть компактное большинство. И еще больше гордиться будем мы,— подчеркнул он,— если вся наша партия будет одним компактным и компактнейшим, 90%-ным большинством.

Слова Владимира Ильича были поддержаны аплодисментами делегатов.

Обсуждение первого параграфа Устава о членстве партии сразу провело резкую границу между твердыми искровцами — сторонниками Ленина — и всеми оппортунистами, сплотившимися вокруг Мартова. Лидию Михайловну удивляла позиция Плеханова.

— Я не имел предвзятого взгляда на обсуждаемый пункт Устава,— как-то нерешительно начал он свое выступление в начале двадцать третьего заседания.— Еще сегодня утром, слушая сторонников противоположных мнений, я находил, что «то сей, то оный набок гнется». Но чем больше говорилось об этом предмете и чем внимательнее вдумывался я в речи ораторов, тем прочнее складывалось во мне убеждение в том, что правда на стороне Ленина.

«Как он не понимает, что именно сейчас решается вопрос о партии, какой еще не было в истории,— возмущалась Лидия,— как он не разобрался, что между Лениным и Мартовым уже разверзлась пропасть!». Имя Плеханова уже давно приобрело ореол легенды, он был не только авторитетен, но и окружен почитанием. Но что-то неуловимое, еще не совсем осознанное воздвигало незримую преграду между ней и Плехановым.

Лидия перевела взгляд на Владимира Ильича, избранного вице-председателем съезда. Ей уже прихо-

дилось видеть Ленина в различной обстановке, и сейчас ее поразило то упоение, какое он находил в работе. Лидии доставляло истинное удовольствие наблюдать, как он, склонив голову набок, внимательно слушал всех выступавших и все время делал пометки на листах бумаги. Очень собранный, всегда готовый выступить, исправить, разъяснить. И если раньше Книпович видела во Владимире Ильиче умного собеседника, пропагандиста и руководителя петербургских социал-демократов, то теперь было ясно — это он создатель и вождь Российской социал-демократической рабочей партии.

Сила и убедительность аргументации выступлений Ленина была огромной. Как мог он запутанное сделать ясным, в хаосе полемики выявить главное! При этом никаких украшений, «перлов» остроумия в речи — предельная простота и ясность.

— Корень ошибки тех, кто стоит за формулировку Мартова, состоит в том,— спокойно говорил Ленин по поводу § 1 Устава партии,— что они не только игнорируют одно из основных зол нашей партийной жизни, но даже освящают это зло. Состоит это зло в том, что в атмосфере почти всеобщего политического недовольства, при условиях полной скрытности работы, при условиях сосредоточения большей части деятельности в тесных тайных кружках и даже частных свиданиях, нам до последней степени трудно, почти невозможно отграничить болтающих от работающих. Не только в интеллигенции, но и в среде рабочего класса мы страдаем от этого зла жестоко. Формулировка же Мартова узаконяет это зло.

Ленин обвел притихший зал взглядом, нашел ссутулившегося Мартова и повысил голос:

— Формулировка эта неизбежно стремится всех и каждого,— паузой выделил он эти слова,— сделать членами партии. Именно этого-то и не хотим мы! Именно поэтому мы и восстаем так решительно против формулировки Мартова.

Ленин сделал шаг от стола президиума.

— Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!) — коротким взмахом правой руки как бы подчеркивал свои мысли,— чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии. Вот принцип, который мне ка-

жется неопровержимым и который заставляет меня бороться против Мартова.

Наша задача — оберегать твердость, выдерживать чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше — и поэтому я против формулировки Мартова.

Ленин сел к столу и разгладил листок бумаги.

Книпович пригляделась к делегатам. Владимиру Ильичу было тридцать три года, но и он был старше многих. Ведь некоторым не было еще и тридцати. «Вот оно, будущее нашей партии!» — с гордостью думала Книпович.

Особенно бурно переживал происходящее на съезде сосед Лидии. Она уже давно обратила внимание на этого молодого рабочего, делегата из Петербурга. Ей он представился как товарищ Берг, а протоколы подписывал фамилией Горский. Очень непосредственный, он мгновенно вскипал и, ей казалось, мог наделать глупостей. Обычно они сидели рядом. Однажды Берг, видимо будучи уверен, что его здесь никто не поймет, неожиданно выругался по-фински. Книпович покраснела от гнева и стыда. Она потянула Берга за рукав и потихоньку сказала ему по-фински:

— Успокойся, друг, побереги нервы.

Берг недоумевающе посмотрел на нее и пулей выскочил из зала.

Вечером Крупская рассказала Книпович, что только Владимиру Ильичу удалось предотвратить драку Берга с одним из делегатов, переметнувшихся к Мартову.

— Кого это вы вчера поколотить хотели? — спросила Лидия по-фински своего соседа на следующий день.

— Вон того типа,— ответил Берг тоже по-фински, кивнув в сторону мартовца.— Он совсем недавно убеждал меня, что Ленин прав, а тут вдруг выступил как ярый противник того же Ленина. Он напомнил мне адвоката Стрекотуху-Говоруна, о котором я совсем недавно прочитал в рассказе «Принц-собачка» писателя Лабуля. Так тот адвокат на спор произнес две речи — одну против преступника, а другую в его защиту — и пари выиграл, потому что и та и другая его речь были очень красноречивы и убедительны. Вот я и решил новоявленного мартовца проучить.

«Что и говорить, «урок» был бы основательный»,— покосилась Лидия на увесистые кулаки Берга. Он перехватил взгляд Книпович.

— Речи говорить я не мастак,— смутился Берг,— вот и задумал дать ему взбучку. Сразу после заседания. Я был так взбешен изменой, что не смог удержаться от драки.

— Что же помешало или мартовец сбежал? — улыбнулась Лидия. Молодой делегат все больше располагал ее к себе.

— Первым из зала вышел Ленин и прямо направился ко мне. Вот, думаю, как все нескладно получается, не бить же мне мартовца при Ленине. А он подходит ко мне и говорит: «Ай-ай-ай! Что это вы задумали, товарищ Берг?»

Взял он меня под руку, повел на улицу. Целый час ходили с ним под дождем. Многое объяснил он мне. Пыл мой остыл не от лондонского дождя. Он убеждал, что только круглые идиоты выясняют споры при помощи кулаков. А чтобы вести с врагами настоящую полемику, много нужно учиться.

Потом Лидия Михайловна узнала своего строптивого соседа поближе. Им оказался Александр Шотман, рабочий завода Нобеля, член Петербургского комитета. В ту пору ему исполнилось всего двадцать два года. Перед Книпович он, однако, извинился и пообещал быть сдержанным. Но события на съезде развивались так, что быть сдержанным не только Бергу, но и Дяденьке было довольно-таки трудно.

Съезд отклонил федеративный принцип строительства партии, который предлагали бундовцы. Когда же отвергли претензии бундовцев на особое положение в партии, они ушли со съезда. Покинули его и два рабочедельца — Мартынов и Акимов, провожаемые шуткой Плеханова:

— Ушел Мартын с балалайкой!

Уход со съезда семи оппортунистов изменил соотношение сил. Теперь на стороне твердых искровцев было большинство голосов.

На вопрос Крупской, почему Книпович не выступает, она откровенно сказала:

— Я, Надя, вообще люблю больше слушать, чем говорить, а тем более здесь, на съезде, где ораторов хоть пруд пруди. Ты ведь знаешь, если разволнуюсь, то слышать совсем худо стану. Неловко может получиться. Вот и сижу.

Крупская перевела разговор на другую тему, а себя выругала за бестактный вопрос.

Но однажды и Лидия Михайловна все-таки не усидела на месте. Тридцатое и тридцать первое заседания были посвящены выборам редакции «Искры». Старая редакция состояла из шести редакторов, но они ни разу за три года не собрались в полном составе. Поэтому еще до съезда было решено избрать редакцию из трех человек. Согласны с этим были все, но, когда приступили к выборам, Мартов неожиданно заявил, что четыре старых редактора удаляются со съезда. Эту выходку Мартова попытался нейтрализовать Плеханов, заявив, что и он и Ленин не будут присутствовать при выборах. Что тут началось! Второй вице-председатель съезда Павлович никак не мог успокоить делегатов. Звонка председательского колокольчика не было слышно в шуме. Лидия видела лишь, как он беззвучно трепыхался в руках побледневшего Павловича.

После бурных прений избранными оказались и Плеханов, и Ленин, и Мартов. Тогда встал Мартов и заявил:

— Я отказываюсь от чести, мне предложенной.

Его больше никто не уговаривал. Отказался и Кольцов, который получил всего три голоса. Вот тогда-то Книпович вместе с Лядовым и Красиковым внесла такую резолюцию:

«Съезд постановляет, ввиду отказа двух кандидатов, избранных в Центральный Орган, участвовать в редакции,— предоставить право двум избранным членам кооптировать третьего».

Предлагались и другие проекты резолюции. Однако резолюция Книпович, которую поддержали еще три делегата, была принята съездом. За нее подали голоса двадцать четыре твердых искровца.

Приступили к выборам Центрального Комитета. Выборам предшествовало оживленное обсуждение кандидатов. Вспоминая позднее, Ленин так писал об этом в книге «Шаг вперед, два шага назад»:

«Представьте себе конкретно положение дела: организация «Искры» раскололась, и мы свободно агитируем на съезде, защищая свои списки. При этой защите в массе отдельных частных бесед списки комбинируются на сотни ладов... предлагают всевозможные замены одного кандидата другим. Я, на-

пример, хорошо помню, что в частных беседах большинства выдвигались и затем, после обсуждения и споров, отклонялись кандидатуры тт. Русова, Осипова, Павловича, Дедова».

Настойчиво твердила Книпович, что она не может быть членом Центрального Комитета, что она еще не имеет нужного для этого авторитета.

Однако из всех присутствовавших на съезде делегатов в ЦК избрали одного Носкова. Двух других — Кржижановского и Ленгника избрали заочно, так как они в это время находились в России.

Потом обсуждались и принимались резолюции съезда. Подписывалась Книпович по-разному: Дедов, Дядина, Тверская, но всегда ее подпись стояла в одном ряду с подписью Ленина.

В краткой заключительной речи Плеханов напомнил об обязательности постановлений съезда для всех членов партии.

Закончились три недели напряженной, но радостной работы. Только теперь почувствовала Книпович страшную усталость. Подошла Крупская, сказала:

— Володя предлагает поехать за город. Будут все наши. Согласна?

На следующий день, пересаживаясь с одного омнибуса на другой, два десятка людей пересекли весь город и оказались далеко от центра.

— Я хочу вам показать весь Лондон,— сказал Ленин,— для этого взойдем вон туда,— прищурился он в улыбке и первый стал взбираться на довольно высокий холм Примроуз-Хилл.

Ходьба, свежий воздух, смена впечатлений, а главное, успешное завершение съезда — все это придавало новые силы.

Крупская шла рядом с Книпович и Якубовой. Аполлинария вместе с мужем жила в Лондоне и очень помогла в хлопотах по проведению съезда. Подруги о чем-то оживленно разговаривали и весело смеялись. Часто оглядываясь, Владимир Ильич продолжал идти вперед.

— Лида, Кру́па и Куба — так звала друг друга неразлучная троица в Петербурге во время работы в Смоленской школе,— вспоминал он.— Встретились так — будто и не прошло долгих семи лет с той поры.

А ведь какие это годы? От первых питерских кружков до съезда, создавшего партию. Прошли подруги через тюрьмы, ссылки, эмиграцию. Дяденьке труднее всех, она в России. Но как работает! И главное, как тверда во взглядах, ведь ни разу не вильнула в сторону — удивительно цельная натура. Больна только, беречь ее надо,— нахмурился Владимир Ильич,— но как ее убережешь издалека. Нужно будет поговорить с Надей. И самой Наде лечиться следует, а какой воз везет, да еще и за меня волнуется.

Владимир Ильич подумал о Якубовой и невольно поморщился. «Нет, эта не похожа на подруг». Вспомнились яростные споры с Аполлинарией, отошедшей к экономистам. Правда, сейчас она твердо заявила, что присоединяется к большинству. «Ну что ж, как говорится, дай-то бог!» — улыбнулся Владимир Ильич.

— Сюда, товарищи,— подозвал он с вершины холма,— смотрите лондонские контрасты.

С Примроуз-Хилл открылась широкая панорама. К самой английской столице подобрались заботливо ухоженные поля, сады, цветники, но над всем огромным городом, уходящим за горизонт, висела тяжелая дымная пелена.

— Да, тут давно все выварилось в фабричном котле,— задумчиво сказала Книпович,— а революция у нас в России верно уж скорее будет, чем здесь.

— Это и от нас зависит,— улыбнулся Ленин.— А сейчас,— обратился он ко всем,— я предлагаю пойти на Хайгетское кладбище, на котором покоится Карл Маркс.

Кладбище было недалеко. У входа кто-то спросил служителя, где находится могила Карла Маркса. Тот задумался, потом медленно покачал головой.

— Я знаю могилы, которые часто посещаются. Могилу мистера Маркса я не знаю.

Владимир Ильич уверенно шел вперед, лавируя среди бесчисленного множества могил и склепов. Видно было, что он тут не в первый раз. Долго стояли русские социал-демократы над старой потрескавшейся могильной плитой.

«Вот стоят наследники дела Маркса»,— с гордостью подумала Лидия о товарищах. Взгляд ее остановился на Ленине. Он был сосредоточен и очень

серьезен, углублен в свои мысли. На память сорвала миртовый листок.

Делегаты разъезжались из Лондона. «Компактное меньшинство», как язвительно окрестил Красиков мартовцев, уехало все вместе в Париж. Ленин с делегатами большинства направился в Женеву. Очень хотелось и Лидии еще побыть с друзьями, но твердо решила ехать прямо домой.

— Нельзя зря времени терять,— объяснила она Крупской,— дел теперь много будет.

Ленин одобрил решение Книпович.

— Глеб Кржижановский из Самары уже переехал в Киев,— сообщил ей Владимир Ильич. Он стал подробно рассказывать о плане создания там Бюро Центрального Комитета.

— Киев должен стать центром партийной работы в России. Туда приедут работать также брат Дмитрий и Медвежонок.— Владимир Ильич улыбнулся, заметив, как просияла его собеседница.

— Да, Маняша становится опытным работником,— сказал он.

— Вас, Лидия Михайловна, мы прочим секретарем Бюро ЦК. Я уверен, что у вас все хорошо получится,— подчеркнул он, увидев протестующий жест Книпович.— Борьба за выполнение решений съезда предстоит упорнейшая. То, что было на съезде, это лишь цветочки, ягодки еще впереди.

— Мартовцы — это не нашего поля ягоды,— со злостью сказала Книпович,— прополоть их придется.

Ленин испытующе посмотрел на нее.

— Вот и отлично, значит, согласны?

— По правде сказать, по работе руки чешутся. Только смогу ли? — с тревогой спросила она.

— Мы уверены в вас.— Эти слова она потом не раз повторяла себе, когда было особенно трудно.

На Фундуклеевскую Книпович шла впервые, но так уверенно, будто гуляла здесь каждый день: хитросплетение улиц и переулков большого и незнакомого города она внимательно изучила по плану Киева еще накануне приезда. Тогда же наметила извилистый маршрут на явку. Не торопясь, проходила улицу за улицей, по пути зашла в кондитерскую выпить

чашечку шоколаду, затем, привычно оглянувшись, быстро прошла через два проходных двора и оказалась у магазина Попова.

Множество явок и паролей держала в памяти. Частенько и сама их придумывала. Каких только не бывало! Являлась на явки она «от Михаила Николаевича» или «от Анны Ивановны». В Харьков у нее был пароль «От заморских друзей», а в Москву на квартиру одного ветеринарного врача и вовсе «От прекрасной Елены».

Но такого пароля, как в магазин Попова, у нее еще не бывало. Не заметив ничего подозрительного, она вошла в магазин, порылась для вида в книгах, а потом прошла в заднюю комнату к хозяину. Из внутреннего потайного кармашка извлекла маленький конвертик. Попов прочел надпись «От Александра Македонского» и условно ответил: «Я знаю».

Скоро она шутливо здоровалась с Кржижановским:

— О Брут, прими привет от Александра Македонского!

Старые товарищи были рады встрече.

«...Приехали Юноша, Лебедев, Дядя, Соколовский и Андрей,— сообщала редакции «Искры» Кржижановская 18 августа.— Кроме последнего, все разъехались. 1-й объедет Поволжье, 2-й — Юг, 3-й — Питер и Тверь... Все уверяют, что клятву свою сдержат».

Не задерживаясь в Киеве, Лидия выехала в Петербург и Тверь с отчетом о решениях II съезда.

Прежде чем отправиться на Лиговку, в больницу принца Ольденбургского, Книпович убедилась, что с фельдшерицей Сцепуржинской ничего не случилось. Проверять явки стало правилом, спасавшим ее от возможных провалов. Как и полагалось, она явилась в больницу после часа дня.

— Я к вам с Урала,— произнесла она пароль.

— С моей родины,— ответила фельдшерица.

Они понимающе улыбнулись друг другу.

— Елена Николаевна, сведите меня с Гущей, попросила Книпович.

На следующий день Лидия Михайловна встретилась с секретарем Петербургского комитета РСДРП Стасовой. С первых же слов разговор пошел о съезде. С радостью узнала, что Берг (Шотман) из Лондона

благополучно добрался до Петербурга, но ему пришлось немедленно уехать. Правда, он успел рассказать Стасовой о съезде.

— Не успеваем замазывать дыры, так часто теряем хороших людей,— пожаловалась Стасова,— почти нет пропагандистов и организаторов.

— Это в Питере-то,— удивилась Книпович,— что же тогда делать в других местах?

— Полиция не дремлет. За мной была такая слежка, что пришлось исчезнуть на пару недель,— объяснила Стасова,— но, если меня возьмут, дело не станет, публика сумеет друг друга разыскать.

— А что за публика? — насторожилась Лидия Михайловна.

— Сказать откровенно, не во всех я уверена, одни недостаточно чисты, а другие не совсем нашего лагеря...— Стасова печально вздохнула.— Дела у нас идут сейчас неважно.

— Петербургскому комитету в выполнении решений съезда Ленин придает особое значение. Он просил передать вам, что от позиции питерцев будет многое зависеть.

Лидия Михайловна закурила. «Да, тяжело ей, Гуще, тут приходится, но она товарищ опытный и твердый, линию держит правильную».

— А как члены комитета относятся к решениям съезда? — спросила она Стасову.

— Люди все свои. Хотя и трудно это, но постараюсь, кого смогу, собрать.

Книпович очень волновалась: ведь это ее первое выступление перед товарищами о съезде. Правда, собралось их до обидного мало, но слушали внимательно, не перебивая. Она все больше переставала стесняться, скованность прошла. Лидия даже стала делиться воспоминаниями о Лондоне, не совсем относящимися к съезду.

— Завели меня однажды в Лондоне в церковь, да не в обычную,— улыбнувшись, сказала она,— в нее бы я и не пошла,— а в «социал-демократическую». Молящиеся там поют: «Выведи нас, господи, из царства капитализма в царство социализма».

Стасова прыснула, а за ней приглушенно рассмеялись остальные.

— Картина для нас, россиян, прямо-таки поразительная. Но до господа бога, наверно, плохо доходят эти молитвы. Уже полтораста лет, как в Англии совершилась буржуазная революция, а пролетарской пока и не пахнет. На съезде я поняла, что революция в России будет скорее, чем там.

От окурка, который уже жег ей пальцы, Лидия Михайловна прикурила новую папиросу.

— Съезд показал, что истинные создатели партии — это большинство съезда, те, кто идет за Лениным. Мартовцы не могут в честной дискуссии опровергнуть его положения, а значит, и решения съезда. Вот и беснуются, перенося все на личность Ленина, выливая на него ушаты помоев. Ничего не выйдет у этих господ хороших.— Она помолчала, обдумывая, как лучше передать собравшимся мысли Ленина.

— Беда в том, что движение кое-где идет впереди руководителей,— четко произнесла Книпович,— мало того, что они плетутся в хвосте, но они еще пытаются тянуть нас назад, к досъездовской безалаберщине.

Гуща и другие члены комитета высказались за поддержку решений съезда.

В Тверь Книпович уезжала с хорошим настроением. Совсем еще недавно, в феврале, по совету Крупской она побывала в этом старинном городе. Когда по пути в Тверь поезд остановился в Валдайке, ей очень захотелось сойти, побыть в этих знакомых местах, взглянуть на домик Беньковской на горке, извилистый изгиб речки Валдайки. Но, вздохнув, она поднялась в вагон.

Много городов повидала Книпович. Тверь ничем особенным не удивила ее. Заметила лишь, как резко отличается богатый, зеленый центр города от другой Твери, где в дыму и гари два десятка тысяч пролетариев гнули спину на господ. Почти половина тверских рабочих ткали золотую нить хозяевам знаменитых Морозовских мануфактур.

Вспоминая потом четыре месяца, проведенные в Твери, Лидия Михайловна подумала: многое успела сделать, многое удалось. А поначалу она очень недовольна была постановкой конспирации у тверских социал-демократов.

Особенно пришлось поработать с Александром Гусевым, который, несмотря на молодость, был уже одним из руководителей Тверского комитета. Партийный псевдоним Лаврушка удивительно подходил к нему. Гусев был толковым пропагандистом, умелым организатором, но слабым конспиратором. Помощь Дяденьки, ее советы по перестройке организации помогли улучшить работу.

«Дела Тараса идут очень хорошо»,— с радостью сообщала Лидия Михайловна редакции «Искры» в апреле 1903 года. Книпович была не только в Твери. Она выезжала в Москву, и в Петербург, и в Нижний Новгород, выполняя поручения Владимира Ильича. А 7 июля 1903 года Н. К. Крупская записала в своей тетрадке: «Тарас выбрал Дяденьку». На II съезде она присутствовала как делегат «Северного союза». Отчитаться перед ними, рассказать о съезде Лидия считала своим долгом.

Встреча с товарищами в Твери доставила Книпович особую радость и потому, что они еще до ее приезда без колебаний встали на сторону большинства. Она узнала об этом. Не нужно было убеждать, доказывать, спорить. Правда, пришлось отвечать на бесчисленное количество вопросов, но делала это Лидия Михайловна с большим удовольствием. Товарищи не имели достаточной информации.

— Нас совсем забыли,— жаловались члены комитета.— Мы тут заброшены, ничего не знаем. Если нам и пишут письма, то только с просьбой о деньгах.

Лидия Михайловна невольно покраснела, случилось непредвиденное — по дороге в Женеву потеряла она кошелек с деньгами, и товарищи из Твери прислали ей шестьдесят рублей. Это был единственный случай, когда Дяденьке пришлось прибегнуть к партийной кассе.

— А ведь мы действительно не знали, что произошло на съезде,— уверяла Циля Зеликсон,— я даже недавно написала письмо в «Искру», просила Мартова написать брошюру.

— Он тебе напишет! — залилась смехом Конкордия Громова, молодая и очень живая девушка с узкими продолговатыми глазами.

Дяденька любовалась, глядя, как на лице ее, точно в зеркале, отражались мысли и переживания. Как

она негодовала на Мартова! «Такой скажи — она в огонь и в воду!»

В комитете появились новые люди.

— А где Лаврушка? — поинтересовалась Лидия Михайловна и узнала, что 14 августа во время полицейских облав он был схвачен, но бежал и теперь уже, наверное, за границей.

— Дай-то бог,— вздохнула с облегчением Книпович.

Полгода спустя она вернется в Тверь. Знакомые места щемящей болью опять напомнят о Лаврушке. Впервые она узнала о его смерти в Киеве темным октябрьским вечером. Переписка ЦК с заграницей проходила через руки Книпович. Расшифровка уже давно для нее стала делом привычным. Вот и это письмо Крупской из Женевы она расшифровывала совершенно свободно. Но вдруг цифры шифра сложились в горькую весть: «Завтра хоронят Лаврушку. Приехав сюда, он расхворался: нефрит и воспаление мозга. Бредил Бундом и пр. Жаль парня!» Как поверить, что больше никогда не увидит она талантливого руководителя тверских большевиков.

— У вас племянники есть? — спросил он как-то ее среди серьезного разговора.

— Да, есть,— машинально ответила Лидия и с любопытством посмотрела на Лаврушку.

— А вы их любите?

— Да, очень,— без тени улыбки ответила Книпович.

— Я бы очень хотел стать племянником Дяденьки, хотя бы по революционной борьбе,— сказал он тихо.

Полная впечатлений вернулась Книпович в Киев.

— А я вас, дорогая Лидия Михайловна, давно поджидаю, работы много,— сказал Кржижановский.

Она подробно рассказывала как о самом съезде, так и о поездке по городам России.

— Везде в комитетах публика стоит за большинство, за решения съезда,— с удовлетворением подвела она итог,— только отдельные гнилые интеллигентики поддерживают мартовцев.

Кржижановский подробно обсуждал с Книпович вопросы практической работы. Его волновало устрой-

ство Книпович в Киеве. Сам Кржижановский был на лучшем счету у своего железнодорожного начальства. А это немаловажно для прикрытия конспиративной работы.

— Нужно, чтобы голубые мундиры даже подумать не могли, что ЦК находится в Киеве, а в нас не могли заподозрить его работников,— подчеркнул Кржижановский.

— Не беспокойтесь, товарищ Брут, постараюсь следов не оставлять,— твердо пообещала она.

— Ну, тогда в путь добрый, Дяденька,— пожал ей руку Брут, прощаясь.

«Состав бюро: Дядя, Медвежонок, Чайка»,— сообщал Кржижановский редакции «Искры».

Так Лидия Книпович, Мария Ульянова и Зинаида Кржижановская стали вместе работать в Техническом бюро ЦК РСДРП.

8 октября 1903 года Лидия писала Ленину и Крупской в Женеву:

«Вчера здесь появился Медвежонок. Он собирается писать». Мария Ильинична приехала вместе с Марией Александровной и Анной Ильиничной. Врачом одной из киевских больниц устроился работать Дмитрий Ильич Ульянов. Жена его Антонина Ивановна, училась на акушерских курсах при городской больнице. Поселились прочно, легально.

Со всеми Ульяновыми Лидия встретилась как с родными, но особенно была рада увидеться с Медвежонком. Разговор сразу пошел о съезде. Для Книпович будто и не было уже Женевы, Лондона, переездов по Европе, нелегальных переходов границы. Эти события ныне ушли куда-то в дальние кладовые памяти. Все мысли и чувства ее были заняты съездом.

— Ты знаешь, Маняша, я свою жизнь теперь делю на две части. То, что было до съезда, лишь подготовка к настоящему делу. Теперь главное — борьба за выполнение решений съезда.

Мария подробно расспрашивала Книпович о съезде. Ее интересовало все.

— Я все понимаю,— волнуясь, быстро говорила Мария, но одного никак не могу понять: «Разругались вконец», писала Надя. Как это могло случиться? Ведь Мартов с Володей были вместе и в «Союзе борьбы», и в тюрьме, и в ссылке. И «Искру» выпускали тоже

вместе. Объясните мне, Лидия Михайловна, вы все видели и все слышали.

Книпович ответила не сразу. Мария разбередила ее мучительные и долгие раздумья. Она представила нескладную, сгорбленную фигуру Мартова. Вспомнила, что каждый раз, когда, не поднимая глаз, он начинал, слегка заикаясь, говорить, ее покоряли его огромные знания, острый ум, цепкая память. Однако, думала она, почему все эти таланты вдруг на съезде обратились в другую сторону?

— И совсем не вдруг произошел этот поворот,— не замечая, что говорит вслух, размышляла Книпович,— нет, не вдруг. Первый-то параграф Устава о членстве в партии Мартов ведь до съезда подготовил. Значит, уже тогда готовился противопоставить свою формулировку ленинской.

— Знаешь, Маняша, в чем главная причина грехопадения Мартова?

Ульянова слушала не перебивая. Лидия ненадолго замолчала, стараясь лучше сформулировать свою мысль.

— Съезд создал партию, какой еще не было в Европе. Но мартовцам совсем не нужна партийность, дисциплина, подчинение решениям съезда. Не верят они в силы рабочих. Их душе милее либеральная буржуазия, кружковщина, обывательщина, болтовня. Вот куда они тянут русскую социал-демократию. В ход пущена и грубая брань, и клевета, и сплетни.

Книпович закурила.

— Я тут перед тобой целую речь закатила,— рассмеялась она,— а знаешь, там я только слушала, это я дома разговорилась. Ты уж потерпи.

— Ничего, выдержу,— улыбнулась Мария,— и, помолчав, медленно сказала: — Я рада, что мы вместе будем бороться.

— Да, Маняша, борьба идет за партию, за выполнение решений съезда. И я уверена, что противников своих мы обязательно одолеем. Посмотри, что было на съезде. Я подсчитала, что обсуждалось почти два десятка вопросов. И только в двух случаях большинство получили мартовцы. Это ли не замечательно! Мы должны добиться, чтобы все российские комитеты поддержали решения съезда, поддержали большинство съезда.

Мария Ульянова активно включилась в работу Технического бюро ЦК. Дел хватало. Они осуществляли переписку с Лениным, встречали приезжающих и отъезжающих товарищей, вели архив ЦК, который Мария хранила дома в тайнике шахматного столика.

Хотя секретарские обязанности отнимали у Лидии очень много времени и сил, она старалась показать окружающим, что живет ничем не примечательной внешне жизнью свободной женщины, дочери действительного статского советника. Много времени отнимало посещение театров, концертов, магазинов, портных. Если за ней даже и следили — а в этом Лидия ни на минуту не сомневалась,— то ничего предосудительного не могли заметить. Но в нужный момент она так умело ускользала от слежки, что самые опытные филеры только чертыхались, получая очередной нагоняй от начальства за то, что опять не уследили за этой «чертовой бабой».

Между тем работа ЦК ширилась. Для его укрепления пришлось дополнительно кооптировать несколько товарищей. Книпович сообщила Ленину о распределении обязанностей между Красиным, Эссен, Гальпериным, Ульяновым. Правда, Ленин это не одобрил. *«Разделение функций... весьма опасно,*— писал он,— *ибо грозит раздроблением. Между тем комитеты остаются без призора: в Киеве глупят...»* Тоже верно. Столкнувшись с местным комитетом, Книпович пришла в ужас:

— Это же какое-то меньшевистское гнездо!

— Да, Ленин нас правильно ругает. Бог знает, куда посылаем агентов ЦК, а у себя под боком прошляпили,— развел руками Кржижановский.— В комитете должен работать наш человек постоянно, временными набегами ничего не добьешься. Но кто?

«Да, работы действительно невпроворот, молча согласилась Книпович. Со всей России едут товарищи, нужно спасать подпольные типографии, добывать паспорта, деньги. Выручит Юноша, с одобрением подумала она о Дмитрии Ульянове. Как он умудряется добывать деньги, уму непостижимо». Недавно она сообщила Ленину об отсылке трех тысяч. Капля это в море, конечно, ждут отправки с оказией еще десяти тысяч, полученных от Морозова.

Вообще Лидия старалась в Женеву писать бодрые письма, сообщая о боевом и хорошем настроении товарищей. Совсем недавно обрадовала, что о «всей Волге и севере не беспокойтесь; там все крепко свои. Да и вообще Чухна думает,— добавила она,— что здесь не страшно: только бы дело пошло и началась творческая работа, избегая всякой грызни и игнорируя все рычания, да стоя на твердых основаниях, которые имеются,— тогда все пристанут, а теперь они думают, не запугают ли криками».

Положила Лидия ручку и задумалась. Она была увлечена нынешней работой, находила в ней смысл всей своей жизни, радовалась даже маленьким успехам. Но не все так радостно. Волновали некоторые довольно близкие по работе товарищи. Кто растерялся, запутался, искренне стремился выбиться на верную дорожку — еще куда ни шло. Но есть и такие, кто круто переметнулся к меньшевикам. «Эти всегда были с гнильцой,— думала Книпович,— а теперь дрянь вышла наружу». Огорчал Кржижановский. Лишь однажды, когда терпение лопнуло, не удержалась и написала Ленину: «От Смита же Чухна норовит удрать: больно уж он непостоянен и экспансивен».

Часто и подолгу беседуя с ним, Книпович убеждалась, что Кржижановский, которого не было на съезде, не чувствует всей глубины разногласий.

Как гром поразила всех весть о внезапном переходе Плеханова к меньшевикам. Лидия недоумевала. Мартов стал ей понятен уже на съезде. Но как стал меньшевиком Плеханов?! Это в голове не укладывалось. Вспомнилось, как по пути с Хайгетского кладбища присели отдохнуть на лужайке одного из лондонских парков. Очень воинственно прозвучало тогда напутствие Плеханова делегатам-большевикам о предстоящей борьбе с меньшевиками-мартовцами.

«Вот с кем поговорю»,— подумала она, быстро шагая на явку: предстояла встреча с Дмитрием Ильичем.

Он был необычайно мрачен.

— Каково сейчас Владимиру Ильичу приходится и как трудно ему отсюда помочь!

Лидия перевела разговор на Плеханова.

— Нет, каков «столп русского марксизма»! — взорвался Дмитрий Ильич.— Он в своем женевском кабинете не видит русского революционного движе-

ния. Да он просто не верит в его возможности. Отсюда и теоретические коленца. А все-таки жалко, такой ум потеряли!

— А мне кажется,— сказала Книпович,— что Плеханов вообще не практик, а теперь перестал быть и теоретиком. Видно, исчерпал себя.

Дмитрий Ульянов согласно кивнул.

При поддержке Плеханова меньшевики, по словам Мартова, подняли «восстание против ленинизма». Им удалось захватить Совет партии и редакцию «Искры».

Ленин укрепился в Заграничном отделе ЦК. До конца 1903 года четырнадцать из восемнадцати организаций России осудили меньшевиков.

1 января 1904 года в Киеве прокатились аресты и обыски. Полиция почему-то решила, что здесь готовится съезд партии и на нем будет Ленин. Конечно, арестовали всех Ульяновых. Бюро ЦК аресты в основном не затронули.

«Как быть дальше?» — думала Книпович.

Еще до арестов было решено перевести Бюро ЦК в Москву, куда заранее направили Землячку.

Ленин писал, что только скорейший созыв III съезда может вывести партию из тупика. Для подготовки его он предложил ЦК *«двинуть все силы, все и вся, в комитеты и в объезды»*. Такая живая, боевая работа была Книпович по душе. Вот она и «двинула» по комитетам воевать с меньшевиками.

Еще в декабре 1903 года Лидия Михайловна приехала в Самару и с головой ушла в сложные дела Восточного бюро ЦК РСДРП, воюя с примиренцами, меньшевиками. И идут письма из Самары в Женеву и обратно.

«13/I [1904]. Письмо Чухны очень порадовало нас, а то миролюбие Смита [Кржижановского Г. М.] и Вадима [Носкова В. А.] может с ума свести. Неисправимые караси-идеалисты, так и лезут щуке в хайло! — пишет Надя.— ...Тактику Чухны одобряем вполне, в конце концов съезд зависит не от ЦК, а от требования комитетов; россиян третируют, как баранов, они должны не дать так измываться над собой, должны спасти достоинство партии. Чухна может быть очень и очень нам полезен».

И Книпович старается делать даже невозможное.

Но как невыносимо тяжело работать! Провалы следуют за провалами, а наглость меньшевиков-мартовцев просто не знает границ. «Но им-то, Ильичам моим дорогим, еще тяжелее»,— сокрушалась Лидия, читая следующее письмо Надюши:

«2/II. Письмо Чухны от 9/I получено... Наше тут положение невозможно. Денег ни гроша. Меньшинство, зная это, старается выкачать все, что можно, и довести до краха; денежный бойкот с их стороны продолжается... Съезд был бы единственным выходом (чем бы он ни кончился), который бы мог спасти честь партии, но плохо верится в то, чтобы съезд мог осуществиться... Мы думаем перебраться в Лондон»,— делится Крупская планами, а следующие горькие строки она могла написать лишь одной Лидии: «Беда в том, что у нас нет ни гроша личных денег. Приходится как можно скорее озаботиться раздобыванием литературной работы, а между тем все литературные связи у нас порваны. В[ладимир] сейчас так измаялся, что может взяться только за перевод, но особенно важно мне раздобыть себе работу. Нельзя ли мне пристроиться к «Самарской Газете» и, вообще, не придумаешь ли чего-либо. Книги посылай прямо на мамино имя, деньги можно также».

А две недели спустя Дяденька в Москве получила очередное письмо Крупской:

«Меньшинство, как коршуны, где провал, там и стараются пролезть. Есть опасность, что отхватят Питер... Нельзя ли кого-нибудь будет к ним послать?»

Подумала, все взвесила Книпович и решила обосноваться в Северном бюро. Так и жила попеременно: то в Питере, то в Твери. Везде шла борьба с мартовцами.

Много лет спустя в «Воспоминаниях о Ленине», рисуя драматическую послесъездовскую картину, Крупская писала:

«Из наших делегатов в этот период особенно энергично работала Дяденька, которая, как старая революционерка, не могла прямо понять, как допустимо такое неподчинение съезду».

Часть четвертая В НАБЛЮДЕНИИ — ЖЕЛЕЗНАЯ

Глава первая МАНДАТ ЛЕНИНУ НА СЪЕЗД

1904 год Дяденька провела в разъездах. Зимой — Самара. Потом — Москва. К весне перебралась в Тверь, а летом — снова в Петербурге. Книпович парилась в вагонах столичной конки, мотаясь из конца в конец города.

Мартовцы захватили «Искру» и взяли курс на раскол партии. Меньшевики пытались обмануть организованных рабочих, пробраться в комитеты, превратить их в свою опору.

Комитетские дела, налаживание непрерывно рвущихся связей требовали много сил и времени. В столице опытных партийных практиков было мало. А что говорить тогда о провинции? В письмах из Женевы Надя и Владимир Ильич советовали теперь выехать на юг, в Одессу. Меньшевиков там расплодилось несметно. Требовалось срочно принимать меры.

Ускорили события весьма неприятные обстоятельства. Филеры буквально «висели на хвосте». Она уходила от одного, но цеплялся второй, третий. Так продолжаться долго не могло, того и жди провала.

В петербургской охранке агентам давали не очень приятные клички. На этот раз они работали втроем — Рыжий, Свисток и Филин. Им поручили проследить некую Варвару Сергеевну. Бросили на это дело сразу троих: ведь эта дама, по агентурным сведениям, «выполняя функции члена Петербургского комитета, представляет, кроме того, нечто вроде справочного бюро Центра».

Филерам стало известно, что по понедельникам и вторникам она иногда бывает на квартире инженера Павла Ивановича Широких — Шлиссельбургский проспект, 8.

Со вторника 21 июня засели караулить, сменяя друг друга. Приметы «дамы» им дали самые общие:

среднего роста, шатенка, с волосами в пучок, лицо продолговатое, желтоватое, в морщинах, носит соломенную кругленькую тарелочкой шляпу с черной лентой — спереди пряжка в виде кокарды, одета в черное платье и черную короткую накидку без рукавов.

Караулили неделю, вторую. Минул месяц непрерывных наблюдений за квартирой Широких — безрезультатно. Ничего похожего. Это было тем более неприятно, что «проследки» — дневники наблюдений наружные агенты должны были представлять в департамент полиции еженедельно.

Наконец, когда уже совсем отчаялись, повезло Филину. Было это 27 июля. Углядел он даму в соломенной шляпе с черной лентой, шла она от Смоляной улицы к коночному разъезду у церкви Скорбящей богоматери. Кинулся Филин за ней, а дама исчезла, испарилась. Как будто ее и не было. Записал в дневнике, что видел личность с приметами Варвары Сергеевны, но не уверен в связях ее с квартирой Широких, поэтому дал ей «рабочую» кличку Смоляная.

В этот же день около десяти вечера женщина в короткой накидке приехала из города на конке к тому же разъезду. Отправилась на квартиру Широких и осталась там ночевать. С этого вечера филеры вцепились в Смоляную. Они старались наверстать пять недель вынужденного безделья. Работали по двое, недосыпая, недоедая. Строчили подробные «проследки»:

«28 июля — Смоляная в 3 часа 50 минут проехала в город, посетила контору страхового общества компании «Надежда», где пробыла 2 часа 15 минут, вернулась в квартиру Широких и там опять осталась ночевать».

«29 июля — наблюдаемая вышла из квартиры Широких в 12 часов дня и поехала в город. Зайдя в помещение вышеназванной конторы «Надежда», вышла оттуда через час. После чего отправилась на Сампсониевский проспект, но у дома № 50 повернула назад и пошла в дом № 27 по Саратовской улице. Как негласно дознано, она посетила квартиру № 10, в которой проживает Тена Янов Видеман, 32 лет, слесарь на заводе Лесснера, известный как участник рабочих кружков Выборгского района. Пробыв в квартире 20 минут, наблюдаемая поехала за Невскую заставу и снова осталась ночевать в квартире Широ-

ких, причем перед посещением Видемана и после того вела себя весьма осторожно».

«30 июля — Смоляная отправилась в 10 утра в город, имея с собой ручной саквояж и небольшой пакет; сделав некоторые покупки в Гостином дворе и на Сенной площади, на час посетила дом № 21 по 4-й линии, затем она пробыла 2 часа 20 минут в доме № 104 по Екатерининскому каналу, откуда, заехав на Сенную площадь за оставленными покупками, выбыла по Варшавской ж. д. на станцию Преображенская. В шести верстах от станции на даче Бойкова Смоляная осталась ночевать. На означенной даче проживают жена надворного советника Аполлинария Ивановна Книпович, вдова коллежского советника Елизавета Васильевна Крупская и дочь действительного статского советника Лидия Михайловна Книпович».

Так как вести наблюдение за дачей Бойкова по условиям места было невозможно, то наблюдение за появлением неизвестной велось в двух местах: у квартиры Широких и на Варшавском вокзале.

«3 августа — наблюдаемая была замечена в 10 часов 30 минут утра при выходе из квартиры Широких, причем имела в руках пакет размерами в лист почтовой бумаги малого формата. Смоляная отправилась в дом № 57 по Литейному проспекту, откуда вышла через 15 минут и на Невском была упущена из виду».

«4 августа — в 8 часов утра наблюдаемая была усмотрена на Знаменской площади с небольшим свертком в руках и ручным саквояжем.

Со Знаменской площади наблюдаемая отправилась на Петербургскую сторону, где зашла в дом № 3/42 на углу Колпинской и Большого проспекта. Оттуда Смоляная вышла через час сорок минут, после чего пошла в аптекарский магазин, откуда скоро вышла и, сев в конку, поехала на Васильевский остров. На углу Кадетской линии и набережной Невы наблюдаемая зашла в Румянцевский сквер, где, по-видимому, ожидали ее неизвестные молодой человек и барышня. Смоляная поздоровалась с ними и затем они втроем зашли в один из домов, занимаемых служащими в Академии художеств. Оттуда наблюдаемая вышла одна через 2 часа 50 минут и возвратилась на квартиру Широких.

В 4 часа 35 минут пополудни наблюдаемая с вещами отправилась на Николаевский вокзал и с поездом, отходящим в 6 часов 30 минут вечера, уехала в сопровождении наблюдения, взяв билет прямого сообщения до Севастополя».

Последнее сообщение в департамент полиции поступило 7 августа. Охранное отделение доносило: «По полученным сведениям, наблюдаемая остановилась в Твери, где установлена и оказалась вышеупомянутой Лидией Книпович, известной отделению с 1882 года».

Тверское жандармское управление, которое предупредили о гостившей у них столь важной персоне, Книпович упустило. В Петербург она не возвращалась, но и в Твери ее не было.

Более двух месяцев скиталась Лидия Михайловна по Центральной и Южной России. Хворала, отлеживалась и — снова в дорогу. Три недели провела в Алупке у постели больной Анны Михайловны Руниной.

Частые переезды помогли оторваться от «хвостов», но иногда теряли ее след и свои... В последнюю неделю сентября Крупская запрашивала Тверь и Одессу: «...*Где Дяденька?*» Владимир Ильич в письме к Марии Ильиничне в Петербург просил сообщить, что Маняша знает о Дяденьке. Через десять дней Надежда Константиновна посылает М. И. Ульяновой еще один тревожный запрос: «Что сталось с *Дяденькой*, отчего о нем ни слуху, ни духу?! Здоров ли он? Ответь немедля на этот вопрос...»

В конце октября Книпович отправилась из Севастополя пароходом в Одессу. Пассажиров на судне было немного, а из женщин в каютах 1-го и 2-го классов, кроме нее, и вовсе никого. Не всякий отважится пуститься в плавание по беспокойному осеннему морю. На пристани при посадке пожилой одесский коммерсант помог Книпович подняться по качающемуся трапу. Он церемонно представился Лидии Михайловне и весь день не отходил от нее. Ему доставляло удовольствие развлекать мадам. А встретила их Одесса холодным ветром и мелким сеянцем с неба — совсем питерским дождичком. Дома казались мрачными, серо-однообразными.

Знакомство с коммерсантом пошло Книпович на пользу. Она не только узнала последние одесские сплетни, но и получила рекомендацию в приличный дом. Надежной явки так и не дождалась, а мыкаться по гостиничным номерам или меблирашкам чужого города не очень-то приятно, да и не в ее правилах.

Хозяин дома, куда пришла Дяденька, принял ее почти по-родственному. Дочь действительного статского советника из Петербурга с рекомендацией коллеги — взял с нее по-божески, всего двенадцать рублей в месяц за однокомнатную, хорошо обставленную квартиру, с самоваром. Кирьяк Васильевич Леонард, финансовый воротила города, председатель бюджетных и кредитных комиссий, пожаловался столичной гостье на дороговизну и трудности нынешних времен. Не стесняясь в выражениях, он ругал мошенников министров, всяческие безобразия «там» и заявлял безапелляционно, что «нам как воздух нужна де-мо-кра-тия!».

Книпович не возражала. Она тоже за демократию! Расстались, довольные друг другом. Леонард спешил на Большой фонтан. Он купил у моря несколько дач и теперь строил новые.

Через неделю установилась ровная теплая погода. Уставшая от бесконечных дорог и недомоганий, Лидия Михайловна подолгу просиживала в садике внутреннего дворика. Каждый новый город — новый мир. Иные деревья, цвет неба, характер и темперамент людей. Необычной казалась старая дуплистая акация необъятных размеров. Дерево вымахало выше крыши дома, веером возвышаясь над кустами персидской сирени. Не сразу разберешься в архитектурном своеобразии южного дома — наружные лестницы, узкие балкончики вдоль всего второго этажа, запутанная сеть внутренних переходов.

Водоразборная колонка в центре двора — трибуна и аудитория одновременно. Все светлое время здесь толкалось по делу и без дела дамское общество всех возрастов. Женщины обсуждали радости и беды своих знакомых, судачили о поведении девиц женской частной гимназии мадам Пашковской, сетовали на дорогую стоимость званого обеда в купеческой управе. Такого не узнаешь даже в «Одесском листке». Книпович сидела без дела, это было для нее странным и непривычным. Ведь ее направили в здешний

комитет, а приходилось жить курортницей. Она ждала. Ее должны были найти заинтересованные лица, она давно сообщила свой адрес по разным каналам. Но все усилия выйти на связь пока ни к чему не приводили.

Озлившись на свое бесполезное сидение, написала в Женеву, что надоело ждать.

Книпович не знала, что Крупская настойчиво запрашивала Одесский комитет: «Не слыхали ли чего о Дяденьке?» А сразу после получения сердитого письма Лидии отправила депешу Осипу — Константину Осиповичу Левицкому:

«Разыщите немедля *Лидию Михайловну Книпович: Херсонская, 60, кв[артира] 8. Пароль: От Миноги к Чухне.* Человек очень ценный, совсем свой».

Но и после срочной шифрованной депеши Осип не сразу встретился с петербургской гостьей. Как позже выяснилось, у него были на это свои причины.

В декабре Книпович получила с оказией первое обстоятельное письмо из Женевы. Крупская сообщала, как вконец изоврался ЦК и ЦО [«Искра»], которым вертит Дан, эта «самолюбивая душонка и нахал при этом страшный», об иезуитстве Плеханова, об остром недостатке хороших практиков.

Можно себе представить, сколько нервов, крови испортили «друзья-меньшевики» Ильичу, если так обнаженно, почти с нескрываемым отчаянием писала Надежда Константиновна:

«Ты, вероятно, поймешь, до чего мы тут изозлились. Настроения меняются с каждым письмом, с каждым приезжим. Иногда верится в лучшие времена, а иногда просто руки на себя наложил бы, если бы «положение не обязывало». Не веришь в людей, не веришь в то, что возможно выкарабкаться из всей этой мерзости. Эх-ма! Только письмами и живешь. Сделай, что только можно, чтобы завязать побольше связей. Разыщи, пожалуйста, Дно, оно в Одессе и пишет иногда что-то вроде писем,— неизвестно, куда ему отвечать». А вот и явка: редакция «Южного обозрения», спросить Соколовского. Пароль: «Я от шаха персидского». «Ну, прощай пока, моя родная. Пиши чаще».

Не большой любитель Лидия письма писать. Но она дала себе зарок через два-три дня во что бы то ни

стало отправлять письма в Женеву. И других попросит, заставит писать. Она знает, что для Надюши и Владимира Ильича их письма — лучшее лекарство для укрепления сил. Из Одессы в Швейцарию уходило 10—12 писем каждый месяц.

После письма Крупской Книпович отправилась на указанную явку. Надеждинская улица. Тихий и респектабельный район, звуки оживленного центра не долетали сюда. Нарядные дома-палаццо отгородились от будничных забот. В доме номер 7 — редакция «Южного обозрения». Здесь же располагался Цензурный комитет — хорошее соседство, нечего сказать.

Книпович разыскала Илью Львовича Соколовского. Отвела его в темный угол коридора и представилась «персидской шахиней»:

— До чего же несуразный пароль,— не сдержавшись, сказала она,— вы уж извините, если кто посторонний услышит — обязательно заподозрит меня... в душевном расстройстве.

В этот же день ее познакомили с долгожданным товарищем Осипом, руководителем Одесского комитета РСДРП. Работал Левицкий в Контрольной палате на Гулевой помощником ревизора и хорошо знал домохозяина Книпович Кирьяка Васильевича Леонарда. Неуемные любители каламбуров, одесситы, товарищи по комитету, через некоторое время шутливо напевали первую строку известного романса Мусоргского: «Он был титулярный советник, она — генеральская дочь!» Так оно и было на самом деле. Вскоре титулярный советник товарищ Осип передал секретарские дела комитета генеральской дочери товарищу Дяденьке. Книпович стала секретарем Одесского комитета РСДРП.

Многое казалось Книпович странным в укоренившемся укладе жизни и работы местных партийцев. Еще с народовольческих времен она считала конспирацию одним из качеств, внутренне присущих настоящим революционерам. Любое отклонение от ее канонов она воспринимала болезненно. А тут Книпович столкнулась с худшими формами провинциализма, с наивной патриархальностью нравов в нелегальной работе.

Члены комитета, пропагандисты, организаторы районов, близко знакомые друг с другом, после неле-

гальных сходок позволяли себе собираться на Маразлиевской в уютной квартире Левицких. Там весело проводили время, обильно ели, пили и без умолку спорили, решая за столом и «мировые» проблемы, и повседневные дела комитета. Оставалось только удивляться, как еще охранка не накрыла их всех за самоваром?

Лидия Михайловна присматривалась, и многое удивляло ее. Так, она узнала, что Осип не вышел на явку с нею после депеши Крупской, потому что стеснялся рассказать новому товарищу о делах Одесского комитета. В него пустили меньшевиков, и теперь их было в агитаторской группе четверо и приходилось привыкать работать с ними бок о бок.

Приходилось приноравливаться Лидии Михайловне и к мягкой южной зиме. На окраинах белые снежные хлопья тут же превращались в липкую зловонную грязь. В первые свои выходы на Пересыпь ей казалось, что не хватит сил преодолеть эту грязь и добраться к рабочим завода сельскохозяйственных орудий Гена. Потом привыкла.

Все в этом городе, от снующих по дворам отчаянных мальчишек с плетеными корзинками, переполненными еще живыми «бычками», до почтенных коммерсантов с циклопическими перстнями на подагрических пальцах, создавало Одессе неповторимый колорит. Старьевщики этого «свободного города юга» были похожи манерами на аристократов, а «приличные люди» объяснялись на языке биндюжников.

Книпович узнала предместья Одессы, присмотрелась к товарищам из Дальницкого и Пересыпьского районных комитетов, побывала в Главных железнодорожных мастерских, у рабочих джутовой фабрики.

Нормально работать мешали меньшевики — «маленькие», как их называла Книпович. Они интриговали, пытаясь прибрать организацию к рукам. Дрались за каждую партийную группу, за каждого организованного рабочего. Комитет задыхался без литературы, без регулярных листков. Большевики с нетерпением ожидали выхода новой большевистской газеты «Вперед», о которой сообщала в письме Крупская: «Получил ли Дяденька мое письмо?» — спрашивала она.

Лидия Михайловна сразу написала ответ.

«Дорогие мои! Письмо ваше Чухной получено... Дяденька хорошо сошелся с Осипом, хотя переговоры длились. Оказалось, что Осип стеснялся перед Дяденькой тем, что он перед приездом Дяденьки пустил в работу меньшевиков... К Чухне Осип относится очень хорошо, и Чухна думает пробраться во все щели и прибрать к рукам все связи на случай какого-нибудь краха. Только бы дожить до органа, он страшно поможет борьбе. Маленькие, по-видимому, сильно смущены появлением заявления о выходе органа — они не ожидали, что на это хватит сил... Скоро напишу обстоятельней об этом и корреспонденцию вышлю. Чухна».

Вопреки советам некоторых комитетчиков Дяденька искала встреч с рабочими, используя для этого малейшую возможность. Беседы с ними не только приносили ей глубокое удовлетворение, но и отвлекали на время от непрерывных внутрикомитетских конфликтов. Начинались они, как правило, с выяснения личных отношений, а заканчивались хлопаньем дверьми.

Лидия Михайловна, получив единственный в Одессе экземпляр работы Ленина «Земская кампания и план «Искры», просидела ночь над конспектом своего выступления перед рабочими каменоломен. Ей давно хотелось отправиться в этот таинственный подземный город.

Каменоломни начинались на дальних окраинах города и тянулись на много верст в разных направлениях, образуя сложный и запутанный лабиринт из коридоров и коридорчиков. Проникнуть туда можно было только в сопровождении знающих людей. Это было самое безопасное место для проведения нелегальных собраний.

Возле чайнушки на Пересыпи Дяденьку ожидали двое парней-рабочих, они и проводили ее на хутор к покосившемуся заброшенному сараю. В углу под грудой мусора был один из тайных входов в каменоломни.

При свете горящего факела они шли узкими изломанными коридорами. Звонкая тишина, слепящая темнота. Ходы и штреки настолько низкие, что приходилось сгибаться пополам.

— Посвети забутовку! — загремел неожиданно голос за спиной.

Проводник поднес факел вплотную к стене. Книпович заметила на щербатом камне большие скачущие буквы, выписанные масляной краской: «Да здравствует революция!»

Одно, другое колено, и наконец открылся просторный сводчатый зал, где на каменных обрезках сидели рабочие. Лица их, освещенные фонарями и факелами, разглядеть было трудно, но одежда — блузы, брюки, рубахи — производила удручающее впечатление. Мало вероятно, чтобы такое тряпье могло греть в холодные декабрьские дни. Кризис, вызванный войной, лишил многих из них работы. Не было сбыта камню, и они терпели настоящий голод.

По традиции собрания в каменоломнях начинали с революционных песен. Низкие своды глушили и дробили звуки. Негромкие мужские голоса сливались в стройный хор.

Последняя нота долго звучала в дальних углах каменного зала. И вот установилась тишина. Факельщики осветили Книпович. Огромная тень от ее суховатой, почти нематериальной фигуры прыгала и качалась на щербатой стене.

Представил гостью товарищ Сергей, толковый организатор, но великий путаник в теоретических вопросах, как она уже успела убедиться.

Дяденька начала тихо, скованно, сказывалась непривычная обстановка. Из дальнего угла крикнули: «Громче! Мы же «глухари»!»

Лидия Михайловна повысила голос, справилась с охватившим ее страхом — она всегда волновалась, выступая,— и уже в привычной своей спокойной манере продолжала:

— Расскажу вам о питерских рабочих, а потом перейдем к новой работе Ленина. Нет возражений?

Только вот с чтением ленинской брошюры чуть не случился конфуз — коптящее пламя факелов и керосиновые лампы задыхались без кислорода, и читать при таком свете оказалось почти невозможно. Лидия Михайловна «про себя» с трудом разбирала одно-два предложения, а потом сама пересказывала содержание и комментировала его.

— Бесправность и приниженность рабов капитала выступает теперь перед пролетариями еще более

ярко, говорит Ленин. Вы это чувствуете на себе, посмотрите друг на друга. У рабочих, говорит Владимир Ильич, нет зал для собраний,— вы видите, где приходится собираться нам! — У рабочих нет своих газет, рабочим не возвращают из тюрем и ссылок их товарищей.

Он разъясняет вам, товарищи,— с подъемом продолжала она,— что шкуру медведя, которого вы еще не убили, но которого вы, и только вы, пролетарии, серьезно ранили,— что эту шкуру начинают делить господа либеральные буржуа. И рабочие поднимутся еще смелей, еще большими массами, чтобы добить медведя, чтобы силой отвоевать себе то, что, как милостыню, обещают дать господа либеральные буржуа.

— Добьем медведя! — закричали рабочие.— Знаем мы этих либералов, мягко стелют... Напишем письмо Ленину, пусть знает, что мы поддерживаем его... Может быть, и в газете «Вперед» напечатают... Кто у нас самый грамотный? Бумагу давайте!..

Уже ночью Книпович села за письмо в редакцию газеты: «Ждем с нетерпением «Вперед». Рабочие-передовики, конечно, встретили выход газеты с восторгом. Ленина рабочие страшно любят, и мы надеемся, что с выходом органа мы окончательно высадим меньшевиков, так как они у нас больно мутят. В следующий раз напишу подробно».

Уже в советское время, через два десятка лет, Надежда Константиновна напишет в своих воспоминаниях о В. И. Ленине: «Помню одно письмо, писанное рабочими одесских каменоломен. Это было коллективное письмо, написанное несколькими первобытными почерками, без подлежащих и сказуемых, без запятых и точек, но дышало оно неисчерпаемой энергией, готовностью к борьбе до конца, до победы, письмо красочное в каждом своем слове, наивном и убежденном, непоколебимом. Я не помню теперь, о чем писалось в этом письме, но помню его вид, бумагу, рыжие чернила. Много раз перечитывал это письмо Ильич, глубоко задумавшись, шагал по комнате. Не напрасно старались рабочие одесских каменоломен, когда писали Ильичу письмо: тому написали, кому нужно было, тому, кто лучше всех их понял».

Назревавший скандал между большевиками и меньшевиками разразился 3 января. Собрание пропагандистов было назначено на семь часов вечера, но уже к шести большая часть их собралась — оповещали меньшевики. Они же приступили без проволочек к чтению статьи «Пора кончить» из газеты «Вперед», комментируя ее в меньшевистском духе.

Когда с опозданием на полчаса против назначенного срока, а именно в половине восьмого, пришли члены комитета, меньшевики уже владели инициативой, выбрав своего председателя. Переломить настроение собравшихся не удалось, и тогда семь большевиков, из них три члена комитета, покинули собрание.

Наглость меньшевиков и вместе с тем расхлябанность товарищей по комитету, отсутствие твердой партийной дисциплины приводили Лидию Михайловну в отчаяние.

«Я верю им, конечно,— писала Дяденька в Женеву, подробно рассказывая обо всем происшедшем,— конечно, буду поддерживать их, чем могу, но должна сознаться, что лично я смотрю на нашу кампанию довольно безнадежно... Может быть, мое пессимистическое настроение вызвано просто собственным бессилием, тем, что я могу еще быть верным подсобником, но не энергичным деятелем, и, если бы не товарищеское чувство обязывало не покидать своих в трудную минуту, я бы удалилась от всякого дела, чувствуя свое бессилие».

Письмо это долго ходило по разным адресам и только в середине февраля попало в Женеву. За этот срок многое стало иным: выстрелы на Дворцовой площади 9 января изменили ритм времени, началась революция.

Дяденька настойчиво проводила ленинскую линию борьбы за немедленный созыв III съезда. Это было теперь самое главное. Приезжали новые работники, силы большевиков росли, и все постепенно налаживалось. Книпович уже и позабыла о своем «вопле отчаяния», когда получила сугубо личную корреспонденцию из Женевы.

«Дела идут понемногу на лад,— сообщала Надежда Константиновна.— Питер, Москва, Нижний, Север-

ный комитет, Рига признали за ОК право созвать съезд. Говорят, Тверь и Тула тоже окаменели. Кавказ тоже». Все приятные новости, а потом сугубо личное: «Твое письмо от 5/I страшно запоздало. Очень оно пессимистично. Ты, конечно, преуменьшаешь свои силы. Когда Старик прочитал это письмо, он велел тебе написать, что, когда ты устанешь очень, чтобы [Дяденька] ехал сюда. У нас тут уймища организаторской и всякой другой работы. Народу тут много, но все либо молодежь, либо отдыхать приезжают; меньшевики страшно выигрывают от того, что у них есть более-менее опытный народ, у нас же все делается наспех, с молодежью и рабочими поговорить даже некому, одно горе. Минога сначала удивилась этому проекту Старика, сама она не решилась бы ни о чем подобном и подумать, не доверяя своей беспристрастности, но, обдумав этот проект по совести, она находит, что Старик прав. Больше она ничего не пишет. Вот».

Книпович злилась, что дала повод для беспокойства, мало у Ленина забот, еще думать, как пристроить ее, беспомощную женщину.

В своем ответном письме Книпович ни слова не написала о предложении Старика, передавала только сугубо деловые сообщения. Вскоре Дяденька получила личное письмо от Ленина. С припиской заботливой и трогательной, уже другим почерком. Так мог писать только ее родной Медвежонок, Мария Ильинична Ульянова.

Ближе и роднее, чем Ульяновы, у нее не было друзей. Это еще и еще раз почувствовала Лидия Михайловна в трудную для себя минуту. «Как было бы хорошо, если бы кто-нибудь из них был здесь, рядом»,— думала она. «Чухна просит Медвежонка не беспокоиться о ней — здорова,— писала она в Женеву.— В общем — терпимо, до съезда дотянем, а вот настроение бывает разное... Хорошо было бы ему сюда приехать...»

Строгановский мост — самый большой в Одессе, хотя воды под ним нет. Глубокая балка, узкая щель улицы круто падает к порту, Таможенной площади. Называется — Польский спуск. Строгановский мост — продолжение Греческой улицы, ее железный

сустав на двух лучковых арках с огромными металлическими щитами у основания. В месте скрещения верхней и нижней улиц построили дом, да так, что первый этаж выходит на Польский спуск, а третий узким железным переходом соединяется со Строгановским мостом. Муравейник — элементарно простое сооружение по сравнению с лабиринтом коридоров и комнат этого перенаселенного беднотой дома. На втором этаже его, в маленькой квартирке сапожника Юзефа Остера, решили провести внеочередное заседание комитета.

Двое рабочих, облокотившись на решетку моста, о чем-то спорили. Один из них жестикулировал перевязанной рукой, другой прятался от него за развернутый номер газеты «Южное обозрение». Время от времени к ним подходили «случайные прохожие» и задавали один и тот же вопрос: «Откуда ветер дует?» «С моря»,— был ответ. «Прохожих» провожали к сапожнику.

Внеочередное заседание комитета собралось 20 марта 1905 года для решения только одного вопроса — кто будет представлять Одесский комитет на III съезде партии. До последних дней все казалось ясным. Предварительное мнение всех членов комитета совпало с рекомендацией В. И. Ленина. Единогласно решили передать мандат товарищу Жозефине — Вацлаву Воровскому, члену Южного бюро. Теперь ситуация резко изменилась. В последнем письме Землячка сообщила Дяденьке, что меньшевики и близкие к ним в руководстве партии, в заключение всех интриг, решили официально исключить Ленина из центральных партийных организаций, тем самым лишив его права представлять эти организации на съезде партии. Тогда было решено, что Николаевский комитет передаст свой мандат Владимиру Ильичу.

Книпович была против! Она объяснила свою точку зрения членам комитета:

— Мандат Николаева Ленину может оказаться недействительным. В Николаеве сейчас два комитета: и меньшевистский, и большевистский. Меньшевики могут отказаться признать действительным мандат большевистского комитета. Возникнет осложнение. Отсутствие же товарища Ленина на съезде мы все считаем невозможным. Поэтому мо-

жет быть только одно решение. Николаевский комитет передает свой мандат Жозефине, а мы, Одесский комитет, делегируем на съезд товарища Ленина. Товарищу Жозефине мы пошлем письмо, и он нас поймет. Я думаю,— закончила Лидия Михайловна,— если бы Воровский сейчас присутствовал в коллегии комитета, то первым подал бы свой голос за такое решение.

Тут же оформили официальный мандат: «Одесский комитет на собрании 20 апреля 1905 года избрал своим делегатом на III-й партийный съезд товарища Ленина, которому и передает свой мандат.

Члены комитета: Томич, Осип, Щур, Дяденька, Петр, Александр. Одесский комитет РСДРП».

С совещательным голосом Одесский комитет просил допустить на съезд товарища Щура, как хорошо знакомого с периферией и работающего сейчас среди пролетариата. Товарищу Щуру — Скрыпнику Н. А. — и поручили передать мандат лично В. И. Ленину. Книпович вместе с Евгенией Левицкой, женой Осипа, аккуратно зашили мандат в плечевой шов демисезонного пальто Щура.

Через три недели получили от Крупской тревожное письмо — представитель Одессы, очевидно, еще не добрался. Дяденька отправила почтой официальное подтверждение об избрании Владимира Ильича на съезд.

Мандатная комиссия единогласно утвердила полномочия одесского делегата. В. И. Ленин был избран председателем бюро президиума съезда. С мандатом Николаевского комитета, как и предполагала Книпович, вышло недоразумение. Некий Петров прибыл с опозданием из Николаева от меньшевистского комитета, но ему так и пришлось уехать ни с чем.

Съезд закончился, разъехались делегаты. В первом номере нового центрального органа партии — газеты «Пролетарий» была помещена ленинская статья «Извещение о III съезде Российской социал-демократической рабочей партии». Крупская спешила скорее сообщить Одесскому комитету о главных решениях и резолюциях.

«Работа съезда прошла очень дружно,— писала она в заключение.— Вначале публика была настро-

ена очень нервно. Держались замкнуто, но общая работа всех сплотила, дух недовольства рассеян, всякие старые счеты забыты. Выборы сошли мирно. Наметившиеся во время съезда делегаты-кандидаты прошли значительным большинством. Делегаты разъехались с чувством удовлетворения, со стремлением поскорей взяться за работу. Вообще несомненно, что кооптационный период ликвидирован теперь. Крепко жмем ваши руки, товарищи».

В мае, после съезда, партийная работа в Одессе пошла с необыкновенным размахом, и главным образом вширь: организовали пятьдесят кружков только в одном Городском районе, в каждом цехе была создана партийная группа, связанная с центральной районной партийной группой. У рабочих оживились общественные интересы, на улицах не прекращались митинги. Каждый день — три-четыре массовки по 70—100 человек.

Однако Одесский комитет продолжало лихорадить. Большевики не сумели возглавить нарастающее революционное движение. Инициативу перехватывали меньшевики, бундовцы. Вред делу причиняли и примиренцы из числа колеблющихся большевиков, перебегавшие из одного лагеря в другой.

Неожиданной радостью Дяденьки стал приезд в Одессу питерского знакомого и товарища по Астраханской ссылке Василия Алексеевича Хрусталева — товарища Тимофея. Он сразу вошел в состав комитета и стал организатором Пересыпьского района.

В один из майских вечеров Дяденька предложила своему бывшему ученику пойти познакомиться с городом. Она показывала ему достопримечательности Одессы — Пересыпь, Слободку и порт. Буйное цветение на бульваре, в парке, скверах и садах радовало глаз. Стойкий аромат цветов, смешиваясь с терпкими запахами морского порта, оглушал приезжих, вызывал восторги, настраивал на лирический лад.

Так незаметно в разговорах они подошли к памятнику Ришелье. Книпович и сама удивилась, как они очутились именно тут. Тогда она неожиданно спросила Хрусталева:

— Вас не успели еще разыграть одесситы?

— Нет,— ответил он,— как будто нет.

— Так вот, я предупреждаю вас, бойтесь этого коварного французского герцога. Его именем клянутся, и ему же возносят хулу, к нему посылают и от него требуют. Я всего еще и не знаю. Ведь притянул он нас с вами к себе, а не собирались. Мне тут один приезжий рассказывал, как его разыграли. Спросили его, нужна ли ему прекрасная служба. «Тридцать рублей за час вас устроит?» — «Ну что за вопрос! — обрадовался он.— А какая работа?» — «По пятницам Дюка в баню водить!»

Хрусталев рассмеялся, заметив, что никак не ожидал такого поворота в их серьезной беседе.

Лидия Михайловна совершенно неожиданно перешла с шутливого опять на серьезный тон. Было в нем доверие и откровенность. Она с пристрастием расспрашивала Хрусталева о Петербурге, о Невской заставе, об общих знакомых. Василий Алексеевич рассказывал охотно и подробно.

— Вы тут обо мне услышите,— вдруг сказала она.— Хорошо еще назовут «суровая и неприступная», а то и почище распишут. Боятся меня, резкая очень и ругаю их страшно за флирт с меньшевиками. Дисциплины не любят и со своей персоной чересчур носятся.

Явная обида чувствовалась в ее голосе, и не только на «них», но и на себя за свою, как ей казалось, беспомощность. Хрусталев понимал, что эта мужественная, «твердокаменная» женщина нуждается в поддержке, в товарищеском взаимопонимании.

Каменная полоса порта жила своей жизнью. Почти в полной темноте грузили баржу. Горбатые от мешков тени взбегали по скрипучему трапу. Коротко и осторожно гудели буксиры, предупреждая друг друга. Мигал Воронцовский маяк. У причальных тумб виднелись силуэты биндюжников и босяков.

— Идемте отсюда,— Лидия Михайловна потянула Хрусталева за рукав.— Вон один «красавец» встает, вроде к нам подойти собирается, сигаретку попросит или еще что-нибудь. Идемте, идемте, не хорохорьтесь, порядочная публика здесь никогда так поздно не гуляет.

Они повернули обратно, невольно убыстряя шаг,— лучше уж будем любоваться портом, как все, с Николаевского бульвара.

— Характер у меня окончательно испортился, нервы сдавать стали,— продолжала начатый разговор Дяденька.— Вот хотя бы наш глубокоуважаемый Осип Иванович, патриарх здешний. Милейший человек, вежливый, добрый. Но ведь этого мало. Если взялся возглавлять агитационно-пропагандистскую коллегию — надо быть человеком принципиальным. Или того почище, он у нас хранитель и распорядитель весьма скромной кассы комитета. Это уж и вовсе не частное дело, как вы считаете, Василий Алексеевич?

— Да, да, конечно, это естественно,— поддержал ее Хрусталев.

— Ну так вот, потребовали у товарища Осипа отчет за комитетские суммы, а он обиделся и укатил из Одессы с супругой на дачу. Афанасия пригрел, тот типичный примиренец. Сколько неприятностей из-за него имели. Да о чем говорить, рукой на них махнула.

Они долго шли молча, подальше от звуков музыки, от шумной гуляющей публики.

— Вы знаете,— она как-то не сразу решилась сказать ему,— я вам признаюсь по-товарищески. Написала я недавно Надежде Константиновне, что очень устала и вызверилась. Так и написала — вызве-ри-лась! Поэтому и прошу смены.

В свете редких фонарей Хрусталев видел осунувшееся лицо уставшего, больного человека и большие широко раскрытые глаза. Но жалеть ее, говорить слова утешения он не умел, да и ей, пожалуй, они не нужны. Хрусталев осторожно взял ее за локоть, с сыновней нежностью чуть сжал его и, быстро наклонившись, поцеловал ее сухую маленькую ладонь. Лидия Михайловна резким движением отдернула руку и пошла вперед. Хрусталев остановился, подождал немного, потом догнал ее.

— Я не хотел обидеть вас, поймите правильно. Я ведь специально к вам в Одессу приехал. Попросил товарищей: «Где Дяденька, туда и меня посылайте». Вас любят и помнят рабочие Питера, поверьте.

На Ланжероне, присев на скамейку у самого обрыва, они слушали, как сильно и настойчиво бьют волны о берег.

— Нравится здесь? — спросила Книпович.

— Да! Необычно очень,— ответил Хрусталев.

— А я по северу скучаю,— сказала она тихо.— Вы уже видели приморский берег с богатыми дачами здесь на Ланжероне, Аркадии и на Фонтанах, аллеи каштанов, акации. Все яркое, красочное, будто специально напоказ. А мне за внешним блеском города открывается что-то совершенно чуждое, пропитанное мещанством. Все с Питером сравниваю... Вот и замучилась вконец.

Наутро и во все последующие дни Лидия Михайловна больше к этому ночному разговору не возвращалась, как будто и не было его. Она вводила товарища Тимофея в курс дела, хлопотала, заботилась о нем. Хрусталев замечал, что Дяденька больна, чувствует себя очень плохо, как ни старается скрыть это от посторонних. Сказать ей, чтобы легла в постель, вызвала врача, он так и не решился. Позже сам ругал себя за бесхарактерность.

В начале июня в Одессу из Петербурга приехал Сергей Иванович Гусев — Яков Давидович Драбкин, большевик с большим партийным опытом организаторской работы. Гусев и Дяденька были знакомы с 1896 года по Петербургу, но особенно они подружились во время II съезда, где вместе с Лениным сражались за принципы «твердых искровцев».

Беспокойная судьба не раз сводила их на короткие дни или даже часы. Получалось так, что приезжал Гусев, а в это время уезжала Дяденька или наоборот. Только уехала она в 1904 году из Петербурга, как там появился Гусев. Он и стал секретарем Петербургского комитета. Теперь Сергей Иванович приехал Дяденьке на смену и вводил ее в курс петербургской жизни, так как ей предстояло стать секретарем ПК.

Но тут произошло несколько событий, прервавших работу Книпович и ее товарищей. Сказались страшные перегрузки. Через несколько дней после приезда в Одессу Гусев заболел, не выдержав напряжения последних месяцев. С тяжелым нервным истощением, сопровождаемым многими осложнениями, слегла и Дяденька. Неожиданно ослеп один комитетчик, Кирилл Мохов — Шаповалов. Врачи посоветовали ему на две недели закрыться в темной комнате и ни в коем случае не выходить на улицу.

Так вышло, будто кто-то нарочно изолировал комитетчиков-большевиков на это время. Осип Иванович — Левицкий был в отъезде. Зато бесконтрольно теперь могли командовать в комитете Томич — Михаил Кореневский и Афанасий — Лазарев, оба примиренцы. Последний открыто водил дружбу с меньшевиками и бундовцами, но это, как считали некоторые, его личное дело. Одесская периферия — районы и подрайоны страдали от такой «дружбы», выражали недоверие комитету. Но, как это ни было печально, до поры до времени все оставалось по-старому. В довершение всех бед в начале июня была арестована вся Дальницкая партийная организация, одна из самых боевых и революционных.

Между тем приближались звездные часы революционной Одессы. Об этом писал Сергей Иванович Гусев 15 июня 1905 года в редакцию газеты «Пролетарий»:

«Здесь происходит нечто такое, чему в истории, вероятно, еще не было примеров. Третьего дня, 13-го, здесь вспыхнула забастовка на Пересыпи, сразу охватившая весь этот район. Дело вышло из-за трех убитых войсками рабочих... На следующий день забастовка разлилась по всему городу. Газеты не выходят, бастуют мясники, булочники, ряд стычек с войсками на улицах; вечером в 10 час. взрыв бомбы на Соборной площади (разорван на куски городовой); переполненные народом улицы; войска, казаки. Настроение крайне революционное. Но все это обычно теперь в России.

А вот начинается необычное. Сегодня в порт явился броненосец...».

...Книпович узнала о приходе «Потемкина» в Одессу поздно вечером. Наскоро одевшись, она собралась выйти на улицу, когда к ней, не скрываясь, вбежал Тимофей. Он рассказал, что все его попытки собрать комитет оказались безуспешными. Томич и Афанасий организовали объединенный комитет вместе с меньшевиками и бундовцами. Долго митинговали, а теперь отправили представителей на броненосец, добавив в эту компанию, кажется, и эсера. Он, Хрусталев, попытается тоже попасть на

корабль, а потом найдет Дяденьку и все ей расскажет.

Лидия Михайловна отправилась на Канатную, 5, где лежал больной Гусев, чтобы сообщить о новостях и посоветоваться.

В этот день она побывала у больного дважды. В первый свой приход была полна оптимизма и надежды на близкую революцию. Почти час они проговорили. Вечером пришла еще раз, но совсем другая, совершенно расстроенная. Надежды рухнули, все дело провалилось. Внутренние разногласия на броненосце сорвали вооруженное восстание, и в этом была большая вина Одесского объединенного комитета. Тимофей так и не сумел попасть на «Потемкин».

Дом, где жил Гусев, стоял на обрыве. Задняя стена дома выходила к порту. На склонах обрыва ютились хибарки, покосившиеся ночлежки, где жили портовики. Снизу, из порта, в открытое окно комнаты доносился неясный гул толпы и частые, периодами выстрелы. Гусев и Дяденька выбрались на улицу и подошли к краю обрыва. Гавань оцепили казаки, слева и справа стреляли все чаще.

— Там, на молу, рабочие и грузчики,— тихо сказала Лидия Михайловна,— они собрались возле убитого офицерами матроса. Что будет дальше?

Ночью в порту вспыхнул пожар. Огромную площадь от Карантинного дворика до Андросовской гавани охватил сплошной огонь. Языки пламени лизали пакгаузы, эстакаду, деревянные части пристаней. Просмоленные сваи горели как свечи. Пулеметные и ружейные выстрелы слышались со всех спусков и лестниц, ведущих в порт. И на следующий день казаки избивали всех встречных — говорили, для острастки.

24 июня в адрес редакции «Пролетария», а точнее, Ленину и Крупской ушло два письма от двух членов Одесского партийного комитета:

«Собрание (комитета) большевиков все это время примиренцем систематически срывалось: собрались лишь тогда, когда броненосец отошел, а другой сдался. Рабочие Одессы, как манны небесной, ждали бомбардировки, а социал-демократы вместе с буржуями высказывались против бомбардировки аристократических приморских кварталов. Теперь наста-

нет реакция, ибо, видно, организации слабы. О, теперь труднее будет прогнать этих интеллигентов-примиренцев, предавших рабочих. Мне нужно уехать. Ну ее к черту, эту Одессу!

Мохов [А. С. Шаповалов]».

«Один рабочий — член комитета — требовал бомбардировки 15-го, но собрать комитет не было возможности. Томич заседал где-то со своей комиссией и не являлся ни на одну явку. Все эти события создали такие [отношения] между членами комитета, что на собрании 24/VI вынесена следующая резолюция: «Исключая из обсуждения комитета вопрос о доверии к тому или иному члену комитета, Одесский комитет считает необходимым заменить весь его состав ввиду обнаруживающегося, хотя и негласно, недовольства и недоверия к работоспособности комитета со стороны периферии, во-первых, и ввиду невозможности поставить лучше работу со стороны самих членов комитета при создавшихся отношениях внутри самого комитета и между членами комитета и периферией, во-вторых, и по конспиративным соображениям, в-третьих».

Томича комитет обвинил в узурпации власти комитета в деле с броненосцем; периферия не выносит его ни как руководителя пропаганды, ни как организатора. Томич поставил вопрос о доверии: приняли эту резолюцию (вывели из комитета). Пишите всюду, чтобы посылали работников.

Чухна [Л. М. Книпович]».

Еще накануне, 23 июня, Книпович писала в «Пролетарий»: «...очень скоро придется задать лататы и... Дяденьке. 8 месяцев, проведенных здесь, сделали его слишком популярным».

14 июля 1905 года дочь действительного статского советника Лидия Михайловна Книпович выехала из Одессы в Петербург, о чем сообщил начальник жандармского управления Одессы в департамент полиции.

Глава вторая СЕКРЕТАРЬ ПЕТЕРБУРГСКОГО КОМИТЕТА

И снова Петербург! Целый год Дяденька не была здесь. Все это время в одном из самых сокровенных уголков ее души удивительные счеты памяти сбрасывали с бесконечно длинных прутьев косточки-дни: черные и белые, черные и белые. Так набрался год. На календаре — 18 августа 1905 года, четверг.

Она возвращалась в дымный и холодный, дождливый и пыльный, близкий ее сердцу Петербург. Без всяких сомнений и колебаний, если понадобится партии, Дяденька снова тронется в путь: в Тверь или Тулу, в Астрахань или Самару, даже в Одессу. Но если бы ее спросили, она не стала бы скрывать, что Петербург очень, очень дорог ей. Даже трудно себе представить, как дорог. Ей порой недоставало его живительных импульсов, моральной поддержки рабочих окраин столицы. Истинные пролетарии Петербурга, такие, как те, кого узнала она в воскресной школе, уверенные, достаточно образованные, были наиболее подготовлены к восприятию идей социализма и революции. Они понимали ее, а она — их.

Так думала Лидия Михайловна, стягивая ремнем давно потерявший форму саквояж. Столица встречала южный поезд церемонно и чинно. Сами пассажиры, такие оживленные, яркие под южным небом, как-то притихли, поблекли. Носильщики, жандармские чины, праздношатающиеся в штатском профессиональным взглядом ощупывали вагоны.

Лидия Михайловна всматривалась, насколько это было возможно, в медленно проплывающие мимо окон лица. Одни выражали полное безразличие, другие беспокойство или нетерпение. Мелькнуло как будто знакомое канотье с рыжей лентой в разводах. Если ей не изменяет память, именно это канотье с такой же рыжей лентой вязалось за ней прошлым летом. Сейчас у этого типа в руках, как

она сумела заметить, нерадостно торчал жалкий букетик.

— Совпадение или... Или ее встречают по первому разряду с цветами, и «хвост» ей обеспечен сразу и надолго. Приподнято-лирическое настроение как ветром сдуло.

Из вагона Лидия Михайловна выходила последней. Два студента, соседи по купе, помогали ей спуститься на перрон. Эту немолодую, сухонькую женщину, которой вдруг стало плохо с сердцем, они вынесли почти на руках. Крикнули извозчика. Больная тихим голосом поблагодарила молодых господ. «Канотье» с букетиком все еще перебегал от вагона к вагону.

— Куда прикажете? — не оборачиваясь, спросил извозчик, когда они выкатили на Невский.

— Прямо, голубчик, прямо,— еле слышно произнесла больная, махнув рукой в сторону Главного штаба.

«И в самом деле, куда сейчас ехать?» — перебирая возможные варианты, ломала голову Книпович. В поезде она решила, что отправится к родным на Колпинскую. В какую-нибудь меблирашку-гостиницу или сразу на явку, без уверенности в полной безопасности — во сто раз хуже. Так или иначе, пусть будет Петербургская сторона, а там уж решит окончательно. У Садовой она попросила повернуть к Троицкому мосту.

— По Кронверкскому к Введенской церкви, на углу Большого остановишься.

Возница молчал.

— Ресторан Чванова знаешь? — Лидия Михайловна хотела убедиться, понял тот ее или нет.

— Как же, госпожа-барыня, нам такое заведение не знать, шутить изволите? — обиделся извозчик.— Хозяин-то из татар, на моей памяти с подносом гонял, а теперь вот...— Он оживился и подхлестнул лошадь.— Только туды лучше здоровыми заявляться...— буркнул он вроде про себя, но достаточно внятно.

— Ну вот и хорошо,— благодушно заметила Лидия Михайловна,— поехали поскорей, вроде как полегче стало, отпустило чуть.

Окончательный план действий родился на ходу. Время как раз обеденное, до трех дня в ресторан

приходят конторские и торговые служащие. Есть у нее там знакомый половой, из финнов. Вряд ли что с ним могло случиться. Попросит записку брату отнести. В крайнем случае тот передаст ее кому из домашних. А заодно у него последние новости услышит и обстановку выяснит. Если все спокойно — пойдет к своим, чего мудрить.

Лидия Михайловна заняла знакомый столик у окна во втором угловом зале, откуда было удобно наблюдать сразу за Большим проспектом и Введенской.

Половой скоро вернулся. На этот раз все обошлось благополучно.

Петербург бурлил. В движение было вовлечено революционное студенчество. Высшие учебные заведения получили долгожданную автономию. У входа в университет студенты выставили патрули — попасть туда можно было, только зная пароль. Полиция теперь не могла уже прямо в аудиториях расправляться со студентами. Митинги шли беспрерывно. Залы, где читались лекции на общественные темы, были переполнены.

В один из таких дней Лидия Михайловна с трудом попала в университет. Там ей назначили встречу с неизвестным товарищем Августом. Он собирался сообщить что-то важное. На явке бегло описали его наружность: крупное овальное лицо, рыжеватые усы. Главная примета — широкий галстук в белый горошек.

Книпович долго крутилась возле большой аудитории, где должна была состояться встреча, но внутрь попасть не могла. «Пароль»,— с невозмутимым видом спрашивали при входе два дюжих студента. Обозленная до крайности на бестолковых «деятелей от конспирации», которые не предупредили ее о пароле, она так бы и ушла ни с чем, если бы не столкнулась на лестнице с Петром Красиковым. Они не виделись со времен II съезда, и потому оба искренне обрадовались встрече. Он был сильно возбужден.

— А я вас разыскиваю,— выпалил сияющий Красиков,— да где тут человека найдешь, целый полк затеряться может.

— Потом с вами потолкуем,— перебила Дяденька,— помогите найти некую личность под именем древнеримского императора Августа.

— Так я и есть император,— еще больше развеселился Красиков,— перед вами собственной персоной.

— Какой же вы Август? — рассердилась Лидия Михайловна,— мне совсем недавно Надежда Константиновна писала: «Найди Игната». А если вы Август, то где галстук с горошком? Ходите с расстегнутым воротом, как биндюжник на Карантинном валу. Вроде мы в Петербурге, а шутки у вас одесские...

Красиков объяснил, что его опять «перекрестили». Появился он в Петербурге в августе, незадолго перед ее возвращением, вот и вернул себе старый партийный псевдоним — Август.

— Какой же это по счету, сейчас и вспомнить трудно,— пожаловался Красиков,— все собрать, так целая рабочая артель выйдет. Вам хорошо, Дяденька и Дяденька! Честное слово, я другого и не знаю. Нам надо на митинг обязательно попасть,— прибавил он,— такого вам не приходилось видеть.

Петр Красиков успел войти в курс всех студенческих дел и считался в университете своим человеком. Назвав пароль, они прошли к аудитории. Там лохматый студент взгромоздился на кафедру, произносил страстную политическую речь. Он требовал немедленно ввести конституцию, гарантированную законность и демократический порядок. От его слов, казалось, должны были вот-вот рухнуть стены почтенного казенного здания императорского университета. Еще неделю назад высшее начальство одним движением бровей решало судьбы вольномыслящих, а тут ничего. Чудеса, да и только!

Один оратор сменял другого. Выступали большевики, возражали меньшевики и бундовцы. Каждый называл себя не стесняясь, не скрывая партийной принадлежности. Так и представлялся: «Я большевик». А уже дальше выкладывал свою программу. Присутствовавшие шумно реагировали на речи ораторов. Лидия Михайловна слышала и не только революционные речи. Один плотный, «ученого» вида мужчина, сняв запотевшее пенсне и протирая его большим платком с замысловатой монограммой, произнес про себя, но достаточно внятно, так, чтобы

слышали все вокруг: «Чистое светопреставление! Распустили на свою голову! Пороть всех надо!»

Митинг окончился.

— Давайте отсюда выбираться,— предложил Красиков,— за мной держитесь. А то в Горном, рассказывали, страсти так разгорелись, одного так к стене прижали, что два ребра как не бывало. Уж эти горняки, медведи бурые. Хотя за идеи иногда и пострадать можно...

Он сначала осторожно, потом энергично стал работать локтями, пятился к двери, стараясь корпусом преодолеть встречный поток тужурок и блузок.

— Живы? — полушутя-полусерьезно спросил Красиков, когда они оказались наконец на набережной Невы.— Как будто не пострадали,— отметил Красиков и предложил пройти немного пешком.

Они некоторое время шли молча, находясь под впечатлением увиденного и услышанного.

— Я вам кое о чем рассказать хочу, пока на конку не сели,— прервал молчание Красиков.— Все равно не от меня, так от других услышите: Август, скажут, пессимист, а то еще и кляузником назовут. Сам бог велел заботами с вами поделиться.

— Выкладывайте, друг мой, как на духу,— тоном исповедника произнесла Книпович.— Про себя она заметила, что довольно часто ей приходится в последнее время выступать в роли исповедника.

— Вы, конечно, знаете, что я недавно приехал в столицу с берегов Женевского озера,— начал Красиков.— И тут сразу известный вам агент ЦК Мямлин — кто ему так точно кличку придумал — начал мне невероятные вещи доказывать. Якобы большинство комитетов признало III съезд незаконным и поэтому газету «Пролетарий», утвержденную этим съездом, следует считать фракционным органом. Если же Старик не согласен, то, мол, нужно найти другого редактора. Вот как у него все выходило. Хотел я ему по-нашему, по-сибирски объяснить, кто он есть, да партийная дисциплина верх одержала.

Красиков разошелся. Он попробовал добавить даже крепкое слово по отношению к оппоненту, но Лидия Михайловна осторожно взяла его за локоть, и он уже продолжал рассказывать спокойно:

— Под настроение написал большое письмо Ильичу. На прошлой неделе ответ с оказией получил.

Не пожалел Владимир Ильич времени и бумаги. Ругает меня за пессимизм, велит активизировать работу местного комитета. Письмо с собой ношу, никак не решусь уничтожить...

Они спустились по гранитным ступеням к самой воде. Там Красиков достал тщательно спрятанное письмо. Лидия Михайловна пробежала страницы с мелким знакомым почерком. Обратила внимание на подчеркнутые фразы и прочла их внимательно еще раз: «Переносите центр тяжести в местные комитеты, они **автономны,** они дают полный простор, они развязывают руки для денежных и иных связей, для выступления в литературе и проч. и проч. Смотрите же, не впадайте сами в ту ошибку, в которой вы других упрекаете: не охайте, не ахайте, а, коли не по душе агентура, налягте на комитетскую работу и своих единомышленников побуждайте налечь на нее... Питерский комитет — это сила втрое большая всех «агентов» вместе... С мямлинством надо бороться *образцовой* постановкой комитетской агитации, *боевыми листками к партии,* а не кислыми жалобами к ЦК!..»

— Ну что же, все правильно, здесь обижаться не приходится,— как будто больше для себя, чем для Красикова, отметила Книпович.

— Да разве я с обидой? Не на Мямлина надо пенять, сам понимаю... А вот как лучше за дело взяться, где людей опытных найти? Вас, например, как мне уговорить? Мне передавали, что устала, мол, Дяденька мотаться по России, теперь с головой ушла в работу на Шлиссельбургском тракте, за Невской заставой и ничего больше слышать не хочет. Как сделать, чтобы вы согласились войти в Петербургский комитет? Пишет же Владимир Ильич: «...налягте на комитетскую работу и своих единомышленников побуждайте налечь на нее».

Книпович, чего не ожидал Красиков, ответила, что вопрос этот для нее давно решенный. Надо поторопиться ехать на заседание Петербургского комитета, не то за разговорами они доберутся туда к шапочному разбору.

В частной женской гимназии О. К. Витмер, расположенной на углу Английского проспекта и Торговой улицы, на третьем этаже в одной из классных комнат, время от времени собирался на свои засе-

дания ПК РСДРП. Ольга Константиновна Витмер с давних пор сочувствовала социал-демократам.

В этот раз собралось одиннадцать человек. Двенадцатый, представитель ЦК — меньшевик, пришел позже. Протокол заседания попросили вести Дяденьку. На отдельных листах тонкой, но достаточно плотной почтовой бумаги Лидия Михайловна записывала существо вопроса сжато, лаконично. В верхнем углу пометила: 26 сентября 05 г. «Председ[атель] т. А[лексей] М[ихайлович], секретарь т. Д[яденька]».

Записывая выступления, Лидия Михайловна внимательно приглядывалась к присутствующим. Наблюдала она и за председателем собрания Алексеем Михайловичем, студентом Сашей Капланом, небольшого роста, вихрастым, с обвисшей курткой на узких плечах.

«Совсем мальчик,— думала она.— Как ни верти, а мне уже сорок восемь. Многие из них по возрасту могли бы годиться мне в сыновья». А она? Умеет ли она быть не только справедливой и требовательной, но иногда по-матерински снисходительной к естественным в их возрасте человеческим слабостям. Как это бывает трудно? К ней почти все относятся с достаточным уважением. Даже если не согласны в чем-то, никогда не повышают голоса и не размахивают руками, как друг перед другом. Стараются убедить в своей правоте аргументами, вескими доводами, ссылками на авторитеты.

Отчитывалась о своей работе Военная организация комитета. Докладывала Землячка. Записывать за ней Дяденьке было трудно, потому как говорила она много, но не вполне конкретно. Из частей, с которыми была связана Военная организация, она назвала только 14-й флотский экипаж и несколько пехотных полков. ПК постановил все связи Военной организации передать от Землячки секретарю комитета, то есть ей, Дяденьке. Записав это решение в протокол, Лидия Михайловна сделала пометку шифром в своей записной книжке.

После короткого сообщения опоздавшего на заседание меньшевика — «представителя ЦК», как пометила Книпович в протоколе, ему было задано несколько принципиальных вопросов.

— Что предпринято ЦК по организации вооруженного восстания? — спросила Дяденька и тут же занесла в протокол ответ: «Насколько известно представителю ЦК — почти ничего».

— Как выполняется предложение Ленина о перепечатке изданий газеты «Пролетарий» в России? — В протоколе короткая запись: «Никаких шагов».

— Почему ЦК доставляет в столь ограниченном количестве и не перепечатывает брошюру Ленина «Две тактики...» — Запись в протоколе: «Товарищ представитель не знает, обещает выяснить».

Лидия Михайловна демонстративно бросила перо и собрала исписанные листки протокола.

— Не кажется ли вам, друзья, мы напрасно тратим время и задерживаем чрезвычайно занятого «представителя ЦК»? Нам остается только поблагодарить его за столь исчерпывающие ответы.

Меньшевик — представитель ЦК — хлопнув дверью, вышел из комнаты.

Председатель предложил обсудить организационный вопрос и, не задерживаясь, скорее расходиться. В состав комитета с решающим голосом был кооптирован товарищ Бур, организатор Окружного района, а также товарищ Макар, ответственный организатор Городского района. Последней председатель назвал кандидатуру Лидии Михайловны.

— Предлагаю дать решающий голос секретарю комитета товарищ Дяденьке. Голосуем. «За» — четыре, «против» — один, воздержался — один. Принято! На сегодня все. Уходим через черный ход по одному.

Быстро разошлись. Красиков задержался, хотел проводить Лидию Михайловну. Она поблагодарила его за заботу, но сказала, что немного задержится, приведет записи в порядок.

Книпович осталась одна. На разных страничках записной книжки она зашифровала поручения для агитаторов, пропагандистов районов, литературной коллегии, для Боевой и Военной организаций. Военная организация поручалась ей. Как тут не вспомнить годы далекой юности, Гельсингфорс и Свеаборг...

«И все-таки я идеалистка, неисправимая старая идеалистка,— снова и снова возвращалась она к ох-

ватившим ее мыслям,— возраст, опыт, уважение, вечная проблема отцов и детей. А голосование? Из шести человек один — против, один — воздержался. Почему?» Слишком часто она правду в глаза говорит? По-другому не может. Сглаживать углы, чтобы всем было удобно и приятно, не в ее характере. Ну что ж, полное единодушие будет, она не сомневается. Но сейчас беспрерывно спорят о тактике, о путях развития революции. Истина вырабатывается в спорах. Истина победит.

Дяденька работала. Россыпь дробных чисел, столбики и колонки цифр. Лидия Михайловна любила, как и прежде, использовать для шифровки стихотворения Некрасова. Она знала на память множество, выбирала их по настроению. Вот сейчас вспомнились последние две строфы из стихотворения «Блажен незлобивый поэт...». Она видела каждую строчку по порядку и вразнобой, не напрягая памяти. Ей было легко, удобно, приятно шифровать, используя именно эти строки:

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут,
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

Дроби, дроби цифр... Некрасовские строки служат революции. Явки, имена, сроки, задания. Одно из поручений — прокламации, листовки. Теперь каждую субботу она будет получать от Красикова текст очередного воззвания Петербургского комитета — вновь образована литературная комиссия. После просмотра рукописи Дяденька перешлет ее в типографию. В воскресенье воззвание напечатают, а в понедельник 20 тысяч листков разлетятся по фабрикам и заводам.

Прошло немногим больше недели с памятного ей заседания комитета. Дяденька получила один из первых оттисков только что отпечатанной листовки. Она напоминала своим видом театральную программку — голубоватый тон, полоска узкая и длинная. Книпович вчитывалась в воззвание, как будто видела его в

первый раз. Какая огромная разница между рукописным текстом и отпечатанной в типографии листовкой!

«Ко всем рабочим и работницам г. Петербурга. Товарищи! Московские события отозвались и у нас. Всеобщая трехдневная забастовка типографских рабочих, лишившая газет жадных до новинок либералов, забастовка за Невской заставой, вызвавшая столкновения с казаками, ряд тысячных митингов на заводах и в учебных заведениях,— все это было выражением сочувствия и товарищеской солидарности нашим московским братьям и протестом против зверств правительства».

Петербургский пролетариат поддержал по призыву ЦК забастовку печатников Москвы, начавшуюся 19 сентября. В знак солидарности начались митинги, демонстрации. 3 октября забастовали 6 тысяч печатников столицы, а на следующий день выступили рабочие других заводов. Это были первые языки пламени всеобщего пожара, Всероссийской октябрьской политической стачки.

Дяденька успела побывать за Невской заставой и многое видела собственными глазами. 4 октября в одиннадцать утра у семянниковцев в пароходно-механическом отделе началась забастовка. Их поддержал весь завод. К обеду встали Вагонный и Чугунный. Вскоре забастовали все заводы Невской заставы по Шлиссельбургскому тракту. Только один Обуховский продолжал работать. Пока в ПК большевики выясняли отношения с меньшевиками, упустили время. Туда пригнали казаков и конную стражу.

«Стыд какой! — переживала Книпович,— работает Обуховский, когда другие бастуют». Она твердо решила выкроить время и поехать туда.

— Обуховцы хуже других не были и не будут,— повторяла Книпович членам комитета.

Выпущенная листовка — обращение ко всем рабочим и работницам столицы не только рассказывала о событиях.

«Эти строки обращены прежде всего к обуховцам и таким, как они»,— отметила про себя Дяденька, заканчивая чтение листовки:

«Но этот смотр наших сил обнаружил, товарищи, и слабые наши стороны. Мы оказались недостаточно организованными под знаменем единой Российской

социал-демократической рабочей партии; мы недостаточно единодушны и сплочены.

Товарищи! Из последних петербургских событий мы должны вынести урок, что нам еще много нужно готовиться, много нужно сознательности, выдержки, уменья и сил, чтобы вступить в решительную битву с правительством.

Организуйтесь же, товарищи, просвещайте малосознательных рабочих, вооружайтесь, устраивайте боевые дружины! Пусть каждое наше выступление будет все более могучим и организованным!»

Лидия Михайловна вспомнила свои вопросы и ответы на них «представителя ЦК» на заседании, полную беспомощность меньшевистского агента ЦК и в который раз подумала: как именно сейчас не хватает в Петербурге Владимира Ильича Ленина!

С начала ноября устойчивый восточный ветер хозяйничал в Петербурге. Он подхлестывал и без того резвую Неву, сгонял воду из Финского залива и Невской губы. Ветер срывал последние, схваченные морозом листья, хрустел кусками афиш, играл обрывками высочайшего манифеста и гнал все это пустынными улицами и переулками. Петербургское предзимье — тусклая пора.

Этот день, 8 ноября 1905 года, ничем не отличался от других, хотя пошла уже четвертая неделя дарования «свободы» народу российскому. На первых полосках газет появился еще один высочайший манифест, обращенный к крестьянам: «Глубокою скорбию наполняет сердце наше смута, пришедшая в селения некоторых уездов, где крестьяне чинят насилия в имениях частных владельцев». Николай II обещал облегчить податное бремя крестьянскому населению.

Манифесты распечатали, но царь не забывал о привычных мерах «убеждения» — формировались новые карательные отряды. Во вторник 8 ноября государь император вызвал к себе в Царское Село военного министра, министра императорского двора и министра иностранных дел. В этот день газеты поместили официальное сообщение о беспорядках в Кронштадте. Было над чем задуматься.

Вершители судеб России в этот день не успели

еще узнать о новой искре восстания, теперь уже на Черноморском флоте. Команда крейсера «Очаков» заявила протест против грубого обращения командира крейсера и потребовала убрать его. Во главе восставших встал лейтенант Шмидт. А в московском железнодорожном депо шестьдесят машинистов отказались перевозить карательные отряды. Таков был далеко не полный перечень событий и фактов общественной жизни, которые произошли именно в этот обычный осенний день.

Было еще одно событие, которое не попало на столбцы газет. 8 ноября, после пяти долгих лет эмиграции, в Россию вернулся Ленин. Знали о возвращении Ильича в Петербург лишь немногие, в числе их была и Лидия Книпович.

Недалеко от Николаевского вокзала, в начале Суворовского проспекта, красным кирпичным монолитом выдается фасад училища лекарских помощников и фельдшеров С.-Петербургского лазаретного корпуса Российского общества Красного Креста, больше известного как Рождественские курсы. В помещениях училища часто проводились партийные собрания и расширенные заседания Петербургского комитета. 8 ноября в обширной аудитории уже не первый день шли споры, накалялись страсти вокруг вопроса об отношении партии к Советам рабочих депутатов.

Книпович вела протокол. Время от времени она отрывалась от бумаг и поглядывала на дверь. Красин предупредил ее о возможном приезде Ленина. Книпович не обратила бы внимания на незаметно появившегося мужчину, по виду мастерового, если бы не сопровождавший его Красин. Никитича она узнала бы в тысячной толпе. Леонид Борисович сразу выделялся осанкой и изысканностью костюма. Красин и Ленин! Лидия Михайловна скорее догадалась, чем узнала Владимира Ильича. Оба сели в последнем ряду и тихо переговаривались. В этот момент все слушали выступление Кнунянца.

— Я думаю, никто не сомневается, что совершенно необходимо добиться полного подчинения Советов партии, вплоть до принятия всеми депутатами, именно всеми, нашей социал-демократической программы.

Говорил Кнунянц убежденно, с восточной горячностью и импульсивностью, прихлопывая ладонью по столу после каждой фразы. С ним соглашались, поддерживали с мест репликами.

— Принципиальная ошибка, заблуждение...— Ленин резко поднялся с места.— Разрешите выступить с репликой? — попросил он.

Все обернулись и не могли понять, кто это и так категорически возражает. Лидия Михайловна не успела предупредить председателя.

Владимир Ильич подошел к кафедре. Как будто не было пятилетнего перерыва, как будто только вчера он расстался с товарищами, а сегодня пришел сюда высказать свои взгляды, убеждения. Он ждал, когда ему дадут возможность говорить.

— ... Требование обязательного признания Советами рабочих депутатов программы РСДРП является глубоко ошибочным. Оно свидетельствует о непонимании теми, кто его выдвигает, сущности Совета как боевой массовой политической организации, о непонимании ими взаимоотношений между партией — авангардом — и классом. Партия должна,— разъяснял Ленин,— руководить Советами, направлять, но не подменять их деятельность, не подменять их собою и не растворяться в них.

Все, что говорил Владимир Ильич, было простым, ясным и как будто совершенно очевидным. Даже странно было думать иначе, только непонятно, почему они этого раньше не понимали. Так думала Книпович, так думали многие присутствовавшие здесь большевики.

Заседание окончилось, и Ленина окружили товарищи. Он признался, что невероятно соскучился по Петербургу. Ему по душе горячность комитетчиков, их революционное настроение и готовность к борьбе до победы. Но сразу бросается в глаза неопытность многих членов комитета, их неумение по-настоящему организовать работу. Владимир Ильич упрекнул комитет в заседательской суетне — каждый день обсуждения, собрания. Сказал о недопустимости уступок меньшевикам: «Пока вы здесь спорите о партии и Советах, меньшевики разобрали портфели и хозяйничают в Советах с большой активностью».

Прошло два дня с того времени, как Ленин появился в Петербурге. 10 ноября тысячи членов партии читали в газете «Новая жизнь» первую часть его статьи «О реорганизации партии», которая начина-

лась словами: «Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются».

Через неделю Лидии Михайловне одной из первых попал в руки номер газеты с завершающим разделом ленинской статьи. Ей показалось, что заключительный абзац написан специально для нее. Часто в спорах с засидевшимися теоретиками ей не хватало аргументов, так точно и ясно сформулированных теперь Лениным: «Мы столько времени «теоретизировали» (иногда,— нечего греха таить,— впустую) в атмосфере эмигрантщины, что, ей-богу, не мешает теперь несколько, немножечко, чуть-чуть «перегнуть лук в другую сторону» и двинуть вперед немножечко больше практику». Именно в такой работе Дяденька знала толк, любила ее, поэтому ей хотелось раскрыть все свои способности, поделиться с товарищами своим опытом, чтобы быть полезной Ленину, партии.

Каждый день второй половины ноября и особенно декабря 1905 года приносил известия о все новых и новых фактах: остановились сотни заводов, тысячи рабочих забастовали, в ответ на массовые расстрелы беззащитных пролетариат вооружается и оказывает сопротивление. Революция в России набирала силу, ширилась и росла, подходила к своей высшей точке. В этих условиях все чаще стали говорить об объединении фракций в РСДРП. Начались длительные переговоры между большевиками и меньшевиками на разных уровнях.

Книпович весьма скептически относилась к усилиям некоторых уважаемых в партии товарищей, считавших необходимым как можно скорее добиться соглашения, готовых ради этого идти на уступки. Когда некоторые члены ЦК старательно уговаривали товарищей «подружиться» с меньшевиками, она демонстративно пожимала плечами настолько выразительно, что члены комитета не могли удержаться от смеха.

Ранним утром в квартиру на Колпинской, где Книпович вместе с Лениным и Крупской обсуждали повестку дня очередного заседания ПК, вбежала Мария Эссен. Повод для такого раннего вторжения оказался пустяковым, крайней необходимости отрывать Владимира Ильича от дел и вовсе не было.

Лидия Михайловна настроилась агрессивно. Она

решила дать трепку Зверушке, как звали Эссен в подполье. А тут еще выяснилось, что Зверушку главным образом беспокоит проблема объединения и ей хотелось об этом поделиться с Ильичем. Книпович взорвалась...

— У вас других забот нет, как с «меками» миловаться? Золотые горы вам сулят? Нечего и поднимать вопрос о слиянии без решения съезда! — категорически заявила она.

— Да как же устраивать съезд, когда везде железнодорожная забастовка! — надсаживая голос, отвечала Эссен. Ей казалось, что Лидия Михайловна из-за частичной своей глухоты плохо ее понимает.

— Все равно не имеете права, ждите съезда! — продолжала твердить Книпович, убежденная в своей правоте.

— Да какой вам съезд, когда государство рушится, троны трещат! — Эссен уже кричала во всю силу.

Видя их горячность, Владимир Ильич, не удержавшись, заразительно засмеялся. Надежда Константиновна дергала его изо всей силы за рукав, было жалко Лидию.

— Придется уступить, Лидия Михайловна,— мягко и примирительно сказал Ленин. Он решил перевести все в шутку.— Видите, как напирает «японская миноноска». Вы ведь не знаете, мы еще в Женеве прозвали ее в шутку «японской миноноской» за стремительную манеру входить. Как сегодня, например!

Книпович давно поняла, что Владимир Ильич в данном случае поддерживает Эссен. Она отошла в угол комнаты, повернулась спиной и грела руки у давно остывшего камина. Старалась успокоиться. Эссен, буркнув что-то на прощание, быстро ушла. Ленин шагал по комнате взволнованный. Он не мог смотреть на поникшие плечи Книпович и крайне расстроенную жену.

— Во всяком случае мы не позволим сделать из объединения петлю для себя и ни в коем случае не дадим меньшевикам вести нас за собой на поводке,— Владимир Ильич, отвечая на мысли Лидии Михайловны, старался объяснить свою точку зрения.— Вы же лучше меня знаете, что рабочие многих заводов настоятельно требуют объединения. Они ничего не хотят слушать и считают, что сами давно договори-

лись бы между собой. Мешают, мол, «вожди». Мы не можем плыть против течения. Это сейчас только повредит общему делу, поверьте мне, Лидия Михайловна...

Крупская и Книпович вместе вышли из дому. Надежда Константиновна не хотела оставлять Лидию одну. Они шли медленно по заснеженному Большому проспекту Петербургской стороны, пока улица не вывела их к набережной. Остановились.

— Пойми, Лидя, так поступить, действительно, правильнее. Володя все продумал и точно наметил рамки соглашения. Будем держаться их. Он требует от меньшевиков обязательной подписи на всех документах, чтобы не отказались их выполнять.

Лидия слушала внимательно, заинтересованно.

— Вот ты все про съезд да про съезд,— продолжала Крупская,— он скоро будет в Таммерфорсе. И Володя очень просил тебя помочь, взять на себя организационные заботы. Если можешь, поезжай завтра?.. Ты согласна?

Таммерфорс Книпович открывала для себя заново. Она была в этом городе девчонкой, приезжала с отцом на два или три дня. Осталось в памяти летнее высокое небо над гладью озер и падающая, гремящая вода на сливе плотины. Теперь на Таммерфорс смотрела она другими глазами. Город был идеальным местом в конспиративном отношении. Окруженный лесами и озерами, он достаточно удален от крупных административных центров, и в то же время к нему относительно несложно добраться. От Петербурга — каких-нибудь 487 километров, восемь-девять часов пути и только две пересадки. Немаловажно, что Таммерфорс — рабочий город, «финляндский Манчестер», как его называют, тридцать фабрик и заводов, выстроившихся вдоль короткой, но сильной реки. Из 40 тысяч жителей большинство — рабочие.

Фабричные здания красного кирпича, частокол труб — круглых и необычных восьмиугольных — напоминают Невскую заставу. Сюда боятся совать нос российские жандармы.

Дяденьке хватило трех дней, чтобы уладить дела в Таммерфорсе. Сотрудники местной рабочей га-

зеты «Кансан Лехти» помогли договориться с руководителями рабочего объединения и рабочего университета. Скромный зал Рабочего дома было решено на время предоставить русским товарищам. При этом высказана единственная просьба — по возможности не занимать субботние и воскресные вечера.

Книпович, довольная успешным завершением дел, вышагивала по заснеженной центральной магистрали города; улица Тавастгатан вела почти от самого Рабочего дома к вокзалу. На этом отрезке и предполагала Дяденька найти подходящий отель или меблированные комнаты.

«Надо полагать,— размышляла на ходу Лидия Михайловна,— не без Надиного совета поручил мне Владимир Ильич все подготовить здесь. Они знают, что мне легче договориться, за свою принимают. Чухна и чухна...» — Она улыбнулась, расправились морщинки у глаз, и лицо просветлело: для кого «чухна» — обидное прозвище, а ей приятно. В какие-то моменты она даже думала по-фински.

Финские товарищи посоветовали Книпович нанести визит местному полицмейстеру полковнику фон Кренеру — для порядка. Она посчитала это разумным и записалась на прием. Беседовали они по-шведски. Вспомнили, между прочим, общих гельсингфорсских знакомых. Лидия Михайловна попросила полковника содействовать благополучному проведению собрания представителей... Русского общества трезвости, на манер финского «Който». Фон Кренер обещал поддержку и безопасность.

В поисках подходящего жилья для делегатов Дяденька после сложных экономических расчетов остановилась на комнатах для приезжающих в угловом доме против вокзала под вывеской «Бауэр». Здесь можно было получить место за полторы марки в день, а не за две, как в Городском отеле, или от трех до пяти, как в «Сосьетхюсет». Декабрь — не сезон для туризма. Мест в отелях оказалось много, и хозяева должны были пойти на уступки, не грех и поторговаться. Жизнь научила Лидию Михайловну считать каждый рубль, а у партии лишних денег совсем нет. Она договорилась о полном пансионе для делегатов за четыре марки в сутки. Как будто все предусмотрела. Оставалось дождаться бьернеборгского поезда и возвращаться домой.

СПИСОКЪ № 2

лицъ, за коими, по обнаруженіи мѣста ихъ жительства, надлежитъ учредить негласный надзоръ полиціи по Положенію 1-го Марта 1882 года и циркуляру 1-го Декабря 1889 года за № 4113.

№№ по порядку.	ФАМИЛІЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ЗВАНІЕ.	Кому слѣдуетъ сообщить о мѣстѣ пребыванія и учрежденіи негласнаго надзора.
8	Книповичъ Лидія Михайлова, дочь Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, домашняя учительница, родилась въ 1857 году въ д. Тиусобю, Нюландской губерніи въ Финляндіи, вѣроисповѣданія православнаго, получила домашнее воспитаніе, въ 1892 г. сдала экзаменъ при 6 С.-Петербургской гимназіи на званіе сельской учительницы. Проживала въ г. Астрахани, откуда 8 Іюня 1902 года выбыла въ г. Самару, такъ на жительствѣ обнаружена не была, и гдѣ нынѣ находится не извѣстно.	Департаменту Полиціи и Начальнику Астраханскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія.

Список № 2
о жандармском розыске
Л. М. Книпович.

Одесса.
Строгановский мост
и дом (слева), где на заседании
Одесского комитета РСДРП
был оформлен мандат В. И. Ленину
на III съезд РСДРП.
Репродукция с открытки
начала XX в.

Отъезд делегатов наметили на субботний вечер, 10 декабря. В ночь с пятницы на субботу по городу пошли слухи — в Москве восстание. Дяденька чуть свет помчалась к Ульяновым. Да, слухи подтвердились: стачки стихийно переросли в вооруженное восстание. Ленин попросил Лидию Михайловну как можно скорее собрать работников боевой и Военной организаций Петербургского комитета, членов ЦК должна была оповестить Надежда Константиновна.

Все пришли на квартиру к Красину. Понимали друг друга с полуслова. Из множества больших и малых дел договорились в первую очередь о главном — необходимо сорвать возможную переброску войск столичного гарнизона в Москву. Но как это сделать? Подорвать линию Николаевской железной дороги! Кроме того, решили попытаться поднять в Петербурге некоторые революционно настроенные воинские части.

— Действовать, действовать и действовать! — вот лозунг момента,— повторял Красин, как будто убеждая всех, а прежде всего себя.— Принимаем самые невероятные предложения, самые фантастические прожекты...

Он стремительно передвигался по комнате, резко меняя направление, оказываясь лицом к лицу то с одним, то с другим товарищем.

Лидия Михайловна заметила, что и Ленин любуется Красиным, но по лукавой улыбке его было заметно, что он готовит свой ответ на его широковещательные заявления.

— Имеем такой проект,— выкрикнул Владимир Ильич, переводя происходящее на шутливый тон,— хотя авторских прав приписать себе не могу. Одно всем известное лицо, «тактик мелочных сделок», придумал исключительный прибор. С его помощью можно впрыскивать ядовитую или усыпляющую жидкость в каждого городового на посту и таким образом... обезвредить всех контрреволюционеров! Может быть что-либо более невероятное, любезный Леонид Борисович?

Все рассмеялись, а Красин громче всех.

— Этот способ Парвуса далеко не нов,— заметила Книпович.— О нем знали давно, когда еще пытались ловить блоху и сыпать ей соли на хвост... Только лучше давайте серьезно, а то на поезд опоздаем.

— Целиком и полностью присоединяюсь к товарищу Дяденьке,— поддержал Владимир Ильич.— У меня конкретный вопрос по существу. Нет ли у кого на примете подходящего человека для связи с Новочеркасским полком? Товарищ Макар утверждает, что солдаты там настроены революционно и готовы выйти на улицу.

— Есть такой человек, Владимир Ильич,— с готовностью откликнулась Книпович,— и не на примете, а прямо здесь, рядом с вами. Она подтолкнула к Ленину светловолосого парня, несколько оробевшего от всего происходящего.

— Товарищ Исаев,— представила его Лидия Михайловна,— рабочий Невского судоремонтного... Металлисты выбрали его делегатом, едет с нами в Таммерфорс. А на самом деле Василием зовут, Василий Цыцарин.

— Ну, этого мне знать совсем не обязательно,— шутливо заметил Ленин,— конспирация есть конспирация. Действительно, вы, товарищ Исаев, сможете организовать боевую дружину из рабочих Невской заставы? Им придется пойти на Большую Охту в казармы Новочеркасского полка. Необходимо убрать там, без большого шума, дежурных офицеров и вывести солдат на улицу.

Владимир Ильич даже не просил Цыцарина выполнить это важное поручение, а как будто советовался с ним.

— Раз нужно, так соберем дружину,— чуть помедлив, ответил Василий,— сегодня поговорю с ребятами, сделают все как надо.

— Вот и прекрасно, видите, как быстро договорились,— с удовлетворением отметил Ленин,— а все дальнейшие указания получите от Дяденьки, через нее и связь держать будем.

Владимир Ильич и Цыцарин попрощались. Отпуская жесткую, большую ладонь мастерового, Ленин улыбнулся и сказал:

— До свидания, скоро опять встретимся... теперь в Таммерфорсе на конференции.

Делегаты отправились в Финляндию, разделившись на три группы. Договорились брать билеты сначала до Райволы, чтобы меньше подозрений. Там сели по разным вагонам на проходящий гельсингфорсский поезд и благополучно добрались до узловой

станции Рихимякки. Еще одна пересадка в Тойяла. Через два часа необычные для здешних мест пассажиры подъезжали к Таммерфорсу. Город только начинал просыпаться.

Лидия Михайловна вышла из вагона одной из первых и теперь собирала подопечных. Их легко можно было отличить по легким, подбитым ветром пальтишкам и цветным шарфам, замотанным вокруг шеи. Она сразу заметила и своего «крестника», товарища Исаева. Круглая шапка из непонятно какого меха и старенькое короткое пальто вряд ли грели его. Он не замечал мороза. Шел ей навстречу, широко улыбаясь, обрадованный встречей.

Конференция проходила с необычайным подъемом. Делегаты отчитывались о делах прошедших, свершенных, а думали, мечтали и говорили о будущем, озаренным революцией. Все мысли их были там, откуда они приехали. По утрам бежали на почту за газетами: как там в Москве, что в Питере, Ярославле, Риге? Лидия Михайловна едва успевала переводить с финского, шведского. Русские газеты приходили с большим опозданием. Но делать нечего — всеобщая забастовка почтовых служащих. В перерыве между заседаниями делегаты учились стрелять.

Через несколько дней приехал Красин. Он оставался в столице для практического руководства боевыми и военными делами. Из Петербурга Леонид Борисович привез последний номер «Биржевых ведомостей», где был напечатан виттевский закон о Государственной думе. Рабочие по этому закону получали некоторые права для участия в выборах. Сразу стали спорить — участвовать или не участвовать в думской кампании. Большинством решили — бойкотировать Думу.

Дяденька обратила внимание, что Никитич, как и тогда в Петербурге, относился к серьезным проблемам с большой долей юмора. Кто-то из делегатов спросил с места, что советовать крестьянам, если они захватят помещичью землю?

— Что делать с землей? — переспросил Красин и, не задумываясь, ответил: — Предлагаю сдавать ее в кассу ЦК РСДРП!

Эта шутка была встречена аплодисментами.

Всех приехавших Дяденька разместила в комнатах по два-три человека. Себе оставила крошечную комнатку с низким потолком — чулан под лестницей, но с окошком. Этот «номер люкс», как назвала комнату Крупская, давал ей единственное преимущество: вернувшись после заседаний, она могла остаться одна, прилечь и отдохнуть спокойно. Потом Лидия Михайловна до поздней ночи разбирала записки, шифровала адреса, помогала Крупской вести партийную канцелярию, с которой бы не справился и штат чиновников приличного департамента.

Рано утром 15 декабря к ней в «люкс» осторожно постучали.

— Войдите, я давно встала! — крикнула Дяденька.— Да входите же! — повторила она еще громче после некоторой паузы.

Дверь толчками приоткрыли. В образовавшуюся неширокую щель боком переступила порог Надя. За ней пытался прятаться Владимир Ильич.

— Чего это вы у порога стоите? — удивленная и обрадованная, спросила Лидия Михайловна.— Проходите, садитесь на кровать.

— Дорогая Лидия! — торжественно начала Крупская, продолжая стоять у дверей.— Мы с Володей поздравляем тебя с днем рождения и...

Растроганная Книпович вскочила и бросилась к подруге. Они расцеловались.

— Я и забыла совсем, забыла...— повторяла Лидия Михайловна.

По глазам нельзя было понять, что она сейчас сделает — засмеется или заплачет.

— Ну же, Володя, как мы договорились? — Крупская подтолкнула Владимира Ильича на середину комнаты.

— Честное слово, Надюша, все перезабыл,— оправдывался Ленин,— очень уж сложно ты придумала. Я своими словами... Сердечно поздравляем,— он поцеловал Книпович руку.— А это — от нас! — Владимир Ильич протянул Лидии три пунцовых розы. В морозные декабрьские дни — три полураскрытых бутона, удивительно свежих, ярких и праздничных! Такие цветы можно увидеть только в сказочном сне!

— Чудо какое! — Лидия Михайловна от волнения

потеряла дар речи. Она не успела поблагодарить за подарок, а Ленина и Крупской уже не было в комнате.

Делегаты торопились разъехаться на места — восстание разгоралось все сильней, и они были нужны там. Конференция приняла ленинские проекты резолюций по аграрному вопросу, о реорганизации партии на демократических началах. Большинство высказалось за восстановление единства партии, слияние практических центров и созыв объединительного съезда.

Дяденька внешне приняла объединение, как все, но в душе с этим никак не могла смириться. Трудный у нее характер, не только для других, для себя трудный. Однако твердо решила, что работать вместе с меньшевиками в одном комитете не будет. Пойдет опять к себе за Невскую заставу, рады ей там всегда.

В субботу вечером, после окончания работы конференции, рабочие Таммерфорса устроили праздничный вечер в честь русских революционеров. На улице горели факелы. Гирлянды из еловых веток, перевитых красными лентами, украшали вход. Раньше так готовились к встрече царя. Один из лидеров таммерфорсской левой рабочей организации сказал приветственную речь. Дяденька переводила. Отвечал Красин. После обмена приветствиями начались танцы. Такого теплого приема русские делегаты давно не видели.

Лидия Михайловна заметила, что Владимир Ильич был на вечере недолго, осторожно взял пальто и незаметно ушел. Надежда Константиновна была дома, занималась протоколами. Дяденька на вечере обсуждала с Цыцариным дела их родной Невской заставы. Попрощавшись с Василием, она тоже скоро ушла в свою комнатку. Завтра они уезжали. Следовало перетряхнуть пожитки, уничтожить лишние бумаги, а нужное припрятать получше.

В поезде, опять из предосторожности, разделились на маленькие группы. Книпович попала в вагон 2-го класса вместе с Горевым. Игорь — это была его последняя кличка — вместе с Василием Цыцариным представляли на конференции Петербургскую организацию. Горева ценили как опытного партийного работника и не случайно выбрали не только в прези-

диум конференции, но и сделали товарищем председателя. Вел конференцию Ленин. Он как будто был доволен своим помощником.

Но если бы спросили Дяденьку, положа руку на сердце, кого бы она выбрала себе в помощники из этих двух делегатов Петербурга — поднаторевшего в делах Игоря или молодого и еще неопытного Василия, она, не задумываясь, выбрала бы последнего.

Сейчас она ехала в купе вместе с Горевым, Надя попросила договориться с ним в дороге о неотложных делах. Маленького роста, с черной французской бородкой, в осеннем порыжевшем пальто с оторванными пуговицами, он суетился, пытаясь всячески помочь ей удобнее устроиться в купе.

Расположившись напротив нее у окна, Игорь исподволь начал разговор о странном, просто необъяснимом поведении Ильича.

— Мы с вами первыми прочли «Биржевку», где закон о новой Думе напечатан,— делился своими мыслями Горев.— Ленин мне и говорит: «Эти выборы мы могли бы использовать для организации самочинных Советов». Мне понравилось, и я высказал эту идею вслух. На меня зашикали. Ильич вывернулся, взял свои слова обратно. Так и заявил: «Отступаю в полном боевом порядке». А я вроде в дураках остался.

Горев ждал, что скажет Дяденька, человек принципиальный и справедливый. А Книпович молчала, душа не лежала к такому разговору.

«Чего он от меня хочет,— рассуждала она про себя,— поддержки, сочувствия?» Ни для кого не секрет, что она не просто единомышленник Ленина, но старый друг Ульяновых. Вообще, о чем говорить, если конференция единодушно высказалась за бойкот выборов. При обсуждении могли быть разные соображения, а теперь...

Лидия Михайловна упорно смотрела в окно на пробегающие тени, с трудом различимые в наступивших сумерках. Горев посчитал, вероятно, долгую паузу за молчаливое согласие, может, даже солидарность с ним. Он решил закончить свою мысль.

— Вот и Даневич предлагает использовать выборы, весьма разумные доводы выдвигает...— Книпович не дала ему закончить фразу, перебила.

— Вы хорошо знаете, я никогда большой любви к «мекам» не питала. Меня не сможет убедить даже

один из самых симпатичных и приличных меньшевиков, их представитель на нашей конференции. Мало ли что сейчас предлагают. Мы же приняли определенное решение — бойкотировать. Зачем пустые разговоры? Хотите поссориться?..

Горев обиделся, отвернулся, уперся клинышком своей бородки в замерзшее окно.

— Никчемный разговор завели, честное слово,— повторила еще раз Лидия Михайловна и, посмотрев на него внимательно, добавила: — Снимите-ка лучше пальто, я пуговицы пришью. В моей сумке-«сокровищнице» где-то были точно такие...

На исходе последняя неделя декабря 1905 года. Двухэтажный дом на углу Бассейной и Надеждинской. Ранним морозным утром Владимир Ильич, примостившись на колченогом стуле в маленькой мансардной комнате, быстро и сосредоточенно писал в тонкой тетрадке статью для первого номера «Молодой России». Новая газета считалась студенческой, и просили написать о задачах студенчества в первую очередь. Получилась же статья совсем о другом, о самом важном, самом главном в канун нового года — о судьбах русской революции.

Неожиданно трудным оказалось придумать для статьи заголовок. Хлесткие, заостренно публицистические названия, подобно недавним в «Новой жизни» — «Чашки весов колеблются», «Учитесь у врагов»,— тут не годились. Владимир Ильич считал, что основная мысль, содержание статьи должны быть выражены в ее заглавии с предельной ясностью. Именно название статьи обдумывал Владимир Ильич, когда он, закончив писать, вышел из дому, направляясь в сторону Адмиралтейства. Он не торопился. За завтраком договорились с Надей встретиться около двух в ресторане «Вена». Решили в кои-то веки вместе пообедать. Заодно он передаст ей статью для редакции.

С «Веной» Владимир Ильич познакомился в первые же дни возвращения из эмиграции. Товарищи повезли его туда на «кружку пива», чтобы в кругу близких друзей он отметил свою «петербургскую прописку». Раз или два приходил он туда на свидание с Надюшей.

Ресторан «Вена» занимал весь бельэтаж большого дома в самом центре Петербурга. Здесь, на углу Гороховой и Гоголя, обедали биржевики и банковские деятели, чиновники из Адмиралтейства и коммерсанты, конторские и торговые служащие. Но славу и «лицо» «Вены» делала публика творческая — писатели, художники, музыканты и журналисты. Они заходили сюда не только вкусно поесть или выпить, хотя это тоже было немаловажно, но больше повидаться друг с другом, поделиться впечатлениями. Днем в ресторане было значительно спокойней, всегда можно выбрать столик в укромном уголке, чтобы заняться разговорами не для посторонних. В конспиративном отношении это было вполне удобное место.

Ленин прошел в большой зал ресторана, приметив свободный столик возле окна. Там рядом стояла этажерка с журналами и газетами. Заказал пиво. Закинув ногу на ногу, пристроил на колено «Биржевые ведомости». Быстро проглядывая страницы, время от времени бросал взгляды на вход. Вот-вот должна была прийти Надежда. Она редко опаздывала.

В это время из дальнего зала появилась тощая фигура молодого мужчины в светлом клетчатом пиджаке. Его бледное серо-зеленое лицо украшали тонкие ощипанные усики. Не было сомнения в том, что это газетный репортер или фельетонист самой мелкой и захудалой газеты. Держал он себя более чем свободно. Он искал в полупустом зале объект, достойный внимания.

Взгляд репортера задержался на Владимире Ильиче, и он решительно направился к нему. Не раздумывая и не смущаясь, устроился на стуле рядом. Владимир Ильич продолжал спокойно читать.

— Я вижу, вы не чиновник из пробирной палаты, которому ресторан нужен исключительно для обеда? — испытанным приемом пытался вызвать на разговор репортер.

Ленин отвернулся. «Клетчатый пиджак» продолжал задавать риторические вопросы спинке стула.

— И не купец, для которого подавай семь чайников, обязательно орган да стелющегося ласточкой полового? — цеплялся газетчик, изо всех сил набиваясь на знакомство.

Владимиру Ильичу надоело слушать навязчивого

нахала. Он отложил газету и сделал знак половому, чтобы тот выпроводил куда-нибудь этого субъекта.

— Хорошо, хорошо, не надо шума,— попросил обеспокоенный репортер и повел разговор в другом тоне.— Мне позарез нужна какая-нибудь сенсация, и, как нарочно, никого из этих писак в ресторане нет. Никого! Уже три рубля просидел. Теперь вся надежда на вас. Что это за тетрадка торчит у вас из кармана? Стишки, проза-с? Доверьтесь мне, и вы скоро будете знаменитым, как Арцыбашев или Анатолий Каменский.

Реакция хозяина «тетрадки» была неожиданной. Владимир Ильич резко повернулся вместе со стулом и сунул под нос «физиономисту» весьма выразительную комбинацию из трех пальцев.

— Это все, что можете от меня получить... В дальнейшем не советую совать нос в чужие карманы, пока сами не попали в полицейскую хронику. Статья 96, пункт пятый «б» Уголовного уложения. Могу дать исчерпывающую консультацию, если угодно. Давно занимаюсь юриспруденцией...

За перепалкой оба не обратили внимания на женщину в темной накидке, которая подошла к столику и пыталась поймать за рукав возбужденного Владимира Ильича. Первым ее присутствие заметил ошарашенный кратким и недвусмысленным интервью репортер.

— Пардон, у вас свидание с дамой? С этого надо было начинать, мы ж с понятием...— обрадовался он поводу ретироваться.

Швейцар, предупрежденный половым, набросил на «клетчатый пиджак» пальто, выпроводил его на морозный воздух. Всяческих инцидентов хозяин «Вены» избегал, стараясь ликвидировать конфликты собственными силами, без приглашения городовых.

Проводив взглядом газетчика, Ленин наконец смог обратиться к стоявшей у стола женщине в накидке:

— Здравствуйте, Лидия Михайловна, что же вы стоите? Ну и субъект ко мне привязался. Вы бы слышали этого щелкопера. Сенсацию ему подавай, Арцыбашева из меня сделает!

Ленин все еще находился под впечатлением теперь уже кажущегося забавным происшествия. Он прыснул в кулак. Потом громко захохотал, да так,

что швейцар подозрительно посмотрел в их сторону.

— А по мне, так ничего смешного. Это могло закончиться куда как плохо. Ждете Надю? — спросила Дяденька, чтобы сменить тему.

— Мы договорились утром встретиться здесь около двух. Что-нибудь случилось? — забеспокоился Владимир Ильич.

— Не волнуйтесь, все благополучно. Просто дела в Технологическом задержали, вот и отправила на свидание меня. Просила взять у вас статью и передать в редакцию.

— Вот и отлично.— Ленин улыбнулся и хитро прищурил глаз.— Мы с вами роскошно пообедаем, не часто ведь приходится. Закажем что-нибудь такое...— Он звучно прищелкнул пальцами.— Любому и каждому у нас предоставляется действительная свобода... в выборе блюд и напитков.

Выбрали обычные щи и котлеты с женским именем «Варвара». Пока Лидия Михайловна искала подходящий десерт, Ленин достал из кармана тетрадку и перечитал написанное еще раз.

— Боюсь, в редакции не разберут некоторые строчки, хотя я и старался писать яснее. Только Надя да вы как-то умудряетесь понимать мои завитушки. Вот здесь, в самом низу, у меня фраза вставлена.— Владимир Ильич передал тетрадку Дяденьке. Медленно, с трудом она сумела прочесть слово за словом: «Пусть же ясно встанут перед рабочей партией ее задачи. Долой конституционные иллюзии! Надо собирать новые, примыкающие к пролетариату, силы. Надо «собрать опыт» двух великих месяцев революции (ноябрь и декабрь). Надо приспособиться опять к восстановленному самодержавию, надо уметь везде, где надо, опять залезть в подполье». Она бегло прочла фразу вслух.

— Браво! Все абсолютно точно. Если будет необходимо, перепишите, пожалуйста, своей рукой,— попросил Владимир Ильич.— И название я, кажется, нашел. Как там начинается эта трудная фраза?

Лидия Михайловна прочла еще раз: «Пусть же ясно встанут перед рабочей партией ее задачи».

— Вот как просто,— оживился Ленин,— а я весь день голову ломал. Так и напишем: «Рабочая партия и ее задачи при современном положении».

Глава третья НА ГРЕБНЕ РЕВОЛЮЦИИ

По возвращении из Одессы Лидию Михайловну, помимо важных для нее партийных забот, не оставляла мысль о собственной неустроенности. Одно с другим было тесно связано. Надоело менять адреса временных пристаниц. Позарез требовалась своя, пусть маленькая, но обязательно с черным ходом квартирка.

Наконец, кажется, повезло. Помогла Крупская. В доме, где она жила, более того, на одной с ней лестничной площадке освободилась изолированная квартира. Вроде бы то, что нужно. Но радость была преждевременной. Вызывала подозрение, и, как оказалось, не без основания, назойливость дворника, зачастившего к Лидии Михайловне под всякими предлогами. Пришлось съезжать и отсюда.

Все чаще оставалась она ночевать в доме брата. Застревала там надолго, успевая, между прочим, в свое удовольствие переделать уйму домашних дел. Ей так порой не хватало семейного уюта, естественной возможности заботы о близких. И сама она нуждалась в опеке, хотя даже себе не признавалась в этом.

Несмотря на возраст, Лидия Михайловна многим казалась женщиной удивительно крепкой, даже «железной», и не только духом, но и телом. Как они заблуждались! Неимоверных усилий стоило ей держать себя «в струне», скрывать постоянное нервное напряжение, непроходящую горечь, почти физическую боль от участившихся в организации провалов и вдобавок все усиливающуюся глухоту, так мешавшую общению с товарищами.

Родные стали замечать ее недомогание. Выдавали потускневшие глаза, дрожащие руки и повышенная температура. Пульс становился слабым и неровным. Лидию насильно укладывали в постель.

Приглашали доктора. Практикующий более полувека врач, швед по происхождению, хорошо знал семью Книпович еще по Гельсингфорсу. Он осторожно прощупывал щитовидную железу беспокойной пациентки, выговаривая ей по-шведски о соблюдении режима, непременном покое и систематическом лечении.

Лидия отшучивалась, говоря, что шведы с давних пор привыкли властвовать, командовать над финнами. Вот и она, истинная «чухна», страдает от этого насилия.

В постели Лидия Михайловна оставалась недолго. Через два-три дня ее уже видели в разных концах Петербурга. На уговоры домашних отвечала, что чувствует себя «превосходно». Спорить с ней никто не решался, да это и не имело смысла. Лучшим для себя лекарством считала общение с племянницами и племянниками. Юные души тянулись к ней и отвечали искренней привязанностью.

Лидия Михайловна не считала зазорным при случае побаловать племянниц. Ежемесячно, как незамужней генеральской дочке, ей до конца жизни выплачивалось денежное пособие — эмеритура. Собираясь в эмеритальную контору, она специально выбирала такой день и час, когда девочки были свободны от занятий. «Подпись руки дочери действительного статского советника Лидии Книпович подписом своим удостоверяю»,— округло выводил чиновник в толстой линованной книге и отсчитывал 56 рублей 8 копеек.

Понятие «эмеритура» твердо ассоциировалось у девочек с угощениями в кондитерской. Кондитерская «М. Конради» на Большом проспекте Петербургской стороны славилась особенными пирожными. Девочки сами заказывали фигурные корзиночки с розовым кремом и горячий шоколад в китайских чашках. Пир у «Конради» запоминался надолго.

Как ни баловала Лидия Михайловна племянниц, самой сильной ее привязанностью оставался племянник Борис. Она так и называла его — «мой любимéц», делая ударение на последнем слоге. Имела Дяденька такую привычку — переиначивать слова или делать в них свои ударения.

В 1906 году Борис Книпович готовился отметить свое шестнадцатилетие. «Любимец» оправдал на-

дежды Дяденьки. Борис возглавил подпольную ученическую социал-демократическую организацию. Он не только сам разделял большевистские взгляды, но и вел за собою сверстников. Нередко ему приходилось выполнять поручения Надежды Константиновны Крупской. Всегда подтянутый, не по летам серьезный, он умел привлекать к работе ученической организации новых членов. Его «взрослость», может быть, подчеркивалась еще и тем, что Борис носил пенсне.

Доступно и чрезвычайно просто Борис объяснял товарищам по организации основные задачи их деятельности, призывал изучать литературу по научному социализму самостоятельно или в кружках, организовывал практическое осуществление различных заданий комитета, предупреждал о строгой конспиративности в работе подпольной организации. Незаметно для себя он во многом копировал Лидию.

Сергей, самый старший среди детей, сын Аполлинарии Ивановны от первого брака, уже студент, выполнял нередко срочные и весьма опасные задания Лидии Михайловны. Однажды по ее просьбе он вырядился «с иголочки» — аристократ-белоподкладочник, да и все тут. Подкатил на лихаче к небольшой частной типографии на Выборгской стороне. Вызвал хозяина. Расшумелся, раскричался, возмущенный задержкой заказа. Погрозился пожаловаться градоначальнику.

— Пожалуйста, будьте добры, не извольте гневаться,— залебезил хозяин.

Сергей держал речь прямо из коляски, не соизволив спуститься к типографщику.

Хозяин сам поторопился перетащить барину тяжелые, перевязанные бечевкой отпечатанные пачки.

— Желаю барину здоровья,— провожал он Сергея.

Спустя два часа в типографию с обыском заявилась полиция. Искали прокламации, запрещенную литературу — дворник донес. Он сам видел, читал и принес в участок крамольный листок. Перерыли всю готовую продукцию, но ничего предосудительного не нашли.

На следующий день группа студентов и курсисток вместе с Сергеем раскладывала «тепленькую» литературу в красивые коробки из-под конфет. На адреса

аптек, благотворительных учреждений, газетных контор и частных лиц ушли аккуратные посылки.

Квартиру Николая Книповича на Колпинской вечная кочевница Дяденька считала земным раем. Возможность ежедневно видеть близких, родных стоила многого. Она была равноправным членом большой и дружной семьи.

Брат Николай весь без остатка ушел в научную деятельность, посвятив себя биологии моря. Он месяцами пропадал в экспедициях. Вернувшись домой, обрабатывал материал, готовил курс лекций, писал статьи, книги.

Хозяйство вела его жена Аполлинария Ивановна. Жила вместе с ними и помогала ей родная сестра, Ксения Ивановна, детский врач по образованию, прекрасная музыкантша и певица по призванию.

Немаловажным было для конспиративных занятий и расположение дома. Относительно небольшое трехэтажное здание выходило фасадом на Колпинскую, двор дома — на Стрельнинскую улицу. В квартиру можно было попасть через парадную с Колпинской и с черного хода через двор. Почтовый же адрес, по прихоти хозяина, не был связан ни с одной из этих улиц. Дом значился по Большому проспекту под номером 42.

Из окон квартиры Книповичей видны были невысокие деревянные строения. В окна третьего этажа, даже при большом желании, заглянуть никто бы не смог. В отличие от многих других домов на парадной лестнице не было швейцара. Ключ от парадной лестницы имели все члены семьи. Никто не интересовался, кто и когда входит в дом и выходит из него.

Лидия Михайловна успела убедиться, что их относительно близкие соседи на Широкой улице, 29,— там размещался второй полицейский участок Петербургской части — пока не проявляли особой заботы о ней. По крайней мере, явного наблюдения не было.

Здраво рассуждая, не следовало бы использовать квартиру на Колпинской для активной партийной работы. Следовало оставить ее «чистой», не давать охранке повода для возможных подозрений и слежки. Под удар могла попасть не только она, видавшая виды профессиональная революционерка, но и семья

Николая, его дети. Да и у самой Лидии имелось лишь одно-единственное спокойное и относительно безопасное пристанище — дом брата. Не просто крыша — кров!

Так почему же она приезжала сюда? Отсутствие здравого смысла, ослепление семейным уютом? Вовсе нет. Дяденька отличалась всегда чрезвычайной трезвостью ума. Руководили ею прежде всего сознательные нравственные обязательства перед собственной совестью, строгая прямота в отношении к людям.

Смыслом жизни для нее являлось служение революции. В этом видела она свой идеал, свой символ веры. Ее справедливо за глаза товарищи называли «праведницей», «монахиней от революции». Но это подвижничество, намеренная отрешенность от личной жизни было только одной стороной ее существа. Другая сторона ее личности — обычные мирские заботы и родственные чувства. Ее судьба и судьба ее близких были связаны между собой тысячами нитей. Они все плавились в одном огне. Разница была только в степени горения. Ей предназначено было сгореть в пламени революции без остатка.

Лидия Михайловна не навязывала домашним свой образ жизни, свои мысли и идеи. В этом просто не было необходимости. Старшие и особенно молодежь понимали и всячески поддерживали ее. Это было естественным.

Во многих интеллигентных семьях России аккумулировалось недовольство окружающим, нарастали оппозиционные настроения к существующим порядкам. Правда, не всегда это недовольство выливалось в то русло, которое увлекло Лидию и Николая. В квартире на Колпинской хорошо помнили, что глава семейства, Николай Михайлович, в студенческие годы активно сотрудничал в марксистском кружке Дмитрия Благоева и за эту деятельность был арестован.

Юношество жадно прислушивалось ко всяким новшествам. На фоне общего глухого протеста подавленной мысли самопроизвольно зарождались революционные стремления. Их требовалось только направить в нужное русло. Сергей, Борис и даже младшие — Юлия и Татьяна разделяли взгляды Лидии и старались всячески помочь ей.

— «Союз ожидания хорошей погоды» не для нашей породы,— любил повторять Борис Книпович,— мы хотим и будем действовать.

Подпольная революционная деятельность Лидии воспринималась в семье как дело вполне естественное, обычное, хотя и опасное. Дети Николая усвоили с ранних лет ту истину, что в России все, что имело целью благо народа, а не царя и его окружения, должно было делаться тайно. О конспирации в семействе Книповичей не рассуждали, ее соблюдали.

В один из пасмурных январских дней Крупская и Книпович выбрались наконец в Смоленские классы и там задержались допоздна. Самим все интересно, да и рабочие много разных вопросов задают. Вышли из школы на Шлиссельбургский тракт, когда улица погрузилась в темноту. Фонари чуть мерцали: вторую неделю на Газовом заводе продолжалась забастовка.

На остановке «железки» никто не мог сказать определенно, когда появится паровичок. Приходилось ждать. Другой возможности в такое позднее время добраться до Знаменской площади просто не было.

Самое неприятное, что на пятачке возле тусклого фонаря топтались и громко переговаривались несколько подозрительного вида мужчин. Женщины насторожились. Их предупреждали, что «активисты» «Черной сотни» в последнее время распоясались, пугают «курсисток», были случаи избиения.

Каким-то особым нюхом черносотенцы распознавали среди посетительниц Смоленских классов активных революционерок — «курсисток», как их называли. Но в этот раз как будто все обошлось. Остановка опустела, женщины остались одни.

Подруги тихо переговаривались. Впечатлений за день накопилось много, когда еще удастся побеседовать. Разговор, естественно, вертелся вокруг Смоленских классов. Десять лет назад их знали и они знали здесь каждого. Теперь Крупская и Книпович смотрели на все глазами умудренных ветеранов, немного ревниво и по-хорошему пристрастно. Искренне радовались, что классы переполнены рабочими и работницами, сидели тесно плечо к плечу, хоть в Народный дом классы переводи. Да и читали теперь не

географию и естествознание, как в старые времена, а лекцию о работе Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». Рабочие слушали внимательно, стараясь понять и запомнить как можно больше. Но вот что показалось странным — никто не задавал никаких вопросов, никто не высказывался. Удивительная пассивность. Такого раньше они не знали. Похоже было, что теоретически слушатели слабо подготовлены, а молодой пропагандист не учитывал этого. Какой смысл тогда в таких занятиях?

Особое беспокойство вызывало участившееся проникновение меньшевиков в Смоленские классы — центр революционной пропаганды района. Лидии уже не раз приходилось сталкиваться с ними и принимать бой.

Как передавали рабочие, недавно произошел и совсем курьезный случай. На огонек в Смоленские классы забрел человек, представился мастеровым с фабрики Максвеля. Забрался на сцену и давай агитировать за Гапона да за общество фабрично-заводских рабочих. Чего он только не плел! Поначалу слушали, уж больно занимательно выражался: «Знаете ли вы слова, которые часто повторяют в храме божьем: «Скоро осилит Христос Иуду?..» И я повторяю — победит Иуду Христос, надо только уверовать в это!..» Дальше слушать не стали, прогнали проповедника со свистом.

Крупская развеселилась, услышав историю с «проповедником».

— Хорошо, шуткой обошлось,— сказала она уже с горькой иронией,— а ведь на кафедру в Смоленских классах кто только не норовит влезть. Эсеры и те пытались выступить с докладом по аграрному вопросу. Не было счастья, да несчастье помогло. Полиция собрание разогнала, чуть Лядова тогда не арестовали. Успел в окно выскочить.

— Кстати,— заметила Крупская,— не случайно они с аграрным вопросом в рабочий клуб полезли, о крестьянах заботу проявляют. Торопятся забежать вперед, эсдеков обойти.

— Вполне могут неподготовленные на их крючок клюнуть. Эсеры стараются нас опередить,— продолжила мысль подруги Книпович.

— Вот-вот, так и я думаю,— с сожалением отметила Крупская.— Я об этом случае Володе недавно

рассказала. Он предложил не оттягивать собрание районных пропагандистов. Им следует разъяснить всю важность аграрной программы именно в настоящий момент.

— Ильич сам собирается выступать или кому предложит? — спросила Лидия.

— Непременно сам. Сейчас он материал для большой работы подбирает по пересмотру аграрной программы. Думает отдельной брошюрой выпустить.

— А нужно ли ему самому рисковать? — проявила беспокойство Лидия.— Появится брошюра — все прочтут. Опасно собираться стало. Сегодня пронесет, а завтра и схватить могут. Сколько собраний за последнее время провалилось! Где гарантия?

— Нет, Лидия,— категорически возразила Крупская,— даже я отговаривать не буду. Ты же знаешь, для него выступления на собраниях очень много значат. Он твердо уверен, что без выступлений, без контакта с живыми людьми нет политической деятельности. И даже само писание становится менее политическим. В этом он убежден сам и других убеждает. Ты лучше подумай, где удобней и безопасней собрать пропагандистов?

— Везде плохо, я тебе уже объяснила.— Книпович говорила уверенно, тем самым совершенно отрицая возможность какого-либо положительного решения.— Это же человек пятнадцать, а то и двадцать, не меньше? — Выдержав паузу, она бросила как бы между прочим: — Если только у нас, на Колпинской? Пока там вроде безопасно...

Дяденька сама встречала гостей. Некоторых, прежде всего молодых, придирчиво расспрашивала: «Как доплыли?» — то есть как вышли из дому, каким путем добирались, не было ли хвостов? Въедливо выясняла подробности, если сбивались или отнекивались: «Кто нас мог видеть?» «А у соседнего подъезда?» — не унималась Лидия.

Путаникам повторяла финскую народную мудрость: «Коль фальшивишь, не пой!» Не обошлось без обиженных. Не объяснять же каждому, что у нее есть все основания для беспокойства. Как нарочно, накануне собрания в здании 9-й Введенской гимна-

зии на Большом проспекте, почти против их дома, произошел взрыв. Неизвестные заложили в дрова на площадке черной лестницы, возле кухни директора гимназии, два снаряда. Пострадала прислуга. Легко ранило двух крестьянок-работниц. Директор отделался испугом. Полиция искала злоумышленников — скорее всего эсеровские мальчишки в революцию играли. Случайно могли заскочить в любой соседний дом и в любую квартиру.

По одному, по два пропускала Лидия приглашенных из передней — «чистилища» — в гостиную. Участники собрания осторожно рассаживались в мягких креслах, на изящных диванчиках и принесенных из других комнат стульях. Большая комната в два окна напоминала учебный класс музицирования. По углам стояли рояль и пианино. Нотные тетради, клавиры переполняли этажерку, теснились в шкафчике, лежали стопкой на ломберном столике. Сюда приходили ученики Ксении Ивановны, она давала уроки музыки и вокала. И племянницы с раннего детства были приобщены ею к таинствам мажорных и минорных гамм.

Владимир Ильич зашел в гостиную одним из последних и пристроился на круглом вращающемся стуле возле рояля. Вместе с Надеждой Константиновной они уже несколько дней жили у Книповичей. И хотя обычно Владимира Ильича тяготила незнакомая обстановка и заботливость хозяев, на Колпинской он чувствовал себя превосходно, по-домашнему естественно и свободно. Секрет заключался в том, что Надежду Константиновну в этом доме давно знали и любили, считали своим человеком, просто самой близкой родственницей. Взрослые и дети обращались обычно к ней просто «Надя». Мальчики называли еще «Кру́па»: когда-то маленький Боря не мог выговорить трудную фамилию Крупская, куда проще — Кру́па. С тех давних пор и пошло у них Кру́па да Кру́па.

Оглядев собравшихся и приметив знакомые лица, Владимир Ильич напомнил, что в середине ноября, вскоре после возвращения из эмиграции в Петербург, он выступал с разбором аграрной программы партии социалистов-революционеров в зале Вольно-экономического общества. Некоторые из присутствующих могли слышать этот доклад. Он не хотел бы повто-

ряться и напомнит лишь некоторые принципиальные положения. В настоящее время, подчеркнул Ленин, ограничиться критикой было бы в корне неправильно. Социал-демократам в настоящий момент необходимо выработать и пропагандировать свою пересмотренную и дополненную программу, исходя из реальности теперешнего широкого и глубокого революционного крестьянского движения в России.

Лидия Михайловна слушала Ленина стоя, прислонившись спиной к косяку двери. Свободных мест не было, да и могли появиться опоздавшие. Тихо подошел и стал рядом брат Николай, не усидел в кабинете.

Ильич говорил о сложных проблемах чрезвычайно доступно. Логика его доводов не вызывала сомнений. Вместе с тем предмет беседы был достаточно мудреным и крепко запутан теоретиками разных толков.

Перед самым отъездом из Одессы в руки Лидии Михайловны попала тоненькая брошюрка, всего двадцать четыре страницы, в серой бумажной обложке. Фридрих Энгельс — «К аграрному вопросу на Западе». Книгу отпечатали легально на Успенской, 83, в типографии издательства «Порядок».

Книпович внимательно прочла книжку. Запомнилось ей самое начало, три первые фразы: «Буржуазные и реакционные партии необыкновенно удивлены тем, что у социалистов вдруг и повсюду выступает теперь на очередь крестьянский вопрос. Они скорее бы должны удивляться тому, что этого не случилось до сих пор. От Ирландии до Силезии, от Андалузии до России и Болгарии крестьянин является очень существенным фактором населения, производства и политической силы».

Ей зрительно представилось неимоверное расстояние «от Андалузии до России». Что, казалось, могло быть общего между смуглыми, черноволосыми селянами, собирающими маслины и виноград по берегам Гвадалквивира, и тверскими хлебопашцами, суровыми мужиками Астраханской губернии или молчаливыми торпарями Финляндии?

Да, крестьяне России — большая политическая сила. За кем пойдет она?

Аграрная программа РСДРП, принятая на II съезде, требовавшая возвращения крестьянам зе-

мельных отрезков, перестала соответствовать размаху крестьянского движения. Поэтому III съезд в апреле 1905 года высказался за конфискацию всех помещичьих, казенных, монастырских и удельных земель. Эсеры же продолжали твердить, что большевики не хотят поддерживать крестьянские требования о земле... Не отрицая старой программы, верной для своего времени, Ленин предлагал пропагандистам районов идти в массы с лозунгом о поддержке революционных выступлений крестьян, требования конфискации, а при известных политических условиях национализации всей земли.

Лидия Михайловна вглядывалась в лица людей, плотным кольцом окруживших Владимира Ильича, в то, как они слушали его. Николай Михайлович, привычный к ораторскому блеску своих коллег, университетских профессоров, и тот восхищенно смотрел на докладчика. «Это потому,— подумала Лидия,— что брат слушает публичное выступление Ленина в первый раз».

Захватывала поразительная цельность и огромная моральная сила ленинских слов. Живая манера речи. Завораживало лицо Владимира Ильича. Оно находилось в непрерывном движении, точно выражая малейшие оттенки его чувств. Доклад продолжался больше часа. Никто на время не обратил внимания, пока сам Владимир Ильич, исчерпав тему, не достал из жилетного кармана часы и не щелкнул крышкой. Пропагандисты попросили Ленина дать разъяснения некоторых вопросов и практические советы. Завязался общий разговор.

Гостей Лидия Михайловна выпускала постепенно через парадную дверь и черный ход. Ленин и Крупская остались у Книповичей.

Дяденька любила повторять слова Ильича, известные среди петербургских марксистов еще со времен «Искры»: «Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан. Лучше 2—3 энергичных и вполне преданных человека, чем десяток рохлей». Книпович органически не переваривала простофиль и нерях. Глупая бравада, несобранность одного разгильдяя ставила под удар целую организацию, сводила на нет усилия многих десятков людей. Она ценила работни-

ков, не только владеющих революционной теорией, но умеющих на практике не уступать опытному и коварному противнику.

Провалы за провалом косили партию. Лидия Михайловна не уставала повторять молодым партийцам азбучные истины, что конспирация — не проявление трусости, а высокое искусство, единственная форма существования подпольщика, а значит, и возможность активной деятельности.

Сама она считала конспирацию делом столь же естественным, как необходимость дышать, есть и пить. Дяденька все время совершенствовалась в этом искусстве. Необыкновенная находчивость выручала ее порой из самых отчаянных положений. Как провинциальный актер, всегда ожидающий ангажемента, она была готова в любой момент сыграть ту роль, которая требовалась для данного подвернувшегося случая. Особенно удавалось ей амплуа простых женщин — мещанок, горничных. Входя в образ, Книпович достигала большой естественности.

Как ни странно, меньше всего ей нравилось представлять саму себя — генеральскую дочь, барыню-дворянку, беззаботно проживающую на средства эмеритуры и позволяющую себе развлекательные вояжи. Но играть и эту роль ей было необходимо. Почти весь апрель 1906 года дочь действительного статского советника Лидия Книпович провела в Швеции — выезжала туда на отдых и лечение.

Незадолго перед пасхальными праздниками Крупская попросила Дяденьку найти верного человека для подготовки партийного съезда в Стокгольме. Лидия, не раздумывая, предложила свою кандидатуру.

— Устраивает такой квартирьер? — спросила она подругу.

— Другого не надо,— обрадовалась Крупская.— Ильич давно тебя имел в виду, только боялся спрашивать. Плохо выглядишь, а хлопот предстоит много.

— Значит, на покой собираетесь отправить меня, признайся, Надюша? — с горькой обидой, невесело пошутила Книпович.

— Ну куда мы без тебя? Зачем дуешься? О здоровье подумать нелишне. Такие, как ты, говорит

Ильич, ценнейшее партийное достояние. Он собирался специально к тебе забежать и посоветоваться, как лучше нашу братию в Швеции устроить...

В Стокгольм Книпович добиралась самым коротким путем. Железной дорогой до Або, а потом на пароходе мимо Аландских островов. Через тридцать шесть часов после отъезда из Петербурга, пасмурным апрельским утром Лидия Михайловна спускалась по трапу на набережную Шеппсбурн в самом центре шведской столицы. Таможенные чиновники предупредительно осмотрели нехитрый багаж русской туристки.

Лидия Михайловна с интересом наблюдала за ходом осмотра, оглядела таможенный павильон, несколько раз перечитала анкету иностранного туриста. Ей предстояло в будущем инструктировать делегатов о процедуре проверки, а в таком деле не было мелочей.

Несколько дней Дяденька кружила по городу, выясняя возможность получения билетов по льготным тарифам в «Северном дорожном бюро», договариваясь со шведскими товарищами о недорогом жилье в рабочем районе Кунгсхольме, подыскивая подходящую столовую для делегатов съезда. Ей казалось забавным, что в конторах, отелях, частных домах ее принимают за шведку. Потом искренне удивлялись, когда узнавали, что она из России. Не разыгрывает ли?

За неделю до открытия съезда верные и ответственные люди включились в работу по подготовке переезда делегатов, и ожила цепь живого конвейера. В Петербурге их, съезжающихся с разных концов России, принимала Крупская. С Финляндского вокзала они выезжали в Гельсингфорс и попадали в руки Стасовой, а в Стокгольме их устраивала Дяденька.

Перед отъездом тщательно инструктировали делегатов. Давали советы рабочим. Оглядев каждого, объясняли, как лучше одеться, как держать себя в дороге. В Швеции не годились картузы, часовые цепочки, вышитые рубашки-косоворотки, чесучовые манишки «фантази» под галстук, шнурочки с шариками и другие детали одежды, они сразу выдавали «русаков». Делегаты должны были принять обычный вид европейских рабочих.

Как ни наставляли делегатов, без приключений не обходилось. Да и не могла партийная публика, привыкшая все мерить на русский аршин, сразу перестроиться на европейский лад и подчиниться шведским порядкам. Книпович то и дело улаживала конфликты: кто-то в отеле пролил воду на паркет — хозяйка волнуется, окурок брошен на пол — снова нравоучения. В полночь на этаже вдруг начинали громко хлопать дверями — в номере проходила дискуссия, и возбужденные спором делегаты не нашли других аргументов. Это было непривычно для обитателей шведского отеля, где после десяти царила мертвая тишина.

Лидия Михайловна и сама, не будь она в роли наставницы, готова была бить кулаком по столу и ринуться в драку. Меньшевики, получив большинство на съезде, протаскивали свои проекты решений. По всем вопросам шла ожесточенная борьба. Съезд только формально объединил две части партии. Принципиальные, идейные разногласия остались. Страсти накалялись, и было не до церемоний.

После съезда Книпович, подчиняясь партийной дисциплине, сотрудничала с «бывшими» меньшевиками в объединенном Петербургском комитете РСДРП.

Лидия Михайловна открыто заявляла при всех, что не питает любви к «мекам». Но работать вместе с ними согласна, если ПК будет проводить определенно большевистскую линию. При всяком удобном случае пыталась перетянуть на свою сторону заблудшие души.

Обстановка в середине 1906 года оставалась сложной. Получив численное большинство на съезде, меньшевики сумели провести не только важнейшие резолюции, но и захватили ключевые позиции в Центральном Комитете. Результаты узурпации власти не заставили себя долго ждать: ЦК обратился с письмом в партийные организации России с призывом «поддерживать Думу во всех ее шагах».

24 мая Петербургский комитет РСДРП тринадцатью голосами против восьми отказался проводить это решение и принял встречную резолюцию, подготовленную Лениным. Большинство партийных организаций заводов и фабрик выступили против безоговорочной поддержки Думы, за революцион-

ный путь борьбы вне Думы. «Пусть решают рабочие» — так назвал В. И. Ленин свою статью, помещенную 1 июня 1906 года в газете «Вперед». Почти 4 тысячи членов партии в Петербурге приняли участие в развернувшейся дискуссии. Меньшевики во что бы то ни стало хотели заручиться поддержкой пролетариата столицы. Иначе их агитация за «ответственное», а фактически за кадетское министерство не имела смысла и была обречена на провал.

11 июня собралась общегородская конференция Петербургской организации РСДРП. С докладом от Петербургского комитета выступил Владимир Ильич. Он осудил тактику ЦК в вопросе о поддержке думского министерства.

Дяденька примостилась на краю скамейки рядом с представителями Невского района. В нервном возбуждении рабочие слушали реплики члена ЦК Дана. Тот обвинял большевиков в нарушении партийной дисциплины и пугал расколом. Группа рабочих Александровского завода послала в президиум конференции коллективное письмо: «...пусть ЦК предоставит Петербургскому комитету вести работу самому и не вмешиваться в руководство социал-демократической работой Петербурга». Так думали многие. Конференция в своем большинстве встала на сторону Ленина.

До конца месяца Владимир Ильич несколько раз выступал на собраниях организованных рабочих, разъясняя им смысл решений конференции. 28 июня двести человек, представителей Нарвского района, пришли в физическую лабораторию Высших курсов П. Ф. Лесгафта на Английском проспекте. Лидия Михайловна оглядела собравшихся, жестом попросила всех сесть. Сама встала и как-то особенно тепло произнесла:

— Слово для доклада по аграрному вопросу имеет товарищ Карпов.

В зале стало тихо. Из президиума вышел Владимир Ильич и заговорил спокойным голосом:

— Мы не можем и не должны замалчивать того факта, что, по нашему глубокому убеждению, Объединительный съезд партии не вполне понял основные задачи нашей тактики в данный исторический момент.

В аграрной программе съезд принципиально принял «муниципализацию». Муниципализация — это нечто среднее между настоящей аграрной революцией и кадетской аграрной реформой.

На следующий день Книпович, рассказывая Крупской о собрании, шутила, что станет скоро крупным специалистом по крестьянскому вопросу, хотя раньше этой проблемой интересовалась мало. Она столько раз слушала Ильича, разъясняющего суть аграрной программы, что готова публично оппонировать самому Петру Маслову и рассчитывает выиграть диспут.

Ленин не только вскрыл сущность разногласий с меньшевиками на съезде, но и наглядно показал на примере общегородской Петербургской конференции, как эти меньшевистские тенденции мешают делу. Собрание поддержало предложение В. И. Ленина.

Книпович подсчитывала голоса в зале. Редкий случай. Из двухсот человек лишь один был против и трое воздержались. Все остальные проголосовали «за».

Наскоро сбалансированный правительственный механизм скоро стал давать перебои. 8 июля Николай II подписал указ о роспуске Думы. Но революционная буря еще бушевала. В ночь на 18 июля вспыхнуло восстание в крепости Свеаборг, потом в Кронштадте и Ревеле, на крейсере «Память Азова».

20 июля Петербургский комитет РСДРП принял решение провести всеобщую политическую забастовку в поддержку балтийских моряков. Поздно ночью пришло известие о разгроме восстания в Кронштадте. Принято новое решение — снять лозунг о всеобщей забастовке. Члены ПК заседали в эти дни непрерывно. Много часов шли частные совещания, слушались доклады с мест, бесконечно длились прения.

В Петербурге остановились триста предприятий, не вышло на работу 800 тысяч человек. Забастовали конки и даже извозчики. Интенсивно, с полной отдачей трудилась только полиция и жандармерия.

Утром 24 июля Крупская узнала из газет о грандиозном провале. Накануне полиция захватила Петербургский комитет РСДРП в полном составе. Это был уже второй провал ПК за месяц. В начале июля арестовали Стасову, Красикова и еще восемь членов

ПК. На этот раз схватили еще два десятка активных, опытных товарищей.

Крупская волновалась за Дяденьку, ведь она была на том заседании ПК, когда были арестованы все его члены. Всего две недели назад Книпович сменила арестованную Стасову и стала секретарем ПК. У нее все явки, связи, сложные нити конспирации, восстановить их трудно, а некоторые и совсем невозможно. А что будет со здоровьем Лидии в петербургской предварилке? С ближайшего почтового отделения Надежда Константиновна отправила срочную телеграмму Книповичам на дачу в Финляндию: «Книповичам. Лидия тяжело заболела. Необходим уход. Надя».

...Лидия каждый раз ломала голову, выбирая явку для очередного заседания Петербургского комитета. Появляться на одной квартире дважды стало опасно. Сроки торопили, а подыскать что-нибудь подходящее становилось все труднее. Участились провалы.

На 23 июля Дяденька наметила Удельную, тихий дачный пригород Петербурга. Высмотрела там дачу на Алексеевской улице. Правда, номер несчастливый — 13. Со всех сторон участок огорожен забором. Принадлежал дом обрусевшему немцу Грушке и подозрений вызвать не мог. Книпович, с присущей ей скрупулезностью, предупредила каждого члена ПК о строжайшей конспирации. Адрес дачи и план местности сама нарисовала на папиросной бумаге. Попросила ответственных районных организаторов и членов ПК тотчас сжечь бумажку, как только запомнят адрес.

К двенадцати часам дня к дому 13 на Алексеевской с разных сторон по одному, по два стали подходить участники совещания. В соломенных шляпах и просторных холщовых костюмах — у кого они могли вызвать подозрение? Удельная в жаркий июльский день кишела дачниками.

Книпович, как всегда, пришла первой, наблюдала за порядком. К назначенному сроку в большой комнате-столовой собралось человек шестнадцать — семнадцать. Опаздывал Макар, Николай и еще кто-то из приглашенных представителей подрайонов. Брон-

зовые часы на камине показывали десять минут первого. Пора было и начинать. Принесли из соседней комнаты стулья и сели поближе к столу.

В передней хлопнула дверь. Снаружи с силой дергали ручку на себя. Как ошпаренный в комнату ворвался Макар. «Нас окружают»,— шепотом сказал он, как будто его могли услышать посторонние. Теодорович и Смирнов, первыми выбежав из дому, успели проскочить в калитку. Еще шесть человек кинулись к забору, перелезли через него и скрылись на соседнем участке. Остальные замешкались.

Книпович одна в общей суматохе оставалась на месте. Бежать она не могла, не тот возраст. Куда убежишь, если дом окружили и уйти фараоны вряд ли дадут.

«Первым делом,— решила она,— как можно скорее уничтожить документы и не оставить улик».

В критические минуты она долго не раздумывала, действовала мгновенно. Прошла в кухню. В углу гудел пузатый ведерный самовар. Гости собирались пить чай. С трудом сдвинув трубу, Книпович сунула в горловину пакет, а сверху насыпала уголь. Оценивающим взглядом осмотрела помещение. Нет ли люка в подпол?

У окна — детская кроватка. Спящий ребенок разметался поперек постели. На выщербленной скамье брошеное вязанье — спицы и клубок шерсти. Темный головной платок висел на спинке кровати, прикрывая младенцу свет от окна. Все предметы Дяденька охватила разом, с молниеносной быстротой. В дом с шумом ворвались жандармы. Сдернув с кровати платок, она повязала его по-старушечьи, по самые глаза. Присев на край скамьи, схватила вязанье и привычно стала перебирать спицы.

За домом ударили выстрелы. Группу за группой вталкивали в комнату беглецов. Околоточный ударом ноги распахнул дверь. Удивился, увидев за вязанием старуху работницу. Остался на пороге, отдавая распоряжения помощникам.

Народу набилось множество. Кто-то требовал объяснить, за что его схватили и затолкали сюда. Пристав зыкнул на него и обратился к другому: «Эй, шляпа, брось газету! Еще начитаешься!» Все рассмеялись, и это как-то разрядило обстановку. Книпович не видела происходящего в комнате, но дога-

далась: «Шляпа», конечно, подслеповатый юноша Эдуард, из меньшевиков. Он никогда не расстается с газетой, читая даже на ходу».

Среди общего шума Дяденька узнала голос «Вадима» — Посталовского. Он с нарочитым пафосом декламировал, пытаясь поднять настроение:

Не пылит дорога, не дрожат листы...
Подожди немного — попадешь в «Кресты».

— Прекратить балаган! Развеселились, подождите у меня! — грозился жандармский ротмистр. Он только вошел в комнату и сразу начал наводить порядок: — Почему не начали обыск? Всех в сарай! По одному ко мне.

Допрашивал ротмистр формально, на скорую руку, задавая одни и те же вопросы: «Фамилия? Имя? Занятие?» Спешил очень, как-никак двадцать три социалиста-злоумышленника схвачено. Только у Посталовского ехидно спросил, запомнил, значит:

— Так ты насчет «Крестов»? Ждут тебя давно!

— Не почувствуешь сладкого, если горького не попробовал,— парировал Вадим и сильно хлопнул дверью на выходе.

Лидия Михайловна слышала, как ротмистр распорядился построить всех в колонну и гнать под строгой охраной в Лесной полицейский участок на Выборгском проспекте. Она ждала своей очереди.

От грохота в доме ребенок расплакался, пришлось взять его на руки. Она баюкала ребенка, тихо напевая колыбельную песенку.

За этим занятием и застал ее жандармский ротмистр, когда пришли с обыском на кухню.

— Поч-чему-у посторонние? — поднял крик ротмистр.— Чего под ногами путаешься? Убирайся отсюда!

— Чего? — переспросила Дяденька.— Глуховата я, батюшка, с покрова осьмой десяток пошел, так плохо слышу.— Она объясняла жандарму с наивной правдивостью, сохраняя серьезный вид, не допускающий и мысли о какой бы то ни было симуляции или хитрости.

— Пойди вон! Не мешай обыску, старая карга! — Ротмистр недвусмысленно показал ей на дверь.

Уложив ребенка в кровать, Дяденька оставила на табурете вязанье и, бормоча что-то себе под нос, на-

правилась к черному ходу. На скрюченную, сухопарую и притом еще глухую старуху никто уже больше не обращал внимания.

Два дня отсиживалась Книпович на «тихой» квартире, боялась попасть на глаза «знакомым» филерам. На третий день как ни в чем не бывало заглянула на явку в Технологический институт. Крупская руками развела и потеряла дар речи, увидев перед собой Лидию. Она расцеловала подругу, словно та долго и тяжело болела, а потом неожиданно выздоровела.

Через пять дней после провала на Удельной, 28 июля, поздно вечером, Книпович передала через Крупскую краткий отчет Ильичу о состоявшемся в этот день заседании ПК. Комитет восстановился полностью, хотя спаслись от ареста только Теодорович и Смирнов. В состав ПК кооптировали Иннокентия — Дубровинского и еще нескольких товарищей. В какой-то степени качеством компенсировали количество.

Царское правительство, не жалея средств и усилий, надеялось утопить революцию в крови. Беспрерывно приходили сообщения о казнях по решениям военно-полевых судов, об убийствах заключенных в тюрьмах, о диких расправах черносотенцев и драгун. Продолжались пытки в полицейских застенках, избиения, истязания. В частных квартирах и общественных зданиях хватали всех по малейшему подозрению. Сажали, ссылали, угоняли на каторгу, морили голодом и болезнями в гиблых местах Сибири...

С конца лета 1906 года условия деятельности партии стали не просто сложными, но чрезвычайно опасными. Ленин и Крупская вынуждены были перебраться в Финляндию на станцию Куоккала, где они обосновались на даче «Ваза». «Ближняя эмиграция» — станции и тихие поселки Карельского перешейка укрыли многих революционеров, живущих на нелегальном положении.

Дяденька осталась в Петербурге. У нее достаточно прочное положение в обществе, подлинный паспорт и настоящая прописка. Людей не хватало, а забот прибавилось. Меньшевики испугались репрес-

сий, забили отбой. Носились с идеей рабочего беспартийного съезда. Большевики же в короткий срок сумели наладить издание газеты «Пролетарий». Две недели просидел Ильич в Выборге, чтобы выпустить первый номер. Газету ждали во всех уголках России.

Крупская передала Лидии явку ЦК и попросила проверить, можно ли положиться на этот канал для переправки «Пролетария». Однажды Дяденька с озабоченным видом подошла к дому на углу Адмиралтейской площади и Гороховой, где помещалась контора компании «Надежда». За высоким бюро сидел маленький человек с большой головой. Перегнувшись через барьер, Книпович спросила конторщика:

— Кто отправит в Америку транспорт большой скоростью?

Тот даже не посмотрел в ее сторону.

«И вправду, глупый пароль»,— подумала про себя Лидия,— в Америку, да еще большой скоростью.

Конторщик заполнял длинный бланк и, как видно, не торопился отвечать. Книпович еще раз четко и внятно повторила вопрос.

— А через Европу мадам не устроит? В Америку придется подождать!

Ответ на пароль был правильный, но конторщик странно дергал глазом и показывал на дверь. Только теперь Дяденька заметила топтавшегося возле рекламного щита подозрительного типа.

«Когда он там появился? Или я уже не только глухой, но и слепой стала»,— рассердилась на себя Книпович.

— Очень сожалею, но вынуждена ждать, сообщите мне вот по этому адресу.— Она бросила на конторку визитную карточку и направилась к двери.

«Тип», до тех пор усердно изучавший рекламу, подскочил к чиновнику и выхватил кусочек картона. Бегло пробежал мелкие витиеватые буквы: «Императорское человеколюбивое медико-филантропическое общество. Лечебница для приходящих. Петербургская сторона. Зеленина, 11, угол Геслирова переулка. Бедные бесплатно, прочие с платою по 30 копеек за вход и лекарство». И все!.

Дяденька изредка использовала лечебницу для связи, знал ее там в лицо только один человек.

Искать ее среди сотен больных, что иголку в стоге сена. Визитная карточка служила для конспирации.

Книпович взяла на Адмиралтейской площади извозчика и покатила куда глаза глядят. Следовало убедиться в отсутствии «хвоста». Как выяснилось позже, явка была провалена, и об этом знали меньшевики, но «забыли» сообщить Крупской. В лечебницу на Геслировской она долго потом не заходила, предупредив знакомого врача по телефону.

Контроль и самоконтроль во всех поступках и действиях стали частью жизни Дяденьки. За многие годы подполья она сознательно исключала мелочи и пустяки в конспирации. Книпович не имела обыкновения сохранять бумажки, адреса, записки, письма, даже безобидного характера. Время от времени она выворачивала свою любимую сумку-«сокровищницу» и после тщательной ревизии уничтожала лишнее. Постоянно там оставались только две вещи — редкое миниатюрное издание Евангелия от Иоанна, оставшееся от матери, и овальный медальон — образок святителя Николая Мурликийского. Оба эти предмета служили в какой-то мере «прикрытием» при неожиданном обыске.

Кроме того, евангелие удачно служило для шифровок и «легкого» чтения в дороге, такая смешная, наивная книга. Некоторые главы Дяденька знала наизусть: «...не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы — боги». «Вы — боги!» — как это прекрасно! Она принимала это изречение на собственный счет, на счет своих товарищей. Что касается святителя Николая, то он определенно ассоциировался с дорогим и памятным именем Николая Рогачева. В редкие минуты нахлынувших воспоминаний она вглядывалась в овальный образок, и перед ней, как живой, появлялся молодой артиллерийский офицер. Он стоял на валу Свеаборгской крепости, ветер шевелил полы шинели, лицо его было устремлено куда-то вдаль, и Лидия старалась изо всех сил посмотреть ему в глаза...

Книпович не знала, что есть люди, которые внимательно наблюдают за ней, фиксируют ее поступки, и не только агенты охранки... Подопечная Дяденьки двадцатисемилетняя курсистка-лесгафтичка Алевтина Березина регулярно записывала все о ней в дневник.

Л. М. Книпович.
Фотография 1905—1907 гг.
Публикуется впервые.

Маяк Стирсудден.
Дом, где жили В. И. Ленин
и Н. К. Крупская в гостях
у семьи Книпович летом 1907 г.
В центре снимка на крыльце
Л. М. Книпович.

Мемориальная доска
на доме № 33
по ул. Жуковского
в г. Симферополе.

Славная девушка, тоненькая как тростиночка, с рыжеватыми волосами, заплетенными в две короткие косички, казалась моложе своего возраста лет на десять. Она уже успела пройти школу политической тюрьмы и получить полезные уроки от соседок по камере — Марии Эссен и Веры Величкиной.

Наблюдательная и впечатлительная девушка старалась осмыслить происходящее и дать оценку. Самое интересное заносила в толстую общую тетрадь. 8 октября 1906 года она сделала запись:

«Поселились мы с Зоей вместе на этот раз на Петербургской стороне, на уютной, полудеревенской Подрезовой улице. Работаем в очень приятном культурном коллективе. Начальством нашим является Дяденька с Тетенькой. Первая меня сразу привлекла к себе каким-то внутренним сходством с моей дорогой ушедшей теткой Ульяной Сергеевной, самым близким мне человеком. У нее то же внимательно изучающее отношение к людям. Ее мишурой не обманешь. Жаль, что пока мне мало приходится с нею иметь дела.

А Тетенька (Прасковья Францевна Куделли) мне поразительно напоминает француженку нашей гимназии м-ль David — и внешним сходством, и своей манерой говорить, и всем высококультурным и строгим обликом своим.

Как всегда, 85 процентов положительных переживаний дают рабочие. Нравится мне и моя достаточно самостоятельная деятельность организатора подрайона».

Менее полугода удалось поработать подрайонному организатору Алевтине Березиной. В марте 1907 года ее арестовали, но она сумела бежать в Баку. Дяденька, в который уж раз, переживая случившееся, искала на освободившееся место надежного человека.

Совсем другого характера была запись в казенных бумагах департамента полиции. Некий Леонид Прохоров, из тех, кто какое-то время «баловался» революцией, сделал устное заявление. Его показания записал подполковник жандармерии Илларион Горленко:

«В декабре 1906 года в одной аудитории дома графини Паниной проходила общегородская конференция с.-д. На этой конференции был Ленин. Председ-

дателем на этой конференции был бывший рабочий Невского завода Цыцарин, секретарем же женщина под кличкой Дяденька — секретарша Петербургского комитета с.-д.».

Протокол дознания был оформлен спустя полтора года после описываемых событий, а именно 19 июля 1908 года. Жандарм, который записывал показания, вероятно, не сомневался, что Дяденька уже попала к ним в сети, а она продолжала действовать...

У сутулого, уже далеко не молодого сыщика была кличка Студент. Он крутился в длинном университетском коридоре, появлялся в аудиториях медицинского института и даже пробирался в лаборатории Электротехнического. Студент был на хорошем счету в сыскном отделении.

Сегодня он сопровождал вроде бы ничем не примечательного мужчину, одетого в черное. Проверялись подозрительные университетские связи. Наблюдали в это время многих, взяли на примету и этого. «Хитер,— с невольным уважением думал филер, следуя за ним по пятам.— Не знай я всех переходов на Васильевском, давно потерял бы тебя из виду».

После бесконечного кружения между университетскими корпусами неразлучная пара направилась к Тучкову мосту и, перейдя его, оказалась на Петербургской стороне. Неторопливо пройдя по Церковной и Любанской улицам, мужчина в черном проворно юркнул в ворота углового дома. На рубеже нового века его построил известный петербургский домовладелец Алексей Абрамович Ушаков. Дом с виду солидный: широкий фасад, круглая башенка со шпилем, ворота массивные из кованого железа, причудливые драконы поддерживают навес у подъездов.

Студент с трудом нашел подходящее место для наблюдения. Он знал, что со Зверинской, через два проходных двора, можно незаметно выйти к соборному скверу, в котором легко затеряться среди богомольцев, нищих и другого толкающегося там люда. Долго ждал филер. Но незнакомец так и не показался. Мог он там заночевать, мог и вовсе скрыться. Оставалось сделать запись в дневнике наблюдения и на этот раз уходить ни с чем.

Мужчина в черном — это был присяжный поверенный Сергей Карлович Вржосек. Полгода как вернулся он с женой в столицу после вынужденного столь долгого отсутствия. Все постепенно возвращалось «на круги своя» — и партийные связи, и непременные «тени» их в гороховых пальто. Из соображений конспирации выбрали трехкомнатную квартиру в левом крыле дома Ушакова с черным и парадным выходами на разные улицы — Любанскую и Зверинскую. Поселились вдвоем, но ждали третьего. Вскоре появился на свет сын — первенец Лодик.

Книпович посещала Анну Михайловну. Семейство Вржосеков она искренне любила, но боялась «испортить» квартиру частым появлением.

В первые месяцы 1907 года Петербург кипел страстями. Предвыборная кампания накануне созыва очередной Думы достигла апогея. В столице тайно и явно вели между собой сражение лидеры партий и группировок. Бурное это было время.

Большевики решили принять участие в выборах. Они использовали предвыборную кампанию для революционной агитации. Меньшевики же призывали членов партии и пролетариат России выступить в блоке с кадетами. Шла острая внутрипартийная борьба.

Переломным моментом, своеобразным рубежом этой борьбы между левым и правым крылом социалдемократии стала январская конференция Петербургской организации РСДРП. Лидию Михайловну избрали своим делегатом сестрорецкие рабочие. Меньшевики в тот день пошли на раскол организации — они демонстративно покинули собрание. Весь январь в Петербурге проходили совещания большевистской и меньшевистской частей организации. Раскол ослаблял партию...

С начала февраля решено было готовиться к новой конференции. Предстояло провести реорганизацию Петербургского комитета и объединить фракции на демократических началах. На предприятиях, в подрайонах и районах столицы после обсуждения предвыборных платформ выбирали делегатов конференции. Так же остро, как и в январе, шла борьба за мандаты.

Во второй половине марта, когда до открытия конференции оставалась неделя, Владимир Ильич пре-

ложил собрать небольшое совещание и еще раз детально обсудить, какие правила установить при голосовании за мандаты на конференцию.

Дяденька взялась подыскать подходящее место для «сбора гостей».

— Ты у нас,— уважительно говорила Крупская,— вроде «поставщика его величества» ювелира Карла Бока. Только тот поставляет царской семье редкие драгоценности, а ты для партии — безопасные квартиры. Неизвестно еще, кому труднее!

«В самом деле, размышляла Книпович, перебирая в уме подходящие адреса, с начала года провалилась дюжина квартир, а сколько «испорченных»? Необходима стопроцентная гарантия от всех несчастных случаев, как в страховом обществе «Россия». Значит, дошла очередь до «неприкосновенного запаса» — квартиры Вржосеков». Там и договорились встретиться.

Пришли Ленин, Крупская, Луначарский, Кржижановский и Бонч-Бруевич. Книпович принимала гостей в рабочем кабинете Сергея Карловича, выполняя роль хозяйки. Проблему проверки мандатов обсудили быстро. Единогласно решили спуску меньшевикам не давать, биться за каждого делегата, отстаивать каждый мандат. Условились о составе мандатной комиссии, оговорили порядок процедуры выдвижения кандидатур.

Конец заседания прошел почти по-домашнему. Все собрались в столовой. За чаем беседа потекла по свободному руслу. Договорились — ни слова о политике. Правда, это не очень получалось. Говорили о разных разностях. Оценили по достоинству последнее сойкинское издание Добролюбова.

— Но за четыре тома в переплете надо отдать девять рублей,— с огорчением заметила Анна Михайловна.— Это для нас целое состояние!

Надежда Константиновна, к слову, посетовала на скудность партийной кассы. Книпович поддержала ее, вспомнив недавний неприятный случай.

— Есть у нас старые знакомые, еще с гельсингфорсских времен, состоятельные люди. Сестра и брат Аршауловы. Дружили семьями. Все время давали деньги на партийные дела. А теперь... Теперь, видите ли, в революции разочаровались. Им больше ка-

деты нравятся. И денег для них не жалеют.— Дяденька стукнула ладонью по краю стола.

— От чего ушли, к тому и пришли,— рассмеялась Крупская,— сначала кадеты, потом меньшевики и пошли-поехали...

— Est modus in rebus! — Всему есть мера,— озадачил латынью Анатолий Васильевич Луначарский и показал рукою на дверь.— Это в некотором роде имеет отношение и к любезным визитерам.

По всем приметам лето 1907 года обещало быть жарким. После недолгих раздумий Николай Михайлович принял приглашение своего коллеги по университету профессора Генкеля приехать к нему на летний отдых в Сейвисто. Небольшой поселок, вытянувшийся вдоль Финского залива, как нельзя лучше отвечал требованиям дачной жизни. Место тихое, глухое, до ближайшей станции Ууси-Кирка тридцать две версты. Обширный участок Генкеля соседствовал с маяком. Высокая песчаная терраса служила естественным основанием для относительно невысокой, но массивной шестигранной башни его, для примыкающих слева и справа служебных построек. Белые каменные плиты вели вниз от фундамента до самой дороги.

Многочисленное семейство Книповичей расположилось в двухэтажной даче с большой верандой. Тонкие стены и дырявая крыша послужили поводом острой на язык Лидии Михайловне назвать это ненадежное сооружение «карточным домиком». Еще одну дачку, одноэтажную, с пристроенной верандой, она же нарекла «избушкой».

Устроились свободно, не стесняя друг друга. Николай Михайлович, не прекращая научных занятий по биологии, много гулял и купался. Аполлинария Ивановна вела хозяйство, ей помогали в этом Лидия Михайловна и Ксения Ивановна. Борис много читал, увлекаясь социальными и экономическими науками. Но в то же время участвовал во всех развлечениях и младших и старших.

В один из жарких июньских дней перед верандой «карточного домика» появился незнакомый мужчина. Был он в легком светлом костюме, плоской соломенной шляпе.

— Здравствуйте, Николай Михайлович! — сказал незнакомец, подойдя к нему вплотную.— Не признаете?.. Владимир Ильич!

— Неужели это вы, Владимир Ильич, честное слово, вас трудно узнать,— Николай Михайлович сжал руку гостя и долго не отпускал.

— Не знаю, право, Владимир Ильич. Лицо изменилось — ни усов, ни бороды. И шляпа для наших мест необычная — на немецкий лад... Чего же мы стоим? — забеспокоился Книпович.— Таня,— обратился он к дочери,— беги скорей, предупреди наших — гость приехал, пусть принимают. Лидию найди,— прокричал он уже вдогонку,— а то она в лес собиралась!

А вещи ваши где, Владимир Ильич?

— Да вот, все тут,— ответил он и легко встряхнул маленький саквояж.

В доме оживились, захлопотали. Подошла Лидия, обрадовалась гостю. Повела кормить. Поселили Владимира Ильича в «избушке». На этот случай и держала Дяденька этот уединенный домик. Не была только уверена, сумеет ли Надя уговорить Ильича приехать.

В Питере после возвращения Ильича из Лондона они виделись с Крупской мельком. Ленин чрезвычайно устал от съезда, чувствовал себя прескверно. Пропал сон, аппетит. Издергался до крайности. Крупская расстроилась и не знала, что предпринять.

— И голову, Надя, не ломай,— толковала Книпович подруге,— отправляй Ильича к нам, в Стирсудден. Лучше места для него сейчас нет. И тебе отойти немного надо. Забыла уж, верно, как лес шумит? Собирай маму — и на поезд до Ууси-Кирки, а там на финской бричке до маяка.

Ленин приехал в Стирсудден крайне утомленным. Нервы, физические силы казались на пределе, и он делал все, чтобы скорее восстановить их.

Через несколько дней в Сейвисто приехала Надежда Константиновна с матерью Елизаветой Васильевной. Владимир Ильич к этому времени пришел в себя, отдохнул, повеселел.

Ранним утром над заливом солнце поднималось со стороны Кронштадта, постепенно заполняя бухту голубоватым светом. Так начинался новый день.

Все вместе ходили купаться, а в жаркие дни и по нескольку раз. Самым лучшим местом для купания была небольшая бухта с чистым песчаным дном.

27 июня Владимир Ильич отправил Марии Александровне письмо: «Дорогая мамочка! Давно не писал тебе ничего. Анюта рассказала, верно, про наш план устройства на отдых. Я вернулся страшно усталым. Теперь отдохнул вполне. Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего. Еще надеюсь пробыть недели две, а потом вернуться за работу. Надя и Елиз. Вас. здоровы и отдыхают чудесно».

В семье Книповичей к Ленину привыкли, относились как к члену семьи. Часто он вместе с Николаем Михайловичем и Борисом впрягались в повозку с бочкой, чтобы привезти из ручья воды для поливки цветников и огородов. Лидия Михайловна, за ней и все дамское общество наградили мужчин почетным титулом «водовозных кляч». Позже в письмах из-за границы к Дяденьке Крупская передавала всем привет от «водовозной клячи».

В последних числах июня Владимир Ильич писал сестре об их житье-бытье в Стирсуддене: «Дорогая Маняша! Спасибо за письмо. Прошу прощенья, что отвечаю не сразу. Я так здесь «впился» в летний отдых и безделье (отдыхаю, как уже несколько лет не отдыхал), что все откладываю все дела и делишки.

Я против бойкота III Думы, и скоро, верно, выйдет у меня одна вещица по этому поводу, которую я только что кончил...

Мы отдыхаем чудесно и бездельничаем вовсю.

Крепко целую. Твой *В. У.*».

Постепенно Владимир Ильич все меньше времени уделял отдыху. Работал он в «избушке». Стол стоял вплотную к окну. С клумбы в комнату заглядывали цветы — душистый горошек, резеда, настурции: цветами увлекалась Лидия Михайловна.

Уезжал Ленин из Стирсуддена в июле, и опять один. Надежду Константиновну с матерью провожали позже, собрав им в дорогу огромную корзину грибов — Лидия постаралась.

Глава четвертая НОЧЬ ПОСЛЕ БИТВЫ

Петербургская осень 1907 года. К середине дня на город ложился густой туман. Насыщенный тяжелой влагой воздух плотно окутывал мерцающие нимбы газовых фонарей. Вместе с предзимними похолоданиями накатились болезни. Вспышки инфлюэнции и тифа могли сравниться только с волной провалов и арестов.

Каждый день Дяденька узнавала печальные новости. Владимир Ильич, находясь почти в полной изоляции, ухитрился заболеть. Мария Ильинична и Надежда Константиновна заботливо выхаживали его. На дачу «Ваза» старались никого не пускать. Исключение делалось только для Лидии Михайловны. Она привозила в Куоккала лекарства, газеты и последние петербургские новости, без которых Ильич определенно не смог бы поправиться.

Лидия Михайловна и сама валилась с ног, хотя явной болезни у нее как будто не было. Когда же Надежда Константиновна вместе с Марией Ильиничной пытались робко предостеречь Лидию, она только отшучивалась, что-де дым ее «дежурной папироски» не только убивает микробов, но и отравляет жизнь привязавшимся к ней филерам. Подымив в кухне и выпив крепкого чая, она убегала на станцию к последнему поезду.

Уставать и болеть Лидия Михайловна никак не могла себе позволить. Людей не хватало. Репрессии вырывали из их рядов лучших работников. Провокации, боязнь предательства порождали у многих страх и скептицизм. Времена круто менялись к худшему.

Перестали служить надежным убежищем даже конспиративные дачи «ближней эмиграции» в Финляндии. Русская жандармерия и в Выборгской губернии хозяйничала как у себя дома. Партийцы-про-

фессионалы уезжали за границу. Реальная опасность нависла и над обитателями дачи «Ваза». По решению большевистского центра Ильичи готовились к отъезду. Часть дорожных хлопот Дяденька взяла на себя.

Если Ульяновы вынуждены были покинуть страну, то Книпович в эту же неделю решила покинуть насиженную квартиру, поменять адрес. Про себя она давно решила, что нельзя бесконечно испытывать судьбу и подвергать опасности семью брата. А тут еще женился племянник Сергей, и ему с молодой женой срочно требовалось жилье. Сергей попросил Лидию подыскать отдельную квартиру и поселиться вместе с ними. На зиму собиралась перебраться с дачи «Ваза» к Дяденьке и Мария Ильинична.

Круг поисков не выходил за пределы Петербургской стороны. На Гребецкой только начала налаживаться Петербургская рабочая школа, свой Рабочий клуб. Да и уезжать далеко от Колпинской не хотелось.

— Пропадете без меня с хозяйством,— уверяла Лидия родных,— за вами глаз да глаз нужен.

Недалеко от Тучкова моста она нашла вполне приличную квартиру за тридцать два рубля вместе с дровами. Четыре комнаты — две молодоженам, одна для себя и одна для Маняши. Но переселение Марии Ильиничны в последний момент расстроилось, хотя и было одобрено на семейном совете.

Обжить новую квартиру, хотя бы кухню — любимое место вечерних сидений, так и не успели. Целыми днями разъезжала Дяденька из конца в конец Петербурга. Дел — пропасть, а где людей взять? Просыпалась она рано, когда тонкий прерывистый голос гудка призывал рабочих ближних мастерских. На скорую руку стряпала завтрак, будила молодоженов, а через три четверти часа успевала добраться на конке в Новую Деревню. Там договаривалась об отправке на Волгу «малого транспорта» с нелегальной литературой. В обед ее ждали рабочие-пропагандисты Городского района. Встречались в греческой кухмистерской на углу Садовой и Кокушкинского переулка: здесь Лидия Михайловна имела свой обеденный абонемент — меньше подозрений, да и кормили прилично.

Собирались в соседней с буфетом комнате. Вход охраняли рабочие-боевики. Приближался день суда

над депутатами социал-демократической думской фракции, назначенный на 22 ноября. Петербургский комитет выпустил листовку, где призывал устраивать митинги.

«Солидарность, солидарность и еще раз солидарность,— вот что главное,— читала Книпович. Она объясняла пропагандистам каждый тезис, каждое положение, подчеркивая и повторяя самое существенное: «Вы должны, вы обязаны выразить свою солидарность с теми, которые действовали по вашему поручению. Это должен сделать весь пролетариат России, но особенно вы, товарищи, вы, петербургские рабочие и работницы. Ибо вся борьба в Думе происходила на ваших глазах, и на ваших глазах правительство будет судить тех, кто честно и смело защищали в этой борьбе ваши интересы».

— Все понятно? — спрашивала Дяденька, всматриваясь в лица окружавших ее рабочих.

Те утвердительно кивали.

Кто-то на ходу пустился рассказывать о плане собрать большой митинг «молодцов» — рабочих торговых лавок Сенного рынка. Его хлопнули по плечу и подтолкнули к двери: не время! По одному рабочие исчезали в глубине столовой.

Последним задержался в буфетной молоденький белобрысый паренек.

— У меня есть вопрос,— решительно заявил он. Раскатистое «о» выдавало в нем вологжанина.

— Только быстро, а то с обеда опоздаете, на карандаш мастер возьмет.

— Я хочу справиться, Лидия Михайловна, почему вас Дяденькой называют? Странно уж больно. А? Все думаю, отчего так?

Книпович оторопела, такого вопроса она никак не ожидала. Ее очень беспокоило, что в последнее время сплошь и рядом встречались неискушенные в конспирации новички. За наивность, легкомыслие, просто незнание прописных истин конспирации часто даже жизнью платят. Да откуда этому белобрысому знать ее имя и отчество, ведь все называют ее только товарищ Дяденька? Как это ему объяснить в двух словах?

— Запомните хорошенько, юноша. Имя я ваше не спрашиваю... Кого бы вы ни встретили на собрании или на улице, никогда не называйте по имени или

фамилии. И вообще делайте вид, что не знакомы. Ждите, пока с вами не заговорят. На сей раз вроде посторонних нет, а вдруг у стен есть уши? Встретите меня на собрании, не называйте никак. А если уж очень надо, то тем именем, которое скажу... Если не дам повод, то вообще не признавайтесь, что знакомы. Это святое правило конспирации. Всегда соблюдайте его, если хотите стать революционером и не угодить сразу за решетку.

Парень стоял опустив голову, переминаясь с ноги на ногу. Дяденьке стало жалко его.

«Чего на парня набросилась!» — ругала она себя, а на вопрос так и не ответила.

— Дяденькой спрашиваете почему зовут? Так я вроде старого дядьки при вас, новобранцах. Разве вы этого не поняли? Идите, идите. Я вам и так целую лекцию прочла. Теперь пообедать определенно не успеете.

Книпович протянула парню руку. Он понял, что его простили, сказал на прощание: «Меня Степаном зовут. Степан Никитин. А кличку дали Светлый!»

Лидия Михайловна всплеснула руками: «Сколько времени объясняла, все без толку!» Парень убежал. Дяденька подошла к стойке, решила пообедать.

Да, провалы очень ослабляли организацию. Чуть ли не ежедневно рвались нити партийных связей. В который раз арестовывали членов Петербургского комитета РСДРП. Товарищи едва успевали присмотреться друг к другу, как оказывались за решеткой.

В ночь на 4 октября взяли несколько членов ПК, а 11 ноября забрали сразу четырнадцать человек. Передали на волю, что ведут себя мужественно, не думают отчаиваться. Знают: сметут одного, явится другой на его место! Иногда она чувствовала нелепую зависть к тем, кого сметают. Сто раз хуже ее сизифов труд над развалинами...

О подробностях последнего ареста Книпович узнала из письма Нины, переправленного из тюрьмы. Записка попала через третьи руки, много раз скрученная полоска бумаги успела порваться на сгибах. Об отдельных словах приходилось догадываться:

«Ровно неделю назад провалился ПК в количестве 14 ч. (осталось 5). Есть данные, что мы жертвы провокации. Ночью привезли трех женщин, одна — хо-

зяйка квартиры, две — из состава. Взята масса документов, по которым можно ясно понять, что за учреждение село. Публика дала при расставании клятвенное обещание друг другу отказываться от показания. На другой, третий, четвертый день продолжались аресты в связи с провалом. Первые дни мы ходили как в кошмаре, потом «приобвыкли».

Что теперь делается на воле? Как там справляются с работой? Ведь сколько людей выбыло из строя? Ужас, ужас. Когда услыхала, что и А. сел в общей куче, меня это не поразило, поразил только весь провал своей грандиозностью».

Подпись — «Н» и дата — 18 ноября 1907 года.

Организация «горела» с двух концов — ее выслеживали филеры и выдавали провокаторы. Аресты членов ПК были только началом большой осенней «охоты» охранки. Она определенно задумала полностью ликвидировать комитет, обрубить все корни, тогда дерево упадет само. За тюремной решеткой сидело больше активных работников партии, чем их оставалось на воле. Притока новых сил можно было ждать только от рабочих. Напуганные мещане открещивались от «революционных заблуждений». Недавние помощники категорически отказывались содействовать в самых безобидных делах.

— Ведь это же крайности,— рассуждали они,— а жизнь составляют средние люди. Среднее — правило, норма. Крайнее — исключение, сверхнормальное или ниженормальное.

Спорить с ними, переубеждать, уговаривать? Книпович видела бесполезность такой затеи.

Аресты, аресты, аресты... Возникала обычная цепь вопросов: кто, когда задержан, что у них захватили при обыске, как держались на допросе, причина провала? Нет ли провокатора? На это могли ответить «оттуда», из-за тюремных стен.

Дяденька обладала редкой способностью помнить сотни лиц, даже на короткое время встретившихся на ее пути. Она цепко схватывала внешность, костюм, походку. Нину Лидия Михайловна часто встречала на комитетских явках и знала неплохо. Двадцатидвухлетнюю курсистку-бестужевку Шуру Всесвятскую, как в самом деле звали Нину, считали опытным партийным организатором. К конспирации девушка относилась серьезно. Порадовалась Дядень-

ка, что у Нины, как у опытного подпольщика, при обыске ничего не нашли, но ордер на арест жандармы поспешили заготовить заранее...

Не впервые Всесвятская знакомилась с тюремными порядками. Способные и неленивые за короткий срок успевали пройти там хорошую школу. И вот письмо... Значит, связь с Рождественской частью, куда посадили Нину и ее товарищей, налажена. Это радовало Лидию Михайловну.

Трудно переносили заключение «новобранцы», необстрелянные рекруты революции. Некоторые из них быстро впадали в меланхолию, теряли интерес к жизни. Много возилась с ними Дяденька. Она просила сообщать о «трудных», направляла к ним «братьев и сестер», навещала их сама. Лидия Михайловна успела узнать особенности полицейских участков Петербурга. В одних, не смущаясь, она настойчиво добивалась встречи с «близкими родственниками», в других — настаивала на регулярных передачах, давала понять на связи «там, наверху». Обходила стороной лишь третий полицейский участок Казанской части, что на Офицерской. В этом же доме помещалась петербургская сыскная полиция. Сама над собой смеялась, что опасается этой «крысиной норы», как черт святого места: «Знакомых много, не хочу, чтобы признали».

Глубокой осенью Дяденька в последний раз приехала на дачу «Ваза». Комнаты были завалены бумагами и стопками книг. Крупская внимательно просматривала каждый лист. Большую часть придется уничтожить. Владимир Ильич работал у себя в комнате. Через полуоткрытую дверь он поздоровался с Лидией Михайловной, извинился, что не может выйти. Пообещал вот-вот закончить статью и тогда сразу за чай.

Мысль о скором отъезде из России тяготила Надежду Константиновну, а Книпович просто не могла представить, что они не смогут каждую неделю встречаться. Близкая разлука гнетуще действовала на обеих женщин, хотя они не хотели в этом признаться. Подруги тихо переговаривались. Крупская передавала Лидии наследство: адреса, шифровки, запасные явки, связи с заграницей.

— Лидия, что я тебе хочу сказать... Только боюсь, пожалуй, ты на меня рассердишься?..— Крупская вопросительно посмотрела на подругу.

— Говори, пожалуйста... Что мы с тобой, институтки? С какой же стати я буду на тебя сердиться?..

— Мне кажется, что ты себя совсем не жалеешь, разрываешься на сто частей и все стараешься сделать сама. Лезешь на рожон. Разве обязательно именно тебе встречаться с пропагандистами или бежать в полицейский участок на свидание? Ты ответственный работник партии, на тебе замыкаются сотни людей и важных дел... Ну как тебя убедить?

— Что же я, по-твоему, в затворничестве должна сидеть? — не понимала Книпович, чего хочет от нее Крупская.

— В самую точку попала. Улетучься с глаз. Пусть думают в охранке, что бросила ты с ними в кошки-мышки играть. Гоняешься по Петербургу, как молодая гончая. У них уж небось от тебя в глазах рябит?

В проеме двери показался Владимир Ильич. Он наблюдал за женщинами.

— Вы, Лидия Михайловна, поистине гончая! Тут Надюша права. Больше скажу, за вами молодые не поспевают. Но беречь себя серьезно надо. Тут я целиком и полностью присоединяюсь к предыдущему оратору... Вы наш бесценный партийный капитал и семейный тоже...

Ленин подошел к столу и решительно отодвинул на край стопки бумаг.

— Фракционное заседание закрывается! Нет возражений? Кто за? — Сам поднял руку.— Будем чаевничать. Пить чай с финскими булочками, в последний раз...

Уезжала Книпович из Куоккала утром. Прощаясь, сказала Крупской:

— Провожать вас не приду. Билеты через Сергея передам. Так нужно для конспирации, да и для вас лучше будет...

В этот же день Лидия Михайловна попросила Сергея купить билет до Гельсингфорса. Она не сказала кому, а он, и до того выполнявший ее поручения, лишних вопросов задавать не стал.

Точно в назначенный срок Сергей передал билет и подробно рассказал Лидии Михайловне, как он по

ее совету, возвращаясь с Финляндского вокзала, несколько раз менял транспорт и маршруты. Похоже, «хвоста» не было.

— Хорошо, Сережа! После ужина я тебе скажу, что делать дальше.— Книпович поблагодарила племянника в своей обычной сурово-сдержанной манере.

Ужин в этот вечер, как казалось Сергею, тянулся томительно долго. Наконец все встали из-за стола. Младшие сестры Юлия и Таня ушли в детскую, Николай Михайлович — работать в кабинет. Быстро собирая со стола посуду, Лидия Михайловна попросила Аполлинарию Ивановну:

— Ты, Леля, уложи девочек, а мне Сережа поможет.

На кухне Дяденька передала Сергею сверточек. Объяснила подробно, как и кому он должен вручить.

— Спать не лягу, буду ждать,— сказала она на прощание.

Без десяти минут десять Сергей был на набережной Невы. Рядом горбатился Литейный мост. Не заметив ничего подозрительного, юноша встал в нише подъезда. Ровно в десять со стороны Литейного показались мужчина и женщина. Он нес небольшой саквояж, у нее был портфель. Пара остановилась под фонарем против Сергея. Теперь хорошо были видны их лица. Владимир Ильич, а это был он, поставил саквояж, заботливо застегнул верхнюю пуговицу пальто у Надежды Константиновны. Условный знак для Сергея, что все в порядке.

Юноша неторопливо вышел им навстречу, кивнул и передал пакетик Надежде Константиновне.

— Спасибо, Сережа, вам и Лидии. Кланяйтесь всем домашним.

— И от меня,—добавил Владимир Ильич.— Передайте привет. До свидания, Сергей, до лучших времен! Они крепко пожали ему руку и ушли в темноту Литейного моста.

Дома спали, когда Сергей вернулся на Колпинскую. Скинув в передней штиблеты, он в носках прошел на кухню. Лидия Михайловна, прикрутив у лампы фитиль, вязала. Она налила два стакана крепкого чая, закурила папироску и приготовилась слушать. Сергей обстоятельно рассказал о короткой встрече и прощании. Он хорошо запомнил этот ве-

чер, мерцающую тишину Литейного моста, удаляющиеся фигуры Ленина и Крупской. Запомнил на всю жизнь, да так, что смог воспроизвести подробности через полстолетия.

Прошел месяц после отъезда Владимира Ильича, а потом и Надежды Константиновны за границу. К рождеству Лидия сделала племяннику подарок — «Капитал» Маркса и написала: «Товарищу Сереже от тетки Лидии».

В первые месяцы 1908 года Дяденька часто заглядывала на Большую Гребецкую улицу. Эта неприметная часть Петербургской стороны представляла в вечерние часы довольно любопытное зрелище. На сравнительно коротком участке улицы между Большим и Малым проспектами сталкивались и спешили пройти своим путем самые различные люди. Одни чинные, высокопарные и лощеные, затянутые в юнкерские мундиры. Другие — полные собственного достоинства, но чуть сутулые, в темных блузах и косоворотках. На Большой Гребецкой через дорогу напротив друг друга размещались два учебных заведения. В доме 12 — пехотное юнкерское училище, в доме 15 — Петербургская школа рабочих.

Направляясь на занятия в рабочую школу, Лидия Михайловна с Большого проспекта поворачивала на Малую Гребецкую и по Музыкантскому переулку выходила к желтым корпусам училища. В угловом доме под номером 9/5 жили господа офицеры — преподаватели училища. У ворот дома — полосатая будка и часовой. Дяденька привычно поднимала голову. На втором этаже светятся окна знакомой квартиры. Там живет полковник Неслуховский.

Так случилось, что год назад именно здесь Владимир Ильич нашел спокойное и безопасное место работы. Они с Крупской часто останавливались здесь. Под окнами ходил часовой, охраняя их от любопытства филеров и неожиданных вторжений жандармов.

Семейство Неслуховских жило широко и весело. Вечерами собиралась молодежь. Часто бывал здесь и любимый племянник Лидии Михайловны — Боречка. Ученическая социал-демократическая организация, одним из учредителей которой он был, заседала в

квартире Неслуховских. Для посторонних объясняли эти сборища очень просто — к девочкам-гимназисткам приходят друзья. Разве в этом есть что-нибудь предосудительное?

Сам Константин Францевич Неслуховский слыл либералом, сочувствовал новым идеям. Полковник не побоялся предупредить юнкера В. А. Антонова-Овсеенко о предполагаемом обыске. Тот успел «почиститься», и обыск для юнкера прошел благополучно. Татьяна Неслуховская, дочь полковника, ухитрилась использовать свои училищные знакомства для создания политического кружка из числа юнкеров.

Революция раскачала затвердевшие социальные устои, нарушила привычные представления. Семена, разбросанные в дни бури, определенно давали всходы.

Петербургская школа рабочих, как и десяток других ей подобных школ, обществ, клубов рабочих столицы, работала под вывеской просветительства. Школа на Гребецкой стала преемницей общества «Образование», размещавшегося ранее в одном помещении с Центральным комитетом союза металлистов на Церковной улице. Именно поэтому рабочие-металлисты и составляли основной костяк учащихся. Это обстоятельство особенно притягивало Книпович на Большую Гребецкую.

Память возвращала Лидию Михайловну к давнему времени ее первых шагов учительства в воскресной школе за Невской заставой, воскрешала дорогие, знакомые лица. Да, «многих нет, а те далече», как сказал великий поэт. Изменились времена, изменились порядки в рабочей школе. Вместо наивного доверия каждому рабочему, широко открытых дверей для всех желающих — строгие порядки при поступлении: рекомендации двух слушателей или правления профессионального союза. При первом подозрении в провокаторстве или других грехах группа подавала заявление, и слушателя исключали. Так школа очищалась от нежелательных элементов.

Складывались новые отношения с начальством. Закон требовал проводить общие собрания школы с разрешения градоначальника при непременном присутствии пристава или околоточного надзирателя. Руководство школы нашло остроумный выход из положения, используя обострившиеся отношения меж-

20 Заказ 554

ду жандармерией и участковой полицией. Либеральный пристав, в участке которого находилась Петербургская школа, не без корысти для себя оберегал Гребецкую, 15, от неожиданных визитов охранки, предупреждал о возможных налетах жандармов.

Лидия Михайловна обычно приходила в школу рано. Назначала деловые встречи или, как в добрые старые времена, шепталась в тихом уголке с Прасковьей Францевной. Куделли с блеском читала рабочим школы лекции об идейных и общественных течениях 40-х годов, о декабристах.

Что касается Дяденьки, то она согласилась заниматься с кружком первой ступени — давала слушателям элементарное образование. Это было ей ближе. Кроме того, с большой аудиторией стало трудно справляться: у нее прогрессировала глухота. А демонстрировать свою беспомощность — извините, это не для нее.

Растолковывая труднейшие основы экономического учения Маркса, Лидия Михайловна делала для них понятными экономические термины, читала вместе с рабочими «Капитал».

Во время одного из занятий в класс несколько раз заглядывал незнакомый молодой человек. Книпович вышла в коридор. Она увидела, что к незнакомцу подошли трое рабочих — учеников школы. Они в упор смотрели на него.

— Это ко мне,— пояснила Лидия Михайловна ученикам, проявившим бдительность. Она потянула юношу за рукав в крохотную лаборантскую комнату.

— Здравствуйте, Николай! Николай Андреевич, правильно? Вы от Сергея Павловича? Его младший коллега и единомышленник? Тоже на естественном факультете? — Книпович быстро задавала вопросы, не давая возможности на них отвечать.— Сережа рассказывал, что вы Скандинавией увлекаетесь, изучили финский, шведский? Правильно? Еще эсперанто и стенографию? Вот этого он не говорил. Как только все успеваете? К Скандинавии у нас с вами общая страсть, почему и просила пригласить сюда. Скоро поймете почему. Меня некоторые Чухна называют, а я не обижаюсь. Если получите письмо или вам записочку передадут с подписью Чухна — это от меня. Договорились? А пока идите.

Лидия Михайловна вышла из школы под руку с

Прасковьей Францевной. Обговорив дела на завтра, подруги разошлись в разные стороны.

Проходными дворами Книпович быстро оказалась на Павловской улице. Дом 6, квартира 16. Знакомый путь к Ульяновым. Маняша — Мария Ильинична — заболела тифом, а Анна Ильинична только-только перенесла инфлюэнцу в тяжелой форме. Книпович помогала ухаживать за Марией. Делала она это с теплой заботливостью и терпением. Оставалось удивляться, когда она все успевала? Бездеятельность была для Дяденьки величайшим мучением, она даже представить себе не могла, как это можно ничего не делать. Даже у постели больной, в редкие часы, когда та засыпала, Лидия Михайловна вытаскивала клубок шерсти и спицы. Вязала брату и племяннику носки. Им предстояло скоро уйти надолго в плавание.

Стирсудден оставался для Ульяновых на всю жизнь райским местом для отдыха и лечения, лучше всех заграничных курортов. Лидия Михайловна, каждый раз ссылаясь на совет Владимира Ильича, уговаривала Марию Ильиничну поехать с ней вместе в Стирсудден. Но загадывать вперед даже на два месяца было мудрено. Весной Ульяновы решили переехать к Дмитрию Ильичу в Михнево.

Во второй половине мая Лидия Михайловна отправила с Борисом записку своему новому знакомому Николаю Великанову — тому, что приходил к ней в школу. Назначила ему свидание в шведском павильоне Международной художественно-строительной выставки 1908 года. Дяденьке удалось договориться с представителями некоторых шведских фирм о частных контактах, Николаю предназначалась роль связующего звена в будущей цепи подпольной связи Скандинавия — Россия.

Чуть ли не каждый день проваливались самые надежные каналы связи. Вся заграничная переписка фильтровалась, письма вскрывались и перлюстрировались. Из пяти-шести почтовых отправлений три пропадали бесследно. Хоть почтовых голубей заводи. Теперь она хотела воспользоваться выставкой для установления деловых знакомств, попытаться наладить почту по официальным каналам, исправить положение.

Николая Дяденька представила Густаву Гедбергу — поставщику королевского двора, представителю

крупнейшего в Швеции переплетного заведения. На выставке юноша сразу проявил себя не только вполне приличным переводчиком, но и деловым человеком. С его помощью Гедберг сумел заключить несколько выгодных сделок.

Книпович не ошиблась в Николае. Два месяца он трудился для шведского патрона, и тот не мог нахвалиться своим молодым помощником.

А Лидия Михайловна в это время пыталась встретиться с другим заграничным господином — холеным аристократом чуть ли не королевских кровей Альбином Боде. Этот англизированный швед представлял в России акционерное общество оружейного завода «Гускаверн». На выставке, правда, эта фирма показывала мирные вещи — мясорубки, керосиновые печи, мороженицы и весы. Но славу заводу делали швейные машины марок «Фрея» и «Триумф» и главным образом курковые двустволки.

Альбин Боде не нашел времени для приема госпожи Книпович на выставке. Тогда она, заручившись рекомендацией одного из восьми членов выставочного комитета — инженера Карла Альмстрема, сама отправилась в контору фирмы на Екатерининском канале. Лидию Михайловну рекомендовали Альбину Боде как опытную учительницу, которая намеревалась подробно ознакомиться с программой и системой занятий кулинарной школы, образованной при заводе «Гускаверн».

Лидия Михайловна попросила дать адреса компетентных лиц, с которыми она может вести постоянную переписку. Лед напускного равнодушия «непроницаемого» Боде довольно быстро растаял. Сыграли здесь свою роль и рекомендация члена комитета выставки, и намеки на взаимно полезные связи.

Как будто все складывалось удачно. Оставалось дело за небольшим — соединить узелками единую нитку: Париж — Женева — Стокгольм — контора фирмы «Гускаверн» на Екатерининском канале. Последнее звено — самое ответственное. На кого замыкать этот так сложно налаживаемый путь? Газеты и листовки в переплетах Гедберга, переписка через благотворителей «Гускаверна». Все брать на себя? — мучилась Лидия Михайловна неразрешимыми вопросами. Справится ли она? В какие-то моменты Дяденька теряла веру в собственные физические силы...

За зиму и особенно за весенние месяцы Лидия Михайловна устала до чертиков. К концу дня валилась в кресло и долго сидела неподвижно. Виски как бы наливались свинцом. Даже папироса не приносила успокоения.

В последнюю апрельскую неделю прибавилась еще одна напасть — ей казалось, что постоянно кто-то преследует ее. Вот-вот схватят ее под локти, крикнут дворников и дюжие мужики в негнущихся фартуках с бляхами потащут ее в ближайший участок.

Был ли действительно повод для подозрений? Дяденька ничего определенного сказать не могла. Все время мучил вопрос: что это — ее воображение или обостренная интуиция?

Она боялась стать похожей на Ольгу Лившиц, доброго товарища и милого человека. Набегавшись по грошовым урокам, она приходила в рабочие кружки за Невской заставой. Ее знали там по кличке Доля. В последнее время Ольга начала страдать шпиономанией. По улицам она ходила, непрерывно озираясь, и даже в комнатах ступала на цыпочках. На почве этой болезненной подозрительности происходило много курьезов.

В любом случае Книпович решила покинуть Петербург и перебраться в Стирсудден. Это — проверенное средство от усталости, болезней, нервного перенапряжения. Для связи со шведами Дяденька оставила Николая Великанова. Новая связь начала действовать.

В Сейвисто приехали всем семейством, нырнув из мира камня, дыма и пыли в зеленый океан сосны и вереска. Сам отец семейства — Николай пробыл в Стирсуддене недолго. Вскоре он вместе с Сергеем отправился в плавание по Балтийскому морю.

Отдохнуть по-настоящему Лидии Михайловне в Стирсуддене не удалось. Отовсюду летели требования: людей, денег, документов, книг... Одна переписка чего стоила! Перепоручать свои обязанности Дяденька не любила. Отбиваясь от родных, Лидия Михайловна твердо решила поменять дачный простор на духоту летнего Петербурга... Теперь она чувствовала себя лучше.

Конец лета и осень прошли в трудах по подготовке V Всероссийской конференции. Ругались с меньшевиками, дрались с отзовистами и ликвидаторами. Поселилась Лидия Михайловна вместе с Анной Михайловной Вржосек в доме на углу Большого проспекта и Церковной улицы, недалеко от Тучкова моста.

После ряда провалов Дяденька усилила осторожность, ухитрялась «видеть» затылком. Все ответственные встречи, выходы на явки она предварительно тщательно планировала, а потом проверяла и перепроверяла по нескольку раз.

В тот зимний январский день 1909 года, где-то около восьми вечера, еще под впечатлением занятий в рабочей школе Книпович возвращалась домой. От провожатых она отказалась — долго ли пробежать знакомым путем от Гребецкой до дому.

Неожиданно в полутемном проходном дворе дорогу ей преградил мужчина. В узком каменном колодце с глухими брандмауэрами стен, вытоптанной тропинкой между сугробами — двоим тут не разойтись.

Книпович невольно прижала сумочку к груди. Она хотела повернуться и побежать назад, но сил не было, да и далеко ли сможет убежать.

Что ему надо? Кошелек, вещи? Или черносотенец-провокатор? Бить будет? Книпович рассматривала мужчину в упор, судя по виду, молодого рабочего парня. Тот тоже с явным интересом приглядывался к ней.

Приблизившись, парень вежливо приподнял за козырек теплую кепку — то ли извиняясь, то ли здороваясь с ней. Неловко сунул ей в руку влажный от пота бумажный кругляш и растаял, испарился, будто его и не было вовсе.

Чертовщина какая-то, балаган, цирк! Определенно, большие дети в конспирацию играют — начала догадываться Лидия Михайловна. Сердце вдруг сжало тисками, она была не в силах сделать даже шаг. Так и стояла посреди темного двора, остро чувствуя, как стучит в виске взбунтовавшийся сосудик.

Кто же это, кто? — пыталась вспомнить Дяденька. Уж больно физиономия знакомая? Да теперь все равно. Напугал чуть не до смерти, хотя вроде из самых добрых побуждений, решил продемонстри-

ровать высший класс конспирации. Потом скажут — сама так учила...

Бумажку Дяденька развернула и прочла дома. Все оказалось совсем просто. Ее приглашал на явку технический секретарь русской части ЦК Голубков, с которым она встречалась по мере необходимости.

Он только вернулся с Всероссийской конференции РСДРП и привез, как указывалось в записке, сердечные приветы от близких из Парижа. Адрес и время явки Книпович запомнила, а бумажку сожгла.

К месту встречи Лидия Михайловна пришла загодя. Оглядела дом на Песочной улице, недалеко от Иоанновского женского монастыря. Нашла вход со двора. Второй этаж по узкой лестнице. Дверь с площадки в квартиру распахнута. Шестая дверь направо. Дяденька нажала на ручку и без стука вошла в комнату.

Никого! Вот это сюрприз. Не ошиблась ли? — мелькнула первая мысль.

Комната узкая, длинная. Господствующее положение в ней занимала круглая металлическая вешалка на трех изогнутых ножках. Лидия Михайловна решительно сняла жакет, шапочку и водрузила на этот экзотический треножник.

Осмотреть комнату — дело нескольких минут... У одной стены — дырявый диван, у другой — железная койка с тощим тюфячком. Колченогий столик, две табуретки. Вот и вся меблировка. В красном углу — этажерка с книгами. Дяденька подошла ближе, стала разглядывать корешки: киселевский самоучитель по арифметике и алгебре, учебник русского языка, книжечки с началами химии, потрепанные сборнички «Знания» — Горький, Бунин, Леонид Андреев. На глаза попалась тощая розовая брошюрка Е. Кусковой «Сон под первое Мая» (сказка-правда)». Углы брошюры замусолены, некоторые страницы загнуты.

Кто пихает рабочим эту розовую патоку, кадетское сюсюканье? Неужели им нечего читать, кроме бреда этой выжившей из ума старухи? — Она брезгливо отбросила книжку в угол, где был сметен в кучу мусор.

Похоже, комната принадлежала рабочему-интеллигенту, но ни его самого, ни назначившего ей свидание Голубкова все еще не было. Как будто в от-

вет на мысли Дяденьки дверь распахнулась. В проеме появился хозяин — тот самый чубатый, что до смерти напугал Дяденьку в проходном дворе. Он стоял в явной растерянности, как будто увидел в комнате что-то сверхъестественное.

— Встречаю вас битый час, кругами хожу, муха не проскочит, а вы преспокойно рассиживаете у меня дома! — Парень развел руками, показывая высшую степень изумления.

— А я и не проскакивала вовсе, прошла черным ходом через соседнюю кухню, вот и весь секрет.

— Третий раз впросак перед вами попадаю!

— Как же третий, запамятовала что-то? В проходном дворе напугали до смерти — раз, сегодня влетела к вам через печную трубу — два, а когда еще?

— Так на Сенной выговаривали мне, что конспирацию нарушаю. Помните? Степан я, Никитин! — Парень подошел к Дяденьке совсем близко, как будто так его можно было лучше разглядеть.

— Вспомнила, вспомнила,— обрадовалась Лидия Михайловна.— Представьте, спать не могла, все мучилась, откуда лицо ваше знакомо. Так вы же «молодцом» в торговых рядах на Сенной были. А теперь?

— Меня земляки, наши вологодские учеником слесаря устроили. Тут недалеко, пешком бегаю. За ум решил взяться, книжки хорошие изучаю. Вот! — показал с гордостью на этажерку.

Книпович намеревалась спросить, кто ему розовую брошюрку подбросил, да не успела. Постучал и осторожно вошел Голубков.

— Ну вот, спасибо тебе, Степан, что Дяденьку благополучно провел. У нас с ней разговор длинный.— Голубков снял темный овчинный полушубок, пригладил перед осколком зеркала и без того гладкие волосы.

— Здравствуйте! Не привел я, сами пришли. Устраивайтесь удобней. Только на диван не садитесь — развалится. Табурет крепкий. Я в коридоре буду соседский примус чинить. Посторонние сюда не войдут.— Степан вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Рассказывайте, рассказывайте! — торопила Лидия Михайловна Голубкова.— Если можно, по по-

рядку или лучше с Ильичей начните. Как они там?

Еще не остынув от переполнявших его парижских впечатлений, Голубков приготовил что-то вроде устного отчета и никак не мог отойти от намеченного заранее плана. Он как бы вновь переживал напряженные дни боев с меньшевиками-ликвидаторами, вспоминал, как дружно отстаивали ленинскую тактику непременного единства нелегальной и легальной работы в организациях.

Голубков рассказывал подробно, слишком подробно — сбивался на частности и тогда становился жертвой собственных эмоций. Дяденька попыталась в паузах задавать вопросы, направляя его воспоминания в нужное русло.

— Бог с ним, с Даном. Ему ли нападать на Ленина за «культ нелегальности»? Собака лает, а караван идет... Все равно не удастся им захлопнуть дверь партии, хоть Дан и нанялся швейцаром к кадетам... Не хочу больше о меньшевиках слушать, надоели они и у себя дома. Как там Ильичи? Как можно обстоятельней об этом. Обещаю не перебивать.

— С чего начать? — Голубков задумался.— Пригласили меня к себе в гости. Квартирка маленькая, обстановка более чем скромная. Владимир Ильич потребовал точные сведения о положении дел в Питере, спросил, как с «отзовистами» справляемся. Мы их или они нас? Расспрашивал о питерских делегатах, которые на конференцию в Париж приехали. Ну, потом Ильич сам рассказал о положении дел за границей, что с конференцией намечается, объяснил расстановку сил.— Голубков сделал паузу, как будто возвращаясь мыслями в Париж, на улицу Мари-Роз.

— Холодно было очень в комнате, где мы разговаривали. Владимир Ильич вставал, подходил к камину, бросал куски угля. Походит из угла в угол, присядет на корточки перед горящим камином, руки греет... Это днем у них стынь такая, а что ночью делается — страшно подумать. Потом меня обедать оставили. Вместе с Надеждой Константиновной расспрашивали про питерских товарищей. Владимир Ильич интересовался, как вы живете.

«Лидия Михайловна,— сказал он,— хранитель революционных традиций, связывающая живой нитью

настоящее с прошлым. Да и сегодня без нее не обойтись!» Пытал меня! «Как чувствует, как выглядит, бережет ли себя? Из писем,— говорит,— понять трудно, все про других пишет». Отвечал ему, как на духу...

С Надеждой Константиновной договорились о переписке — о новых связях и адресах. Деньги для партийной кассы пойдут к Дяденьке через Северный банк в Гельсингфорсе. Просили передать, чтобы вы реже выходили на контакты. Не знаешь, кому верить, а кого подозревать. Вот почему Иннокентия схватили? Его в Париже на конференции ждали, а он дальше Варшавского вокзала не добрался. Случайность?

Книпович покачала головой. О Дубровинском — Иннокентии — Лидия Михайловна часто вспоминала. Нынче в декабре она еле признала его, когда встретила на квартире у Менжинских, таким он выглядел больным. А теперь...

— Накануне отъезда Иннокентий попросил приехать к нему в Териоки,— продолжал рассказывать Голубков.— В комнате, которую он снимал, было холодно. На дворе дул сильный морозный ветер. В окна била снежная крупа, отовсюду несло. На столе стояла маленькая керосиновая лампа, в комнате — полумрак. Инок в этот вечер был удивительно разговорчив. Легли спать, но и в темноте продолжал рассказывать чуть не до утра. Незадолго до этого он виделся с другими товарищами по работе. Связь, следовательно, с ними легко, казалось, установить. Тем не менее я вот невредим и другие тоже, а его взяли. Когда Дубровинский вошел в залу Варшавского вокзала, то сразу заметил дежуривших у дверей шпиков. Он с видом человека, который очень занят и сильно торопится, прошел к буфету, выпил рюмку водки и тем же быстрым шагом направился к выходу, надеясь прорваться. Но шпики у дверей схватили его...

Дяденьке, да и не только ей одной, стало ясно, что ржавчина подтачивает организацию изнутри — беззастенчиво и нагло действует провокатор. Кто он?

Ленин и Крупская сообщили через Голубкова, что в Париже им стало известно об агенте охранки под кличкой Ворона, она в курсе всех событий ПК РСДРП и живет на Церковной улице в доме № 4. Но

там, как известно, имела квартиру секретарь Петербургского комитета Люся — жена осужденного царским судом депутата Думы, большевика В. М. Серова. Как-то не укладывалось в голове, что можно подозревать ее. Да и мало ли в доме 4 живет других людей?

Однако тяжелые и регулярные провалы в организации продолжались с дурной последовательностью. Полиция выхватывала самых нужных, самых осторожных подпольщиков. Участились массовые разгромы. В 1910 году трижды — в январе, апреле и в сентябре — был арестован весь состав Петербургского комитета. Провалы сеяли подозрительность, вызывали недоверие «низов» к «верхам», наводили на мысль о проникновении провокаторов в самое сердце организации. Ворона и ей подобные делали свои черные дела.

Настало время проверить и Люсю — Юлию Серову. Назначили специальную партийную комиссию. Вошла туда и Дяденька. Ее опыту и чутью особенно доверяли. Люся принимала контрмеры. Она яростно защищалась, доказывала абсурдность обвинений, объясняла все наговорами недругов. «У нее двое маленьких детей, забота о муже-каторжанине, уроки музыки, чтобы как-то прокормить семью, большая нагрузка по партийной работе! Все это, вместе взятое, ставит ее выше всяких случайных подозрений». У Серовой нашлись защитники. Разобраться до конца 1910 года в этом запутанном клубке не удалось. Книпович надеялась, что нелегкую миссию удастся завершить через месяц-два, но немедленно потребовала от серьезных дел Люсю отстранить.

С начала 1911 года жандармы продолжали зверствовать. Из Петербургского университета за участие в забастовках исключили 392 студента. Казалось, реакции удалось задавить все прогрессивное, загнать передовых рабочих за тюремные решетки, отправить на поселения. Но уже на исходе был трехлетний период «золотых дней контрреволюции», как писал Владимир Ильич.

Прорвав цензурные рогатки, в Петербурге вышла легальная газета «Звезда». Депутаты Думы — большевики, в особенности Николай Полетаев, пользуясь своим депутатским положением и неприкосновенностью, несли на своих плечах немалую тяжесть орга-

низационной работы. Дяденька часто встречалась с Полетаевым, передавала деньги на издание большевистской газеты, связывала его с заграничным центром партии. Настало время энергично взяться за укрепление партийной нелегальной организации. Подолгу засиживалась Книпович у Конкордии Самойловой. Они очень подходили друг другу. И хотя были знакомы хорошо еще по Твери, только сейчас по-настоящему сказалась сопричастность душ и близость характеров. Обе сдержанные, но отзывчивые, без сантиментов готовые помочь товарищам.

Новый подъем революционного движения, которого уже нельзя было не заметить, вливал в Дяденьку силу. Настроение поднималось, а это помогало лучше всяких лекарств. Но продолжались сражения с врагами внешними и внутренними. Расследование дела Серовой так и не было завершено. Дяденька попыталась снова собрать комиссию, но не успела...

Ворона опередила Книпович. Серова торопила охранку, она небезуспешно трудилась на самого полковника Герасимова, начальника Петербургского охранного отделения, ее страшил суд «товарищей». Срочно готовилась новая ликвидация головки большевиков в Петербурге, под первыми номерами значились Л. М. Книпович и В. Д. Бонч-Бруевич.

Лаконичная справка, составленная не без участия Люси, подводила черту деятельности Дяденьки, в наблюдении Железной: «Как активная работница местной с.-д. организации, исполняет все крайне конспиративные поручения партии и имеет сношения с думской с.-д. фракцией. Кроме того, Книпович ведет переписку с Центральным Комитетом РСДРП и большевистской группой, хранит деньги, присылаемые из ЦК для профессиональных работников партии, имеет явки означенного комитета и является центральным лицом большевистского центра».

В тот же год Люся выехала в Париж и там ухитрилась снять с себя обвинение. Она продолжала верно служить охранке, убирая в первую очередь людей, проявлявших интерес к ее особе. Страшно представить, но до 1917 года Ворона успешно вела двойную игру. По неполным данным, она выдала 123 человека.

Ее разоблачили и расстреляли после Октябрьской революции.

Часть пятая СЕРДЦЕМ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Глава первая
В ПОЛТАВСКОЙ ГЛУШИ

Глава вторая
ПОСЛЕДНИЙ АДРЕС — ЖУКОВСКОГО, 33

Глава первая В ПОЛТАВСКОЙ ГЛУШИ

Глубокой ночью, когда все вокруг погрузилось в сон, еле различимые фигуры в длиннополых шинелях окружили небольшой деревянный домик на Большой Зелениной улице. Двое подошли к парадной двери, и короткий звонок неправдоподобно громко прозвучал в чуткой тишине.

Анна Михайловна, набросив капот, подошла к дверям.

— Кто там? — стараясь не разбудить никого в квартире, тихим голосом спросила она.

— Госпожа Вржосек, вам телеграмма,— донесся до нее знакомый сиплый голос дворника,— откройте.

— Подложите под дверь,— громко ответила, почти крикнула она,— я не одета.

— Аня, это полиция, открой,— услышала она рядом с собой шепот Лидии Михайловны.

Сомнений не было — дверь уже сотрясалась от тяжелых ударов.

— Подождите, я оденусь,— спокойно сказала Анна Михайловна,— и не стучите, разбудите ребенка.

Как только была откинута цепочка, ворвались жандармы, и во всех комнатах одновременно начался обыск. Все перевернули вверх дном, во многих местах даже обои оторвали, но ничего не нашли.

— Сударыня, вы дочь действительного статского советника Лидия Михайловна Книпович? — спросил пристав,— вот ордер на ваш арест,— помахал он перед ее лицом хрустящей бумажкой.

— Разрешите попрощаться с хозяйкой квартиры,— попросила она.

— Ничего не имею против, прощайтесь,— милостиво разрешил пристав.

Лидия Михайловна вышла в прихожую.

— Извините, Анна Михайловна, что вас побеспокоили,— обратилась она официальным тоном к

Вржосек, стоявшей на пороге своей комнаты,— прощайте.— И она протянула руку. Анна Михайловна машинально пожала и почувствовала на ладони плотно свернутую бумажку.

— Лидия, как вам не стыдно! — воскликнула она, бросаясь подруге на шею.

Книпович замахала на нее руками, но, увидев, что конспирация не удалась, обняла Анну Михайловну и успела шепнуть, чтобы та сходила к Конкордии Самойловой и передала адреса.

Тетка Анны Михайловны, ночевавшая у нее, успела собрать узелок вещей и продуктов для арестованной. Книпович давно подготовила себя к возможности ареста и не очень удивилась ему. Опять начался нелегкий поединок со следователями, прокурором. Было ясно, что за ней следили. Но о характере ее работы, связях с Центральным Комитетом, руководстве работой думской фракцией они могли знать только по материалам наружного наблюдения. Конспирация же Дяденьки оказалась и на этот раз выше рвения жандармов. Она не признавала себя виновной, отвергала все предъявленные обвинения и требовала конкретных доказательств. А их не могли предъявить. Поединок она выиграла. Все кончилось тем, как писал начальник столичной охранки, что судебное дело было представлено «Министру Внутренних дел, с ходатайством о высылке Книпович под гласный надзор полиции в местность и на срок по усмотрению Особого совещания, образованного на основании ст. 34 «Положения о государственной охране». Ей надлежало явиться в Полтавское губернское жандармское управление, где укажут место, в котором положено отбывать административную ссылку.

Полтава встретила Лидию Михайловну буйным цветением садов. Город мало изменился за десять лет. Впрочем, в предыдущий свой приезд ей некогда было его рассматривать: глаза искали филеров. Теперь другое дело. Книпович прогуливалась по улицам-аллеям, наслаждаясь утренней свежестью и тишиной. Какая-то провинциальная леность здесь во всем, про себя отметила Лидия Михайловна, наблюдая за еле плетущейся по улице крестьянской теле-

гой, окнами домов, наглухо закрытыми ставнями: встают поздно, ложатся рано.

И ей некуда торопиться, были еще неприсутственные часы. Медленно прошла мимо подъезда жандармского управления и даже улыбнулась городовому, который проводил ее удивленно-настороженным взглядом. Дойдя до угла, Книпович повернула обратно и опустилась на лавочку рядом с городовым.

Ей припомнился недавний спор в Петербурге с одним молодым боевиком.

— Я люблю азарт борьбы, постоянное ощущение опасности, риска,— горячо убеждал он Книпович.

Сложное чувство вызывал в ней этот безумной храбрости человек. «Такой живет только в праздники революции — в открытом бою, на баррикаде. Жизнь, не раздумывая, пожертвует, но теряется, когда нужно отступать. Такой не умеет перестроиться на тяжелые будни черновой ежедневной конспиративной работы. Сколько таких дорогих товарищей растеряли мы после поражения революции пятого года!» — с болью подумала Дяденька.

Она тогда попыталась сохранить для революции этого упрямого питерского боевика.

— Профессиональный революционер, дорогой мой товарищ,— мягко ответила Лидия Михайловна,— это партийный работник, слышите: ра-бот-ник! — раздельно подчеркнула она.— От него требуется каждодневная работа, и совсем не с нормированным рабочим днем. Нужно делать все: листовки печатать, вести кружки, проводить собрания, воевать в легальных организациях, а придет время — и на баррикады вести рабочих. Делать все, что в интересах революции.

Боевик не проронил ни слова.

— Но, как никому другому, партийному работнику нужен и азарт, и разумный риск.

При этих словах боевик поднял голову.

— Нужна железная выдержка, постоянная привычная готовность конспиратора к опасности, риску. Нелегко это, но иначе нельзя. И так всю жизнь!

Но в Полтаве она на время, вероятно, сможет облегчить тяжкое бремя конспирации. Непривычное это чувство раскованности, когда не нужно оглядываться, искать проходные дворы, твердить явки и пароли, поминутно ждать ареста. Пусть даже следят

за ней — она спокойно идет в жандармское управление, а вот сейчас сидит на лавочке рядом с городовым.

Пожилой жандармский полковник тщательно протер стекла пенсне. Скрытые до того кустистыми бровями, на нее глянули немигающие бусинки изучающих глаз. Неожиданно встретив прямой взгляд, полковник насупился. «Какова, однако, поднадзорная, непростая штучка»,— с неудовольствием подумал он. Ему захотелось чем-нибудь задеть, усмирить эту столичную гордячку.

— Постановлением Особого совещания от 28 июня 1911 года,— начал он важно...

— Говорите громче,— прервала его Книпович.

— К-ха,— поперхнулся полковник,— всякого чуда приходилось видеть, но... глухую революционерку...

— Так вот, госпожа Книпович,— продолжал он громко, как в строю,— вам подлежит высылка на два года под гласный надзор полиции в город Гадяч Полтавской губернии.

Бесстрастное лицо поднадзорной вывело полковника из себя.

— На этот раз министерство внутренних дел исправило свою былую ошибку, когда направило вас в первую ссылку в Астрахань, место, густо населенное политическими ссыльными.— Голос полковника гремел, как на плацу.— Да будет вам известно, сударыня, Гадяч — глухая провинциальная дыра. От места вашего будущего жительства до Полтавы — 190 верст, до Москвы — 904, а до Петербурга — без малого полторы тысячи верст,— поднял он палец.

— Благодарю, ваше высокоблагородие, за столь ценные для меня сведения.— Губы Лидии Михайловны дрогнули в улыбке.

Полковник побагровел. В руке его забился заливистый колокольчик.

— Гадячского урядника,— крикнул он.

— Вот ваш страж, госпожа Книпович,— кивнул он на вытянувшегося у входа в кабинет бравого урядника с Георгиевским крестом на широкой груди,— он вас будет сопровождать до места. Есть ли у вас вопросы ко мне, сударыня?

Лидия Михайловна со спокойным достоинством церемонно поклонилась и не выплыла, а как ей показалось, медленно выплыла из кабинета.

Она ничем не выдала себя жандармскому полковнику, но по счастливому совпадению Гадяч был ей знаком. Сюда на дачу с 1909 года выезжал Николай с семьей. Были они там и сейчас. Ах, если бы об этом знал «его высокоблагородие», вряд ли он стал так пугать поднадзорную Книпович отдаленностью ее места ссылки от российских столиц.

Всю «прелесть» тряских пыльных украинских дорог полной мерой вкусила Лидия Михайловна на долгом пути в Гадяч. Ехали молча. Лишь однажды спросила своего сторожа:

— За что получили медаль, господин урядник?

— За Порт-Артур,— выпятив грудь, ответил сосед,— с казаками взял важного японца.

— А в жандармах давно состоите? — осведомилась Книпович.

— Второй год нынче пошел.

«Хоть и лихой, видно, вояка был урядник, но в жандармы еще не вышел,— подумала Книпович,— тебя, голубчик, я-то обломаю».

Урядник был изрядно озабочен. Так неожиданно вызвали его аж к самому начальнику всех жандармов губернии. Строго-настрого приказали глаз не спускать с этой государственной преступницы.

— Обо всем доносить всенепременно,— приказывал полковник,— с кем знается, о чем ведет беседы, где бывает — все мы должны знать и немедля.

«Ох и не простая это госпожа,— с тревогой думал урядник,— генеральского роду, сказывал становой, держи ухо востро. Чуть что, сразу мне чтоб было доложено! Много наговорили всякого, а надзирать-то мне,— пригорюнился урядник,— и вовсе не приходилось ни за кем, да и в Гадяче еще вовек ссыльных не бывало, бог миловал. Вот первую везу»,— искоса поглядел он на свою соседку.

Вначале он глаз с нее не спускал, а затем поуспокоился немного. Сам жандарм страдал от жары, пыли и тряски и к концу утомительного путешествия отметил про себя, как мужественно переносила дорогу его поднадзорная. «В чем душа держится — худа, стара, видать, больна — глаза вон как пучит,—

удивлялся жандарм,— к тому же глуховата. С таким-то противником и я слажу»,— бодрился урядник.

— Квартиру мы вам, госпожа Книпович, уже приготовили, в самом центре города, довольны будете,— нарушил долгое молчание урядник.

Усталые лошади, почуяв близость дома, побежали резвей.

— Благодарю вас,— учтиво ответила Книпович,— только распорядитесь, голубчик, доставить меня к дому Кошевого на Заярье.

Оторопевший жандарм лишь ткнул в спину возницу:

— Слыхал, пошел! — и почувствовал, как враз взмокла его и без того потная спина.

Лидия Михайловна с интересом рассматривала городок, где ей придется прожить два года. Утопающий в яркой зелени вишневых садов, живописно разбросанный по берегу Псла, Гадяч приглянулся Лидии Михайловне. Она обратила внимание, что Заярье, где снимал дачу Николай, вытянулось вдоль берега речки, но отделено от Гадяча глубоким оврагом. Лошади остановились у ворот дома Кошевого.

— Юля,— позвала Лидия Михайловна.

Девушка, стоявшая на крыльце, внимательно всматривалась, а потом с криком «Лидя!» бросилась обнимать нежданную гостью.

Скоро Лидия Михайловна переходила из объятий в объятия.

— Как ты здесь оказалась, Лида? — воскликнул Николай и осекся, только тут заметив жандарма.

— Кем они вам приходятся? — спросил урядник.

— Чего? Говорите громче.

Стараясь сохранить достоинство, он громче повторил вопрос.

— А это вам по долгу службы надлежало знать,— куражилась Лидия Михайловна.— Ну да чего уж там,— смягчилась она,— брат это мой родной, Николай Михайлович Книпович, надворный советник, это жена его Аполлинария Ивановна, а вот это дети — Юля и Таня,— представляла она всех по очереди.— Так что, господин урядник, как видите, в квартире я не нуждаюсь.

Она подошла к кучеру, поблагодарила за дорогу и хотела расплатиться, но жандарм помешал:

— С вас ничего не следует, экипаж казенный.

В тот же день он послал первое донесение в Полтаву. Ответ его не удивил. Хоть и важный с виду барин Книпович, но брат и сестра, оказывается, одного поля ягоды. Еще раз приказано «усилить наблюдение». А как его усилить, шут его знает, и так из головы эта Книпович не выходит.

Заметил урядник, что, почитай, каждый день хаживают брат и сестра в «Галочки», рощу под городом. Дал жандарм копейку соседскому мальчишке с наказом «поглядеть, что господа будут делать». Прибежал Василь:

— Дядя Петя, муравьев они собирают.

Чудно́! Не поверил, решил сам пойти в «Галочки». Вспомнил урядник былые казачьи засады и устроился в роще по всем правилам военной науки. Края поляны там густо поросли высокими кустами, местечко заранее выбрал, чтобы видно было муравейник. Ждать пришлось долго. Чуть было не задремал, затем услышал чьи-то шаги. Одни тяжелые — мужские, другие, едва различил урядник,— женские или детские.

— Сюда, Коля,— позвал знакомый голос.

Урядник выглянул. Не обманул Василек — брат и сестра Книповичи наклонились над большим муравейником. Разговаривали громко, на всю рощу. «Хорошо, что глуховата поднадзорная»,— порадовался урядник, устраиваясь удобнее.

Внезапно Николай побежал по поляне, размахивая сачком, каким детишки дачников ловят бабочек.

— Лида, поймал,— торжествующе воскликнул он,— посмотри, какой красавец!

— Вот еще один, я просто руками поймала его. Да он, паршивец, кусается,— рассмеялась Лидия Михайловна.

Брат и сестра, как дети, бегали по поляне, ловя золотисто-бурых жуков.

«Дурят господа,— злился урядник,— а я сиди тут в яме»,— но к разговору прислушался.

— Ты знаешь, чему я так рад,— с воодушевлением говорил Николай Михайлович,— сейчас мне удалось сделать небольшое открытие. Дело в том, что в Европейской России эти насекомые попадаются весьма редко. А здесь их смотри сколько мы с тобой наловили! Это чрезвычайные хищники. В покое они висят на ветках, но стоит приблизиться их добыче,

необыкновенно ловко схватывают ее. Вот и тебя укусила такая животина,— рассмеялся Николай Михайлович,— а стоит цепкой лапе обвиться вокруг жертвы, и ее песенка спета. Оно медленно подносит добычу ко рту и начинает поедать ее. Это чрезвычайный хищник. Самке, к примеру, ничего не стоит съесть самца.

— Чисто российское животное,— сказала Лидия Михайловна.

Урядник не понял, почему вдруг рассмеялись Книповичи. Но добросовестно изложил в донесении все, что слышал и видел.

Местные власти с удивлением отмечали, что с прибытием поднадзорной Книпович в Гадяч валом повалили столичные дачники. И все они были знакомы как между собой, так и со ссыльной. Походы их за грибами не вызывали у гадячского жандарма какой-либо тревоги. Чтобы понаблюдать, жандарм снимал свой форменный мундир, надевал что-нибудь попроще и с корзинкой отправлялся вслед за шумной компанией. Близко подойти он не решался, но, прячась за деревьями, все же видел, что в лесу все разбредались и собирали грибы поодиночке. Возвращаясь, жандарм с некоторой завистью взирал на всегда переполненную корзину поднадзорной. Ему было в диковинку, как это столичная дама может так искусно собирать грибы.

Поселилась Книпович с дачницей Руниной на новой квартире у почтового чиновника Патурнака. Вызвал его урядник. Не порадовал он ничем.

— Никаких таких разговоров,— говорит,— не ведут. Господа обходительные, ласковые. Все больше пьют чай и в шахматы играют.

Лето быстро пролетело. Пришла ненастная осенняя пора, когда Лидия Михайловна чувствовала себя хуже, чем обычно, затем зима.

В короткие зимние дни и бесконечно длинные вечера Книпович усердно и много занималась — читала и перечитывала марксистскую, экономическую и художественную литературу, переводила финских и шведских авторов.

Она подружилась с солдаткой Пестыной, жившей случайной работой, приютила ее у себя, всячески

помогала. Благодарная Пестына обожала свою благодетельницу и во всем старалась помочь ей.

Как и в Валдайке и в Астрахани, Лидия Михайловна набрала группу гадячских ребятишек и с удовольствием занималась с ними грамотой и арифметикой. Любовью платили ей не только дети, но и родители. Как-то Лидия Михайловна шла по городу с племянницами Юлией и Таней. К ней подошел какой-то человек, поздоровался и начал ее нахваливать:

— Ви така гарна людина, що нема токоі усім світі!

Плохо слышала его, поддакивала: «Да, да! Ага, ага!» Получилось довольно комично, но урядник, слышавший это, только головой покачал. Видел, по душе пришлась его поднадзорная людям. Да и сам он был немало смущен, когда жена сказала однажды: «Добрая госпожа, Пестыну пригрела». Нравилось уряднику, что поднадзорная очень интересовалась жизнью украинцев. Она очень любила слушать протяжные песни, старинные сказания и рассказы о героической борьбе украинцев с турками и поляками. А когда под рождество ребята приходили под окна с колядой, она зазывала их к себе, угощала орехами, пряниками, давала деньги и вместе с ними, смеясь, напевала: «Василько, мой батько, пусти меня в хатку». И совсем уж был сбит с толку урядник, когда сапожник Мацко, у которого жила Лидия Михайловна, сказал, что ей в Гадяче настолько понравилось, что она хотела купить его маленькую хатку, чтобы использовать ее в будущем как дачу. Живя у сапожника, Лидия Михайловна возле его домика развела невиданные здесь цветы. Клумба у домика Мацко стала достопримечательностью городка. На нее приходили любоваться не только жители городка, но и крестьяне окрестных деревень, особенно когда съезжались на шумные ярмарки. Тянуло сюда и урядника, сам он был большим любителем и знатоком цветов. И все более таинственной казалась ему Книпович.

Время от времени она должна была являться к уряднику лично — таковы правила гласного надзора. Как-то он спросил:

— За что же вас сослали к нам?

— А разве вам это неизвестно? — бросила взгляд Лидия на растерянного урядника.— Оклеветали ме-

ня, Петрович, сыщики. Хотел кто-то выслужиться на мне. Если бы что подтвердилось, разве я бы здесь была?

Тот и не знал, что сказать. Ведь верно, укатали бы беднягу в Сибирь, коли что было бы. Урядник протянул Лидии Михайловне плотный конверт.

— Почитайте дома, верните только.

Дома Лидия Михайловна раскрыла пакет, выпала ее фотокарточка. С удивлением прочитала она отпечатанные на бланке ее приметы: «губы тонкие, взгляд суровый». Потом долго и пристально смотрелась в зеркало.

— Все точно подметили,— хмурилась она.

С той поры Петрович сообщал Лидии Михайловне важные для нее вести, а в Полтаву непременно доносил лишь самые благоприятные сведения о поднадзорной. Поэтому совсем неудивительно, что начальник Полтавского губернского жандармского управления в конце срока ссылки послал в Петербург такую бумагу:

«Г. Директору департамента полиции.

Имею честь донести Вашему превосходительству, что проживающая в гор. Гадяче на предместье Заярье в доме Якова Мацко дочь действительного статского советника, девица Лидия Михайловна Книпович, 56 лет, административно высланная из С.-Петербурга за принадлежность к Петербургской организации социал-демократической рабочей партии и подчиненная гласному надзору полиции на два года, считая срок с 28 июня 1911 года, за время проживания в г. Гадяче ни в чем предосудительном замечена не была».

Весной 1912 года Николай Книпович написал Лидии о предстоящем выезде сына Бориса за границу. «И видимо, надолго»,— писал он. Это сообщение взволновало ее. Борис, любимый племянник, учился в университете, подавая большие надежды как будущий ученый-экономист. И вдруг эта непонятная поездка. «Я должна проводить его»,— решила Лидия Михайловна. Ехать тайком было совершенно невозможно. Это не Астрахань, здесь она вся на виду. Нужно добиваться разрешения. И она так решительно атаковала местное начальство, что необходимое разрешение вскоре было получено.

Вот она в Петербурге. Из своих конспиративных поездок Лидия Михайловна приезжала к родным, как правило, неожиданно. А сейчас и вовсе свалилась как снег на голову. Из ссылки ее раньше будущего года не ждали.

— Нелегально? — тихо спросил Николай Михайлович сестру.

— Не волнуйся, Коля,— улыбнулась она,— на этот раз на законном основании.

Больше всех ликовал по поводу ее приезда Борис.

— Да объясни толком, что за поездка,— обратилась Лидия к нему.

— Высылают меня, дорогая тетушка,— с пафосом произнес он,— не все тебе одной по ссылкам да по тюрьмам. Власти не хотят, чтобы двое Книповичей были вместе, поэтому одну — тебя — оставили в России, а другого, то есть меня, выставляют за границу.

Ей не сообщили, что за участие в студенческом революционном движении Бориса уже один раз арестовывали и уволили из университета. Вторично арестовали его в 1912 году и приговорили на три года ссылки в Архангельскую губернию. Но за Бориса вступился профессор университета Туган-Барановский, и дело обернулось высылкой за границу.

Вступление Бориса на революционный путь Лидия Михайловна не без основания относила к результатам своего воспитания. Это она первая привлекла его, как, впрочем, и всех детей брата, к выполнению конспиративных поручений. Дети жили в атмосфере разговоров на революционные темы, встреч со многими видными социал-демократами. Борису выпало большое счастье — уже в гимназические годы пожить с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной, которая знала его с самого раннего детства.

Как жадно слушал Борис Владимира Ильича в 1907 году в Стирсуддене.

— Ты знаешь,— сообщил он Лидии Михайловне,— я написал книжку о русском крестьянстве и послал ее Владимиру Ильичу. Только вот что-то ответа долго нет.

— Владимир Ильич обязательно ответит,— твердо сказала Лидия Михайловна,— если, конечно, он по-

лучил твою работу. Она посоветовала Борису по приезде в Мюнхен написать Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне. Просила передать привет и от нее.

Безоблачно, как в старые добрые времена, прошел вечер в кругу близких и родных.

— Ксения, спой мне Лизу, Лизу,— требовала Лидия Михайловна, и Ксения Ивановна с радостью пела для нее арию Лизы из «Пиковой дамы» и еще много других любимых ею вещей. Потом по очереди и в четыре руки играли Юля и Таня. Они делали все, чтобы Лиде было приятно. Играли Моцарта, Чайковского, зная, что модная бравурная музыка ее раздражала.

— Я сегодня — зрительный зал,— шутила Лидия Михайловна.

Свой приезд в Петербург Книпович решила использовать для встречи с товарищами. Но мало кто остался на воле из большевиков. Разыскала она Куделли, которая укрепилась в правлении «Сампсониевского общества просвещения», где еще в 1910 году большевики завоевали большинство.

Встреча с ней была сердечной. От Куделли Лидия и узнала главную новость. Владимир Ильич провел общероссийскую партийную конференцию. Ликвидаторы, отзовисты, вообще вся антипартийная нечисть изгнаны из партии.

— Ну, теперь легче дышать стало,— радостно сверкая глазами, быстро говорила она.— Прасковья, ты представляешь, какой сильной станет наша партия теперь, когда она едина и чиста? Молодец наш Старик, разом вскрыл старую рану и выпустил весь гной. Теперь уж быстро заживут болячки,— потирала она руки.

В длинный ряд воспоминаний в цепкой памяти Дяденьки выстроились яркие картины прошлого — картины борьбы внутри партии со всякого рода оппортунистами.

— Это было необходимо,— продолжала она как бы думать вслух,— мы боролись ведь за рабочий класс. А теперь он за нас, большевиков. Старик отрезал мертвые ветки. Дерево и расцветет.

Конечно, интересовали подробности о конференции, но Куделли, к сожалению, могла рассказать немногое.

— А кто был делегатом от Питера? — спросила Книпович.

— Доклад о конференции у нас делал Онуфриев с Невской заставы, да ты с ним знакома.

Лидия Михайловна хорошо знала Евгения Онуфриева, обуховского слесаря, большевистского вожака Невской заставы. Решила найти его.

Когда Онуфриев увидел, кто пришел к нему на явку, он обрадовался.

— Здравствуйте, Дяденька! — Усадил гостью на диван.— Какими судьбами?

Лидия Михайловна в двух словах рассказала о себе. Ей не терпелось узнать последние новости.

— Есть и хорошие и плохие,— улыбнулся Онуфриев.— Вам каких вначале?

— Предпочитаю хорошие на закуску.

Только через год, после ее ареста в октябре 1911 года, удалось восстановить Петербургский комитет, но недавно он был опять разгромлен жандармами.

— Больше, к счастью, плохих новостей нет,— сказал Онуфриев.

— А теперь, Евгений Петрович, расскажите мне о конференции, на которой вы были,— попросила Книпович.

Онуфриев недоуменно уставился на собеседницу.

— А вы откуда знаете?

— Вот и выдал себя,— рассмеялась Книпович,— плохой, однако, вы конспиратор, товарищ Онуфриев.

Лидия Михайловна закурила.

— Если говорить серьезно, то я бы лучшей кандидатуры, чем вы, в Питере вряд ли сыскала,— сказала она,— поэтому и подумала, что вы могли быть на конференции, тем более что делали о ней доклад.

Онуфриев поднял голову.

— Ох же и хитрая вы, Лидия Михайловна,— улыбнулся он.

Долго длился рассказ делегата Пражской конференции. Дяденьке казалось, что она сама побывала в тихой Праге, слушала доклады с мест, выступления Ленина.

— Это было удивительно,— говорил Онуфриев,— ощущение одной цели, одной мысли, одного дыхания. И совсем нет злобных, враждебных элементов.

— Плеханов был на конференции?

— Еще до приезда Владимира Ильича мы послали и ему приглашение, но знаете, что он ответил? «Состав вашей конференции до такой степени однообразен, что мне лучше не принимать в ней участия».

— А ведь я помню другого Плеханова,— печально сказала Книпович.— В 1903 году он открывал Второй съезд партии и шел заодно с Владимиром Ильичем. Вот, дорогой товарищ, к чему приводит примиренчество. Сегодня примиренец, а завтра меньшевик или того похуже! Чем закончит Плеханов? — спросила и сама ответила: — Не знаю, не знаю... Расскажите лучше о Ленине.

— Мне довелось жить с Владимиром Ильичем. Рабочих расселили по чешским семьям, а меня Ленин пригласил на квартиру, где жил сам. Видно, про Питер ему хотелось побольше узнать. Подробно выспрашивал.

— Это он умеет,— кивнула Книпович.— Домой не собирается?

— Не говорил, но по России тоскует, по родной природе, Волгу не раз вспоминал. Однажды вытащил нас в оперный театр на «Евгения Онегина». Пел русский певец. Посмотрели бы вы, Лидия Михайловна, как он вместе со всеми аплодировал ему. Правда, и пел тот замечательно.

— Кончится срок, буду жить только в Питере,— сказала Лидия Михайловна, прощаясь.— Такие события назревают!

Одной мечтой, одной мыслью о скором возвращении в Питер, к делу, жила теперь Лидия Михайловна, когда приехала в Гадяч, «домой», как она с горьким юмором писала брату. Узнала о расстреле рабочих на далекой Лене, ходила сама не своя. «Да это же второе Кровавое воскресенье, начало новой революции. Скорее бы уже, скорее».

Как никогда, чувствовала она оторванность Гадяча от остального мира. Но главное даже не это, а одиночество. Как хотелось порой излить душу. Одна отрада — письма Нади.

О переписке было известно полиции.

«Представляя при сем копию агентурного сведения из Кракова,— писал начальник Полтавского губернского жандармского управления в департамент полиции,— подписью «Твоя Надя» в г. Гадяч, Лидии Михайловне Книпович, имею честь донести Вашему

превосходительству, что автором такового является Надежда Крупская (предположение Департамента полиции от 29 марта сего года за № 97202)».

Из многочисленных писем Надежды Константиновны, посланных в Гадяч, сохранилось только одно, от 20 июня 1913 года, и то лишь потому, что оно было перлюстрировано жандармами. Но письма подруг ничего не могли дать жандармам. Речь в них шла все больше о делах житейских и даже о болезнях.

«Дорогая Лида,— писала Крупская,— спасибо за открытку, а я и забыла, что праздник. Мама в Россию не поехала из-за моей болезни... У меня оказалась-таки базедка, да еще и запущенная. Доктор мне насказал всяких ужасов... Ну, ты, по-моему, знаешь, что это за приятность. Ну, крепко тебя целую, бывай здорова, твоя Надя».

Уже давно Лидия Михайловна и Надежда Константиновна стали родными, близкими друг другу людьми, настоящими сестрами по революции. Только одной Лидии Михайловне откровенно писала о своих страданиях Надежда Константиновна. Мучаясь от базедовой болезни сама, Надежда Константиновна беспокоилась о здоровье Лидии Михайловны.

«Дорогая Маняша..,— писала она М. И. Ульяновой в апреле 1913 года,— Лидя до мая остается на старом месте... Что-то прихварывает она часто последнее время».

С радостным нетерпением Лидия Михайловна вскрывала плотные конверты с иностранными марками и дюжиной почтовых штемпелей. По многу раз перечитывала листки, испещренные знакомым круглым почерком. И каждое письмо подогревало ее нетерпение. Скорее включиться в работу. Дяденька рвалась в бой.

Но не напрасно беспокоились друзья. Подступила беда. У Книпович обострилась давняя базедова болезнь — дрожали руки, пульс был такой, что и не сосчитать, все чаще мучили приступы удушья, нестерпимая тяжесть лежала на сердце. «Да, милая Крýпа, я знаю, что это за приятность — базедка»,— шептала она, читая письма подруги. Неотвратимо надвигалась глухота, развивалась общая слабость. Все это, помимо воли и желания, заставляло Лидию Михайловну менять привычный образ жизни.

Между тем близился конец ссылки...

Глава вторая ПОСЛЕДНИЙ АДРЕС — ЖУКОВСКОГО, 33...

Роде внимательно читал рекомендательное письмо, которое ему подала худощавая пожилая женщина. Председатель губернской земской управы Оболенский просил его помочь найти квартиру своей хорошей знакомой, дочери действительного статского советника Лидии Михайловне Книпович.

«Генеральская дочь»,— с почтением подумал Роде и предложил ей квартиру на втором этаже. Он заметил, что новая квартирантка очень плохо слышит, а большие серые глаза ее, внимательно и строго смотревшие на собеседника, были неестественно выпуклы.

«Лечиться приехала»,— решил он.

Так в мае 1913 года в Симферополе, на улице Жуковского, в доме № 33, появилась новая жиличка.

Поезд из Берна медленно подходил к перрону Мюнхенского вокзала. Встречающих было немного, и среди них Владимир Ильич без труда узнал Бориса Книповича. Приветливо помахал ему рукой. Спрыгнул со ступенек вагона и бережно помог сойти Надежде Константиновне. Она была бледна и еще чувствовала слабость после перенесенной накануне операции. Ильичи тепло поздоровались с Борисом и его молодой женой. Книповичи стали настойчиво приглашать приехавших к себе домой.

— Спасибо, большое спасибо,— благодарил Владимир Ильич,— мы с Надей думали остановиться в Мюнхене денька на два. Очень хотелось посмотреть на знакомые места, где мы жили одиннадцать лет назад. Да времени в обрез — всего несколько часов от поезда до поезда. Потому и дали телеграмму, чтобы встретили нас.

Книповичи не скрывали огорчения. Владимир Ильич внимательно осмотрелся.

— А помнишь, Надюша, твой любимый ресторан? Айда туда, ведь это близко.

По дороге Надежда Константиновна рассказала, как однажды в 1902 году они зашли в ресторан «Hof Breu («Хоф брей»). На стенах, на пивных кружках — везде стояли буквы «Н. В.», которые она, смеясь, расшифровала «Народная воля».

Весь вечер просидели в этой «Народной воле». В разговорах, шутках незаметно пролетело время.

Владимир Ильич вспомнил и о книге Бориса Николаевича о дифференциации русского крестьянства.

— Я дважды вам писал,— сказал Владимир Ильич.

— Но я получил только второе письмо, куда же могло задеваться первое?

— Это все невинные шуточки русской полиции,— усмехнулся Владимир Ильич.

— Когда-нибудь историки отыщут его в архивах охранного отделения,— рассмеялся Борис.

— Да, там много чего можно будет найти и помимо этого письма,— задумчиво произнес Владимир Ильич,— но, однако, ближе к делу,— повернулся он к собеседнику. Я с большим удовольствием прочел вашу книгу,— сказал Владимир Ильич Борису,— и очень рад, что вы взялись за серьезную тему. Но, батенька, в работе есть неудачные места, неправильные подходы.

Разговор пошел о меньшевике Маслове, типах крестьянских хозяйств, статистике. Только теперь Борис по-новому взглянул на свою первую работу. А ведь, чего греха таить, считал ее до этого образцовой.

Владимир Ильич поискал в карманах почтовую карточку с четким планом города Берна.

— Я купил эту открытку специально для Лидии Михайловны, вашей тетушки,— сказал он Борису Книповичу,— последние вести о ее здоровье весьма и весьма прескверные. Нужно заставить Лидию Михайловну оперироваться, и только у Кохера. Надюша, дай мне, пожалуйста, адресную книжку,— попросил он.

Надежда Константиновна передала ему небольшую записную книжку в дерматиновом переплете. Первым делом Владимир Ильич на открытке надписал адрес: «Симферополь, улица Жуковского, 33, Ли-

дии Михайловне Книпович». Возвратил записную книжку Надежде Константиновне.

— Вы побеседуйте еще, а я вот ей сейчас черкну пару слов. Думаю, что подействует. До сих пор она ко мне прислушивалась,— улыбнулся Владимир Ильич и, усевшись поудобнее, принялся писать.

На следующий день, 6 августа 1913 года, Владимир Ильич и Надежда Константиновна были уже в Поронино, а спустя несколько дней в Симферополе Книпович с волнением читала строки, написанные родным знакомым почерком.

«Дорогая Лидия Михайловна!

Посылаю Вам купленную мною для Вас открытку с планом Берна и с отметкой необходимых адресов.

Усиленно советую ехать в Берн: лечиться надо, *и только Кохер* вылечить может. Я наводил справки всех видов, справлялся в медицинской литературе (толстая книга сына, Альберта Кохера, о базедовой болезни), советовался с врачами в Берне и говорю по опыту.

Пишите в сентябре письмо проф. Кохеру с просьбой назначить точное время для приема (и с указанием, что располагаете *лишь* такой-то суммой: иначе потом неприятная торговля с кулаческой Frau Professor). Он Вам ответит, назначит *срок* приема. Тогда поезжайте. Жить в Берне дешево. Мы дадим письма к Шкловскому и Шендерович: они помогут. Через несколько месяцев из инвалида станете человеком.

Жму руку и до скорого свидания. Ваш *В. И.*».

Долго сидела Лидия Михайловна с открыткой в руках. Ее тронула забота Ильича. Стала было собираться в дальнюю дорогу, но затем эту мысль пришлось оставить. Болезнь приняла острые формы, и ехать далеко стало невозможно. Лидия Михайловна решила пожить в Крыму годик, подлечиться. Тем более что вместе с ней теперь поселилась Анна Михайловна Рунина с сыном. Здоровье между тем ни через год, ни в последующие годы у Книпович не улучшилось, и она надолго застряла в Крыму. Насколько позволяли силы, старалась придерживаться привычного режима. Вставала очень рано, тихо одевалась и спускалась вниз. Лидия Михайловна любила прогулки в эти ранние часы,

Дом, в котором жила Книпович, был расположен на окраине города, поэтому чаще всего она уходила бродить по окрестностям. С гор тянуло утренней свежестью. Выросшая на севере, она каждый раз любовалась сиреневой в эти ранние часы громадой горы Чатыр-Даг. Казалось, время не властно над каменным исполином, четким силуэтом возвышавшимся над цепью гор. Любила приходить сюда и в вечерние сумерки, когда горный массив становился темно-лиловым. Далеко она не уходила, и когда возвращалась домой, то успевала приготовить завтрак. Каждый день работать — стало девизом. Николай прислал ей из Петербурга пачку книг шведских и финских авторов, и она усиленно переводила их на русский язык. Написала Лидия Михайловна и несколько рассказов, которые посылала в толстые журналы. А однажды за ужином очень удивила Анну.

— А не попробовать ли мне начать работу в вечерней школе со взрослыми?— обронила она безразличным тоном, передавая Лодику печенье.

Стараясь не выдать своего удивления, Анна Михайловна сурово ответила:

— Тебе, Лида, не о вечерней школе, а о здоровье думать надо, поехала бы куда-нибудь отдохнуть.

Лидия Михайловна промолчала и больше о работе не заговаривала. Ее мучала одышка, все возрастающая слабость, а главное, глухота. Да и климат Симферополя не совсем подходил. Только теплой устойчивой осенью чувствовала себя лучше, но сухое жаркое лето совершенно изнуряло ее. Страдала и от перемены погоды в течение дня. Родственники старались, чтобы летом Лидия Михайловна уезжала из Симферополя. Так, летом 1915 года она гостила в Курской губернии у сестры Зинаиды, а в 1916-м — на даче брата Николая под Лугой.

По-прежнему она поддерживает тесную связь с Ульяновыми. В феврале 1915 года Мария Александровна Ульянова сообщала из Петербурга в Берн Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне: «Виделись мы несколько раз с Лидией Михайловной. Она отправилась в Крым лечиться, чувствовала себя плохо». Когда по каким-либо причинам прерывалась связь между Лениным, Крупской и Книпович, они просили обычно Марию Ильиничну узнать о здоровье Лидии Михайловны.

В декабре 1915 года Крупская спрашивает в письме М. И. Ульянову: «Не знаешь ли, что с Лидей? Я с лета не имею от нее вестей. Здорова ли? как живет?».

В 1916 году она опять с тревогой пишет Марии Ильиничне: «Не знаешь ли чего о Лиде, я с лета не имею от нее вестей, хотя писала ей». А в ноябре того же года Владимир Ильич ответил Марии Ильиничне: «Надя шлет приветы и благодарит за вести про Лидию».

— Анна Михайловна,— Лидия Михайловна, когда сердилась, всегда обращалась к ней по имени и отчеству и на «Вы»,— я удивляюсь вам, как можно сейчас сидеть дома. Пора конспиративных квартир прошла, теперь революция делается на улицах, а если вас уже не тянет к массам, то меня прошу не удерживать. И, видя, что Анна Михайловна берется за шляпу, она резко бросила:

— А в провожатых я не нуждаюсь.

Лидия Михайловна почти бежала по улицам, обгоняя прохожих. «Как она может быть равнодушной к происходящему, где ее прежние идеалы. Работать столько лет в партии, стремиться к революции и оставаться спокойной, когда она совершается»,— думала она.

Впереди беспорядочно двигалась толпа, мелькали темные матросские бушлаты. Делегацию моряков ЦК партии прислал в помощь большевикам Крыма. В Смольном специально готовили их к этой поездке.

Лидия Михайловна с трудом пробилась к матросам и на бескозырке одного из них прочитала «Балтийский флот». В руках у него была кипа листовок и брошюр, и он, как и его товарищи, раздавал их окружающим. Книпович тоже взяла листовку. Она настойчиво потянула матроса за рукав.

— Вам чего? — обернулся он.

— Громче, пожалуйста. Хочу поговорить с вами,— не отпуская матроса, быстро сказала она,— я хочу узнать о Ленине.

Матрос молча передал товарищу листовки и, легко раздвигая толпу, осторожно отвел Лидию Михайловну в сторону.

— Вы знаете Ленина? — громко спросил он.

— Уже двадцать три года.

— Здо́рово, это больше, чем мне лет,— восхитился матрос.

— Да, я столько же лет в партии, сколько знаю Ильича,— ответила Лидия Михайловна.

— Вы давно не видели Ленина?

— Ровно десять лет, когда он уезжал в эмиграцию.

— А я встречал Владимира Ильича, когда он возвращался из-за границы, и слушал его речь с броневика и с балкона дворца Кшесинской.

Книпович с увлечением выслушала рассказ балтийского моряка о встрече Владимира Ильича на Финляндском вокзале. Ее интересовала каждая мелочь. Матрос толково отвечал на ее вопросы и диву давался, как хорошо его собеседница разбирается в событиях.

После этой встречи Книпович окончательно решила ехать в революционный Петроград. В конце июня 1917 года, едва почувствовав себя лучше, она отправилась в далекое путешествие.

Петроград ошеломил Лидию Михайловну необычайным размахом событий, широтой участия масс в революции. Как была с саквояжем, так и шагнула с тротуара в бесконечные манифестации, наводнившие Лиговку. Ее подхватил людской водоворот.

— Мамаша, идите к нам,—скорее догадалась, чем услышала Лидия Михайловна и, поймав протянутую ей руку, очутилась в ряду молодых работниц. Увлекаемая вперед, она огляделась — ее окружали сосредоточенные лица рабочих, работниц, солдат и матросов. Над толпой тут и там полоскались, качаясь в такт шагам, лозунги «Вся власть Советам!».

Девушка рассказала ей, что сегодня слышала выступление Ленина у дворца Кшесинской. Он сказал, что лозунг «Вся власть Советам!» победит, только просил соблюдать порядок.

— А по-моему, так гнать их надо, временных, прошло их время,— громко сказала работница.

Колонны шли спокойно, но общее чувство какой-то неясной тревоги и напряженности передавалось и Лидии Михайловне. Когда толпа демонстрантов заполнила Сенную площадь, она не расслышала выстрелов, раздавшихся откуда-то из-за церкви, но

вдруг увидела, как заметались люди и бросились врассыпную. Но вновь раздался залп. Скоро на обширной площади остались только неподвижные тела убитых. Была ранена в плечо соседка Лидии Михайловны. Она подхватила молодую девушку, вывела ее на Садовую и в парадном какого-то дома ловко перевязала рану платком. О том, чтобы добраться на Стеклянную улицу за Невской заставой, где жила Маруся (так звали новую знакомую), нечего было и думать. Лидия Михайловна повела ее на Гатчинскую, на квартиру брата. Его семья находилась на даче, а ключ от квартиры постоянно был у Лидии Михайловны. Она порылась в саквояже, достала одно из платьев, дала переодеться Марусе.

Хотя это было и опасно, Лидия Михайловна целые дни проводила на улицах. Расстрел июльской демонстрации, разгром редакции «Правды», убийство рабочего Воинова, черносотенная клевета на Ленина... Книпович понимала, что происходит крутой поворот в ходе революции. Найти Ильича в этих условиях она и не пыталась, он, конечно, был надежно укрыт. А Надю она разыскивает уже несколько дней. Взглядом опытного конспиратора она сразу увидела, что дом на Широкой, где жили Ульяновы и Елизаровы, весь окружен шпиками. Лишь на третий день, случайно встретив Марка Тимофеевича, она долго шла за ним и, лишь убедившись, что никакой слежки нет, подошла поближе.

— Лидия Михайловна, какими судьбами?

— Приехала вот, не усидела,— развела она руками и тихо добавила:— Мне Надю нужно повидать.

— Трудно это, очень трудно,— задумался Елизаров,— вы где остановились, у Николая Михайловича? Знаете что, будьте вечерами дома. Она обязательно зайдет к вам,— и, попрощавшись, быстро ушел.

Крупская пришла только на третий день. Было уже очень поздно.

«Да, Кру́па, крепко, видно, тебе досталось в эти дни»,— подумала Лидия Михайловна, взглянув на подругу.

Они стояли в прихожей и внимательно разглядывали друг друга. Десять лет разлуки наложили свой

отпечаток на обеих, но у Надежды Константиновны тоской сжалось сердце при взгляде на Лидию Михайловну — так плохо та выглядела. Прошли в комнату и, не зажигая огня, сели рядом на диван. Еще не были сказаны слова приветствия, а у Книпович вырвалось:

— Наденька, что с Владимиром Ильичем?

— В полнейшей безопасности,— прошептала Надежда Константиновна.— Знаешь, Лидия, Володя все строил планы поселить нас с нашими базедками на какой-нибудь горе в Крыму.

— Ведь не приедешь, Кру́па, теперь такой разворот, что тебе, ей-богу, не до гор.

— А он и не говорит, что сейчас — после революции.

— Да, теперь уже революция не за горами,— уверенно произнесла Лидия Михайловна. И она поделилась своими наблюдениями, мыслями о том, как бы нужно дальше двигать революцию.

«Всего пару дней в Петрограде, а разобралась в обстановке получше многих руководителей, бывших в самой гуще событий». Крупская восхищенно посмотрела на Лидию и сказала:

— Володя тоже так считает.

Книпович не смогла скрыть удовольствия.

— Тебе лучше в Крыму?

— Нет, Кру́па, Крым не помогает.

— Тогда останься в Питере, поживешь возле своих, полечишься, а там и делом займешься.

Крупская внимательно посмотрела на Лидию Михайловну.

— Нет, Надя,— решительно сказала она,— не останусь. Походила по митингам, ничего не ухватила. Тебя, близких мне людей понимаю, а что говорят другие — бог ведает. Была я у профессора-ушника, говорит, лучше не будет,— сокрушенно добавила Лидия Михайловна.— Нет, Надя, решила окончательно — вернусь в Крым. Жить здесь в круговерти и быть камнем, который обтекает революционный поток, я не могу.

Крупская промолчала. Посмотрела на Лидию. «Если бы все большевики были такими, как Дяденька,— с гордостью подумала она,— говорят, у человека до конца жизни не меняется профиль, а у таких, как Лидия, и убеждения».

— Ты когда увидишь Старика? — прервала долгое молчание Книпович.

— Очень хочется повидать его, но скоро ли удастся, не знаю.

— Увидишь, скажи самое главное — чтобы берег себя. Он сейчас нужен всем, как никогда.

— Я ему все, все передам.

О чем только не переговорили они в ту июльскую ночь семнадцатого года — перебрали прошедшую четверть века и в мечтах заглянули далеко, далеко вперед.

Это была их последняя встреча.

В ожесточенной классовой борьбе прокладывала себе путь в Крыму молодая Советская власть.

Волны интервенции и гражданской войны выплескивали на крымские берега то немцев с их марионеткой Сулькевичем, то англичан и французов, то деникинские полчища. Крым стал последним прибежищем Врангеля. «Черный барон» пытался создать видимость устойчивости своего положения. Он демонстративно восстановил царские законы, учредил военно-полевые суды и контрразведку, в застенках которой зверски пытали всех, кто хоть сколько-нибудь сочувствовал Советской власти.

С огромной радостью встретила Лидия Михайловна известие о победе социалистической революции. Она гордилась своей родной партией, рабочим классом, старыми товарищами. Если при ней осуждали революцию за красный террор, глаза ее загорались.

— А что творят белогвардейцы хотя бы у нас в Симферополе? — И, взмахивая рукой, будто отрубая каждое слово, она чеканила:

— Сейчас вопрос поставлен так: или нам быть, или нас будут бить!

В первых числах апреля 1919 года волнующая весть разнеслась по Симферополю — части Красной Армии начали освобождение Крыма. А 11 апреля гром двух духовых оркестров позвал всех на улицы.

В широком людском потоке встречавших первый красноармейский отряд была и Книпович. Ее переполняла радость свободы, радость общей победы.

А 14 мая 1919 года на Жуковского, 33, пришел средних лет мужчина. Его Лидия Михайловна узнала с первого взгляда.

— Здравствуйте, Юноша, здравствуйте, Андрей.

— Здравствуйте, Дяденька, здравствуйте, дорогая Лидия Михайловна,— взволнованно ответил гость.— Только теперь я уже не Юноша, не Андрей, не Андреевский, не Герц, а просто Дмитрий Ильич Ульянов, ваш покорный слуга и теперь лицо сугубо официальное — заместитель предсовнаркома Крыма,— поклонился он и бережно обнял Лидию Михайловну.

— Лидия Михайловна,— сказал он,— ведь мы с вами знаем, что не было бы свободных граждан Советской республики — Дмитрия Ульянова и Лидии Книпович, не будь Дяденьки, не будь Андрея и многих, многих других наших товарищей. Ну, принимайте гостя.

В комнатах в этот майский вечер было душно, и хозяйка провела Ульянова на балкон.

— Мне сейчас очень трудно разобраться в своих чувствах — чему я больше рада: то ли тому, что не нужно больше конспирировать, то ли встрече с вами, то ли тому, что мои товарищи стали управлять государством.— Помолчав, она сказала: — Пожалуй, всему этому вместе.

— Заниматься легальной деятельностью на виду у масс, пожалуй, труднее, чем раньше, когда мы с вами на II съезде создавали партию,— произнес гость,— но прошлый опыт очень помогает.

Лидия Михайловна пытливо посмотрела на собеседника:

— Я, Дмитрий Ильич, часто думаю, смогла бы и я вот так, как вы? — и, помолчав, убежденно ответила на свой вопрос: — Думаю, что смогла бы. С какой радостью я пошла бы создавать новую, нашу советскую школу! Какое это было бы счастье — самим себе готовить смену!

Ульянов направил разговор в волнующее русло воспоминаний. Многое, очень многое связывало собеседников. Оба они после II съезда партии Владимиром Ильичем были направлены в Киев в Бюро ЦК РСДРП.

— Жандармы думали, что в Киеве будет III съезд,— вспоминал Дмитрий Ильич,— и были разо-

чарованы результатами своей грандиозной операции. Они искали Володю и, конечно, не нашли. Да, нас, арестованных, им было мало.

— Да, я хорошо помню это время.

— Наши просили меня навестить вас, но мне самому приходилось скрываться в Евпатории, и только сейчас это стало возможно. Я ведь врач, Лидия Михайловна,— вдруг сказал он,— и прошу разрешить мне выслушать вас.

— Стоит ли?

— Очень даже стоит. Это я делаю не только по собственному побуждению, но и по настоянию Володи и Надежды Константиновны. А ослушаться я не могу, попробуй не выполни распоряжения Председателя Совнаркома,— засмеялся он,— пожалуй, и мне, и вам попадет. У меня с собой все необходимое есть.

Чем дольше выслушивал Дмитрий Ильич Лидию Михайловну, тем больше хмурился.

— Не скрою, лечиться вам нужно немедля и очень серьезно,— сказал он, снимая халат.

— Не время сейчас этим заниматься.

— Да, время трудное. Я в Крыму уже восемь лет и вижу огромные неиспользованные лечебные ресурсы. А сейчас санаторные возможности вообще плачевны. Все разгромлено, расхищено. Но поверьте, Лидия Михайловна, мы обязательно устроим здесь настоящую пролетарскую здравницу для всей Советской России.

— Вот видите, Дмитрий Ильич, сейчас не до лечения.

— Нет, нет, дорогая Лидия Михайловна, и не думайте возражать. Я все обдумал. Недавно я написал Маняше письмо, в котором настоятельно просил Володю приехать полечить руку, отдохнуть. Он ведь никогда не был на Черном море. Искупается, окрепнет. Вот в Евпатории в лучшем санатории мы и приготовим ему и вам помещение. Он хоть две-три недели отдохнет, а вас не выпустим, пока не вылечим. А потом сдадим под начало Надежды Константиновны. А насчет лечения, то я думаю, компания будет подходящая,— засмеялся Дмитрий Ильич.— Ведь Володя вас слушается. Мария Александровна все рассказывала, как вы его поставили на ноги в 1907 году на даче в Финляндии. Только вы вот, Ли-

дия Михайловна, не послушались Володю и не поехали в Берн к Кохеру оперироваться, а напрасно. Ну да ничего, справимся не хуже швейцарского профессора, да и Евпатория ближе Берна. Ну как, согласны?

Лидия Михайловна радостно улыбнулась:

— Согласна, Юноша, согласна. По работе руки чешутся.

Ей очень не хотелось отпускать дорогого гостя, но он торопился домой.

— Я приглашаю вас, Лидия Михайловна, на торжественное совещание, которое состоится завтра. Мне выступать, а я совсем еще не готов. Нужно план урока написать,— пошутил Дмитрий Ильич.— Вот вам пригласительный билет.

Городской театр был переполнен. Кумачом горели лозунги: «С Интернационалом воспрянет род людской!» и «Да здравствует III Интернационал!» Гремел духовой оркестр.

Лидия Михайловна постаралась устроиться поближе к трибуне. Ей понятна и близка была радость собравшихся на торжественное совещание, посвященное началу деятельности Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Появился на трибуне и Дмитрий Ильич. Его слушали с особым вниманием. Он говорил о больших и многообразных задачах Совета. Нужно было и строить, и проводить культурную работу, и отстаивать молодую Советскую власть в решительной борьбе с врагами.

«Как он хорошо говорит»,— с гордостью подумала Лидия Михайловна. Она видела, с каким напряженным вниманием слушали Ульянова, как горячо аплодировали.

— Ленина брат говорит,— наклонился к Лидии Михайловне матрос, сидевший в соседнем кресле.

24 июня 1919 года опять и надолго Симферополь захватили белогвардейцы. Не знала Книпович, что 8 июля 1919 года, добравшись до Москвы, Дмитрий Ильич сразу же поехал в Кремль. Целых шестнадцать лет не виделся Владимир Ильич с братом. Дмитрий Ильич рассказал и о встречах с Дяденькой.

— Чем ей можно помочь? — озабоченно спросил Владимир Ильич.

— Скорейшим освобождением Крыма.

А в Крыму между тем наступили тяжелые времена. В один из таких тревожных июньских дней Анна Михайловна пришла домой не одна.

— Лидя, смотри, какого гостя я привела,— таинственно сказала Анна Михайловна, пропуская в комнату коренастого мужчину.

Он сделал шаг и выжидательно остановился. Лидия Михайловна пристально вгляделась в незнакомца, а потом с недоумением посмотрела на улыбающуюся Анну Михайловну.

— Дорогая Дяденька,— низким басом прогудел гость,— разве вы забыли дачу на Лахте? А Одессу?

— Вот это конспиратор,— восхищалась Книпович, крепко пожимая руку гостю.— Дорогой вы мой, Александр Сидорович, даже меня, стреляного воробья, провели, где уж там деникинской контрразведке узнать вас.

За чаем Александр Сидорович Шаповалов и Лидия Михайловна оживленно вспоминали о совместной работе в народовольческой Лахтинской подпольной типографии, в «Союзе борьбы», в Одессе в 1905 году, где их сводили извилистые жизненные дороги профессиональных революционеров.

Лидия Михайловна помогла старому товарищу выбраться из Симферополя незаметно от деникинской охранки. Провожая его, сказала:

— Как жаль, что я больна и не могу сейчас быть полезной революции. А то я эвакуировалась бы с Красной Армией. Но я уверена, что скоро сюда придут большевики, что обязательно победят они белых. Мы увидимся еще, дорогой Александр Сидорович, но при лучших временах. Вот тогда я вылечусь и вместе со всеми опять буду дело делать.

Встречи с Дмитрием Ильичом и Шаповаловым придали бодрости Дяденьке. В мрачном деникинском Симферополе она ищет и находит стойких партийных товарищей. Особенно часто встречается она в эти дни с питерским рабочим, старым большевиком Сергеем Яковлевичем Аллилуевым. Летом 1919 года он был назначен членом особой комиссии по обследованию Криворожского железорудного района. Во время летнего наступления, заболев сыпным тифом, попал в плен к белым. После выздоровления решил уйти из мест, где его знали, и в сентябре благополуч-

но перебрался в Симферополь. Всю осень и зиму Аллилуев навещал Лидию Михайловну. Часто вспоминали о Владимире Ильиче, перебрали все эпизоды, связанные с ним. Аллилуев рассказал об июльских днях 1917 года, когда Владимир Ильич три дня скрывался в его петроградской квартире на 10-й Рождественской улице. Узнав, что в июле там состоялось совещание, обсуждавшее, должен ли являться Ленин на суд контрреволюции, она возмутилась:

— И что за ненужная щепетильность со стороны Ильича. Я была в те дни в Петрограде и видела, что́ контрреволюционеры делали с народом, и, если бы меня Ильич тогда спросил, я бы ему ответила, что само обсуждение этого вопроса — излишняя роскошь.— Она несколько раз заставила Сергея Яковлевича пересказать с мельчайшими подробностями о жизнерадостности, энергии, воле к победе, которые Ильич проявлял в то трудное время, когда некоторые попросту теряли голову.

— Он успокаивал растерявшихся, очень много работал и убежденно говорил: «Впереди победа за нами. Мы победим, мы не можем не победить!» — вспоминал Аллилуев слова Владимира Ильича.

«Он, как всегда, прав,— подумала Лидия Михайловна,— Ильичу было труднее, чем мне, и он не спасовал, твердо верил в победу и победил»,— а вслух сказала:

— Спасибо, Сергей Яковлевич, за привет от Ильича. Теперь я должна обязательно встать на ноги.

В библиотеку «Освага», как называлось белогвардейское осведомительное агентство, в облаках пара вошла скромно одетая пожилая женщина.

— Вы, мадам, наверное, не туда попали,— встретил ее библиотекарь.

Посетительница сняла платок и выпрямилась.

— Нет, сударь, я пришла именно сюда,— сказала она оторопевшему библиотекарю,— прошу подать мне книги, наши и заграничные газеты,— подчеркнула она и небрежно подала ему свой паспорт.

Прочитав: «Дочь действительного статского советника Лидия Михайловна Книпович...», библиотекарь молча встал и поклонился. Через минуту она

перелистывала белогвардейские, английские и французские газеты.

Несмотря на сильную одышку и холода зимой 1919/20 года, она часто ходила в эту библиотеку, где из газетных сообщений старалась представить себе положение на фронтах.

Когда Книпович узнала, что войска Деникина сброшены в Черное море, она стала ждать скорого прихода Красной Армии и очищения Крыма от врангелевских банд.

Лидия Михайловна старалась искать и другие, более достоверные источники информации.

Весь город говорил с восхищением о дерзкой операции молодых подпольщиков, отпечатавших прокламацию об успехах Красной Армии по разгрому армии Деникина. Среди бела дня группа гуляющей молодежи подошла к частной типографии «Рекорд» и спокойно вошла в нее, оставив на дверях объявление: «По случаю смерти отца владельца типография закрыта». Хозяина связали, а рабочие помогли отпечатать листовку, разоблачающую наглое вранье белогвардейского «Освага». Лидия Михайловна, узнав подробности, радостно воскликнула:

— Молодцы какие! Ну как не победить с такой молодежью!

Осенью 1919 года Лидия Михайловна стала прихварывать особенно часто. Слабость усилилась настолько, что она засыпала, сидя за столом. В январе 1920 года она простудилась, спускаясь со второго этажа за дровами в подвал. Слегла с воспалением легких. Врач Салтыковский, навещавший больную, нашел состояние ее очень тяжелым. Еще в Петербурге Лидию Михайловну осматривал доктор Вигдорчик — делегат I съезда РСДРП — и предупредил родных, что одного легкого у нее почти вовсе не стало. Болезнь обострилась в связи с плохим питанием, холодом в квартире, отсутствием лекарств. Стояла в тот год необычайно суровая зима, морозы доходили до 20 градусов, а в квартире, не приспособленной к такому холоду, температура опускалась до 4—5 градусов. Уголь не достать во врангелевском Симферополе. Подвоз продуктов в город прекратился и их можно было купить по баснословным

ценам только у спекулянтов. А откуда взять деньги? Пенсию Книпович перестала получать еще в 1917 году. Анна Михайловна не имела постоянного заработка. Да Лидия Михайловна ни от кого и не хотела помощи, кроме близких друзей-большевиков, которые, хотя и сами в голодном Крыму переживали страшные лишения, всячески старались помочь тяжелобольной.

До конца жизни Лидия Михайловна не теряла связи с рабочими организациями. Рабочие Симферополя знали и уважали ее. Во время болезни дежурили у ее постели.

И в этот тяжелый период жизни Лидия Михайловна всегда интересовалась тем, что «станут делать большевики, что говорит Ильич?» Она вспоминала и ждала Надюшу. Ей казалось, что с приходом большевиков в Симферополь она обязательно выздоровеет.

Но Лидия Михайловна так и не дождалась освобождения города Красной Армией.

11 февраля 1920 года ее не стало.

Даже белогвардейская оккупация не помешала рабочим Симферополя отдать последний долг одному из ветеранов ленинской партии. Профсоюз металлистов Симферополя выделил на организацию похорон 10 тысяч рублей. Выпустили специальную листовку памяти Книпович и приглашали рабочих прийти на ее похороны. К могиле Книпович отдать ей последний долг собрались представители рабочих организаций, близкие друзья Лидии Михайловны.

Ласковое солнце на миг осветило группу людей, печально застывших вокруг гроба.

— Товарищи,— негромко произнес Сергей Яковлевич Аллилуев,— в трудное время мы хороним Лидию Михайловну Книпович. Мало еще кто знает о ее героической работе в партии. Но пройдет время, и имя Книпович, друга и соратника Ленина, будут знать все, и могила Дяденьки станет священной для пролетариев.

Он нагнулся и бросил мерзлый ком земли, глухо стукнувший по крышке гроба. Над кладбищем негромко, но слитно звучали слова: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Это была любимая песня Дяденьки.

ЖИВЫЕ НИТИ ПАМЯТИ

«Ей не приходилось выступать на больших собраниях, и ее мало знают широкие массы, но старые революционеры ее знают хорошо,— говорила Надежда Константиновна,— вот почему светлеют лица старых большевиков при упоминании о Дяденьке».

Немногочисленные, но яркие строки воспоминаний соратников по партии подтверждают эти слова. «Чем-то необыкновенно искренним, честным и стойким веяло от всего ее существа»,— писал Александр Сидорович Шаповалов.

В одном из писем к Н. К. Крупской в 1926 году Иван Радченко, знавший Лидию Книпович еще с 90-х годов, так отозвался о ней: «Про такого насквозь хорошего человека многого не скажешь. Память о ней не омрачена ни одной очерняющей чертой. Эту сильную, светлую личность необходимо всесторонне освещать перед молодыми партийными товарищами».

11 августа 1928 года в Лобне под Москвой состоялся торжественный пуск первого в СССР полностью механизированного кирпичного завода.

«Три минуты назад тов. Крупская перерезала алую ленту, сковывающую сердце нового завода — машинное отделение,— писалось об этом событии в журнале «Делегатка».— Там, где два года назад был многолетний лес, сейчас — Первый государственный имени тов. Л. М. Книпович механизированный кирпичный завод».

В этот день «Рабочая Москва» поместила биографию Л. М. Книпович, специально написанную Крупской для газеты.

«Пройдет еще немного времени,— говорила Надежда Константиновна на открытии завода,— и в нашей стране будет столько заводов, столько школ и больниц, сколько нужно, чтобы построить социализм».

И сегодня живые нити памяти возвращают нас за Невскую заставу, к бывшей улице Смоляной, где на домах появились таблички с новым названием: «Улица Лидии Книпович».

Среди сотен ленинских адресов в городе на Неве, на Карельском перешейке увековечены памятными знаками и места революционной деятельности Книпович.

Крым. Декабрьским днем 1977 года жители Симферополя пришли к дому 33 на улице Жуковского. Короткий митинг. Спадает покрывало. На черном камне высечены портрет Лидии Михайловны Книпович и слова, что она жила в этом доме с 1913 по 1920 год.

Память о Дяденьке, о таких, как она, соратниках В. И. Ленина останется в веках. Их жизнь вся целиком, до последнего дыхания отдана делу рабочего класса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Семен Абрамович Рубанов,
Григорий Самойлович Усыскин

ПОД ПСЕВДОНИМОМ ДЯДЕНЬКА.
Документальная повесть
о Лидии Книпович.

Редактор *Г. П. Шкаренкова*
Младший редактор *Н. И. Коршикова*
Художник *О. Н. Зайцева*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *М. И. Токменина*

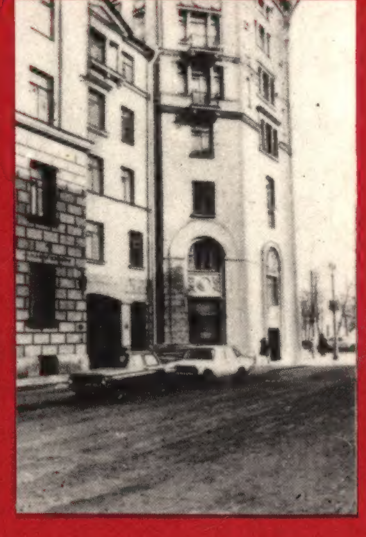
ИБ № 2501
Сдано в набор 30.09.80. Подписано в печать 31.12.80. А00242. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая. Условн. печ л. 19,01. Учетно-изд. л. 18,32. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 554. Цена 80 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

80 коп.

Гельсингфорс
второй половины XIX в.
Репродукция с открытки.

Петербург.
Колпинская ул., 3.
Дом, где жили Книповичи.
Мемориальная доска
с текстом о пребывании
на этой квартире В. И. Ленина.
Современный вид. Фото авторов.

Здание Смоленской
воскресной школы
в Петербурге
за Невской заставой.
Фотография 90-х гг.

Улица
Лидии Михайловны Книпович
за Невской заставой
в Ленинграде
(бывшая Смоляная).
Современный вид. Фото авторов.